ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2(8)
2018

ISSN2500-3372 (print)
ISSN 2542-1190 (online)

СЕРИЯ:
Политические, социологические и экономические науки

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2018 № 2(8)

Серия: Политические, социологические и экономические науки *Издается с 2016 года*

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Редакционная коллегия:
Антонов К. А., д-р социол. наук, НГТУ (Новосибирск, Россия).
Зеленин А. А., д-р полит. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Косинский П. Д., д-р экон. наук, профессор, КузГТУ (Кемерово, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, профессор Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).
Омеличкин О. В., д-р полит. наук, профессор КемГУ (Кемерово, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, профессор, Белгородский национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, профессор, ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск. Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, профессор, КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2018 no 2(8)

Series: Political, Sociological and Economic Sciences *Founded in 2016*

Founder: Kemerovo State University

Editor-in-Chief: *E. A. Morozova,* Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
K. A. Antonov, Dr. of Sociology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
A. A Zelenin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. Philosophy. Sciences, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
P. D. Kosinski, Dr. of Economics, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. V. Omelichkin, Dr. Political Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
G. S. Solodova, Dr. Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk. Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки
Научный журнал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-12-26
Факс: 8(3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, тел. 8(3842) 58-13-01

Сайт издания: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 94233

Объединенная редакционная коллегия:
Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences
Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77-67376

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-12-26
Fax: (3842) 58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Web-site: http://vestnik-pses.kemsu.ru

Subscription indices:
94233 – in the United catalogue "The Press of Russia"

United editorial board:
B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *O. O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the «Russian Science Citation Index».

Information for Authors published on the website Edition. Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

Статьи, опубликованные в данном номере журнала, представлены в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: «Моногорода». Конференция проводится при поддержке гранта РФФИ 18-010-20017 Г.

The current issue features research papers presented at the Applied Research Conference «Regional Development: Economy and Society. One-industry Cities» funded by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 18-010-20017 G.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Проблемные вопросы сохранения и развития моногородов и монопоселений
Демьяненко Л. И. *6*

Государственная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области»: необходимость, особенности и проблемы реализации
Жихрова О. А., Долбня Е. А. *11*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Трансформация системы аграрного образования как фактор устойчивого развития АПК Республики Крым
Анисимова Н. Ю. *18*

Проблемы территориальной концентрации населения и моногорода в северном регионе (на примере Республики Саха (Якутия))
Мостахова Т. С. *28*

Качество занятости выпускников на региональных рынках труда
Стукен Т. Ю. *33*

Актуальные проблемы моногорода Гуково Ростовской области: мнения жителей
Челпанова Д. Д., Гревцова Т. Е. *40*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Моногорода в структуре регионального кластера: условия взаимной подпитки положительными эффектами
Акинфеева Е. В., Ерзнкян Б. А. *45*

Методы оценки экономической привлекательности моногородов для населения
Аксянова А. В., Чехломин С. В. *52*

Влияние градообразующего предприятия на диверсификацию рынка труда моногорода
Бельчик Т. А., Якушина Т. А. *59*

Выбор приоритетов в области научных исследований и разработок в вузе
Бянкин А. С., Бурдакова Г. И. *66*

Проектирование территорий опережающего социально-экономического развития на основе институционально-синергетического подхода
Галиуллина Г. Ф. *73*

Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе: роль опорного университета
Жернов Е. Е. *85*

Первые территории опережающего социально-экономического развития в Челябинской области: опыт и перспективы
Колесник Е. А. *91*

Формирование системы обучения технологическому предпринимательству в опорном университете региона с преобладанием моногородов
Корчагина И. В. *99*

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Preservation and Development of Mono-Towns and Mono-Settlements
Demyanenko L. I. *9*

State Target Program "The Development of Small and Medium Business in the Kemerovo Region": Relevancy, Peculiar Features and Implementation Problems
Zhikhrova O. A., Dolbnya E. A. *16*

SOCIOLOGY SCIENCE

Transformation of Agricultural Education System as a Factor of Sustainable Development of the Agrarian and Industrial Complex in the Republic of Crimea
Anisimova N. Y. *26*

The Problem of Territorial Population Concentration and the One-Industry Towns in the Northern Region (the Republic of Sakha (Yakutia)
Mostakhova T. S. *31*

The Quality of Employment of Graduates on Regional Labour Markets
Stuken T. Y. *38*

Contemporary Problems of the Monotown of Gukovo in the Rostov Region: Opinions of Residents
Chelpanova D. D., Grevtsova T. E. *43*

ECONOMICS SCIENCE

Mono-Cities in the Structure of the Regional Cluster: Conditions of Mutual Support by Positive Effects
Akinfeeva E. V., Yerznkyan B. H. *50*

Methods for Assessing the Economic Attractiveness of Single-Industry Towns for Population
Aksianova A. V., Chekhlomin S. V. *57*

The Impact of City-Forming Enterprises on Diversification of the Labour Market in a Single-Industry Town
Belchik T. A., Yakushina T. A. *64*

Selection of Priorities for Scientific Research and Development at a Higher Education Institution
Byankin A. S., Burdakova G. I. *71*

Institutional-Synergetic Approach to the Planning of Territories of Advanced Social and Economic Development
Galiullina G. F. *83*

Formation of Knowledge Economy in a Resource-extracting Region: the Role of the Flagship University
Zhernov E. E. *89*

The First Territories of Priority Socio-Economic Development in the Chelyabinsk Region: Experience and Perspectives
Kolesnik E. A. *97*

Teaching Technological Entrepreneurship at the Flagship University of a Monotown-Dominated Region
Korchagina I. V. *104*

Функционирование территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах: проблемы и перспективы (на примере Республики Карелия)
Ларченко О. В. ***106***
Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа
Литвинцева Г. П., Лисицин А. Е. ***114***
Интеграция проектного управления в стратегию инвестиционной деятельности инновационного кластера (на примере «Иннокама»)
Майоров С. В. ***122***
Проектное финансирование как инструмент кредитования региональных проектов
Переверзева В. В. ***128***
Развитие ТОСЭР в границах старопромышленных моногородов
Ризов А. Д. ***133***
Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов
Севастьянова А. Е. ***139***
Инновационные предприятия – путь перехода моногородов к стабильной экономике (на примере производства медицинского оборудования)
Угольников В. В. ***146***
Комплексный подход к повышению эффективности использования человеческого капитала в регионе
Халиулина В. В., Шабашев В. А., Шабашева С. В. ***152***
Аутсорсинг в решении экономических и социальных проблем моногородов
Шадрин В. Г. ***157***
Диверсификация экономики малых моногородов: роль сетевых взаимодействий
Шерешева М. Ю. ***162***
Проекты развития как инструмент диверсификации экономики моногорода
Юрьева Т. В. ***172***
Advanced Development Zones in Single-Industry Urban Settlements: Problems and Prospects (the case of the Republic of Karelia)
Larchenko O. V. ***112***
Assessment of the Socio-Economic Potential of the Siberian Federal District' Regions
Litvintseva G. P., Lisitsin A. E. ***120***
Integration of Project Management into the Investment Strategy of an Innovative Cluster (the case of Innokam)
Mayorov S. V. ***126***
Project Financing as a Tool for Regional Project Lending
Pereverzeva V. V. ***131***
Development of the Priority Social and Economic Development Areas within the Boundaries of the Old Industrial Monocities
Rizov A. D. ***137***
Strategic Aspects of Diversification and Modernization in the Economy of Single-Industry Settlements
Sevastyanova A. Y. ***144***
Innovative Enterprises as a Way to Stable Economy in Single-Industry Towns (Medical Equipment Production Case Study)
Ugolnikov V. V. ***150***
Integrated Approach to Improving the Efficiency of the Use of Human Capital in the Region
Haliulina V. V., Shabashev V. A., Shabasheva S. V. ***156***
Outsourcing in Solving Economic and Social Problems of Single-Industry Towns
Shadrin V. G. ***160***
Diversification of Single-Industry Towns' Economy: the Role of Networking
Sheresheva M. Y. ***169***
Development Projects as a Tool for Diversifying the Economy of a Monotown
Yurieva T. V. ***175***

УДК 323.21:332.14+711.4

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ И МОНОПОСЕЛЕНИЙ

Любовь И. Демьяненко[1, @]

[1] *Московский государственный лингвистический университет, 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1*
[@] *1094145@rambler.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, монопоселения, монопрофильные образования, бюджетные средства, механизмы контроля.

Аннотация: Интеграция России в мировую экономику отрицательно сказалась на социально-экономическом положении моногородов и монопоселений. На поддержку моноструктур государство выделяет миллиардные средства, но уровень жизни населения последовательно ухудшается. Основная причина сложившейся ситуации – несовершенство механизмов государственной поддержки, ориентированной исключительно на создание инновационных производств. Правовые акты, регулирующие поддержку, формируются в спешке, не учитывают специфику региональной экономики и не содержат четких рекомендаций реализации инновационных проектов. Выделяемые субсидии предоставляются несвоевременно, что создает регионам трудности в реализации проектов и планировании собственных бюджетов. Механизм предоставления бюджетных средств через Фонд развития моногородов, не являющийся участником бюджетного процесса, вывел процесс расходования бюджетных средств за рамки правового поля, что исключает должный контроль за расходованием бюджетных средств. При этом градообразующие предприятия, являющиеся критерием определения монопрофильности образования, оказались лишенными какой-либо федеральной поддержки.

Для цитирования: Демьяненко Л. И. Проблемные вопросы сохранения и развития моногородов и монопоселений // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 6–10. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-6-10.

В условиях интеграции России в мировую экономику правовая база регионов оказалась неподготовленной к диверсификации экономики, и в особо сложном положении оказались моногорода и монопоселения [1; 2]. Моногорода, создававшиеся под плановую экономику, оказались серьезной проблемой во времена рыночной экономики. После событий в Пикалево, жители которого в связи с невыплатой заработной платы перекрыли федеральную трассу, монопрофильные образования оказались в центре внимания Президента РФ В. В. Путина, и Правительством РФ было принято решение об оказании моногородам и монопоселениям государственной поддержки [3].

В 2010–2011 гг. моногородам оказывалась государственная поддержка из федерального бюджета в рамках основных направлений антикризисных действий Правительства РФ. За этот период на поддержку моноструктур из федерального бюджета были выделены дотации и бюджетные кредиты в сумме 17,2 млрд рублей.

В 2012–2013 гг. Минэкономразвития разрабатывало программы реструктуризации моногородов и градообразующих предприятий, ориентированные на переселение жителей моногородов и монопоселений в мегаполисы. На разработку этих программ было израсходовано больше средств, чем на оказание поддержки переселяющимся, и в результате Программа не дала положительных результатов.

В 2014 г. Правительством РФ утвержден Перечень проблемных монопрофильных образований в количестве 319 с разграничением по трем категориям, а также разработана Приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов» [4]. Постановлением Правительства РФ от 11.11.2014 № 1186 [5] распределение субсидии поручено Внешэкономбанку, который учредил для этих целей «Фонд развития моногородов» (далее – Фонд). В 2014–2015 гг. Фонду перечислены бюджетные средства в сумме свыше 15 млрд рублей, однако поддержка моногородов и монопоселений по-прежнему оказывалась точечно и бесконтрольно.

В конце 2015 г. по инициативе Ассоциации градообразующих предприятий Общероссийский народный фронт проверил механизмы государственной поддержки и выявил серьезные упущения в правовом регулировании этого процесса. Результатом явилось Постановление Правительства РФ № 549 от 17.06.2016 [6], которым право на государственную поддержку предоставлено всем без исключения моногородам и монопоселениям России. (Ассоциация градообразующих предприятий создана в 2011 г. в рамках требований Президента России В. В. Путина об устранении социальной напряженности в моногородах и монопоселениях).

В ноябре 2016 г. Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвердил разработанный Правительством РФ «Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» [7]. В рамках этой Программы предусмотрено выделение ассигнований на 2017 г. и плановый период 2018–2019 гг. в общей сумме 15,9 млрд рублей.

В настоящее время Минэкономразвития разрабатывает комплекс мероприятий по реализации Постановления Правительства РФ «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных образований» [8], на реализацию ТОРов с перспективой развития в 70 лет предусматривается выделение бюджетных средств в миллиардном исчислении.

Государственная поддержка также оказывается отдельным субъектам промышленности монопрофильных образований в рамках Государственной Программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентноспособности» на 2013–2020 гг. [9]. Общий объем бюджетных средств, направленных на реализацию Программы, в составе которой 21 Подпрограмма, на 2015 год оценивался более чем в 275 млрд рублей.

Несмотря на принимаемые государством меры и миллиардные бюджетные расходы, положение в моногородах и монопоселениях не улучшается, поскольку:

• механизмы сохранения и развития моногородов ориентированы исключительно на создание инновационных производств (индустриальные парки, технопарки, ТОР и т. д.), результат от внедрения которых возможен лишь в перспективе. Например, срок реализации проекта по созданию свободной экономической зоны законодательно предусматривает 49 лет, а срок реализации Проекта по созданию территории опережающего развития – 70 лет;

• создаваемые в спешке нормативные правовые акты, регулирующие вопросы государственной поддержки новых инновационных структур, содержат противоречия, пробелы и другие коррупциогенные факторы, способствующие созданию административных барьеров;

• механизмы контроля за эффективным и рациональным использованием средств государственной поддержки Минэкономразвития не разработаны.

Выводы автора о бесконтрольном расходовании бюджетных средств основаны на анализе правовых актов, регулирующих вопросы государственной поддержки, и материалах Счетной палаты Российской Федерации (далее – Счетная палата), в которых подробно отражено несовершенство правовых механизмов государственной поддержки, пробелы в организации работы федеральных ведомств и отсутствие механизмов контроля за распределением бюджетных средств.

Из Сводного Отчета Счетной палаты [10] следует, что существующая система государственной поддержки моногородов характеризуется формализмом и отсутствием исполнительной дисциплины, отсутствием ответственности за принятые решения и их последствия. Ни одно федеральное ведомство не располагает объективными достоверными сведениями о состоянии монопоселений и уровне жизни их жителей.

Механизм предоставления бюджетных средств на реализацию мероприятий, направленных на диверсификацию экономики и создание рабочих мест в моногородах через Фонд развития моногородов, не являющийся участником бюджетного процесса, вывел за пределы бюджетного законодательства регулирование правоотношений, возникающих у этой организации при использовании полученных из федерального бюджета средств. Такой механизм не позволяет в полной мере обеспечить исполнение установленных Бюджетным кодексом РФ принципов эффективности использования бюджетных средств, адресности и целевого характера бюджетных средств, а также применение бюджетных мер принуждения за нарушение бюджетного законодательства.

Минэкономразвития не осуществляло должный контроль за использованием субсидий и полученных доходов от размещения временно свободных денежных средств. На момент проверки отчетность Фонда об использовании субсидий не была приведена в соответствие с правилами предоставления субсидий. В Минэкономразвития при обосновании бюджетных ассигнований отсутствовала информация о сметной стоимости инвестиционных проектов, о наличии проектной документации с положительным заключением государственной экспертизы, решениях о предоставлении земельных участков под строительство, об объемах финансового обеспечения проектов за счет средств региональных бюджетов. Согласно Счетной палате средства, выделенные Фонду из федерального бюджета в 2014–2015 гг., значительно превышали его потребности. Аудиторы отмечают, что по состоянию на 1 января 2017 года перечень инвестиционных проектов, которые запланированы осуществить в моногородах в 2015–2017 гг., так и не были утверждены.

Из Отчета Счетной палаты [11] также следует, что Фонд осуществляет расходы на обучение «команд, управляющих проектами развития моногородов». На 1 января 2017 года на обучение 93 проектных команд моногородов (484 человека) Фондом израсходовано 311,2 млн рублей. Стоимость обучения одного слушателя (200–250 часов) составляла в 2015–2016 гг. более 800,0 тыс. рублей Выборочный анализ деятельности обученных членов «команд» показал, что в дальнейшем большинство из них трудовую деятельность с работой в моногородах не связывали.

За счет субсидии осуществлялись расходы на содержание Фонда, которые за период 2015–2016 гг. составили 410,6 млн рублей, а среднемесячная заработная плата сотрудников Фонда – 279,6 тыс. рублей. Уровень заработной платы работников Фонда, выплачиваемой за счет средств федерального бюджета, со стороны Минэкономразвития не ограничивался.

Отсутствие должного механизма контроля за предоставлением бюджетных средств и за продвижением инвестиционных проектов создало предпосылки для коррупционного произвола чиновников. В 2017 г.

в ходе контрольных мероприятий Счетная палата выявила нарушений расходования бюджетных средств на сумму 1,9 трлн рублей (в 2016 г. – 965 млрд рублей).

Административные барьеры вызывают у инвесторов недоверие к органам власти, неуверенность в результате инвестиционной деятельности, что является причиной оттока иностранных инвестиций с российского рынка.

В сложившейся ситуации градообразующие предприятия, являющиеся единственным критерием определения монопрофильности города (поселения), продолжающие обеспечивать основную занятость местного населения и пополняющие бюджеты всех уровней налоговыми платежами, оказались лишенными государственной поддержки и даже налоговых льгот, предоставляемых ранее.

Федеральными органами исполнительной власти игнорируется то обстоятельство, что градообразующие предприятия (организации) создавались в целях освоения важных для экономики страны природных ресурсов и национального промысла, адаптации государства к основным экономическим, геополитическим, климатическим и географическим условиям. Для формирования моногородов основополагающими отраслями являлись добывающая, атомная и оборонная промышленности. Значительную часть моногородов составляют закрытые административно-территориальные образования, предприятия и научные центры которых продолжают обеспечивать обороноспособность страны.

Сохранение и развитие градообразующих предприятий России с учетом их отраслевых особенностей является одним из основных залогов укрепления территориальной целостности России, защиты ее природных богатств, сохранения стабильности в регионе, воспитания у жителей моногородов и монопоселений патриотизма и уважения к историческому наследию, доверия к органам государственной власти.

Между тем Минэкономразвития письмом от 16.08.2017 № ОГ-Д14-9476 разъяснило Ассоциации, что «государственная поддержка федерального уровня градообразующим предприятиям не предусмотрена, поскольку такая поддержка обеспечивается региональными и муниципальными органами власти».

Субъекты Российской Федерации в своих решениях зависимы от федеральных органов исполнительной власти, но многие признают необходимость и целесообразность поддержки градообразующих предприятий.

Мнение многих руководителей субъектов Российской Федерации приводится ниже. В эффективном функционировании градообразующих предприятий заинтересованы не только собственники и работники, но и муниципальные и региональные власти, так как от их деятельности в большей степени зависят условия развития социально-экономической сферы образования. Представляется возможным и необходимым рассматривать поддержку градообразующих предприятий даже в границах территорий опережающего социально-экономического развития как полноправных резидентов при проведении модернизации или перепрофилировании производства, поскольку это имеет ряд преимуществ, в числе которых:

• наличие действующей производственной площадки с функционирующей инфраструктурой;

• наличие подготовленного кадрового состава;

• короткие сроки освоения новых технологических операций при организации нового производства;

• минимизация потерь.

Развитие предпринимательской среды моногорода будет осуществляться более высокими темпами при наличии кооперационных связей малого и среднего бизнеса с градообразующим предприятием. При этом необходимо активизировать свою деятельность руководству субъектов РФ и местных органов власти, которые должны заботиться о создании инфраструктуры и подведении коммуникаций к объектам инновационного производства. В этом процессе отмечаются серьезные упущения. Так, «при обсуждении ситуации в рамках круглого стола о развитии моногородов Иркутской области представители МО региона заявили об отсутствии должной поддержки и взаимодействия между площадками и органами исполнительной власти региона [12].

В настоящее время Ассоциация проводит онлайн-опрос руководителей и собственников градообразующих предприятий и предлагает высказать мнение относительно перспективы сохранения и развития градообразующих предприятий, целесообразности постановки перед руководством страны вопроса о предоставлении государственной поддержки этим хозяйствующим субъектам.

Кроме того, представляется необходимым ходатайствовать перед Президентом РФ о принятии незамедлительных мер реагирования по выявляемым Счетной палатой фактам грубых нарушений бюджетного законодательства, совершенствовать правовые механизмы распределения бюджетных средств и установить действенный контроль за их расходованием.

Градообразующие предприятия имеют много общих проблем, но преодолевать в одиночку административные барьеры сложно. Объединение усилий предприятий в рамках Ассоциации позволило бы решить многие проблемы, поскольку руководство страны и правоохранительные органы более оперативно реагируют на коллективные заявления и предложения.

Литература

1. Боженко С. В. Мероприятия по развитию моногородов Российской Федерации: сравнительный анализ // Проблемы развития современной экономики. 2016. № 8. С. 71–75.

2. Афонин Ф. Способы совершенствования деятельности органов власти по развитию моногородов // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 4-2. С. 24–32.

3. О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 года № 1398-р. Режим доступа: Consultant.ru›document/cons_doc_LAW_172498/ (дата обращения: 20.02.2018).

4. О предоставлении из федерального бюджета в 2014–2017 годах субсидии некоммерческой организации «Фонд развития моногородов». Постановление Правительства РФ от 11.11.2014 № 1186. Режим доступа: http://base.garant.ru/70792048/ (дата обращения: 20.02.2018).

5. Дмитриева Е. О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Интернет-журнал Науковедение. 2017. Т. 9. № 1. С. 37.

6. О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета в 2014–2017 годах субсидии некоммерческой организации «Фонд развития моногородов». Постановление Правительства РФ от 17.06.2016 № 549. Режим доступа: http://base.garant.ru/71427720/ (дата обращения: 20.02.2018).

7. Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», утвержденный Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30.11.2016 (протокол № 11). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282731/ (дата обращения: 20.02.2018).

8. Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 № 614. Режим доступа: http://base.garant.ru/71107924/ (дата обращения: 20.02.2018).

9. Государственная Программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» на период 2013–2020 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 328 (в редакции от 31 марта 2017 г. № 382-13). Режим доступа: http://base.garant.ru/70643464/ (дата обращения: 20.02.2018).

10. Сводный Отчет Счетной палаты РФ «О результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности использования средств федерального бюджета, направленных в некоммерческую организацию «Фонд развития моногородов» в 2014–2016 годах» // Бюллетень Счетной палаты. 2017. № 3. С. 1–67. Режим доступа: ach.gov.ru›activities/bulleten/892/29844/ (дата обращения: 20.02.2018).

11. Отчет Счетной палаты РФ «О результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ результативности мер, принимаемых органами государственной власти по поддержке моногородов». Утвержден решением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 7 апреля 2017 года № 19К (1164) // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2017. № 8. С. 139–199. Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/901/31010/ (дата обращения: 20.02.2018).

12. Цыкунов Г. А. Моногорода Иркутской области: современное состояние // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 140–145. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).140-145.

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF MONO-TOWNS AND MONO-SETTLEMENTS

Lyubov I. Demyanenko[1, @]

[1] *Moscow State Linguistic University, buil. 1, 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034*
[@] *1094145@rambler.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: monotowns, single-industry settlements, budget funds, control mechanisms.

Abstract: Russia's integration into the world economy has had a negative impact on the socio-economic situation of single-industry towns and monopolies. The state allocates billions of dollars to support such monostructures, but the standard of living of the population is consistently deteriorating. The main reason for this situation is the current mechanisms of state support that are focused exclusively on the creation of innovative industries. Legal acts regulating innovation support are formed in a hurry, without taking into account the specifics of the regional economy; moreover, they lack clear recommendations for the implementation of innovative projects. Grants are not provided in time, which prevents regions from implementing projects and planning their own budgets. The mechanism of providing budget funds via the development Fund of single-industry towns, which is not a member of the budget process, places the process of spending budget funds outside the legal field, which excludes proper control over the expenditure of budget funds. In this situation the city-forming enterprises that define the main profile of education are deprived of any federal support.

For citation: Demyanenko L. I. Problemnye voprosy sokhraneniia i razvitiia monogorodov i monoposelenii [Preservation and Development of Mono-Towns and Mono-Settlements]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 6–10. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-6-10.

References

1. Bozhenko S. V. Meropriiatiia po razvitiiu monogorodov Rossiiskoi Federatsii: sravnitel'nyi analiz [Measures to develop single-industry cities of the Russian Federation: a comparative analysis]. *Problemy razvitiia sovremennoi ekonomiki = Problems of development of modern economy*, no. 8 (2016): 71–75.

2. Afonin F. Sposoby sovershenstvovaniia deiatel'nosti organov vlasti po razvitiiu monogorodov [Ways to improve the activities of government authorities to develop single-industry towns]. *Materialy Ivanovskikh chtenii = Materials of the Ivanovo readings*, no. 4-2 (2017): 24–32.

3. *O perechne monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the list of mono-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r. Available at: Consultant.ru›document/cons_doc_LAW_172498/ (accessed 20.02.2018).

4. *O predostavlenii iz federal'nogo biudzheta v 2014–2017 godakh subsidii nekommercheskoi organizatsii «Fond razvitiia monogorodov»* [On the granting of subsidies from the federal budget in 2014–2017 to the non-commercial organization "Mono-City Development Fund"]. Resolution of the Government of the Russian Federation of 11.11.2014 No. 1186. Available at: http://base.garant.ru/70792048/ (accessed 20.02.2018).

5. Dmitrieva E. O. Gosudarstvennaia podderzhka monogorodov RF v usloviiakh vosstanovleniia ekonomicheskogo rosta [State Support of Monocities of the Russian Federation in the Conditions of Restoring Economic Growth]. *Internet-zhurnal Naukovedenie = Internet Journal of Science*, 9, no. 1 (2017): 37.

6. *O vnesenii izmenenii v Pravila predostavleniia iz federal'nogo biudzheta v 2014–2017 godakh subsidii nekommercheskoi organizatsii «Fond razvitiia monogorodov»* [On Amendments to the Rules for Granting Subsidies to the Nonprofit Organization "Mono-City Development Fund" from the Federal Budget in 2014–2017]. Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.06.2016 No. 549. Available at: http://base.garant.ru/71427720/ (accessed 20.02.2018).

7. *Pasport prioritetnoi programmy «Kompleksnoe razvitie monogorodo», utverzhdennyi Prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiiu i prioritetnym proektam 30.11.2016 (protokol № 11)* [Passport of the priority program "Integrated development of mono-city", approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and Priority Projects on November 30, 2013 (Protocol No. 11)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282731/ (accessed 20.02.2018).

8. *Ob osobennostiakh sozdaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogorazvitiia na territoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [On the features of creating areas of priority socio-economic development in the territories of single-profile municipal entities of the Russian Federation (mono-cities)]. Decree of the Government of the Russian Federation of June 22, 2015 No. 614. Available at: http://base.garant.ru/71107924/ (accessed 20.02.2018).

9. *Gosudarstvennaia Programma Rossiiskoi Federatsii «Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti» na period 2013–2020 gody* [The State Program of the Russian Federation "Development of Industry and Enhancing Its Competitiveness" for the period 2013–2020]. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 328 (as amended on March 31, 2017 No. 382-13). Available at: http://base.garant.ru/70643464/ (accessed 20.02.2018).

10. Svodnyi Otchet Schetnoi palaty RF «O rezul'tatakh kontrol'nogo meropriiatiia «Proverka effektivnosti ispol'zovaniia sredstv federal'nogo biudzheta, napravlennykh v nekommercheskuiu organizatsiiu «Fond razvitiia monogorodov» v 2014–2016 godakh» [Consolidated Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation "On the Results of the Control Event "Testing the Efficiency of Using the Federal Budget Funds for a Nonprofit Organization "Monocities Development Fund" in 2014–2016"]. *Biulleten' Schetnoi palaty = Bulletin of the Accounting Chamber*, no. 3 (2017): 1–67. Available at: ach.gov.ru›activities/bulleten/892/29844/ (accessed 20.02.2018).

11. Otchet Schetnoi palaty RF «O rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriiatiia «Analiz rezul'tativnosti mer, prinimaemykh organami gosudarstvennoi vlasti po podderzhke monogorodov». Utverzhden resheniem Kollegii Schetnoi palaty Rossiiskoi Federatsii ot 7 aprelia 2017 goda № 19K (1164) [Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation "On the results of the expert and analytical event "Analysis of the effectiveness of measures taken by state authorities to support single-industry towns", approved by the decision of the Board of the Accounting Chamber of the Russian Federation of April 7, 2017 No. 19 (1164)]. *Biulleten' Schetnoi palaty = Bulletin of the Accounting Chamber*, no. 8 (2017): 139–199. Available at: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/901/31010/ (accessed 20.02.2018).

12. Tsykunov G. A. Monogoroda Irkutskoi oblasti: sovremennoe sostoianie [Monocities in the Irkutsk Region: Current State]. *Izvestiia Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 27, no. 2 (2017): 140–145. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).140-145.

УДК 323.21:338.001.36+35.078.51

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА «РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ»: НЕОБХОДИМОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

***Олеся А. Жихрова*[1, @1], *Елена А. Долбня*[1, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *zhixrova@yandex.ru*
[@2] *dolbnya.ea@rambler.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, предпринимательская деятельность, государственная программа, внешнеэкономические связи, бюджетное финансирование.

Аннотация: Предметом данной статьи являются особенности развития малого и среднего предпринимательства и его поддержка со стороны государства в Кемеровской области. В статье представлены результаты исследования текущего уровня развития сектора малого и среднего бизнеса в Кемеровской области, включившего анализ структуры малого и среднего предпринимательства по видам экономической деятельности; проанализированы особенности государственной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области за 2014–2019 гг.»; представлен анализ целей, задач, целевых показателей, а также анализ структуры и объема финансирования данной программы. Целью исследования является выявление проблем развития малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области. В результате работы были отражены промежуточные аспекты реализации государственной программы, которые в свою очередь соответствуют поставленным программным целям; выявлены проблемы и ограничения реализации данной программы и сформулированы предложения, направленные на преодоление данных проблем.

Для цитирования: Жихрова О. А., Долбня Е. А. Государственная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области»: необходимость, особенности и проблемы реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 11–17. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-11-17.

В современных условиях государственному воздействию подвержены все стороны хозяйственной жизни, в том числе и предпринимательство. Методы управления процессом формирования предпринимательства основываются на конструировании благоприятных условий для появления и быстрого становления таких субъектов. Поэтому в связи с многоаспектностью такого явления, как предпринимательство, представляется, что стратегия государственной политики должна включать в себя элементы изменения общественной, экономической философии и социально-экономического самосознания личности.

Сегодня этот процесс еще не завершился, о чем свидетельствуют законодательные акты последнего времени и состояние национальной общественной психологии, поскольку значительное число граждан нашей страны пока еще негативно относится к предпринимательству. А ведь именно сфера малого и среднего бизнеса оказывает значительное влияние на социально-экономическое положение регионов и страны в целом. Организации, созданные предпринимателями, обеспечивают трудовую занятость населения, решают социально-значимые задачи, разрабатывают и внедряют инновации во все сферы деятельности. По оценкам экспертов, именно этими организациями создаётся до 20 % валового внутреннего продукта страны за счет результатов их деятельности [1]. А ВВП, в свою очередь, является основным источником формирования фондов финансовых ресурсов государства. К тому же повышается занятость в экономике страны и её регионов [2, с. 42].

Так, по данным официальной статистики в Кемеровской области только за 2016 г. было создано 9625 рабочих мест в секторе малого и среднего предпринимательства (МСП). Доходы малых и средних предприятий от реализации произведенной продукции и оказания услуг превысили 400 млн рублей [3]. Все это стало возможным благодаря реализации комплексной целевой программы, направленной на развитие и поддержку предпринимательства в регионе.

Предпосылками разработки государственных программ, направленных на содействие предпринимательской деятельности в Российской Федерации, стали следующие факторы [4, с. 225]:

1) экономический кризис, в результате которого предприятия оптимизировали штатно-кадровую структуру, что увеличило количество свободных трудовых ресурсов;

2) распространение «теневого» бизнеса, а также увеличение числа самозанятого населения, имеющего неофициальные доходы и не зарегистрированного

в качестве индивидуальных предпринимателей или юридических лиц;

3) необходимость нормативно регламентировать взаимодействие между органами власти и коммерческими структурами, функционирующими в сфере малого и среднего бизнеса;

4) необходимость преодолевать административные барьеры, ограничивающие создание и функционирование малых организационных форм;

5) появление научно-технических, информационных, управленческих инноваций и необходимость их внедрять в различные сферы деятельности для повышения эффективности и производительности труда [5, с. 325].

Содействие органов государственной власти развитию предпринимательства заключается в реализации комплекса нормативно-правовых, административно-организационных и финансовых мероприятий. Направления деятельности, реализуемые на уровне государственных органов власти, учитываются при разработке целевых программ субъектов Федерации, в частности Кемеровской области, что обеспечивает системность и эффективность работы, формирует нормативную базу и ресурсное обеспечение их реализации.

Ключевой целью реализации Программы поддержки предпринимательства в Кемеровской области является обеспечение развития субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных сферах экономики. Для достижения данной цели реализуются мероприятия, направленные на популяризацию предпринимательства среди различных групп населения, например среди молодежи, обеспечение доступа к финансовым ресурсам и выравнивание уровня развития в муниципальных образованиях субъектов малого и среднего предпринимательства.

Реализация программы связана с решением следующих задач:

1. Формирование позитивного образа предпринимательства как важного фактора экономико-социального прогресса региона.

2. Привлечение финансовых ресурсов в сферу развития малого и среднего бизнеса.

3. Уменьшение затрат субъектов малого и среднего предпринимательства.

4. Обеспечение финансирования муниципальных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства, в том числе монозависимых муниципальных образований.

5. Выявление и поощрение активных и одаренных молодых людей, ведущих предпринимательскую деятельность [6].

Значимым направлением деятельности является развитие внешнеэкономических связей, благодаря которым будет обеспечена реализация товаров, произведенных в Кузбассе, на мировых рынках.

Нестабильная социально-экономическая обстановка в регионе привела к тому, что предприятия малого и среднего бизнеса начали оптимизировать штатную структуру. Так, если в 2014 г. среднесписочная численность средних предприятий составляла 29,4 человек, то в 2015 г. – 24,8 человек. В малом бизнесе наблюдалась аналогичная ситуация: среднесписочная численность в 2015 г. составила 174 человека, что на 7,1 % ниже уровня 2014 г. Но благодаря осуществлению мероприятий, направленных на развитие предпринимательства в регионе, в 2016 г. удалось увеличить количество рабочих мест, в том числе и за счет создания новых предприятий. Только за 2016 г. было создано 9625 новых рабочих мест [3].

Основные показатели, характеризующие сферу малого и среднего предпринимательства в динамике за 2014–2019 гг., приведены в таблице ниже, где указанные плановые значения целевых показателей программы развития малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области описывают достижение поставленных целей, что говорит об увеличении количества и эффективности работы предприятий малого и среднего бизнеса.

Таблица. Основные плановые значения целевых показателей программы развития малого и среднего предпринимательства в Кузбассе [7]

Table. The basic planned values of target indicators in the program of small and medium business development in Kuzbass [7]

Целевой показатель	Ед. изм.	Плановое значение показателя					
		2014	2015	2016	2017	2018	2019
1. Оборот продукции (услуг)	Млрд руб.	508,6	501,1	493,9	543,1	597,1	650,9
2. Доля среднесписочной численности работников МСП в общей численности занятого населения	%	25,3	23,5	23,8	23,9	24,0	24,1
3. Количество субъектов МСП в расчете на 1 тыс. человек населения	Ед.	28,2	28,4	28,6	28,8	29,1	29,3
4. Объем привлеченных средств на 1 рубль бюджетного финансирования	Руб.	8,12	17,71	24,79	9,14	10,03	10,24
5. Средняя численность работников субъектов МСП	Тыс. человек	220,0	207,2	207,5	207,8	208,0	208,2

Целевой показатель	Ед. изм.	Плановое значение показателя					
		2014	2015	2016	2017	2018	2019
6. Количество поручительств микрофинансовых организаций, выданных субъектам МСП	Ед.	66	70	22	22	22	22
7. Количество микрозаймов, выданных МСП	Ед.	82	110	110	110	110	110
8. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, получивших государственную поддержку	Ед.	-	27	7	-	-	-

Так, за период 2015–2019 гг. наблюдается рост всех показателей. При этом оборот продукции (услуг) в 2016 г. по отношению к предыдущему году меньше на 7,2 млрд руб. Объём привлеченных средств на 1 рубль бюджетного финансирования в 2017 г. меньше на 15,65 руб., чем в предыдущем периоде. Что касается количества микрозаймов, выданных МСП, то этот показатель в ходе реализации программы (на период с 2015 по 2019 гг.) находится на одном уровне – 110 штук. Но при этом количество поручительств микрофинансовых организаций, выданных субъектам МСП, в 2017 г. снижается с 70 до 22 единиц и на протяжении оставшегося периода реализации программы сохраняется неизменным. Определены целевые показатели по количеству государственных грантов и иных мер финансовой поддержки предпринимательства. В течение 2015–2016 гг. количество предпринимателей, получивших государственную поддержку, запланировано 34 (27 в 2015 г. и 7 в 2016 г.).

В настоящее время в Кемеровской области ведут деятельность более 34 тысяч организаций, относящихся к малому и среднему бизнесу, причем 99 % из них – это предприятия с численностью до 100 человек (малые и микропредприятия). Порядка 40 % малых и средних предприятий специализируются на оптовой и розничной торговле. В производственной сфере функционирует не более 10 % малых предприятий и около 17 % средних предприятий [3]. На рисунке 1 приведена структура сферы малого и среднего предпринимательства по видам экономической деятельности.

Привлекательным сектором экономики для малых и средних предприятий Кемеровской области является рынок недвижимости. Услуги аренды и риэлтерские услуги оказывают 26 % предприятий. На долю строительных организаций приходится 13 % от общего числа малых и средних предприятий. В инновационном секторе экономики, в том числе в сфере научных исследований и разработок, занято менее 1 % предприятий.

На основании мониторинга сферы среднего и малого предпринимательства и с учетом положений «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области» были определены приоритетные направления предпринимательской деятельности, которым будет оказываться поддержка в рамках целевой государственной программы.

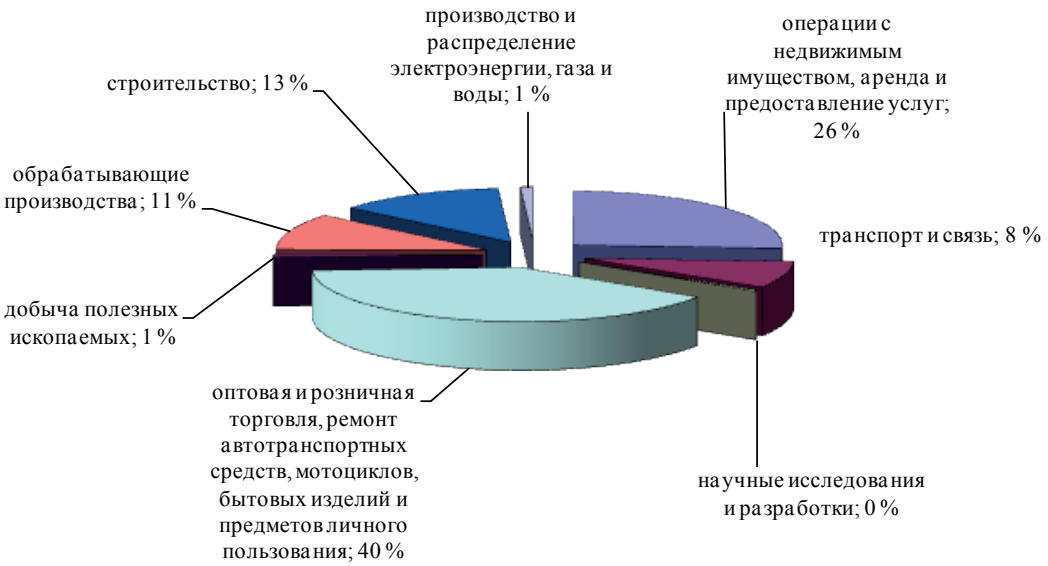

Рис. 1. Структура малого и среднего предпринимательства Кемеровской области по видам экономической деятельности в 2016 г. [8]

Fig. 1. Structure of small and medium business enterprises in the Kemerovo region according to types of economic activity in 2016 [8]

Такими направлениями являются:

• наука и инновационная деятельность;

• производство товаров народного потребления, строительных материалов, комплектующих, машин и оборудования;

• строительство, транспорт и связь;

• сельское хозяйство и переработка продукции животноводства, растениеводства;

• социальная сфера: образование, здравоохранение, культура и спорт, общественное питание;

• внутренний и въездной туризм;

• жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения.

Мероприятия в рамках программы развития предпринимательства Кемеровской области ориентированы на решение задач и достижение целей программы. Мероприятия охватывают такие направления деятельности, как информационно-просветительская работа, популяризация предпринимательства, софинансирование и субсидирование реализации проектов, активизация и поддержка молодежного предпринимательства в регионе.

Финансовое обеспечение мероприятий в рамках программы развития предпринимательства Кемеровской области формируется за счет средств федерального и областного бюджета. Общий объем финансирования программы составляет 2,16 млрд рублей, в том числе 164,79 млн рублей – из областного бюджета, 539,7 млн рублей – из федерального бюджета. Еще 24,9 млн рублей на реализацию мероприятий планируется направить из местных бюджетов городов и населенных пунктов Кемеровской области. 1,4 млрд рублей составят привлеченные инвестиции физических и юридических лиц. Структура финансирования программы представлена на рисунке 2.

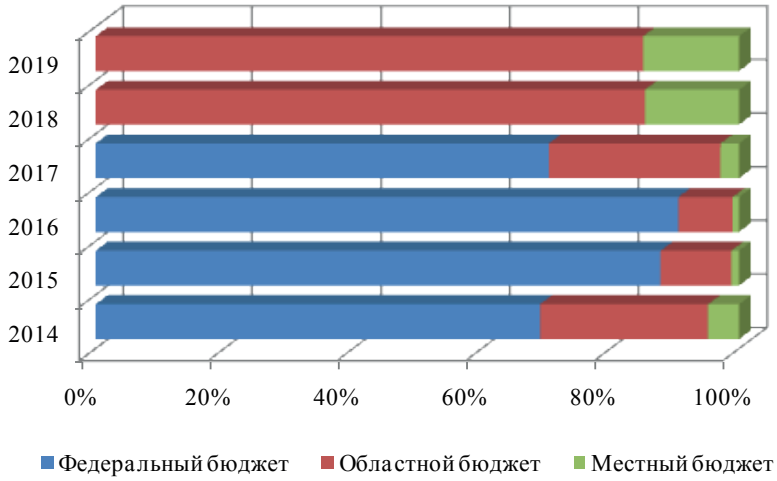

Рис. 2. Структура финансирования целевой программы развития предпринимательства в Кузбассе за счёт бюджетных средств в 2014 – 2019 гг. [6]

Fig. 2. The financing structure of the targeted program for the development of entrepreneurship in Kuzbass at the expense of budgetary funds in 2014 – 2019 [6]

Данные, представленные на рисунке 2, показывают, что в 2014 г. в структуре финансирования целевой программы преобладали средства федерального бюджета. Доля этого источника финансирования составляла в 2014 г. 70 %. Порядка 20 % финансирования в 2014 г. приходилось на областной бюджет, и около 10 % – на местный бюджет.

В 2015–2016 гг. финансирование из федерального бюджета увеличилось в объеме и составило около 85 % от общего объема затрат на реализацию мероприятий. Доля привлеченных средств из областного бюджета уменьшилась до 10 %. На 2017–2019 гг. запланировано увеличение самофинансирования реализации программы – до 70–90 % будет выделяться из областного бюджета. Снижение федерального бюджетного финансирования характеризует в том числе и эффективность реализации программы. Способность малого и среднего бизнеса частично финансировать свои проекты означает, что в регионе созданы условия развития предпринимательства и достижения более высоких коммерческих, организационных и производственных показателей.

На рисунке 3 представлены показатели финансирования в динамике. Распределение финансовых средств в течение реализации программы неравномерно. На начальном этапе – 2014–2015 гг. – преобладало финансирование из федерального бюджета. На период 2017–2019 гг. объем финансирования из федерального бюджета будет определяться в соответствии с принятым бюджетом и результатами реализации программы [9, с. 62]. Объем средств из областного бюджета был максимальным в 2014 г., затем снижался до 15,9 млн рублей в 2016 г. На период с 2017 по 2019 гг. планируется привлекать средства областного бюджета в объеме 21–24 млн рублей. Объем финансирования из местных бюджетов суммарно не превышает 10 млн рублей.

Ресурсное обеспечение программы устанавливает плановые значения по объему финансирования мероприятий из федерального, областного и муниципального бюджета, а также по каждому мероприятию

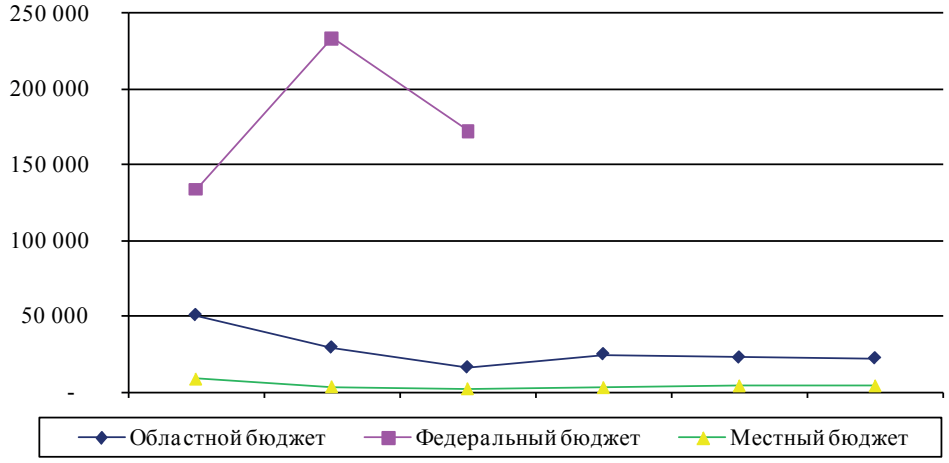

Рис. 3. Объемы финансирования целевой программы развития предпринимательства Кемеровской области за 2014–2019 гг. [6]
Fig. 3. Financing volumes of the target program for the development of entrepreneurship in the Kemerovo region for 2014–2019 [6]

в отдельности. Например, на комплекс мероприятий по вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность в 2017 г. запланировано 1840 тыс. рублей, причем данная сумма полностью обеспечена за счет средств областного бюджета. Субсидии на развитие моногородов формируются за счет областного и местного бюджета. Так, в 2017 г. Анжеро-Судженску будет направлено 8052 тыс. рублей, в том числе 6710 тыс. рублей из областного бюджета, а остальное – из местного бюджета [6].

В 2016 г. завершился первый трехлетний период реализации программы развития малого и среднего предпринимательства Кемеровской области. Достигнутые промежуточные результаты будут видны по показателям достижения целей программы. Но несмотря на это, программа развития малого и среднего предпринимательства сталкивается с рядом проблем и ограничений.

В первую очередь, необходимо отметить, что участниками программы чаще всего являются представители коммерческого сектора – сферы торговли, бытового обслуживания. Недостаточно представлены организации, занимающиеся социально-значимым бизнесом, реальным производством и сельским хозяйством. Это связано с низкой привлекательностью данных сфер деятельности, необходимостью обладать специальными знаниями и навыками, материальной базой, неспособностью выхода на рынки сбыта и отсутствием внешнеэкономических связей как важного фактора развития экономики региона, в том числе и предпринимательства [10, с. 58]. По мнению экспертов и предпринимателей, реальным содействием со стороны органов власти было бы не субсидирование текущих расходов, а обеспечение равных условий выхода на рынок и продвижения произведенной продукции [11, с. 56].

Вторая проблема реализации программы связана с условиями получения субсидий и микрозаймов. Практически все кредитные организации устанавливают требования, при которых заемщик должен возвращать кредит уже со второго месяца использования заемными средствами. Предоставления ссуд и долгосрочных займов на более гибких условиях возврата могли бы улучшить ситуацию и оказать реальную финансовую поддержку малому и среднему предпринимательству.

Еще один ограничивающий фактор связан с разветвлённой организационной структурой органов власти, наличием большого количества подразделений, учреждений и организаций, курирующих вопросы поддержки предпринимательства. Дублирование функций и полномочий формирует непонимание. Предприниматели зачастую не знают, к кому и по какому вопросу в органах власти обратиться за поддержкой и консультацией, какие инстанции отвечают за решение данного вопроса. В результате предприниматели предпочитают искать информацию самостоятельно, не проявляют активности и заинтересованности к государственной программе поддержки.

Еще одна проблема, ограничивающая развитие малого и среднего предпринимательства, связана с исторически сложившейся практикой и привычкой ведения бизнеса. Многие предприниматели предпочитают вести «полулегальный» бизнес, обходить налоговые требования и требования трудового законодательства.

Следующая причина, сдерживающая развитие предпринимательства, связана с отсутствием инициативы со стороны частных компаний и низкой вовлеченности представителей коммерческого сектора в совместную реализацию социально-значимых проектов. Это связано с отсутствием у бизнес-сообщества уверенности в прибыльности проектов.

Пути решения обозначенных проблем заключаются в укреплении и развитии взаимодействия между представителями органов власти и коммерческого сектора, внедрении более гибких условий кредитования и финансирования проектов, повышении уровня финансовой грамотности и информированности предпринимателей о возможностях получения государственной поддержки.

Литература

1. Стратегия развития предпринимательства до 2030 года (в ред. Распоряжения Правительства Российской Федерации от 08.12.2016 № 2623-р). Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102400738&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 25.07.2017).
2. Сагдеева Л. С. Кемеровская область: кадровый потенциал и реальные потребности региональной экономики в рабочих и специалистах // Человек и труд. 2008. № 3. С. 41–43.
3. Государственные программы поддержки малого бизнеса в 2016 году // Министерство экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMB/20151216 (дата обращения: 25.07.2017).
4. Толстова А. З., Бахшиян А. А. Поддержка малого предпринимательства в России на государственном уровне: предпосылки, факторы, направления // Экономическое развитие России: ловушки, развилки и переосмысление: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под. ред. И. В. Шевченко. СПб., 2017. С. 219–222.
5. Сагдеева Л. С., Старикова Л. Н. Инновационность экономики региона как предпосылка повышения качества человеческого капитала // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1. С. 324–331.
6. Государственная программа Кемеровской области «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области» на 2014–2019 годы. Утв. Постанов. Коллегии Администрации Кемеровской области от 01.10.2013 № 413. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/412806304 (дата обращения: 25.07.2017).
7. О внесении изменений в Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 01.10.2013 № 413 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области» на 2014–2019 годы. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 27.02.2017 № 85. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/444996536 (дата обращения: 25.07.2017).
8. Аналитическая информация о финансовых, экономических и социальных показателях развития малого и среднего предпринимательства в Кемеровской области, функционирование организаций инфраструктуры поддержки СМСП // Официальный сайт Департамента по развитию предпринимательства и потребительского рынка Кемеровской области. Режим доступа: http://dprpko.ru/1042 (дата обращения: 25.07.2017).
9. Боева С. О., Красова И. Н. Государственная поддержка малого предпринимательства в России // Вектор экономики. 2017. № 5. С. 62–63.
10. Долбня Е. А. Внешнеэкономические связи как фактор экономического развития // Социально-экономические преобразования в России: сборник научных трудов. Кемерово, 2001. С. 57–61.
11. Крамских А. С., Симонян С. Р., Овчинникова И. В. Состояние и перспективы развития малого предпринимательства в Кемеровской области // Россия молодая: материалы восьмой Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово, 2016. С. 56–57.

STATE TARGET PROGRAM "THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN THE KEMEROVO REGION": RELEVANCY, PECULIAR FEATURES AND IMPLEMENTATION PROBLEMS

***Olesya A. Zhikhrova*[1, @1], *Elena A. Dolbnya*[1, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *zhixrova@yandex.ru*
[@2] *dolbnya.ea@rambler.ru*

Received 01.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keyword: small and medium business, business activity, state program, external relations, budget financing.

Abstract: The paper features peculiarities of the development of small and medium business enterprises and their state support in the Kemerovo region. It presents some results of the research on the matter of the current development level of small and medium business in the Kemerovo region, including a structure analysis according to economic activities. The research includes an analysis of the state program "Development of Small and Medium Business in the Kemerovo Region for 2014–2019": its goals and objectives, structure and financing. The goal of the research is to identify the problems of small and medium business in the Kemerovo region. The research reveals some intermediate results of the implementation of the state program: the current achievements coincide with the established objectives but with some limitations. The paper offers possible solutions.

For citation: Zhikhrova O. A., Dolbnya E. A. Gosudarstvennaia tselevaia programma «Razvitie sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Kemerovskoi oblasti»: neobkhodimost', osobennosti i problemy realizatsii [State Target Program "The Development of Small and Medium Business in the Kemerovo Region": Relevancy, Peculiar Features and Implementation Problems]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 11–17. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-11-17.

References

1. *Strategiia razvitiia predprinimatel'stva do 2030 goda (v red. Rasporiazheniia Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 08.12.2016 № 2623-r)* [Strategy for the development of entrepreneurship until 2030 (as amended by Order of the Government of the Russian Federation No. 2623-r of 08.12.2016)]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102400738&intelsearch=&firstDoc=1 (accessed 25.07.2017).

2. Sagdeeva L. C. Kemerovskaia oblast': kadrovyi potentsial i real'nye potrebnosti regional'noi ekonomiki v rabochikh i spetsialistakh [Kemerovo region: human resources and real needs of regional economy in workers and specialists]. *Chelovek i trud = Man and Labo*r, no. 3 (2008): 41–43.

3. Gosudarstvennye programmy podderzhki malogo biznesa v 2016 godu [State programs to support small business in 2016]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMB/20151216 (accessed 25.07.2017).

4. Tolstova A. Z., Bakhshiian A. A. Podderzhka malogo predprinimatel'stva v Rossii na gosudarstvennom urovne: predposylki, faktory, napravleniia [Support of small business in Russia at the state level: preconditions, factors, directions]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: lovushki, razvilki i pereosmyslenie: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Economic development of Russia: traps, forks and rethinking: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Saint-Petersburg, 2017, 219–222.

5. Sagdeeva L. S., Starikova L. N. Innovatsionnost' ekonomiki regiona kak predposylka povysheniia kachestva chelovecheskogo kapitala [Innovation of the regional economy as a prerequisite for improving the quality of human capital]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 4-1 (2012): 324–331.

6. *Gosudarstvennaia programma Kemerovskoi oblasti «Razvitie sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Kemerovskoi oblasti» na 2014–2019 gody* [The state program of the Kemerovo region "Development of small and medium business entities of the Kemerovo region" for 2014–2019]. Approved Production Collegium of the Administration of the Kemerovo Region No. 413 of 01.10.2013. http://docs.cntd.ru/document/412806304 (accessed 25.07.2017).

7. *O vnesenii izmenenii v Postanovlenie Kollegii Administratsii Kemerovskoi oblasti ot 01.10.2013 № 413 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Kemerovskoi oblasti «Razvitie sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva Kemerovskoi oblasti» na 2014–2019 gody* [On amending the Resolution of the Board of the Kemerovo Region Administration dated 01.10.2013 No. 413 "On approval of the state program of the Kemerovo region" Development of small and medium business entities of the Kemerovo region" for 2014–2019]. Decree of the Board of the Administration of the Kemerovo Region of February 27, 2017 No. 85. Available at: http://docs.cntd.ru/document/444996536 (accessed 25.07.2017).

8. Analiticheskaia informatsiia o finansovykh, ekonomicheskikh i sotsial'nykh pokazateliakh razvitiia malogo i srednego predprinimatel'stva v Kemerovskoi oblasti, funktsionirovanie organizatsii infrastruktury podderzhki SMSP [Analytical information on financial, economic and social indicators for the development of small and medium-sized businesses in the Kemerovo region, the functioning of organizations supporting the infrastructure of SIDS support]. *Ofitsial'nyi sait Departamenta po razvitiiu predprinimatel'stva i potrebitel'skogo rynka Kemerovskoi oblasti* [The official website of the Department for the Development of Entrepreneurship and the Consumer Market of the Kemerovo Region]. Available at: http://dprpko.ru/1042 https://vk.com/away.php?utf=1&to=http%3A%2F%2Fdprpko.ru%2F1042 (accessed 25.07.2017).

9. Boeva S. O., Krasova I. N. Gosudarstvennaia podderzhka malogo predprinimatel'stva v Rossii [State support of small business in Russia]. *Vektor ekonomiki = The vector of economy*, no. 5 (2017): 62–63.

10. Dolbnia E. A. Vneshneekonomicheskie sviazi kak faktor ekonomicheskogo razvitiia [Foreign economic relations as a factor of economic development]. *Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniia v Rossii* [Socio-economic transformations in Russia]. Kemerovo, 2001, 57–61.

11. Kramskikh A. S., Simonian S. R., Ovchinnikova I. V. Sostoianie i perspektivy razvitiia malogo predprinimatel'stva v Kemerovskoi oblasti [The state and prospects of small business development in the Kemerovo region]. *Rossiia molodaia: materialy vos'moi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia young: Proc. 8th All-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo, 2016, 56–57.

УДК 316.334.55+338.43:331.5(470+571)+377+378

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АПК РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Наталья Ю. Анисимова[1, @]

[1] *Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Россия, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4*
[@] *anisimova.99@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, аграрно-ориентированный регион, Республика Крым, кадровое обеспечение, аграрное образование, опорный университет.

Аннотация: В статье исследованы теоретико-методические подходы к классификации регионов с позиций современной регионалистики, дана социально-экономическая характеристика Республики Крым как аграрно-ориентированного региона. Отражены результаты мониторинга современного состояния АПК Республики Крым. Показано, что при производстве 17,1 % валового регионального продукта в аграрной сфере экономики занято всего 5,0 % трудового потенциала региона, а среди обучающихся в Крыму аграрную направленность выбрали лишь 6,3 % студентов. На основании комплексного анализа системы аграрного образования Республики Крым выявлено, что, несмотря на явный образовательно-отраслевой дисбаланс, проблема дефицита квалифицированных кадров для экономики региона с учетом наличия аграрного вуза и ряда учреждений среднего профессионального образования в настоящее время не является острой. С целью решения более актуальной задачи повышения качества подготовки молодых специалистов-аграриев и формирования механизма их привлечения в сельскую местность для трудоустройства разработан системно-целевой подход к аграрному образованию в регионе. Основой трансформации системы аграрного образования Республики Крым должна стать модель межотраслевого баланса кадрового обеспечения АПК, сформированная в рамках программ устойчивого развития сельских территорий региона.

Для цитирования: Анисимова Н. Ю. Трансформация системы аграрного образования как фактор устойчивого развития АПК Республики Крым // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 18–27. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-18-27

Каждый регион по-своему уникален с точки зрения его территориальной расположенности, демографической ситуации, природно-ресурсной обеспеченности, социально-экономического развития. Выделяют регионы-доноры и регионы-реципиенты, приграничные, трансграничные, транснациональные, кризисные, отсталые, конфликтные, стагнирующие, депрессивные, маргинальные, пионерные регионы, основываясь преимущественно на показателях их валового регионального продукта, самообеспечения и экономической безопасности [1–3]. Не менее важной является и классификация регионов по их производственно-функциональной ориентации, в рамках которой можно назвать добывающие, промышленные, аграрные, рекреационные и другие виды регионов.

Уникальность территориального расположения Республики Крым и ее природно-климатических ресурсов сформировали устойчивое представление о полуострове как преимущественно курортном регионе. Реже, но тем не менее в значительной степени, Крым называется в ряду аграрно-ориентированных регионов и практически никогда – как регион с развитой промышленностью. Эти утверждения основаны на структуре валового регионального продукта Республики, 17,1 % которого занимает продукция сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, 15,8 % – оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и бытовых изделий, 10,9 % – транспорт и связь, 10,2 % – здравоохранение и предоставление социальных услуг [4].

Следует отметить, что в Крыму, особенно в советский период, достаточно эффективно развивались и отрасли промышленного производства, причем не только в сфере переработки сельскохозяйственного сырья, но и машиностроительная (в т. ч. судостроительная), химическая, легкая, добывающая, электротехническая и другие сферы промышленности [5]. Однако разрыв межхозяйственных, межотраслевых и межрегиональных связей в начале 90-х гг. 20 века привел к значительному сокращению объемов промышленного производства в регионе, а также закрытию целого ряда крупных промышленных предприятий. Их возрождение находится в приоритетных направлениях регионального развития Республики Крым, однако требует значительных капиталовложе-

ний и соблюдения экологического равновесия в уникальных гео- и биосистемах полуострова.

В этой связи наиболее экологически безопасными, наименее ресурсозатратными и оптимально эффективными с точки зрения социально-экономических подходов для Крыма являются отрасли рекреации сельского хозяйства и пищевой промышленности [6]. Их взаимосвязь имеет комплексный, синергетический эффект для региона, проявляющийся в максимально полном обеспечении отдыхающих экологически чистыми продуктами питания и формировании их потребительских предпочтений к крымским продуктам после окончания отдыха. Кроме того, развитие в рамках аграрно-ориентированной экономики региона фермерских и личных подсобных хозяйств выступает залогом устойчивого развития сельских территорий, формирования таких туристических направлений, как зеленый и сельский туризм, снижения социально-экономической напряженности в отдаленных сельских районах и т. д.

Сегодня положение агропромышленного комплекса Республики Крым можно назвать кризисным: в регионе сокращаются посевные площади сельскохозяйственных культур, уменьшается поголовье скота и птицы, практически утеряны кормовая, эфиромасличная, табачная отрасли, не функционирует оросительно-мелиоративная система. Несмотря на усилия как региональных органов власти, так и фермерских хозяйств, позволяющие поддерживать положительную динамику объемов сельскохозяйственного производства, возрождение агропромышленного комплекса Республики Крым идет очень медленными темпами. Одним из сдерживающих факторов устойчивого развития аграрного сектора региона является сложная демографическая ситуация в сельских территориях полуострова, низкая занятость сельских жителей в АПК, отток молодежи в города, снижение уровня квалификации руководящих работников сельскохозяйственных предприятий.

В настоящее время экономика Крыма испытывает потребность в квалифицированных кадрах, что обусловлено наличием ряда противоречий в развитии трудового потенциала: нарушение механизма взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг; сокращение образовательных услуг профессионально-технических учебных заведений, что негативно сказывается на предложении рабочих специальностей; последствия демографического кризиса 90-х гг. XX в., которые в последние годы привели к росту удельного веса возрастной группы «60 лет и старше» в общей численности населения; ухудшение качества подготовки кадров и др.

В сфере среднего профессионального образования Республики Крым функционирует 61 учреждение (27 профессионально-технических учебных заведений, 34 техникума и колледжа), где обучается свыше 27,4 тыс. человек. Профессиональная подготовка осуществляется по 97 профессиям и 55 специальностям. С целью совершенствования системы среднего профессионального образования в Крыму ведется работа по оптимизации сети средних профессиональных образовательных организаций путем их реорганизации и укрупнения.

В сфере высшего образования Республики Крым функционируют 9 организаций (8 государственных и муниципальных вузов, 1 вуз частной формы собственности), в том числе 5 филиалов и 1 федеральный университет [7]. Следует отметить, что именно федеральный вуз (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского») является для региона своего рода опорным университетом, объединившим в 2014 г. крупнейшие образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования Крыма. Несмотря на различный статус федеральных и опорных вузов в образовательной системе Российской Федерации [8], Крымский федеральный университет одновременно выступает центром, объединяющим в административном и идейном смысле всю образовательную деятельность в регионе, выступает важным фактором устойчивого развития полуострова, имеет ключевое значение для промышленного и социально-экономического развития субъектов РФ.

В целом численность контингента обучающихся в организациях высшего образования Республики Крым составляет 37,1 тыс. человек (или 0,78 % от контингента в целом по РФ), в том числе избравших очную форму обучения – 23,8 тыс. человек. Распределение контингента обучающихся в вузах Республики Крым представлено в таблице 1. (Все таблицы сформированы автором по данным мониторинга).

В процентном соотношении математические и естественные науки предпочли 7,9 % обучающихся в вузах Республики Крым, инженерное дело, технологии и технические науки – 14,9 %, здравоохранение и медицинские науки – 16,8 %, сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки – 6,3 %, науки об обществе – 31,7 %, образование и педагогические науки – 3,4 %, гуманитарные науки – 13,2 %, искусство и культуру – 5,9 % студентов. В то же время структура обучающихся в вузах не всегда отражает их первоначальные мотивы к получению той или иной специальности, о чем свидетельствуют результаты конкурсного отбора в образовательные учреждения. Так, в 2017 г. в ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» наивысший проходной балл был зафиксирован по таким направлениям подготовки, как юриспруденция, стоматология, филология (профиль «Английский язык и литература»), журналистика, физическая культура, реклама и связи с общественностью, градостроительство [9].

Система аграрного образования Республики Крым представлена Академией биоресурсов и природопользования (высшее образование), Агропромышленным колледжем в с. Маленькое, Прибрежненским аграрным колледжем, Техникумом гидромелиорации и механизации сельского хозяйства в пгт Советский (подразделения и филиалы КФУ им. В. И. Вернадского), а также Чапаевским агротехнологическим техникумом и Прудовским аграрным техникумом.

Таблица 1. Распределение контингента обучающихся в вузах Республики Крым по отраслям наук, 2016 г.
Table 1. Distribution of Crimean students according to fields of science, 2016

Отрасли наук	Распределение студентов					
	ФГАОУВО КФУ (Симферополь)	КГМТУ (Керчь)	ГПА КФУ (Ялта)	ЕИСН КФУ (Евпатория)	ИПОиМ КФУ (Армянск)	КрФ ФГБОУ ВО РГУП
Математические и естественные науки	1892	83	–	–	–	–
Инженерное дело, технологии и технические науки	2677	971	90	–	–	–
Здравоохранение и медицинские науки	4224	–	–	–	–	–
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	1492	86	–	–	–	–
Науки об обществе	5890	310	580	–	58	752
Образование и педагогические науки	–	–	460	259	145	–
Гуманитарные науки	2736	–	390	167	39	–
Искусство и культура	299	–	366	–	–	–

Ретроспектива подготовки студентов в Академии биоресурсов и природопользования в динамике за 1980–2017 гг. представлена в таблице 2.

Аналогичные данные по подготовке магистрантов в Академии биоресурсов и природопользования представлены в таблице 3.

Анализ ретроспективной динамики системы высшего аграрного образования и структурных изменений в сфере подготовки специалистов-аграриев в Республике Крым позволил констатировать следующее:

– поступательное наращивание численности студентов в последние 25 лет не коррелирует с катастрофическими темпами падения натуральных объемов производства продукции сельского хозяйства, показателей занятости и количества самих сельскохозяйственных предприятий (так, в 1980 г. вуз окончили 273 человека, а в 2010 г. – 1627 человек);

– расширение и структурная трансформация направлений подготовки специалистов (с 2005 г. вуз начал подготовку по таким специальностям, как технология бродильных производств и виноделие, технология жиров, эфирных масел и парфюмерно-косметических продуктов, технология молока и молочных продуктов, землеустройство и кадастр, садово-парковое хозяйство (ландшафтная архитектура), лесное хозяйство);

– значительная структурная деформация подготовки специалистов, начавшаяся в 90-е гг. 20 века (численность студентов, обучающихся по экономическим специальностям за период с 1990 г. по 2010 г. возросла в 3 раза – с 235 до 669 человек);

– относительно устойчивая динамика подготовки агрономов, агроинженеров и ветеринарных врачей [10].

Таблица 2. Ретроспектива подготовки студентов в Академии биоресурсов и природопользования (уровень подготовки – бакалавриат), 1980–2017 гг.
Table 2. Retrospective of students' training in the Academy of Bioresources and Nature Management (bachelor's degree), 1980–2017

Направления подготовки	Годы								
	1980	1990	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017
Агрономия	95	112	60	85	65	59	50	54	52
Плодоовощеводство и виноградарство	107	87	73	96	64	–	–	–	–
Механизация в сельском хозяйстве (с 2014 г. – Агроинженерия)	–	125	93	102	112	91	96	81	64
Экономика и организация в сельском хозяйстве (с 2000 г. – Экономика предприятия, с 2015 г. – Экономика + Учет в АПК)	85	107	81	44	69	89	130	126	92
Бухгалтерский учет в сельском хозяйстве (с 2000 г. – Учет и аудит)	81	108	156	65	164	138	–	–	–

Направления подготовки	Годы								
	1980	1990	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017
Финансы	–	–	–	12	38	28	7	44	26
Менеджмент	–	–	92	46	64	40	24	–	–
Ветеринария	—	–	76	79	95	74	52	69	60
Продукты питания из растительного сырья, профиль «Технология бродильных производств и виноделие»	–	–	–	30	22	58	26	31	27
Продукты питания из растительного сырья, профиль «Технология жиров, эфирных масел и парфюмерно-косметических продуктов»	–	–	–	18	14	21	9	10	9
Продукты питания животного происхождения, профиль «Технология молока и молочных продуктов»	–	–	–	11	24	24	10	25	10
Землеустройство и кадастр	–	–	–	78	131	93	99	107	80
Садово-парковое хозяйство									
(с 2014 г. – Ландшафтная архитектура)	–	–	–	12	23	30	29	29	19
Лесное хозяйство (дело)	–	–	–	7	13	34	40	52	35
Экономическая кибернетика									
(с 2014 г. – Системный анализ и управление)	–	–	–	–	13	–	–	7	9
Охотничье хозяйство	–	–	–	–	11	–	–	–	–
Садоводство	–	–	–	–	–	–	67	60	76

Таблица 3. Ретроспектива подготовки студентов в Академии биоресурсов и природопользования (уровень подготовки – магистратура), 2000–2017 гг.
Table 3. Retrospective of preparation of students in the Academy of Bioresources and Nature Management (master degree), 2000–2017

Магистерские программы	Годы						
	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017
Агрономия	3	69	63	42	18	42	34
Плодоовощеводство и виноградарство	1	107	65	–	–	–	–
Экономика и организация в сельском хозяйстве (с 2005 г. – «Экономика предприятий АПК»)	–	46	105	25	–	27	78
Менеджмент	2	43	53	–	–	–	–
Учет и аудит	2	306	124	–	–	–	–
Механизация в сельском хозяйстве (с 2014 г. – Агроинженерия)	2	92	119	44	42	44	46
Продукты питания из растительного сырья, профиль «Технология бродильных производств и виноделие»	–	32	35	29	9	32	23
Продукты питания из растительного сырья, профиль «Технология жиров, эфирных масел и парфюмерно-косметических продуктов»	–	17	19	–	23	9	4
Продукты питания животного происхождения, профиль «Технология молока и молочных продуктов»	–	8	27	–	12	15	9
Землеустройство и кадастр	–	43	117	94	–	55	30
Садово-парковое хозяйство (с 2014 г. – Ландшафтная архитектура)	–	10	16	–	–	28	10
Финансы	–	2	52	–	–	12	11
Лесное хозяйство	–	–	29	–	–	34	31
Садоводство	–	–	–	–	21	34	25

Отметим, что ярко выраженной тенденцией системы высшего аграрного образования Республики Крым последних лет является трансформация источников финансирования подготовки студентов. За последние 2 года практически все студенты Академии биоресурсов и природопользования обучаются за счет средств государственного бюджета. Так, в 2016 г. общее количество обучающихся в Академии биоресурсов и природопользования (АБИП) по программам бакалавриата на условиях компенсации затрат составило всего 6 человек, а по программам магистратуры – вообще отсутствовало (таблица 4). Усилившаяся зависимость аграрного вуза Крыма от средств государственного бюджета снижает конкурентоспособность Академии биоресурсов и природопользования на рынке аграрных образовательных услуг, нивелирует реализацию перспективных стратегий ее развития, приводит к отсутствию таких рыночных агрегатов, как самоокупаемость и самофинансирование.

Таблица 4. Источники финансирования подготовки обучающихся по аграрным специальностям в Академии биоресурсов и природопользования, 2014–2016 гг.
Table 4. Sources of financing for students majoring in agriculture in the Academy of Bioresources and Nature Management, 2014–2016

Направления подготовки	Всего			В т. ч. за счет госбюджета			На условиях компенсации затрат		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Программы бакалавриата – всего	388	317	326	310	290	320	78	27	6
19.03.02 – Продукты питания из растительного сырья	51	37	40	35	35	40	16	2	–
19.03.03 – Продукты питания животного происхождения	17	16	20	15	15	20	2	1	–
21.03.02 – Землеустройство и кадастры	66	46	44	50	40	40	16	6	4
21.03.03 – Геодезия и дистанционное зондирование	12	23	25	10	20	25	2	3	–
27.03.03 – Системный анализ и управление	11	18	17	10	10	15	1	8	2
35.03.01 – Лесное дело	46	22	30	35	20	30	11	2	–
35.03.04 – Агрономия	48	46	50	45	45	50	3	1	–
35.03.05 – Садоводство	53	45	35	50	45	35	3	-	–
35.03.06 – Агроинженерия	84	64	65	60	60	65	24	4	–
36.05.01 – Ветеринария (программа специалитета)	164	75	99	99	40	90	65	35	9
Программы магистратуры – всего	200	150	150	195	150	150	5	–	–
19.04.02 – Продукты питания из растительного сырья	40	20	20	40	20	20	–	–	–
19.04.03 – Продукты питания животного происхождения	15	10	10	15	10	10	–	–	–
21.04.02 – Землеустройство и кадастры	34	35	35	30	35	35	4	–	–
35.04.01 – Лесное дело	20	10	15	20	10	15	–	–	–
35.04.04 – Агрономия	25	20	20	25	20	20	–	–	–
35.04.05 – Садоводство	25	20	20	25	20	20	–	–	–
35.04.06 – Агроинженерия	41	35	30	40	35	30	1	–	–

В таблице 5 представлены данные конкурса на госбюджетные места в АБИП «КФУ им. В. И. Вернадского» в динамике за 2014–2016 гг. Как видно из представленных в таблице 5 данных, в вузе выявлено увеличение конкурса по таким направлениям подготовки уровня бакалавриата, как землеустройство и кадастры (на 70,4 %), лесное дело (на 37,5 %), садоводство (на 21,1 %). Что касается уровня магистратуры, то в ней увеличение конкурса выявлено практически по всем магистерским программам АБИП. Как уже отмечалось, в Крыму подготовку младших специалистов-аграриев осуществляет 6 учебных заведений системы среднего профессионального образования. Наиболее устойчивое положение в агрообразовательной сфере региона занимают 2 образовательных учреждения (таблица 6).

Анализируя данные, представленные в таблице 6, можно отметить, что в исследуемых учреждениях

среднего профессионального аграрного образования Республики Крым наблюдается снижение количества обучающихся, соответственно, на 106 человек, или 38,4 % (в Техникуме гидромелиорации и механизации сельского хозяйства) и на 37 человек, или 14,3 % (в Агропромышленном колледже в с. Маленькое). Кроме того, сельскохозяйственные техникумы и колледжи имеют ряд проблем, касающихся распределения студентов по направлениям подготовки. В Чапаевском агротехнологическом и особенно в Прудовском аграрном техникумах значительное количество студентов обучается на специальностях, не относящихся непосредственно к аграрному профилю. Учитывая финансовую оправданность непрофильных направлений, система средне-специального аграрного образования не способна сегодня в полной мере концентрировать ресурсы для целей профильного обучения.

Таблица 5. Динамика конкурсного показателя по направлениям подготовки в Академии биоресурсов и природопользования, 2014–2016 гг.
Table 5. Dynamics of the competitive indicator according to the areas of training at the Academy of Bioresources and Nature Management, 2014–2016

Направления подготовки	2014	2015	2016	2016 в % к 2014
Направления подготовки уровня бакалавриата				
19.03.02 – Продукты питания из растительного сырья	2,2	2,5	2,5	113,6
19.03.03 – Продукты питания животного происхождения	4,1	2,6	2,3	56,1
21.03.02 – Землеустройство и кадастры	2,7	5,0	4,6	170,4
21.03.03 – Геодезия и дистанционное зондирование	3,5	3,0	2,8	80,0
27.03.03 – Системный анализ и управление	4,9	3,2	3,1	63,3
35.03.01 – Лесное дело	1,6	3,0	2,2	137,5
35.03.04 –- Агрономия	2,3	1,9	2,2	95,7
35.03.05 – Садоводство	1,9	1,8	2,3	121,1
35.03.06 – Агроинженерия	1,8	1,7	1,7	94,4
36.05.01 – Ветеринария (уровень специалитета)	2,0	2,8	1,9	95,0
Магистерские программы				
19.04.02 – Продукты питания из растительного сырья	1,0	1,3	1,5	150,0
19.04.03 – Продукты питания животного происхождения	1,0	1,4	1,3	130,0
21.04.02 – Землеустройство и кадастры	1,3	1,3	1,4	107,7
35.04.01 – Лесное дело	1,0	1,1	1,5	150,0
35.04.04 – Агрономия	1,2	1,4	1,6	133,3
35.04.05 – Садоводство	1,0	1,4	1,9	190,0
35.04.06 – Агроинженерия	1,0	1,1	1,2	120,0

Таблица 6. Ретроспектива подготовки обучающихся в системе среднего профессионального аграрного образования Республики Крым
Table 6. Retrospective of the training of students in the system of secondary professional agricultural education in the Republic of Crimea

Направления подготовки	1980	1990	2000	2005	2010	2015	2016
Техникум гидромелиорации и механизации сельского хозяйства (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»)							
Природоохранное обустройство территорий	57	48	15	20	12	13	12
Землеустройство	–	–	22	18	13	17	11
Механизация сельского хозяйства	115	94	52	44	36	34	30
Коммерция (по отраслям)	–	–	43	34	19	6	13
Всего	172	142	132	116	80	70	66
Ордена Трудового Красного Знамени агропромышленный колледж (филиал) ФГФОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»)							
Агрономия	135	124	106	95	103	91	105

Направления подготовки	1980	1990	2000	2005	2010	2015	2016
Экономика и бухгалтерский учет	124	132	113	116	143	89	100
Финансы	–	–	–	–	–	17	17
Всего	259	256	219	211	246	197	222

Еще одной значимой проблемой системы аграрного образования Республики Крым является относительно низкая степень профессионального трудоустройства выпускников по сравнению с молодыми специалистами других направлений подготовки. По данным Министерства сельского хозяйства Республики Крым [11], удельный вес молодых специалистов, принятых на работу после окончания учебных заведений, составляет 83,0 % (таблица 7). При этом доля принятых на работу молодых специалистов – выпускников профильных аграрных вузов, составляет всего 34,7 %, по колледжам и техникумам данный показатель существенно выше – 75,4 %.

Таблица 7. Динамика подготовки и трудоустройства молодых специалистов в сельскохозяйственные организации Республики Крым, 2014–2016 гг.
Table 7. Dynamics of training and employment of young specialists in agricultural organizations of the Republic of Crimea, 2014–2016

Вид образовательного учреждения и направление подготовки	Подготовлено специалистов								Принято на работу молодых специалистов выпуска отчетного года			
	Всего		в т. ч. очная				заочная		Всего		в рамках целевой контрактной подготовки	
			за счет федерального бюджета		в рамках целевой контракт-ной подготовки							
	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Вузы, всего	540	540	236	236	75	161	304	304	447	447	–	–
– агрономия	41	41	25	25		25	16	16	37	37	–	–
– инженерия	86	86	43	43	5	38	43	43	71	71	–	–
– ветеринария	54	54	54	54	5	49	-	-	47	47	–	–
– экономика и управление	63	63	20	20	12	8	43	43	52	52	–	–
– учет, анализ и аудит	156	156	47	47	32	15	109	109	126	126	–	–
– финансы и кредит	99	99	24	24	15	9	75	75	79	79	–	–
– менеджмент организации	41	41	23	23	6	17	18	18	35	35	–	–
Техникумы, всего	142	–	90	–	–	–	52	–	18	–	–	–
– коммерция	24	–	13	–	–	–	11	–	4	–	–	–
– земельные имущественные отношения	31	–	21	–	–	–	10	–	1	–	–	–
– мелиорация	25	–	15	–	–	–	10	–	4	–	–	–
– другие	62	–	41	–	–	–	21	–	9	–	–	–
Колледжи, всего	390	337	285	248	104	202	105	89	240	–	124	–
– агрономия	143	99	105	71	35	67	38	28	83	–	61	–
– зоотехния	20	26	11	12	8	12	9	14	14	–	–	–
– инженерия	84	66	46	37	20	29	38	29	59	–	7	–
– ветеринария	35	38	35	38	6	22	–	–	25	–	8	–
– экономика, учет и контроль	92	94	72	76	20	65	20	18	48	–	48	–
другие	16	14	16	14	15	7	–	–	11	–	–	–

Однако проблемы с трудоустройством у выпускников аграрных образовательных учреждений в Крыму связаны, прежде всего, не с отсутствием рабочих мест в сельскохозяйственных предприятиях, а с их несбалансированностью в разрезе отдельных специальностей. Так, за период 2014–2016 гг. отклонения фактической занятости работников аграрного сектора экономики Крыма от их штатной потребности сократились на 24,4 % (с 217 человек в 2014 г. до 164 человек в 2016 г.). Наибольшая потребность выявлена по следующим специалистам-аграриям:

– специалисты по охране окружающей среды (экологи) – 158 человек;

– экономисты АПК – 74 человека;

– работники служб управления персоналом всех уровней (руководители, заместители руководителей служб по кадрам, специалисты, инспекторы по кадрам) – 54 человека;

– руководители среднего звена (начальники цехов, отделов, участков, комплексов, управляющие отделениями, фермами и др.) – 28 человек;

– главные агрономы – 26 человек;

– главные зоотехники – 21 человек.

В свою очередь, переизбыток или наибольший отрицательный спрос выявлен по бухгалтерам – 82 человека, агрономам всех специальностей – 32 человека, энергетикам и электрикам – 36 человек, ветеринарным врачам, ветфельдшерам, ветинспекторам – 15 человек, главным бухгалтерам – 12 человек.

На сегодняшний день в АПК Крыма практически отсутствует эффективный экономико-организационный механизм регулирования спроса и обеспечения образовательного предложения специалистов-аграриев. Выявленная потребность в работниках аграрного профиля, к сожалению, носит оперативный характер. Однако можно констатировать, что существующая система аграрного образования Республики Крым может полностью обеспечить потребности производственно-отраслевого спроса аграрного сектора экономики, причем не только Крыма, а и других аграрно-ориентированных регионов Российской Федерации. Для этого необходима поступательная реализация методологических концептов развития системы аграрного образования в контексте стратегической необходимости инновационно-технологического обеспечения экономики АПК посредством формирования целостной системы управления качеством подготовки и развитием потенциала специалистов-аграриев. Одной из прочих причин нежелания выпускников аграрных вузов следовать профессиональной траектории профильного развития является сравнительно низкий уровень заработной платы в отрасли сельскохозяйственного производства. В этой связи ориентирами приоритетов повышения эффективности трудового потенциала АПК в процессе его реализации должны выступать:

– структурная перестройка всего производственно-хозяйственного комплекса региона;

– возрождение экономически значимых аграрных отраслей экономики полуострова;

– обоснование сбалансированного с потребностями АПК образовательного предложения специалистов-аграриев;

– активизация процесса обучения специалистов-аграриев высшего и среднего звена на основе принципов дуальности, предусматривающих взаимосвязь академической теоретической подготовки и практической работы на сельскохозяйственных предприятиях.

Болонский процесс, к которому Россия присоединилась в 2003 г., предусматривает пересмотр структуры и содержания дисциплин в высших учебных заведениях, разработку новых подходов к организации учебного процесса, повышение качества подготовки специалистов для обеспечения их конкурентоспособности на рынке труда. Первоочередной задачей здесь является формирование нового уровня мышления, объединяющего творческий потенциал, предпринимательство, готовность к риску, социальную и профессиональную мобильность, преодоление консервативных взглядов. Таким образом, основной целью системы аграрного образования Республики Крым должна быть подготовка конкурентоспособной личности, способной к самосовершенствованию и жесткой конкуренции на рынке труда.

Литература

1. Гурьева М. А., Симарова И. С. Основные подходы к типологизации регионов // Перспективы науки. 2017. № 9. С. 33–50.

2. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. О сущности и соотношении понятий «регион», «международный», «транснациональный» и «трансграничный» регион // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 3. С. 8–15.

3. Чертушкин К. О., Голубев Н. Е. Виды регионов-доноров и регионов-реципиентов // Инновационно-технологическое развитие науки: сборник статей международной научно-практической конференции (Волгоград, 05 апреля 2017): в 3-х ч. Ч. 1. Уфа, 2017. С. 262–264.

4. Валовой региональный продукт Республики Крым // Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_Crimea/grp/ (дата обращения: 25.01.2018).

5. Экономика АПК Крыма: состояние и перспективы развития: монография / под ред. А. К. Джалал, П. Н. Майданевича. Симферополь: ДИАЙПИ, 2017. 514 с.

6. Харсеева А. В., Афонина Д. В. Республика Крым – инвестиции и стратегия развития // ASPECTUS. 2016. № 3. С. 88–92.

7. Митина Э. А. Современное состояние и проблемы развития системы образования в Республике Крым // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55-1. С. 233–239.

8. Ящук Т. Ф. Формирование системы учреждений высшего образования в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 45–51.

9. Приемная комиссия КФУ им. В. И. Вернадского. Проходные баллы в 2017 году. Режим доступа: http://abitur.cfuv.ru/abitur/vysshee-obrazovanie/prokhodnye-bally-v-2017-godu (дата обращения: 27.01.2018).

10. Анисимова Н. Ю. Комплексная оценка современного состояния кадрового обеспечения АПК Республики Крым // KANT. 2017. № 4. С. 145–150.

11. Поддержка кадрового потенциала АПК // Министерство сельского хозяйства Республики Крым. Режим доступа: http://msh.rk.gov.ru/rus/info.php?id=653783 (дата обращения: 27.01.2018).

TRANSFORMATION OF AGRICULTURAL EDUCATION SYSTEM AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AGRARIAN AND INDUSTRIAL COMPLEX IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Natalia Yu. Anisimova[1, @1]

[1] *Vernadsky Crimean Federal University, 4, Academician Vernadsky Ave., Simferopol, Russia, 295007*
[@1] *anisimova.99@mail.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: agro-industrial complex, agrarian region, the Republic of Crimea, staffing plan, agricultural education, flagship university.

Abstract: The paper features theoretical and methodical approaches to the classification of regions from positions of modern region studies. It contains social and economic characteristics of the Republic of Crimea as an agrarian region. The author has monitored the current state of agrarian and industrial complex of the Republic of Crimea. The research has revealed that although agriculture is responsible for 17,1 % of the gross regional product, only 5,0 % of labor capacity of the region are engaged in the agrarian sphere of economy, and only 6,3 % of Crimean students major in agriculture. A complex analysis of the Crimean agrarian complex has revealed that the problem of qualified personnel deficiency is not acute for the regional economy, as there is an agricultural institute, as well as a number of minor vocational education institutions. A more relevant task is to improve the quality of training of young specialists and to attract them into rural areas; for this purpose a system and target approach to agrarian education has been established in the region. The transformation of agricultural education in the republic should be based on the model of a well-balanced interindustrial staffing plan of agrarian and industrial complex according to sustainable development programs of rural territories in the region.

For citation: Anisimova N. Yu. Transformatsiia sistemy agrarnogo obrazovaniia kak faktor ustoichivogo razvitiia APK Respubliki Krym [Transformation of Agricultural Education System as a Factor of Sustainable Development of the Agrarian and Industrial Complex in the Republic of Crimea]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 18–27. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-18-27.

References

1. Gur'eva M. A., Simarova I. S. Osnovnye podkhody k tipologizatsii regionov [Main approaches to the typology of regions]. *Perspektivy nauki = Prospects of science*, no. 9 (2017): 33–50.

2. Fedorov G. M., Korneevets V. S. O sushchnosti i sootnoshenii poniatii «region», «mezhdunarodnyi», «transnatsional'nyi» i «transgranichnyi» region [On the essence and a ratio of the concepts «region», «international», «transnational» and «cross-border» region]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, no. 3 (2010): 8–15.

3. Chertushkin K. O., Golubev N. E. Vidy regionov-donorov i regionov-retsipientov [Types of donor regions and recipient regions]. *Innovatsionno-tekhnologicheskoe razvitie nauki: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Volgograd, 05 aprelia 2017)* [Innovative and technological development of science: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (Volgograd, April 05 2017)]. Ufa, part. 1 (2017): 262–264.

4. *Valovoi regional'nyi produkt Respubliki Krym* [Gross regional product of the Republic of Crimea]. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/ stat_crimea/grp/ (accessed 22.01.2018).

5. *Ekonomika APK Kryma: sostoianie i perspektivy razvitiia* [Economy of agrarian and industrial complex of the Crimea: state and prospects of development]. Ed. Dzhalal A. K., Maidanevich P. N. Simferopol: DIAIPI, 2017, 514.

6. Kharseeva A. V., Afonina D. V. Respublika Krym – investitsii i strategiia razvitiia [The Republic of Crimea – investments and the development strategy]. *ASPECTUS*, no. 3 (2016): 88–92.

7. Mitina E. A. Sovremennoe sostoianie i problemy razvitiia sistemy obrazovaniia v Respublike Krym [The current state and problems of development of an education system in the Republic of Crimea]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia = Problems of modern pedagogical education*, no. 55-1 (2017): 233–239.

8. Iashchuk T. F. Formirovanie sistemy uchrezhdenii vysshego obrazovaniia v Rossiiskoi Federatsii [Formation of system of institutions of higher education in the Russian Federation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, no. 2 (2017): 45–51.

9. *Priemnaia komissiia KFU im. V. I. Vernadskogo. Prokhodnye bally v 2017 godu* [Selection committee of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Lowest passing scores in 2017]. Available at: http://abitur.cfuv.ru/abitur/vysshee-obrazovanie/prokhodnye-bally-v-2017-godu (accessed 27.01.2018).

10. Anisimova N. Iu. Kompleksnaia otsenka sovremennogo sostoianiia kadrovogo obespecheniia APK Respubliki Krym [Complex assessment of the current state of the staffing of the Agroindustrial Complex of the Republic of Crimea]. *KANT*, no. 4 (2017): 145–150.

11. *Podderzhka kadrovogo potentsiala APK* [Support of personnel capacity of agrarian and industrial complex]. Available at: http://msh.rk.gov.ru/rus/info.php?id=653783 (accessed 27.01.2018).

УДК 314.012:332.135 (571.56)

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И МОНОГОРОДА В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

Татьяна С. Мостахова[1, @]

[1] *Якутский научный центр Сибирского отделения РАН, 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 2*
[@] *mostakhovats@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: пространственное развитие, расселение, северный регион, моногорода, Республика Саха (Якутия).

Аннотация: Расселение населения представляется значимым фактором устойчивого развития территории. Диспропорции, сформированные в течение определенного периода времени в пространственном развитии, касающиеся главным образом диспропорций центра и периферии, городских и сельских поселений, актуализируют внимание к процессам расселения населения, выявлению перспектив их развития.
На протяжении последних десятилетий основной тенденцией в расселении выступает стягивание населения к центру и отрицательная динамика периферийных территорий. Глубинные трансформационные изменения в России, совпавшие со значительными демографическими переменами, привели к усилению дихотомии между фокусными точками и провинцией.
В северных и арктических регионах это выражается в сокращении числа населенных пунктов, как городских, так и особенно сельских. Разрежение поселенческой сети, углубление территориальной концентрации населения приводят к еще большему обезлюдению пространства. На фоне свертывания сельского расселения происходят изменения в городском расселении, где значительную долю имеют моногорода. Нестабильность градообразующей базы создает угрозы демографическому потенциалу моногородов.
Моногорода, возникновение которых на Севере связано со спецификой регионального развития территорий, ориентированного на добычу природных ресурсов стратегического значения, не должны оцениваться только как несостоятельная форма пространственной организации населения. Сохранение ориентации на сырьевую экономику, которая по-прежнему остается основным подходом в развитии северных и арктических территорий, вряд ли будет способствовать как диверсификации экономики, так и созданию условий для комплексного развития системы расселения, в том числе и моногородов.

Для цитирования: Мостахова Т. С. Проблемы территориальной концентрации населения и моногорода в северном регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 28–32. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-28-32.

Значимым фактором устойчивого развития территории можно оценивать расселение населения, т. е. его пространственную организацию. Система населенных пунктов, организованная в поселенческий каркас, выступает той отправной точкой, от которой выстраиваются векторы дальнейшего территориального развития. Диспропорции, сформированные в течение определенного периода времени в пространственном развитии, касающиеся главным образом диспропорций центра и периферии, городских и сельских поселений, актуализируют внимание к процессам расселения населения, выявлению перспектив их развития.

На протяжении последних десятилетий основной тенденцией в расселении выступает стягивание населения к центру и отрицательная динамика периферийных территорий [1]. Усиление концентрации населения в рамках модели «центр-периферия» представляет основную региональную специфику для северных территорий; это касается прежде всего сельского расселения. Следует отметить, что динамика развития сельских и городских поселений, в том числе и моногородов, тесно связана и взаимообусловлена, несмотря на кажущуюся взаимонезависимость и противоречивость их развития.

Присутствие центростремительных векторов в динамике сельских поселений, которые по существу определяют устойчивость поселенческого каркаса, выражается в сокращении числа населенных пунктов. Сельским территориям в современных условиях присуще сильное экономическое сжатие, обусловленное такими процессами, как рост доли убыточных сельских предприятий, сокращение бюджетной поддержки сельского хозяйства, деградация сельской инфраструктуры. Разрежение поселенческой сети, углубление территориальной концентра-

ции населения приводят к еще большему обезлюдению пространства.

Специфика пространственной дифференциации расселения республики вполне вписывается в рамки модели «центр-периферия»: с удалением от более заселенной центральной части снижаются плотность населения, размер и густота населенных пунктов. Расширение сети поселений, характерное для предшествующего периода экстенсивного освоения Севера, проявлялось в увеличении числа городских поселений, практически до переписи 1989 г. Если в 1959 г. в Якутии насчитывалось 48 городских населенных пунктов (городов и поселков городского типа), то к 1989 г. их число возросло до 78, т. е. практически в 1,6 раза. Для сельского же расселения было характерно присутствие иного тренда, а именно – сокращение числа поселений. В 1959 г. в республике было 4423 села, к 1989 г. их число уменьшилось до 719, т. е. более чем в 6 раз.

Процесс сокращения поселенческого каркаса в последующие годы распространился и на городское расселение. К 2010 г. число городских населенных пунктов сократилось до 55 (почти в 1,5 раза), а сельских – до 586, т. е. в 1,2 раза [2]. Таким образом, по темпам сокращения городское расселение «опередило» сельское.

Отмечаемое «стягивание» сельского расселения выражает такое фундаментальное свойство географического пространства, как концентрация, которое выражается в наличии, с одной стороны, множества густонаселенных районов, а с другой стороны, обширных территорий практически без постоянного населения.

Сжатие поселенческого каркаса количественно можно отразить в таком показателе, как индекс территориальной концентрации, рассчитываемый как доля (в %) территории наиболее плотнонаселенных районов, сосредоточивающих 50 % всего ее населения, в общей площади региона [3]. В республике за 2002–2010 гг. территориальная концентрация усилилась практически в 1,5 раза. По данным за 2010 г. половина населения региона проживает всего на 4,07 % территории (для сравнения, в 2002 г. – на 6 %).

Число городских населенных пунктов сокращается за счет поселков городского типа – с 55 до 42. Среди них более всего уменьшилось число поселений с людностью от 10 до 20 тыс. человек и от 3 до 5 тыс. человек. Особенностью городского расселения Якутии является то, что некоторые из городов сохраняют свой городской статус только в силу историко-географических обстоятельств, по существу не имея необходимой для статуса города численности населения. Более 69 % всего числа городов занимают поселения с численностью от 5 до 50 тыс. человек. Наблюдается, таким образом, исторически сложившееся несоответствие между рангами «город», «поселок городского типа» и критерием «людность» [4].

Половина населения проживает в больших городах людностью свыше 100 тыс. человек. В поселках городского типа основная часть жителей (61,2 %) также сосредоточена в более крупных поселениях людностью свыше 10 тыс. человек, которые представляют собой фактически малые города.

Наибольшую густоту городское расселение имеет в районах т. н. старопромышленного освоения.

Особенности городского расселения в республике подтверждают справедливость выводов Л. Б. Карачуриной и Н. В. Мкртчяна о том, что региональные процессы действуют менее однозначно, чем это следует из классической теории Дж. Фридмана «центр-периферия», согласно которой кристаллизация массы вокруг ядра приводит к расплыванию границ ядра и усилению его силы (мощности) [5]. Вследствие неравномерности экономического роста и процессов пространственной поляризации неизбежно возникают диспропорции между центром и периферией. Однако на уровне отдельных регионов абсолютные и однозначные «центры» не возникают, а наблюдается многослойность пространства, множественность ядер и периферий поляризации. И в Республике Саха (Якутия) столица г. Якутск не выступает единственным центром притяжения и поляризации.

Городские поселения можно считать ядрами кристаллизации опорной сети расселения, в то время как сельские поселения следует расценивать как элементы расселения, придающие устойчивость этой сети. К сожалению, современная динамика сельского расселения не показывает развитие этой устойчивости, характеризуясь сокращением сельских поселений, что было отмечено ранее.

Размещение сельского населения имеет более ощутимые территориальные различия по сравнению с городским расселением. Плотность городского расселения определяется, прежде всего, их зависимостью от наличия очагов промышленного освоения. А сельское расселение в большей степени зависит от сельскохозяйственной освоенности территории, природно-климатических условий, особенностей рельефа и гидрографической сети. Вследствие этого сельский поселенческий каркас имеет явную картину тяготения поселений от периферии к центру.

Сжатие сельского поселенческого каркаса и сокращение городских населенных пунктов по существу имеют один главный фактор, а именно – миграционные процессы. Им присуща особая значимость в формировании населения северных регионов и сохранении демографической безопасности региона. В силу более высокой степени реагирования на те или иные факторы миграционные процессы активно и быстро воздействуют на демографическую ситуацию, изменяя численность населения, структуру населения по возрасту и полу, другие демографические характеристики, в том числе и, пожалуй, в первую очередь, на размещение населения. Это их главное отличие от процессов естественного воспроизводства населения, которое обладает в достаточной степени инерционным характером.

В начале процесса хозяйственного освоения территории Якутии миграция являлась главным источником роста численности населения на Севере, в том числе и в Республике Саха (Якутия). Наибольшие

показатели миграционного сальдо в республике регистрировались в 70-х – 80-х гг., что было обусловлено интенсивным промышленным строительством. В 90-е гг. в регионе стало отмечаться отрицательное миграционное сальдо. Миграционный отток был настолько существенным, что стало регистрироваться сокращение общей численности населения региона. Тенденции пространственного развития реализуются в миграционных потоках, через которые, собственно говоря, и происходит трансформация пространства, изменения в территориальном распределении и производства, и населения, и мест его локализации (населенных пунктов).

В результате на фоне свертывания сельского расселения стали отмечаться и существенные изменения в городском расселении, где значительную долю имеют моногорода. Нестабильность градообразующей базы создала определенные угрозы демографическому потенциалу в городской местности, в том числе и для моногородов.

Большая часть городских поселений Якутии была монопрофильной, что было обусловлено горнодобывающей специализацией региона. Городское поселение при горнодобывающем предприятии – это самый распространенный тип городского поселения региона.

Интенсивное промышленное освоение природно-ресурсного потенциала Якутии в советское время проходило более быстрыми темпами, чем создание институтов государственного управления. Новые территории хозяйственного освоения не имели других субъектов, способных предоставить минимальный спектр социальных услуг. Монопрофильные поселения Севера становились своеобразными ядрами концентрации в системе расселения. Новые экономические условия привели к длительной стагнации монофункциональных систем расселения, которая обострилась в период кризиса 2008–2009 гг. Одним из проявлений этой стагнации стало обострение проблемы сокращения городского населения, оказавшееся особенно катастрофическим для северной системы расселения. Многие монофункциональные поселения Севера утратили градообразующую основу в связи с закрытием горнодобывающих предприятий. Следует подчеркнуть, что большинство городов и поселков городского типа можно отнести к монопрофильным поселениям, учитывая специфику формирования поселенческого каркаса в северных регионах.

Проблемы в развитии расселения в целом и в развитии монопрофильных поселений обусловили разработку специального проекта по развитию моногородов. В Республике Саха (Якутия) в проекте «Моногорода» участвуют 6 населенных пунктов – Мирный, Айхал, Удачный, Нерюнгри, Нижний Куранах и Мохсоголлох. Градообразующими предприятиями для них выступают АК «АЛРОСА», ХК «Якутуголь», АО «Алданзолото ГРК» и АО «Якутцемент». В рамках программы «Комплексное развитие моногородов» планируется создать в этих населенных пунктах территории опережающего социально-экономического развития, реализовать муниципальные программы поддержки малого и среднего предпринимательства. Для поддержки комплексного развития в моногородах предусмотрено субсидирование строительства объектов для инвестиционных проектов, квоты для подготовки медицинских и педагогических кадров и др. меры. В г. Нерюнгри к 2020 г. будет создан индустриальный парк «Нерюнгринский», в п. Удачный – предприятие по переработке молочной и кисломолочной продукции. В г. Мирный планируется развитие инженерной инфраструктуры для индивидуального жилищного строительства, производство строительных материалов. В п. Мохсоголлох запланировано создание палаточного городка первостроителей, «Центра инноваций в социальной сфере». В п. Нижний Куранах появится нефтеперерабатывающий завод «Куранах», запланирована модернизация асфальтобетонного завода, строительство завода железобетонных изделий и др.

Таким образом, анализ пространственной дифференциации расселения представляет важный компонент обеспечения социально-экономической безопасности развития территорий. Актуальность подобных исследований обусловлена такими явлениями, как усиление центростремительного вектора и, соответственно, диспропорций в пространственном развитии, а также связана с теми задачами, которые поставлены в Стратегии пространственного развития РФ.

В северных регионах, в том числе и в Республике Саха (Якутия), отмечаемый ранее рост городских поселений сменился на иной тренд к сокращению числа городских поселений при одновременном значительном сокращении сельских населенных пунктов. Происходит дальнейшее углубление территориальной концентрации населения; присутствуют внутрирегиональные центро-периферийные градиенты; население все более расселяется в региональных центрах и ближайших к ним районах, а остальные территории подвергаются депопуляции.

Перспективы тех или иных поселений, безусловно, определяются не только их демографическим потенциалом, но и экономическим потенциалом территорий. В этом аспекте вероятны благоприятные условия для возрождения некоторых арктических поселений, ранее являвшихся базами Северного морского пути, поселений, перспективных для участия в промышленном освоении минерально-сырьевых ресурсов или для размещения вооруженных сил. Все эти возможности напрямую связаны с перспективами освоения Арктики, интерес к которой обусловлен ее природно-сырьевым потенциалом и геополитической значимостью [6–8].

Говоря о монопрофильных поселениях, нельзя однозначно утверждать об их несостоятельности как своеобразной форме расселения населения. Возникновение моногородов на Севере связано со спецификой регионального развития северных территорий, ориентированного на добычу природных ресурсов, полезных ископаемых стратегического значения. В условиях, когда основным драйвером было освоение месторождений полезных ископаемых, формирование монопрофильных поселений было закономерным явлением.

Ориентация на сырьевую экономику по-прежнему остается основным подходом в развитии северных и арктических территорий, несмотря на декларированность более диверсифицированного развития. Сохранение такого подхода вряд ли будет способствовать как диверсификации экономики, так и созданию условий для комплексного развития системы расселения, в том числе и моногородов.

Литература

1. Мкртчян Н., Карачурина Л. Региональные столицы и глубинка // Демоскоп Weekly. № 575–576. 18 ноябр – 1 декабря 2013. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema01.php (дата обращения: 27.01.2018).

2. Мостахова Т. С. Демографические аспекты развития сельских территорий Республики Саха (Якутия) // ЭКО. 2015. № 4. С. 138–143.

3. Лейзерович Е. Е. Опыт количественной оценки территориальной концентрации населения мира // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 72–82.

4. Федорова Е. Н. Проблемы оптимизации городского расселения Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. 2007. № 3. С. 114–117.

5. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центро-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 82–108.

6. Пахомов А. А., Мостахова Т. С. Современные вопросы освоения Арктики // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы VI международной научно-практической конференции (22–23 июня 2015). North Charleston, USA: CreateSpace, 2015. С. 216–218.

7. Мостахова Т. С. Сельские поселения Арктики: демографические аспекты устойчивого развития // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера: материалы Четвертого Всероссийского научного семинара: часть I. Сыктывкар, 2014. С. 88–96.

8. Мостахова Т. С., Туманова Д. В. Арктика: проблемы освоения и воспроизводства населения (на примере Республики Саха (Якутия)) // Экономика, социология и право. 2015. № 1. С. 114–116.

THE PROBLEM OF TERRITORIAL POPULATION CONCENTRATION AND THE ONE-INDUSTRY TOWNS IN THE NORTHERN REGION (THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Tatyana S. Mostakhova[1, @]

[1] *Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2, Petrovsky St. , Yakutsk, Russia, 677000*
[@] *mostakhovats@mail.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: spatial development, resettlement, Northern region, single-industry towns, Republic of Sakha (Yakutia).

Abstract: The resettlement of the population appears to be a significant factor in the sustainable development of the territory. The imbalances in spatial development that have been forming during a certain period of time concern mostly the imbalances between the center and the periphery, urban and rural settlements. This disproportion draws scientific attention to the processes of population concentration and the prospects for their development.

Over the past decades, the main trend in resettlement has been the flow of the population to the center and the negative peripheral dynamics. The deep transformational changes in Russia, which coincided with significant demographic changes, resulted in an increasing dichotomy between the focal point and the province.

In the Northern and Arctic regions, this tendency is reflected in a reduction in the number of settlements, both urban and rural. The dilution of the settlement network, together with the deepening of the territorial population concentration, lead to even greater depersonalization on the territory. Rural settlement downturn has been accompanied by certain changes in the character of urban settlements, where a significant proportion belongs to single-industry towns. The instability of the city-forming base poses a threat to the demographic potential of single-industry towns.

Northern ingle-industry towns owe their existence to the specifics of regional development that has always been focused on the extraction of strategically important

natural resources. They should not be evaluated only as an untenable form of spatial organization of the population. The current focus on the raw materials economy still prevails in the development of the Northern and Arctic territories, and it is unlikely that such an approach will contribute to either economic diversification or the creation of conditions for the integrated development of the settlement system, including single-industry towns.

For citation: Mostakhova T. S. Problemy territorial'noi kontsentratsii naseleniia i monogoroda v severnom regione (na primere Respubliki Sakha (Iakutiia)) [The Problem of Territorial Population Concentration and the One-Industry Towns in the Northern Region (the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 28–32. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-28-32.

References

1. Mkrtchian N., Karachurina L. Regional'nye stolitsy i glubinka [The regional capital and the provinces]. *Demoskop Weekly = Demoscope Weekly*, no. 575–576 (18 November Kodeks 1 December 2013). Available at: http://demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema01.php (accessed 27.01.2018).

2. Mostakhova T. S. Demograficheskie aspekty razvitiia sel'skikh territorii Respubliki Sakha (Iakutiia) [Demographic aspects of development of rural territories of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *EKO = ECO*, no. 4 (2015): 138–143.

3. Leizerovich E. E. Opyt kolichestvennoi otsenki territorial'noi kontsentratsii naseleniia mira [Experience of quantitative evaluation of the territorial concentration of the world's population]. *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiia naseleniia i sotsial'naia geografiia* [Questions of Geography. Sat. 135: Geography of the population and social geography]. Ed. Alekseev A. I., Tkachenko A. A. Moscow: Kodeks, 2013, 72–82.

4. Fedorova E. N. Problemy optimizatsii gorodskogo rasseleniia Respubliki Sakha (Iakutiia) [Problems of optimization of urban settlement of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Nauka i obrazovanie = Science and education*, no. 3 (2007): 114–117.

5. Karachurina L. B., Mkrtchian N. V. Izmenenie chislennosti naseleniia administrativnykh raionov i gorodov Rossii (1989–2010 gg.): tsentro-periferiinye sootnosheniia [The changes in the population of administrative districts and cities of Russia (1989–2010): center-periphery ratio]. *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiia naseleniia i sotsial'naia geografiia* [Questions of Geography. Sat. 135: Geography of the population and social geography]. Ed. Alekseev A. I., Tkachenko A. A. Moscow: Kodeks, 2013, 82–108.

6. Pakhomov A. A., Mostakhova T. S. Sovremennye voprosy osvoeniia Arktiki [The modern development of the Arctic]. *Aktual'nye napravleniia fundamental'nykh i prikladnykh issledovanii. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–23 iiunia 2015*) [Actual directions of fundamental and applied research: Proc. VI Intern. Sc.-Prac. Conf. (June 22–23 2015)]. North Charleston, USA: CreateSpace, 2015, 216–218.

7. Mostakhova T. S. Sel'skie poseleniia Arktiki: demograficheskie aspekty ustoichivogo razvitiia [Rural settlement in the Arctic: demographic aspects of sustainable development]. *Aktual'nye problemy, napravleniia i mekhanizmy razvitiia proizvoditel'nykh sil Severa: materialy Chetvertogo Vserossiiskogo nauchnogo seminara* [Actual problems, directions and mechanisms of development of the productive forces of the North: Proc. Fourth All-Russian Sc. Sem.]. Syktyvkar, part I (2014): 88–96.

8. Mostakhova T. S., Tumanova D. V. Arktika: problemy osvoeniia i vosproizvodstva naseleniia (na primere Respubliki Sakha (Iakutiia)) [The Arctic: problems of development and population reproduction (the Republic of Sakha (Yakutia))]. *Ekonomika, sotsiologiia i pravo = Economics, sociology and law*, no. 1 (2015): 114–116.

УДК 316.334.52+331.58

КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ ВЫПУСКНИКОВ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ ТРУДА

Татьяна Ю. Стукен[1, @]

[1] *Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55-а*
[@] *Stuken@omsu.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: региональные рынки труда, занятость, качество занятости, выпускники вузов, соответствие рабочего места уровню и профилю образования.

Аннотация: Предмет исследования – занятость выпускников вузов на примере Сибирского федерального округа. Цель – оценка качества занятости выпускников. Исследование базируется на микроданных обследования рабочей силы, проводимого Росстатом. Методология основана на сравнении качественных характеристик занятости (трудоустройство в соответствии с уровнем и профилем образования, формальная / неформальная, полная / неполная занятость), на основании которых могут быть сделаны выводы о спросе на труд выпускников. Методы исследования – дескриптивный анализ, регрессионный анализ.

Полученные результаты показали, что треть выпускников трудится на рабочих местах, не требующих высшего образования, и не по профилю полученного образования. Каждый восьмой занят в неформальном секторе. Эти показатели свидетельствуют о более низком качестве занятости выпускников, работающих на территории Сибирского федерального округа, по сравнению со средними для России характеристиками.

Регрессионный анализ выявил, что трудоустройство в соответствии с уровнем и профилем полученного образования детерминировано преимущественно индивидуальными характеристиками выпускников. Лучшие шансы имеют специалисты в области медицины, худшие – выпускники сельскохозяйственных специальностей и направлений подготовки. Не подтвердились предположения о высоком спросе на специалистов в области техники и технологии и о низком спросе – на специалистов в области экономики и управления. Их показатели трудоустройства примерно равны и соответствуют средним значениям.

Полученные выводы могут быть использованы при формировании программ развития образования (прежде всего, на уровне опорных университетов) и совершенствования образовательных программ.

Для цитирования: Стукен Т. Ю. Качество занятости выпускников на региональных рынках труда // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 33–39. DOI:10.21603/2078-8975-2018-1-33-39.

Одной из важнейших задач, стоящих перед создаваемой в стране сетью опорных региональных университетов, является превращение их в драйверы развития территорий. Для выполнения этой задачи важно понимать роль и место университета и его выпускников в регионе [1; 2]. Среди индикаторов, определяющих позиции университета в регионе, ключевым является занятость его выпускников.

Занятость выпускников в последнее время является предметом пристального внимания специалистов. Отмечается существование глубокого разрыва между профессионально-квалификационной структурой выпускников системы профобразования, с одной стороны, и потребностями рынка труда – с другой. Среди причин такой ситуации обычно называют:

− во-первых, смещение структуры подготовки в сторону кадров высшей квалификации при существовании неудовлетворенного спроса на рабочие специальности и специалистов средней квалификации;

− во-вторых, смещение структуры выпуска в сторону популярных направлений подготовки (экономика, менеджмент, юриспруденция и пр.) при существенном сокращении выпуска в области техники и технологий.

Выводы о дисбалансе рынка труда, как правило, строятся на основе анализа данных системы образования, формирующей предложение труда. Но корректный анализ профессионально-квалификационной структуры рынка труда требует учета не только предложения, но и характеристик спроса на труд и в конченом итоге – качества занятости.

Качество занятости представляет собой многомерную категорию, включающую не только монетарные, но и немонетарные характеристики [3, p. 9] Так, эксперты ОЭСР рассматривают его с использованием трех групп индикаторов: уровень заработной платы, защищенность на рынке труда, качество рабочей среды, включая содержание труда [4]. В свою очередь, содержание труда применительно к качеству занятости выпускников можно рассматривать через особо актуальные для этой группы (ввиду отсутствия трудового стажа) показатели соответствия рабочего места уровню и профилю полученного образования, а защищенность на рынке труда – через формаль-

ную / неформальную, полную / неполную занятость, занятость в неформальном секторе. Величина заработной платы также имеет важное значение для анализа качества занятости выпускников, однако информация по ней не всегда представлена достаточно полно в сочетании с другими актуальными для выпускников характеристиками занятости. Кроме того, использование данных по заработной плате в регионах требует нивелирования различий в региональных уровнях заработных плат и их покупательной способности, что представляет собой отдельную исследовательскую проблему.

Образовательная политика вуза в значительной мере влияет на качество занятости выпускников, определяя формирование набора компетенций, с которыми они выходят на рынок труда. Важность соответствия рабочего места сформированным компетенциям объясняется многими экономистами.

Во-первых, существует статистически значимая связь между показателем несоответствия компетенций (навыков) и структурной составляющей безработицы [5].

Во-вторых, отдача от специализированных профессиональных знаний имеется только в том случае, если человек работает в соответствии с профилем полученного образования [6].

В-третьих, избыточный уровень образования ведет к росту безработицы среди высококвалифицированных работников, увеличению ее продолжительности и последующим дополнительным затратам на переобучение для работы на местах, требующих более низкой квалификации [7].

При наличии дефицита выпускников какого-либо профиля подготовки логично ожидать более высоких по сравнению со средними показателей трудоустройства и в целом, и в соответствии с полученным профилем и уровнем образования. Также, хотя и с меньшей уверенностью, можно утверждать, что распространенность неполной занятости и неформального трудоустройства в формальном секторе, работы в неформальном секторе по основному месту работы у таких выпускников будет ниже средней. И напротив, если на рынке труда существует избыток выпускников по какой-либо профессии, показатели трудоустройства окажутся ниже средних, а распространенность неполной и неформальной занятости по основному месту работы – выше.

Факторы, определяющие соответствие уровня и профиля образования рабочему месту, включают индивидуальные различия, региональные характеристики и характеристики рынков труда [8–11].

Целью настоящего исследования является анализ качества занятости выпускников системы высшего образования в регионах Сибирского федерального округа (СФО), одного из крупнейших по территории федеральных округов, имеющего, с одной стороны, большой потенциал развития, а с другой – значительное количество проблем, связанных с недостаточностью инвестиций и развития социальной сферы и инфраструктуры, миграционным оттоком населения (особенно молодежи) из большинства регионов округа.

Информационной базой исследования выступила база данных ежемесячного обследования рабочей силы (2010–2015 гг.), находящаяся в открытом доступе [12].

Выпускники вузов были идентифицированы следующим образом:

– возраст респондента – до 29 лет включительно;

– образование – высшее. Более корректно было бы анализировать трудоустройство в разрезе уровней профессионального образования, однако имеющаяся база данных не позволяет идентифицировать все уровни высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура);

– период, прошедший после окончания вуза – не более года.

Общий объем выборки составил 4567 наблюдений. Работу имеют 70,8 % респондентов, еще 19,6 % хотели бы иметь оплачиваемую работу. Отметим, что уровень занятости выпускников вузов в СФО ниже общероссийского, а уровень незанятости – выше. В среднем по стране работают 73,9 % выпускников вузов с высшим образованием, 17,6 % хотят иметь оплачиваемую работу.

Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что уровни занятости и безработицы существенно различаются по регионам СФО.

Таблица 1. Показатели трудоустройства выпускников вузов в регионах Сибирского федерального округа
Table 1. Indicators of employment among graduates in the regions of the Siberian Federal District

Регион	Уровень занятости, %	Уровень незанятости, %	Уровень безработицы, %
Республика Алтай	66,40	33,60	13,00
Республика Бурятия	64,50	35,50	12,70
Республика Тыва	54,50	45,50	27,70
Республика Хакасия	70,50	29,50	18,40
Алтайский край	70,40	29,60	14,30
Забайкальский край	63,60	36,40	20,30
Красноярский край	78,20	21,80	9,40
Иркутская область	73,40	26,60	13,50
Кемеровская область	74,10	25,90	14,60

Регион	Уровень занятости, %	Уровень незанятости, %	Уровень безработицы, %
Новосибирская область	78,40	21,60	8,30
Омская область	63,00	37,00	12,10
Томская область	67,60	32,40	10,10

Наибольшие проблемы с трудоустройством отмечаются по южным регионам Восточной Сибири – в Забайкалье, Тыве (уровень безработицы более 20 %). Лучшие показатели зафиксированы в Красноярском крае и Новосибирской области, где уровень занятости превысил 78 %, а уровень безработицы составил менее 10 %.

Основные показатели качества занятости выпускников вузов, проживающих в СФО и РФ, представлены в таблице 2. Они свидетельствуют о том, что большинство рассматриваемых характеристик качества занятости выпускников, проживающих на территории СФО, ниже, чем в среднем по стране.

Вместе с тем различия приведенных показателей по регионам весьма значительны и слабо коррелируют с ситуацией на региональных рынках труда (таблица 3).

Таблица 2. Характеристики занятости выпускников вузов Сибирского федерального округа и РФ
Table 2. Characteristics of employment of graduates in the Siberian Federal District vs. the rest of the Russian Federation

Показатель	Значение, %	
	СФО	РФ
Работают в соответствии с полученным профилем образования. (Показатель рассчитывался по суммарной доле ответов «Да» и «Скорее да» на вопрос о соответствии работы полученной специальности).	62,3	65,8
Работают в соответствии в полученным уровнем образования. (Соответствие определялось на основании отнесения респондента к руководителям или специалистам высшего уровня квалификации).	62,4	59,5
Работают по найму на основе устной договоренности	2,2	1,8
Работают в неформальном секторе	13,1	12,5
Работают неполное рабочее время по найму	1,7	0,8

Таблица 3. Характеристики занятости выпускников вузов по регионам Сибирского федерального округа
Table 3. Characteristics of employment among graduates according to regions of the Siberian Federal District

Регион	Доля занятых, %				
	в соответствии с профилем образования	в соответствии с уровнем образования	по найму на основе устной договоренности	в неформальном секторе	неполное рабочее время
Республика Алтай	55,4	56,0	3,7	14,3	0,6
Республика Бурятия	68,3	52,7	0,6	16,8	0,6
Республика Тыва	71,1	66,7	2,5	11,1	1,6
Республика Хакасия	63,4	50,0	0,8	20,9	0,0
Алтайский край	59,7	57,1	1,8	15,2	0,5
Забайкальский край	66,2	66,2	2,6	15,9	1,1
Красноярский край	63,0	65,7	0,5	7,2	0,5
Иркутская область	61,6	57,5	3,3	13,8	1,0
Кемеровская область	56,8	55,3	2,1	8,3	1,1
Новосибирская область	65,4	61,0	2,0	6,7	1,4
Омская область	59,2	61,3	2,6	13,3	0,9
Томская область	62,1	55,3	3,8	12,4	2,1

Остановимся подробнее на показателях соответствия имеющейся работы уровню и профилю образования, поскольку именно они в наибольшей степени характеризуют влияние высшей школы на занятость выпускников и определяют роль и место системы высшего образования в регионе. Соответствие рабочего места по основной работе полученной специальности было оценено на основе ответа респондентов на вопрос о связи работы с полученной профессией (таблица 4).

Таблица 4. Оценка респондентами соответствия рабочего места профилю полученного образования, %
Table 4. Respondents' assessment of workplace compliance with the profile of their education, %

Группа специальностей (направлений подготовки)	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Объем подвыборки
Естественные науки и математика	45,1	10,8	6,9	37,3	102
Гуманитарные и социальные науки	51,9	11,9	7,6	28,7	513
Образование и педагогика	54,1	8,7	5,5	31,7	527
Здравоохранение	85,2	5,2	3,5	6,1	115
Культура и искусство	55,0	5,0	7,5	32,5	40
Экономика и управление	43,0	18,3	9,0	29,7	1073
Сельское хозяйство	29,1	17,4	4,7	48,8	86
Техника и технологий	49,9	11,2	6,8	32,1	748
Прочее	48,4	6,5	6,5	38,7	31
В среднем	49,2	13,1	7,3	30,4	100

Несмотря на то, что причины профессиональных диспропорций на рынке труда чаще всего связываются с избыточной подготовкой экономистов, данные таблицы 4 не подтверждают этого распространенного мнения. Действительно, по указанной группе специальностей фиксируется максимальный выпуск, однако и показатели трудоустройства по профилю образования находятся на уровне средних. Так, суммарная доля ответивших «да» и «скорее да» среди выпускников-экономистов оказалась такой же (61,3 %), как и среди выпускников в области техники и технологий (61,1 %). При этом значительно более худшие шансы на трудоустройство по специальности имеют выпускники сельскохозяйственных программ, из которых каждый второй не идет работать по специальности. Более высокие по сравнению со средними шансы на трудоустройство по специальности имеют выпускники программ в области здравоохранения. По остальным группам значительной вариации не обнаруживается.

Несмотря на то, что большинство выпускников устраивается работать на должности специалистов высшего уровня квалификации, каждый седьмой идет работать на должности специалистов среднего звена и примерно каждый пятый становится рабочим (таблица 5). Обращает на себя внимание и то, что почти 2 % выпускников занимают рабочие места, вообще не требующие профессионального обучения.

Оценку факторов, влияющих на соответствие работы полученной специальности и профилю образования проведем с использованием регрессионного анализа (логит-регрессии).

Таблица 5. Распределение работающих выпускников по видам занятий
Table 5. Distribution of working graduates according to occupation

Виды занятий	Удельный вес занятых, %
Руководители	6,99
Специалисты высшего уровня квалификации	52,55
Специалисты среднего уровня квалификации	15,64
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	4,79
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	10,08
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	1,27
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	3,68

Виды занятий	Удельный вес занятых, %
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	3,12
Неквалифицированные рабочие	1,89

Зависимые переменные:

1. Соответствие рабочего места профилю образования. Переменная принимает значение 1, если на вопрос о связи работы с полученной профессией респондент ответил «Да» или «Скорее да», и 0 – в противном случае.

2. Соответствие рабочего места уровню полученного образования. Переменная принимает значение 1, если занятие респондента относится к группе руководителей или специалистов высшего уровня квалификации, и 0 – в противном случае.

Все регрессоры условно можно поделить на две группы:

1. Индивидуальные характеристики работников, в том числе бинарные переменные, характеризующие пол респондента, его семейное положение, наличие детей, профиль образования.

2. Характеристики рынка труда, включающие тип населенного пункта, уровень безработицы в регионе, структуру занятости по видам экономической деятельности.

Обратимся к результатам расчетов.

Имеющиеся данные не позволили зафиксировать статистически значимое влияние характеристик рынка труда на вероятность трудоустройства в соответствии с полученным профилем и уровнем образования. Соответствие работы полученной профессии в большей степени детерминировано индивидуальными характеристиками выпускников и профилем полученного ими образования.

Снижение шансов на получение работы в соответствии с имеющейся специальностью отмечается для мужчин ($p<0,1$). Этот вывод согласуется с имеющимися исследованиями, в том числе и выполненными на примере взрослого населения по другим странам. Объяснением этого эффекта, в частности, может быть более высокая мобильность мужчин и меньшая распространенность в отношении них практик профессиональной сегрегации.

Шансы на получение работы по специальности и в соответствии с уровнем полученного образования снижаются при наличии у респондента детей ($p<0,05$). Данный факт хорошо объясняется ростом занятости в домашнем хозяйстве у таких индивидов. Кроме того, рост потребности в доходе может сокращать время поиска работы и приводить к снижению полезности профессиональной реализации при выборе рабочего места.

В части влияния профиля образования на трудоустройство результаты регрессионного анализа полностью подтвердили сделанные ранее выводы. Статистически значимо отличаются от средней вероятности трудоустройства по профессии показатели для получивших образование в области сельского хозяйства (отрицательное влияние, $p<0,01$) и медицинское образование (положительное влияние, $p<0,01$). Для медицинского образования, кроме того, зафиксирована более высокая вероятность трудоустройства в соответствии с уровнем образования ($p<0,01$).

Вероятность трудоустройства по специальности и в соответствии с уровнем полученного образования для выпускников остальных программ статистически значимо не отличается от средней. Возможно, что компетенции, приобретаемые выпускниками популярных у молодежи программ, позволяют им достаточно успешно строить карьеру на рынке труда в смежных областях деятельности. В то же время декларируемый высокий спрос на специалистов других, менее популярных профилей по факту таковым не является, поскольку выпускникам не предлагается конкурентоспособная заработная плата. В итоге сформированные узкоспециализированные навыки оказываются невостребованными, а издержки общества (как правило, более высокие, если речь идет о навыках в области техники, технологии, сельского хозяйства) не окупаются.

Практическим следствием полученных результатов, на наш взгляд, является осознание вузами необходимости проведения продуманной и взвешенной политики в части реализуемых программ. В частности, в отношении региональных опорных университетов речь может идти о формировании институциональной среды, создающей стимулы для:

– выстраивания региональных образовательных моделей, учитывающих состояние и структуру экономики региона;

– построения системы мониторинга трудоустройства выпускников, отражающей востребованность приобретенных в вузе навыков;

– трансформации образовательных программ (прежде всего, программ бакалавриата) в направлении снижения узкопрофильных дисциплин.

Литература

1. Chatterton P., Gooddard J. The Response of Higher Education Institutions to Regional Needs // European Journal of Education. 2000. Vol. 35. № 4. P. 475–496.

2. Leadership for World-Class University: Challenges for Developing Countries /ed. by Altbach P. G. N. Y.; L.: Routledge, 2010. 272 p.

3. Dahl S.-A., Nesheim T., Olsen K. M. Quality of work – concept and measurement: Working Papers on the Reconciliation of Work and Welfare in Europe. Edinburgh, 2009. 28 p.

4. How good is your job? Measuring and assessing gob quatity. Режим доступа: http://www.oecd.org/sdd/labour-stats/Job-quality-OECD.pdf (дата обращения: 20.01.2018).
5. Humal K. Education-occupation mismatch and its effect on unemployment in Sweden. Lind: Lind University. 2013. 33 p.
6. Heijke H., Meng C., Ramaekers G. An investigation into the role of human capital competences and their pay-off. Maastricht: Maastricht University, 2002. P. 750–773.
7. McGuinness S. Overeducation in the labour market // Journal of economic surveys. 2006. Vol. 20. P. 387–418.
8. Davia M. A., McGuinness S., O'Connell P. J. Determinants of regional differences in rates of overeducation in Europe // Social Science Researsh. 2017. Vol. 63. P. 67–80.
9. Flisi S., Goglio V., Meroni E., Rodrigues M., Vera-Toscano E. Occupational mismatch in Europe: Understanding overeducation and overskilling for policy making. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014. 92 p.
10. Kupets O. Education-job mismatch in Ukraine: Too many people with tertiary education or too many jobs for low-skilled? // Journal of comparative economics. 2016. Vol. 44. P. 125–147.
11. Ramos R., Sanroma E. Overeducation and Local Labour Markets in Spain // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2013. Vol. 104. P. 278–291.
12. Трудовые ресурсы. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 29.11.2017).

THE QUALITY OF EMPLOYMENT OF GRADUATES ON REGIONAL LABOUR MARKETS

Tatyana Yu. Stuken[1, @]

[1] *Dostoevsky Omsk State University, 55a, Mira Ave., Omsk, Russia, 644077*
[@] *Stuken@omsu.ru*

Received 02.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: regional labor markets, employment, job quality, graduates of universities, education-occupation-mismatch.

Abstract: The current research features employment of university graduates in the Siberian Federal District. The objective is to assess the quality of employment among higher education system graduates. The study is based on microdata obtained from a survey on employment conducted by the Federal Service of State Statistics (Rosstat). The methodology is based on a comparison of employment characteristics (the level and profile of education, formal / informal, full / part-time employment) that reflect a possible demand for graduates on the local labour market. The main research methods are descriptive and regression analysis.

The obtained results indicate that approximately one third of graduates fail to find work according to their specialty and perform jobs that do not require higher education. Every eighth graduate is employed in the informal sector. These figures indicate a lower quality of employment of graduates in the Siberian Federal District, compared with the average indicators for Russia.

A regression analysis has showed that employment in accordance with the level and profile of education is determined mainly by individual characteristics of individuals. The best chances are in the field of medicine, the worst – in agriculture. The assumptions about a high demand for specialists in the field of engineering and technology and a lower demand for specialists in economics and management have not been confirmed. These employment rates turned out to be approximately equal and correspond to average values. The obtained results can be used in the formation of programs of education development (primarily at the level of flagship universities) and improvement of educational programs.

For citation: Stuken T. Yu. Kachestvo zaniatosti vypusknikov na regional'nykh rynkakh truda [The Quality of Employment of Graduates on Regional Labour Markets]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 33–39. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-33-39.

References

1. Chatterton P., Gooddard J. The Response of Higher Education Institutions to Regional Needs. *European Journal of Education*, 35, no. 4 (2000): 475–496.
2. *Leadership for World-Class University: Challenges for Developing Countries*. Ed. by Altbach P. G. N. Y.; L.: Routledge, 2010, 272.

3. Dahl S.-A., Nesheim T., Olsen K. M. *Quality of work – concept and measurement: Working Papers on the Reconciliation of Work and Welfare in Europe*. Edinburgh, 2009, 28.

4. *How good is your job? Measuring and assessing gob quatity*. Available at: http://www.oecd.org/sdd/labour-stats/Job-quality-OECD.pdf (accessed 20.01.2018).

5. Humal K. *Education-occupation mismatch and its effect on unemployment in Sweden*. Lind: Lind University, 2013, 33.

6. Heijke H., Meng C., Ramaekers G. *An investigation into the role of human capital competences and their pay-off*. Maastricht: Maastricht University, 2002, 750–773.

7. McGuinness S. Overeducation in the labour market. *Journal of economic surveys*, 20 (2006): 387–418.

8. Davia M. A., McGuinness S., O'Connell P. J. Determinants of regional differences in rates of overeducation in Europe. *Social Science Researsh*, vol. 63 (2017): 67–80.

9. Flisi S., Goglio V., Meroni E., Rodrigues M., Vera-Toscano E. *Occupational mismatch in Europe: Understanding overeducation and overskilling for policy making*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2014, 92.

10. Kupets O. Education-job mismatch in Ukraine: Too many people with tertiary education or too many jobs for low-skilled? *Journal of comparative economics*, vol. 44 (2016): 125–147.

11. Ramos R., Sanroma E. Overeducation and Local Labour Markets in Spain. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, vol. 104 (2013): 278–291.

12. *Trudovye resursy* [Labor resources]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (accessed 29.11.2017).

УДК 316.334.56 + 303.62 + 332.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОНОГОРОДА ГУКОВО РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ

***Диана Д. Челпанова*[1, @1, *], *Татьяна Е. Гревцова*[1, @2, *]**

[1] *Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41*
[@1] *chelpanova@ssc-ras.ru*
[@2] *grevcova@ssc-ras.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, Гуково, Ростовская область, интервью, социально- экономические проблемы, территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Аннотация: Город Гуково – средний город Ростовской области с населением около 65 тысяч человек, монопрофильность которого определяется угледобывающей промышленностью. После закрытия угольных шахт в постсоветский период многие потеряли работу и стали уезжать на заработки в другие регионы. Сегодня население города в основном работает в социальной сфере, торговле и сельском хозяйстве. Гуковчане связывают перспективы развития производственной и социальной инфраструктуры города с созданием территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) «Гуково». В настоящее время уже осуществляют производственную деятельность предприятия – резиденты ТОСЭР, ориентированные на машиностроение, изготовление железобетонных конструкций, углеродосодержащих материалов, подсолнечного масла, текстильной продукции. Целью данной статьи является освещение актуальных социально-экономических проблем муниципального образования «Город Гуково» – ТОСЭР «Гуково», представленных через призму мнений его жителей. Исследование основано на материалах глубинных интервью.

Для цитирования: Челпанова Д. Д., Гревцова Т. Е. Актуальные проблемы моногорода Гуково Ростовской области: мнения жителей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 40–44. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-40-44.

Муниципальное образование «Город Гуково» – средний город Ростовской области с населением около 65 тысяч человек, расположенный с северо-западной части региона и находящийся в приграничной зоне с Украиной. Датой основания города принято считать 1 декабря 1878 г., когда было открыто движение по Донецкой каменноугольной железной дороге и начала действовать станция Ковалево. В 1904 г. станция получила название Гуково по фамилии казачьего офицера – владельца этих земель. Толчок развитию населенного пункта дали обнаружение и разработка месторождений каменного угля и открытие шахт. Первая из них – «Антрацит» – была заложена в 1910 г. и проработала до 1998 г. В 1955 г. поселок Гуково получил статус города. Расцвет города пришелся на 1950–1970-е гг. и был связан с обнаружением новых месторождений угля и открытием новых шахт [1]. Таким образом, город формировался вокруг открывавшихся шахт, и практически все время его существования основная сфера занятости жителей была связана с угледобывающей промышленностью. В советское время многие приезжали на заработки в город и оставались здесь жить, привлеченные высоким уровнем заработной платы шахтеров.

Целью данной статьи является освещение актуальных социально-экономических проблем муниципального образования «Город Гуково», представленных через призму мнений его жителей. Источниковую базу составили материалы полевых исследований, собранные авторами для Консалтингового бюро (КБ) «Стрелка» в апреле 2017 г. в г. Гуково Ростовской области. Было проинтервьюировано 20 респондентов по вопросам социально-экономического характера, благоустройства, доступности культурных и образовательных ресурсов, ожиданий горожан от создания территории опережающего социально-экономического развития «Гуково» (далее – ТОСЭР «Гуково»). Среди интервью – 10 экспертных с представителями администрации города Гуково, работниками культуры и образования, журналистами. Социально-экономическая ситуация в моногородах России рассматривалась в работах А. Н. Сёмина, А. С. Кучерова, С. Н. Крекотнева, Ф. А. Ветрова, О. А. Негановой, Т. В. Усковой, Е. О. Дмитриевой и др. Проблемы города Гуково затрагивались в исследованиях А. Н. Митусовой, А. А. Голубичного, С. Н. Крекотнева, М. В. Якименко, Р. А. Валынкина.

**** Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г. «Проблемы демографического и социально-экономического развития южного макрорегиона» (№ гос. регистрации проекта АААА-А16-116012610047-9).***

Социально-экономическая ситуация в шахтерских городах Ростовской области, в том числе и в Гуково, начала ухудшаться в 1990-е гг. и стала катастрофической в 2000-е. Она была обусловлена как общей обстановкой в стране, так и непродуманными действиями новых собственников шахт [2]. О кризисном социально-экономическом положении города говорят цифры. В нулевые годы шло стабильное сокращение численности сотрудников, работающих на градообразующих предприятиях. Кроме того, данный период характеризуется отрицательным сальдо миграции населения, снижением численности городского населения, высоким уровнем безработицы (таблица) [3].

Таблица. Динамика рынка труда г. Гуково за 2007–2009 гг.
Table. Dynamics of the labor market in Gukovo for 2007–2009

№	Наименование показателя	Ед. изм.	Факт		
			2007	2008	2009
1.	Численность населения муниципального образования (МО)	тыс. человек	68,30	68,20	68,00
2.	Численность трудоспособного населения в МО	тыс. человек	41,67	41,62	41,55
3.	Численность сотрудников градообразующих предприятий	тыс. человек	5,2	4,7	3,8
4.	Доля работающих на градообразующих предприятиях от численности трудоспособного населения города (МО)	%	12,5	11,3	9,1
5.	Уровень зарегистрированной безработицы в МО	%	2,07	2,13	3,83
6.	Уровень зарегистрированной безработицы в СРФ	%	1,2	1,3	1,8
7.	Отношение уровня зарегистрированной безработицы в МО к уровню зарегистрированной безработицы в СРФ	разы	1,73	1,64	2,13
8.	Число официально зарегистрированных безработных в МО	человек	2102	2056	3085
9.	Число безработных по методике МОТ в МО	человек	11810	11160	12150
10.	Число уволенных сотрудников градообразующих предприятий	человек	1902	1766	2215
11.	Число сотрудников градообразующих предприятия в режиме неполной занятости или находящихся в неоплачиваемых отпусках	человек	-	-	1337
12.	Отношение числа сотрудников градообразующих предприятий в режиме неполной занятости к числу трудоспособного населения МО	%	-	-	3,2

В 2010-е гг. социально-экономическая ситуация не изменилась, негативные тенденции сохранились. За 2009–2014 гг. численность населения Гуково снизилась на 4 % и составила 65,3 тыс. человек. Сокращение происходит как за счет естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока, обусловленного низким уровнем заработной платы и недостатком рабочих мест в городе. За 2011–2014 гг. в два раза сократилась среднесписочная численность занятых в экономике города по крупным, средним и малым предприятиям, приблизившись к 9 тыс. человек в 2014 г. [4].

Во многом данные сведения подтверждаются респондентами, которые отмечают, что после закрытия шахт многие потеряли работу и стали уезжать на заработки в Сибирь, Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Ростов-на-Дону, Сочи. Некоторые были вынуждены переквалифицироваться в профессии, связанные со строительной отраслью. В настоящее время часть шахтеров, потерявших работу в городе, стали ездить на заработки в шахты соседних городов (г. Новошахтинск и г. Зверево Ростовской области).

В связи с тем, что большая часть работоспособного населения уезжает трудоустраиваться в другие города, в Гуково в структуре населения преобладает доля лиц нетрудоспособного возраста (более 39 % от численности населения города [3]), учащаяся молодежь и женщины с детьми, чьи мужья работают вахтовым методом. Жители в качестве причин возвращения в родной город называют наличие родственных связей, переживание за судьбу города, тяготение к местной природе и климату.

Необходимо отметить, что кризисные явления усугубились и банкротством предприятий Гуково. Основными градообразующими предприятиями Гуково являются ООО «Кингкоул Юг», ЗАО «Гуковпогрузтранс» и ОАО «ЦОФ «Гуковская»». ООО «Кингкоул Юг» включает в себя четыре шахты, одну обогатительную фабрику и ряд вспомогательных и сервисных организаций. В настоящее время предприятия «Кингкоул Юг» находятся на разных стадиях банкротства [5]. В 2012 г. обанкротилось ОАО «Шахта Восточная», в результате чего шахта была обесточена и затоплена. После закрытия шахт перед горняками

Гуково образовались огромные долги по заработной плате. С 2016 г. работники предприятий «Кингкоул Юг» и шахты «Восточная» регулярно участвуют в акциях протеста, требуя погасить задолженность, которая составляет более 200 млн руб. [6]. По результатам нашего исследования протестной активности Южного федерального округа за 2016–2017 гг. Гуково был признан самым протестным городом округа. В Гуково в 2016 г. в акциях протеста приняли участие 46 % манифестантов (в среднем 18 000 человек) от общего числа протестующих в округе, в 2017 г. их доля составила 32 %, или 12 000 человек. Негативные тенденции, складывающиеся в сфере занятости населения города, подтверждаются мнением жителей, которые указывают на то, что после закрытия шахт осталось одно предприятие по обработке угля – Центральная обогатительная фабрика, сырье для которой привозится из соседних районов, где еще работают шахты.

Респонденты отмечают, что в связи с закрытием шахт уровень жизни населения снизился. Несмотря на наличие в городе шести учреждений среднего профессионального образования и одного учреждения высшего образования – Гуковского института экономики и права – филиала РГЭУ (РИНХ), молодежь часто уезжает получать высшее образование в крупные города (Ростов-на-Дону, Москва, Санкт-Петербург). Большая часть уехавших не возвращается в родной город, поскольку считает уровень жизни и заработной платы в Гуково низкими. Местные жители полагают, что в настоящее время население города в основном занято в социальной сфере, торговле и сельском хозяйстве. Перспективы работы молодежи в Гуково связаны с реализацией новых инвестиционных проектов, ТОСЭР «Гуково».

В 2014 г. Правительством РФ были определены новые критерии отнесения муниципальных образований России к монопрофильным (моногородам) [7]. Все монопрофильные города были разделены на 3 категории в соответствии с их социально-экономическим положением: 1) моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением; 2) моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения; 3) моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией [8]. В 2015 г. из 319 моногородов России 94 были отнесены к наиболее кризисным, среди них городской округ город Гуково Ростовской области [9]. В начале 2016 г. было принято постановление Правительства Российской Федерации «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Гуково»» [10]. ТОСЭР «Гуково» была образована с целью снижения уровня безработицы, создания дополнительных рабочих мест, привлечения инвестиций, не связанных с градообразующими предприятиями, а также формирования комфортной городской среды для жителей города. Создание ТОСЭР «Гуково» опрошенные эксперты называют наиболее значимым событием последнего времени и оценивают его как определенную победу города, которая должна дать новый толчок его развитию, принести инвестиции в экономику муниципального образования и обеспечить жителей рабочими местами.

В настоящее время на ТОСЭР «Гуково» уже осуществляют производственную деятельность следующее предприятия-резиденты: ООО «Титан» (машиностроение); ООО «Европлита» (производство железобетонных конструкций); ЗАО «Швея» (швейно-отделочное производство); ООО «Квадро» (производство подсолнечного масла); ООО «Термолант» (производство углеродосодержащих материалов). Еще несколько предприятий находятся в стадии подготовки к строительству и запуску производства [1]. Экспертами в качестве предприятий, обеспечивающих население рабочими местами, наиболее часто назывались такие компании, как «Титан», производящий сельскохозяйственные прицепы, «Европлита», производящая железобетонные перекрытия, фабрика «Gloria Jeans» (в здании, ранее принадлежавшем фабрике «Швея»), кирпичный завод «Гуковский кирпич».

Рассматривая проблемы городской среды, местные жители указывали на то, что ее качество отличается на окраинах Гуково недостатком детских площадок, неблагоустроенностью парков и скверов, загрязненностью территории, недостатком уличного освещения и т. д. В связи с активным перемещением жителей периферийных городских зон в центр на работу, в социальные и медицинские учреждения, в магазины и т. д. респонденты отмечают транспортную недоступность для отдельных районов. По мнению одного из гуковчан, с окраин города общественный транспорт по одному из маршрутов в центр ходит всего два раза в день. Также горожан беспокоит недостаточное количество парковочных зон, плохое качество дорожного покрытия и тротуаров.

Таким образом, в результате проведенного исследования были определены основные социально-экономические проблемы г. Гуково, волнующие его жителей. Респонденты указали на кризисное состояние рынка труда Гуково, которое сформировалось вследствие закрытия ряда градообразующих предприятий (угольные шахты). Эти обстоятельства привели к миграционному оттоку населения, которое было вынуждено трудоустраиваться в других регионах. Эксперты считают, что в настоящее время население города в основном занято в социальной сфере, торговле и сельском хозяйстве. Кроме того, многие респонденты указали на то, что молодёжь Гуково предпочитает получать высшее образование в мегаполисах и не возвращается обратно из-за низкого уровня жизни и заработной платы в городе. В ходе интервью многие опрошенные отметили изменения в структуре населения города, в которой преобладает доля лиц старше трудоспособного возраста. Перспективы развития города все опрошенные связывают с ТОСЭР «Гуково», которая привлечет инвестиции в экономику муниципального образования и обеспечит жителей новыми рабочими местами. Рассматривая проблемы благоустройства городской среды, гуковчане чаще всего указывали на недостатки городских окраин. В основном они касались уличного освещения, качества дорожного и тротуарного покрытия, транспортной доступности, неблагоустроенности парковых зон.

Литература

1. Гуково // Донские приоритеты. 2017. Июль-сентябрь (09). Специальный выпуск. С. 26.
2. Крекотнев С. Н. Проблемы и перспективы политики модернизации российских городов и регионов с моноспециализацией: опыт Гуково // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 4. С. 34–45.
3. Комплексный инвестиционный план модернизации монопрофильного муниципального образования «Городской округ Гуково» (в редакции 25 марта 2012 г.). Гуково, 2012. 247 с. Режим доступа: http://gukovo.donland.ru/Default.aspx?pageid=269 (дата обращения: 14.02.2018).
4. Якименко М. В., Валынкин Р. А. Социальные аспекты поддержки функционирования российских моногородов (на примере г. Гуково) // Экономические исследования. 2014. № 4. С. 4. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_22781102_37166116.pdf (дата обращения: 13.02.2018).
5. Шахты Ростовской области: аварии и протесты // Кавказский узел. 25.07.2017. Режим доступа: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/288142/ (дата обращения: 15.02.2018).
6. Приостановка выплат долгов по зарплате ростовским шахтерам грозит новыми протестами // Росбалт. 27.02.2017. Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/russia/2017/02/27/1594759.html (дата обращения: 15.02.2018).
7. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 № 709 // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: http://government.ru/docs/14049/ (дата обращения: 14.02.2018).
8. Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf (дата обращения: 14.02.2018).
9. Изменения, которые вносятся в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. № 668-р // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/ANTtXeAibvOQUysuIxa7br4h3rjptEYS.pdf (дата обращения: 16.02.2018).
10. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Гуково». Постановление Правительства РФ от 28.01.2016 № 45 // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: http://government.ru/docs/21622/ (дата обращения: 12.02.2018).

CONTEMPORARY PROBLEMS OF THE MONOTOWN OF GUKOVO IN THE ROSTOV REGION: OPINIONS OF RESIDENTS

***Diana D. Chelpanova*[1, @1, *], *Tatiana E. Grevtsova*[1, @2, *]**

[1] *Federal Research Center, The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 41, Chekhova St., Rostov-on-Don, Russia, 344006*
[@1] *chelpanova@ssc-ras.ru*
[@2] *grevcova@ssc-ras.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: monotown, Gukovo, Rostov Region, interview, social and economic problems, priority social and economic development area (PSEDA).

Abstract: The town of Gukovo is an average city of the Rostov Region with a population of about 65 thousand people. Its industry is connected with coal mining. When the local coal mines were closed in the post-Soviet period, many people lost their jobs and began to seek employment in other regions. Today the local residents work mainly in the social sphere, trade and agriculture. They associate the prospects for the development of the urban industrial and social infrastructure with the creation of the priority social and economic development area (PSEDA) “Gukovo”. At present, the enterprises of PSEDA have already begun operating: they are mostly oriented to engineering, manufacturing of reinforced concrete structures, carbonaceous materials, sunflower oil, and textile products. The goal of the study is to highlight the current

**** The publication was prepared as part of the implementation of the Government Order Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences for 2018 "Problems of demographic and socio-economic development of the southern macro region" (State registration number of the project AAAA-A16-116012610047-9).***

social and economic problems of the municipal entity "Gukovo City" – PSEDA "Gukovo", represented through the prism of the opinions of its residents. The study is based on the materials of depth interviews.

For citation: Chelpanova D. D., Grevtsova T. E. Aktual'nye problemy monogoroda Gukovo Rostovskoi oblasti: mneniia zhitelei [Contemporary Problems of the Monotown of Gukovo in the Rostov Region: Opinions of Residents]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 40–44. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-40-44.

References

1. Gukovo [Gukovo]. *Donskie prioritety = Don priorities*, no. 9 (July-September, Special issue) (2017): 26.
2. Krekotnev S. N. Problemy i perspektivy politiki modernizatsii rossiiskikh gorodov i regionov s monospetsializatsiei: opyt Gukovo [Problems and prospects of the policy of modernization of Russian cities and regions with monospecialization: the experience of Gukovo]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiia. Kul'tura = SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*, no. 4 (2016): 34–45.
3. *Kompleksnyi investitsionnyi plan modernizatsii monoprofil'nogo munitsipal'nogo obrazovaniia «Gorodskoi okrug Gukovo» (v redaktsii 25 marta 2012 g.)* [A comprehensive investment plan for the modernization of the monoprofile municipal entity "City District of Gukovo" (as revised March 25, 2012)]. Gukovo, 2012, 247. Available at: http://gukovo.donland.ru/Default.aspx?pageid=269 (accessed 14.02.2018).
4. Yakimenko M. V., Valynkin R. A. Sotsial'nye aspekty podderzhki funktsionirovaniia rossiiskikh monogorodov (na primere g. Gukovo) [Social aspects of supporting the functioning of Russian monotowns (on the example of Gukovo)]. *Ekonomicheskie issledovaniia = Economic research*, no. 4 (2014): 4. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22781102_37166116.pdf (accessed 13.02.2018).
5. *Shakhty Rostovskoi oblasti: avarii i protesty* [Mines of the Rostov region: accidents and protests]. *Kavkazskii uzel = Caucasian Centre*, 25.07.2017. Available at: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/288142/ (accessed 15.02.2018).
6. Priostanovka vyplat dolgov po zarplate rostovskim shakhteram grozit novymi protestami [Suspension of payment of debts on wages to Rostov miners threatens with new protests]. *Rosbalt*, 27.02.2017. Available at: http://www.rosbalt.ru/russia/2017/02/27/1594759.html (accessed 15.02.2018).
7. *O kriteriiakh otneseniia munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii k monoprofil'nym (monogorodam) i kategoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov) v zavisimosti ot riskov ukhudsheniya ikh sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya* [On the criteria for classifying municipal entities of the Russian Federation as mono-profile (single-industry towns) and categories of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns), depending on the risks of deterioration of their socioeconomic status]. RF Government Regulation of July 29, 2014 No. 709. Available at: http://government.ru/docs/14049/ (accessed 14.02.2018).
8. *Perechen' monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [List of mono-profile municipal formations of the Russian Federation (single-industry towns)]. RF Government Regulation of July 29, 2014 no. 1398-r. Available at: http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf (accessed 14.02.2018).
9. *Izmeneniia, kotorye vnosiatsia v perechen' monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [Changes that are made to the list of single-profile municipal entities of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the RF Government Regulation of April 16, 2015 No. 668-r. Available at: http://static.government.ru/media/files/ANTtXeAibvOQUysuIxa7br4h3rjptEYS.pdf (accessed 16.02.2018).
10. *O sozdanii territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia «Gukovo»* [On the creation of the territory for the advanced social and economic development of "Gukovo"]. RF Government Regulation of January 28, 2016 No. 45. Available at: http://government.ru/docs/21622/ (accessed 12.02.2018).

УДК 330.3; 332.1; 338.2

МОНОГОРОДА В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА: УСЛОВИЯ ВЗАИМНОЙ ПОДПИТКИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ЭФФЕКТАМИ

Екатерина В. Акинфеева[1, @1, *]***, Баграт А. Ерзнкян***[1, @2, @3, *]

[1] *Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 117418, Россия, г. Москва, пр. Нахимовский, 47*
[@1] *katerina@cemi.rssi.ru*
[@2] *yerz@cemi.rssi.ru*
[@3] *lvova1955@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, региональный кластер, диверсификация, положительные внешние эффекты, синергетический эффект.

Аннотация: Экономическое развитие страны зависит от экономического развития регионов и в значительной мере от развития монопрофильных муниципальных образований на территории этих регионов – моногородов, что во многом определяется способностью моногородов диверсифицировать свою хозяйственную деятельность. Одним из способов осуществления этого – без ущерба развитию профильной деятельности – является применение к моногородам кластерного подхода с их рассмотрением в роли элементов кластера, действующего на территории региона. Такой подход позволит скоординировать региональную политику в отношении своего пропорционального развития со стратегической политикой муниципальных образований. В работе раскрыта сущность понятия «моногород», отражены основные проблемы развития этих образований, изучен кластерный подход как средство улучшения моногородов и регионов в целом. В частности, обсуждаются условия, при которых участниками кластера могут быть получены внешние – по отношению к моногородам – положительные эффекты, а также обстоятельства получения самими моногородами части синергетического эффекта от деятельности регионального кластерного образования.

Для цитирования: Акинфеева Е. В., Ерзнкян Б. А. Моногорода в структуре регионального кластера: условия взаимной подпитки положительными эффектами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 45–51. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-45-51.

Предприятия, входящие в кластер, могут быть расположены на территории одного муниципального образования, но в случае моногородов возможности такого функционирования кластера ограничены, и реализоваться кластер сможет путем привлечения в него предприятий из различных муниципальных образований, принадлежащих одному или более регионам. Для простоты будем считать, что интересующий нас кластер находится в пределах одного региона. Таким, к примеру, является находящийся в Кемеровской области кластер комплексной переработки угля и техногенных отходов.

При таком подходе мы имеем дело с триадой: 1) бизнеса (в виде предприятий, с одной стороны, моногорода, а с другой – кластера), 2) государства (представленного непосредственно региональными и опосредованно федеральными органами власти, имеющими отношение к Кемеровской области) и 3) социума (муниципальными образованиями, связанными с деятельностью кластера).

Кемеровская область как регион нахождения кластера и моногорода. Кемеровская область создана в январе 1943 г. в результате выделения из Новосибирской области. Численность населения в административном центре – Кемерово – в 2017 г. составила около 560 тыс. человек. Кемерово с находящимися рядом городами (Топки, Берёзовский и др.) составляет Кемеровскую агломерацию. Численность жителей этой агломерации в 2014 г. – около 690 тыс. человек. Новокузнецк является вторым по численности населения городом Кузбасса (более 550 тыс. человек) и входит в состав Новокузнецкой агломерации (в 2014 г. – более 1,3 млн человек).

Кемеровская область в соответствии с законом Кемеровской области от 27.12.2007 № 215-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Кемеровской области» [1] включает: 19 городов областного подчинения; 1 посёлок городского типа областного подчинения; 19 административных районов, в том числе:

**** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 17-02-00513.***

1 город районного подчинения; 17 посёлков городского типа районного подчинения; 154 сельских территорий.

Функции местного самоуправления реализуются в 16 городских округах, в 18 муниципальных районах.

Отраслевой специализацией Кемеровской области является угольная промышленность. Преимущественно шахты и разрезы расположены в Прокопьевске, Междуреченске, Белово, Березовском, Киселевске и других населенных пунктах.

В южной части области, в частности в Новокузнецке и Таштаголе, размещены предприятия металлургии и горнодобывающей промышленности. В Юрге, Новокузнецке, Кемерово, Ленинске-Кузнецком получило развитие машиностроение, а предприятия химической промышленности локализованы в Кемерово.

Кемеровская область характеризуется тем, что происходит добыча не только угля, но и других полезных ископаемых, в частности железных, марганцевых руд, свинца, цинка. Также есть месторождения полиметаллических руд, барита, кварцита, известняка.

В Кузбассе выделяются два крупных по размеру угольных бассейна: Кузнецкий каменноугольный бассейн (расположен от Малиновки – посёлка, входящего в Калтанский городской округ до районов Новосибирской области) и часть Канско-Ачинского буроугольного бассейна. В год в области добывается более 180 млн тонн каменного угля. При этом наиболее крупные угледобывающие предприятия находятся в Междуреченске, Новокузнецке и Новокузнецком районе, Прокопьевске, Киселевске, Ленинске-Кузнецком, Белове, Березовском.

Помимо угледобычи Кемеровская область специализируется на черной (площадка рельсового проката ЗСМК, Западно-Сибирский металлургический комбинат, завод «Кузнецкие ферросплавы» в Новокузнецке и др.) и цветной металлургии, к которой относится Новокузнецкий алюминиевый завод.

Кластер «Комплексная переработка угля и техногенных отходов». Наиболее важным мотивом формирования кластеров в Российской Федерации стало Послание Президента России Д. А. Медведева Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. [2; 3], где было предложено создание аналога «Силиконовой долины». Позже был организован и проведен конкурсный отбор 25 территориальных инновационных кластеров (объединяющих 94 участника), представивших свои заявки на участие в пилотном проекте, которому предшествовало поручение Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации от 11 ноября 2011 г. [4].

Основными направлениями реализуемых технологий и выпускаемой продукции в кластере являются [5]:

1) углехимическое производство (фенола, крезола, битумов, бензолов, а также технических газовых смесей и еще около 30 видов химических полупродуктов); коксохимическое производство (основные продукты – металлургический кокс и химические полупродукты); производство углеродных материалов (прежде всего наноматериалы из угля: сорбенты, углеродные волокна и нанотрубки);

2) производство электроэнергии (электро- и теплоэнергия); переработка отходов (строительные материалы, микросфера из золошлаковых отходов).

Ниже приведем преимущества и отличительные характеристики кластера.

Предприятия-участники кластера эффективно локализованы в рамках зоны Кузбасской агломерации, располагающей не только развитой инженерной инфраструктурой (электро- и теплосети, водопровод, водоотведение), но и сетью автомобильных и железных дорог. Преимуществом реализации программы развития кластера является специализация на генерации энергии, углехимии, переработке техногенных отходов с использованием усовершенствованных технологий и современных высокотехнологичных, автоматизированных производств. Кроме того, кластер ориентирован на выпуск новых видов продукции, удовлетворяющих требованиям иностранного потребителя. Это стало возможно в результате достижения в сегменте нетрадиционного использования угля конкурентоспособности мирового уровня. Следует отметить, что многие из организаций-участников кластера занимают лидирующие позиции на рынке химических полупродуктов и углеродных материалов. Программой развития кластера предусмотрено создание к 2020 г. более 16 тыс. новых рабочих мест.

Моногород Прокопьевск. В июле 2016 г. Советом по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте Российской Федерации определены 11 национальных проектов, обладающих стратегическим статусом для государства. Как отметил Президент РФ Владимир Путин, реализация приоритетных проектов будут обеспечивать экономический рост, повышение качества жизни и благосостояния граждан РФ [6].

Одним из этих стратегических направлений является модернизация моногородов. Социально-экономический потенциал моногородов оценивается достаточно высоко. Однако, для того чтобы его реализовать в полной мере, были сформулированы главные задачи проекта: 1) диверсифицировать экономику моногородов; 2) сформировать условия для повышения инвестиционной привлекательности территорий и развития бизнеса; 3) создать новые высокопроизводительные рабочие места; 4) сделать моногорода комфортными для жизни.

Национальный проект нацелен на преобразование в 319 городах в 61 субъекте РФ во всех восьми федеральных округах. Согласно проекту «Комплексное развитие моногородов» до конца 2018 г. должно быть: 1) создано более 230 тыс. рабочих мест, не связанных с градообразующими предприятиями города; 2) привлечено инвестиций в основной капитал в объеме 170 млрд руб.; 3) значительно улучшено качество городской среды.

Поскольку треть моногородов, по словам куратора проекта И. И. Шувалова, находится в «красной» зоне, остановка в них градообразующего предприятия грозит социально-экономическим коллапсом, что обусловливает актуальность и острую необходимость в диверсификации экономики. Согласно заявленным

планам в результате комплекса принимаемых мер уже к 2018 г. уровень жизни в 18 городах – участниках программы – должен стать значительно выше, а сами города лишатся приставки «моно».

Город Прокопьевск находится на юге Кузбасса, на расстоянии 203 км от Кемерово. Город с 2006 г. имеет статус городского округа и является третьим по численности населения городом Кузбасса и вторым в Южно-Кузбасской агломерации [7]. Хотя в нем представлены многие отрасли промышленности, его можно отнести к разряду моногородов, поскольку в объеме отгруженной предприятиями Прокопьевска промышленной продукции две трети приходится на добычу угля. Так, в 2009 г. доля угольной отрасли в суммарном объеме отгруженной продукции составила 70 %, а численность занятых на угольных предприятиях и связанных с угольной промышленностью иных предприятий – около 14 тыс. человек. В долевом отношении это составляет четверть всех занятых в экономике города. Сама же добыча угля ведется на пяти шахтах ООО «Прокопьевскуголь», двух шахтах ООО «Шахтоуправление «Прокопьевское» и разрезе «Прокопьевский».

Прокопьевск расположен в 10 км от города Новокузнецка и имеет границы с городом Киселевском (территориально Прокопьевск и Киселевск практически слились) и Прокопьевским муниципальным районом. С другими городами области, в том числе Кемерово, город имеет железнодорожное и автомобильное сообщения.

Территория города Прокопьевска занимает 227,5 кв. км, численность населения на 2017 г. – 196 тыс. человек, из них 61 % – трудоспособное население [8]. Возникновение города началось с основания в 1648 г. Рождественского монастыря, вблизи которого появились село Монастырское, деревни Прокопьевская и Усяты. В 1918 г. в результате объединения поселений Монастырского и Прокопьевского сформировался поселок Прокопьевский, который в 1931 г. и был преобразован в город Прокопьевск (см. таблицу и рисунок).

Таблица. Численность населения моногорода Прокопьевска по годам [9]
Table. Population of the single-industry town of Prokopyevsk, by year [9]

Количество жителей Прокопьевска (человек)	Годы
218 900	2005
216 700	2006
214 700	2007
213 200	2008
212 029	2009
210 130	2010
209 733	2011
207 104	2012
204 932	2013
202 672	2014
200 547	2015
198 438	2016
196 406	2017

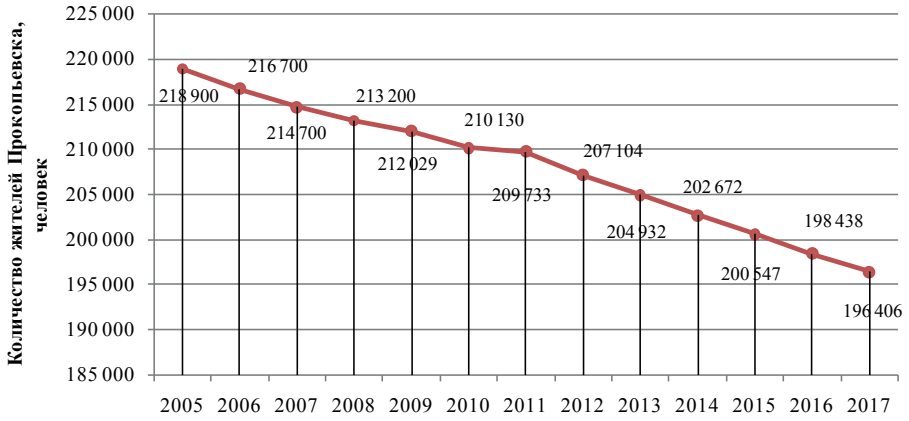

Рис. График изменения численности населения Прокопьевска
Fig. The Prokopyevsk population change graph

Из приведенных данных видно, что в Прокопьевске численность населения снижается. Вероятными причинами могут быть и экологическая ситуация, вызванная добычей угля, и отсутствие привлекательных для молодежи социально-экономических условий для приложения собственных сил, несмотря на то, что в моногороде имеются колледжи и техникумы, которые готовят специалистов для добычи полезных ископаемых, разработки новых технологий добычи угля, например, Прокопьевский горнотехнический колледж им. В. П. Романова, Прокопьевский электромашиностроительный техникум, Прокопьевский промышленно-экономический техникум.

Первоначально инфраструктура моногорода формировалась на базе 23-х отдельных поселков, образовавшихся вокруг угольных предприятий. В настоящее время в планировочной структуре города сложились два центра: исторический и современный в районе Тыргана. При этом основная часть земель моногорода занята жилой застройкой и объектами промышленности.

В черте моногорода происходит разработка угольного месторождения, характеризующегося запасами не только малой и средней мощности, но и имеющего мощные пласты с углами падения от 30 до 90 градусов. Преимущественно мощность отрабатываемых пластов находится в диапазоне 3,5–6,0 м, а балансовые запасы угля на шахтах превышают 1 млрд тонн. Объем промышленных запасов угля на шахтах города оценивается в 373 млн тонн. Следует отметить, что две трети запасов – это дефицитные коксующиеся марки углей (К, КО, КС, ОС), включающие минимальное количество вредных примесей. Данные угли трудно заменимы добываемыми в других районах Кузбасса марками. Уголь на территории города добывается подземным способом (79 %) и открытым способом (21 %). Уголь, добываемый подземным способом, в основном представлен дефицитными коксующимися марками, которые отличаются от углей других территорий лучшей спекаемостью и коксуемостью с малым содержанием вредных компонентов.

В угольной промышленности моногорода накоплен значительный научный и проектный потенциал. Научно-исследовательские разработки, опытно-конструкторские и проектные изыскания проводят ряд специализирующихся в этом виде деятельности организаций, в частности ООО «СибНИИУглеобогащение», ЗАО «Научно-производственная корпорация «Кузнецкий научно-исследовательский угольный институт» (КузНИУИ), ООО «Прокопьевский горный проектный институт», ЗАО «Научно-исследовательский испытательный центр КузНИУИ». Финансирование разработок НИИ осуществляют угольные компании – заказчики работ. Преимущество данных научных и проектных организаций обусловлено наличием квалифицированного кадрового состава. Следует отметить, что потенциал развития научной и проектной базы угольной промышленности Кузбасса, представленный организациями города Прокопьевска, имеет высокую степень развития.

Основные проекты комплексного инвестиционного плана модернизации моногорода Прокопьевска включают [6]:

– поддержание добычи угля как профильной отрасли города;

– развитие новых, современных инновационных производств, базирующихся на глубокой переработке угля и углехимии;

– внедрение в производство информационно-коммуникационных технологий;

– создание и развитие машиностроительного кластера;

– развитие базы высокоэффективного энергетического комплекса;

– формирование конкурентоспособной базы развития строительного комплекса;

– поддержка предприятий малого бизнеса.

К основным мероприятиям относятся:

– возведение завода по глубокой переработке угля и производству полукокса и генераторного газа;

– строительство значимого для города современного технологического комплекса для утилизации метана из действующих и закрытых шахт города;

– строительство и введение в эксплуатацию опытно-промышленной станции подземной газификации угля;

– добыча метана из угольных пластов;

– внедрение функциональных элементов и развитие инфраструктуры электронного Правительства;

– производство электронных приборов для учета энергоресурсов;

– модернизация и расширение номенклатуры выпускаемых изделий: производство быстроразъемных соединений и петель для железнодорожных вагонов (ООО «Подземтрансмаш»);

– создание и развитие сервисного центра «КузбассБелАвто»;

– строительство Прокопьевской ТЭЦ;

– реконструкция нуждающихся в модернизации котельных;

– строительство завода по выпуску строительных материалов, в том числе стеновых блоков, а также керамической плитки и другой продукции;

– возведение завода по производству строительных конструкций, в частности железобетонных изделий и металлоконструкций;

– формирование бизнес-инкубатора, реализующего функции поддержки новых предприятий, не относящихся к специализации города по виду экономической деятельности;

– строительство полигона для размещения твердых бытовых отходов в целях решения экологических вопросов и улучшения качества городской среды.

Для осуществления перечисленных проектов и мероприятий разработана долгосрочная целевая программа города. Она исходит из того, что в моногороде сложилась тяжелая проблемная ситуация: среди угольных городов Кузбасса в Прокопьевске все действующие шахты объявлены несостоятельными, по отношению к ним реализуются процедуры банкротства. Следует подчеркнуть, что согласно выводам Института конъюнктуры рынка угля наличие запасов на действующих горизонтах шахт ООО «Объединение «Прокопьевскуголь» (82,7 млн тонн, в том числе 70,1 млн тонн коксующихся марок) дает возможность обеспечить деятельность шахт только до 2025 года. Проблема усугубляется тем, что большинство предприятий местной промышленности в качестве основного вида деятельности развивает только обслуживание угледобывающих предприятий. К этому добавим, что слабо развит малый бизнес не только в сферах промышленного производства, но и предоставления услуг социального характера.

Развитие событий по инерционному сценарию с учетом сокращения угледобывающего производства обусловливает, по сути, ликвидацию промышленности города и падение уровня жизни населения, при этом уровень безработицы может возрасти до 10 %, а возможности решения проблем значительно сузятся. Кроме того, ситуация усугубляется тем, что значительная доля жилищного фонда города, построенная в 1940–1950-е гг. и носившая еще тогда временный

характер, находится на подработанных территориях. Как следствие, удельный вес ветхого аварийного жилья превышает 10 % в настоящее время, а проживает в таких домах около 27 тыс. человек (почти 13 % от населения города). Инженерная инфраструктура города значительно (в среднем на 60 %) изношена и требует замены [8].

Согласно методике Министерства регионального развития РФ рассчитан капитал моногорода Прокопьевска. Анализ денежных потоков и сальдо моногорода позволяют сделать вывод о том, что ситуацию в городе можно охарактеризовать как тяжелую, требующую значительных инвестиций в основные фонды, а именно в строительство новых производств, способных производить новую продукцию, востребованную на рынках РФ. Только это будет способствовать диверсификации экономики.

Достижению заявленной цели «Повышение устойчивости развития города Прокопьевска, формирование условий для диверсификации экономики» должны способствовать результаты комплексного решения совокупности задач:

– разработка и осуществление инвестиционных проектов, направленных на развитие новых, инновационных производств, создание предприятий, реализующих новые для города виды экономической деятельности;

– проведение опережающего переобучения востребованным рынком и новыми создаваемыми предприятиями специальностям работников, которые высвобождаются с закрывающихся предприятий реального сектора экономики, повышение квалификации сотрудников;

– создание современной инженерной инфраструктуры, уровень и мощности которой необходимы для размещения и развития предприятий и организаций, не только осуществляющих производственную деятельность, но и оказание услуг, развитие транспортной инфраструктуры.

Цель «Обеспечение трудоустройства населения» может быть реализована путем комплексного решения ряда следующих задач:

– создание условий для возникновения и развития новых производств, в том числе инновационных предприятий и организаций малого бизнеса;

– разработка и внедрение программ содействия занятости населения города и созданию условий для трудовой миграции.

Цель «Повышение уровня жизни населения» требует системного решения следующих задач:

– расширение жилищного строительства, в частности создание условий, обеспечивающих рост доступности жилья для жителей, переселение из жилья, находящегося на подработанных территориях, а также на горных отводах действующих угольных предприятий;

– возведение объектов социальной сферы;

– широкомасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий;

– развитие современной инженерной инфраструктуры, позволяющей обеспечивать возможность и потенциал устойчивого развития экономики города, минимизации бюджетных расходов и повышения качества коммунальных услуг населению.

Выводы. Город Прокопьевск, основанный на месте, где преобладают угольные шахты, специализируется на угледобыче, в то время как связанный с ним кластер – на обработке добываемого угля и переработке его отходов. В понятиях Оливера Уильямсона ресурсный потенциал Прокопьевска может быть охарактеризован как специфический по местоположению [6], что, в свою очередь, требует принятия защитных мер против возможных рисков – таких как снижение потребности в угле, с одной стороны, а с другой – исчерпание возможностей его производства. В определенном смысле эти риски разделяет и связанный с моногородом кластер. Речь, таким образом, идет о сетевом характере взаимоотношений моногорода и кластера, что особенно важно в ситуации инновационных кластеров [7].

До 2009 г. уголь добывался регулярно, но сейчас большинство шахт монопрофильного образования объявлены банкротами. На сегодняшний день в Прокопьевске работают только две шахты, которые по прогнозам исчерпают себя к 2025 г. С исчерпанием запасов угля взаимозависимость моногорода и кластера станет проблематичной, но пока уголь добывается, моногород может быть охарактеризован как элемент кластера. Здесь присутствует хорошо налаженная транспортная система и специализация трудовых ресурсов на угледобывающей промышленности. Но при всем при этом в городе Прокопьевске наблюдается отток населения. Это может быть связано:

1) с плохой экологической обстановкой, за счет чего происходит естественный отток населения, когда смертность превышает рождаемость;

2) с непривлекательностью специализации района, за счет чего молодое население мигрирует ближе к центру;

3) с миграцией населения из-за непригодных условий жизни, например, аварийность жилых домов, что делает их непригодными для жилья;

4) с миграцией населения из-за нехватки рабочих мест, т. е. предложение труда выше его спроса, связанного с закрытием шахт.

По сути, речь идет о негативных внешних эффектах, присущих основному производству моногорода – добыче угля. Что же следует сделать Прокопьевску, чтобы решить создавшуюся проблемную ситуацию? Напрашивается ответ: снизить негативные эффекты и создать эффекты положительные. Для снижения негатива следует поддерживать угольную промышленность путем открытия и разработки новых угольных месторождений и на этой основе заняться улучшением условий жизни граждан в моногороде, заняться строительством новых домов, сделать более привлекательной специализацию данного района (за счет увеличения заработной платы, льготных выплат, создания расширенного социального пакета и т. п.). Сделать подобное вряд ли возможно без государственной помощи и поддержки. Что касается позитива, следует подлежащие созданию в моногороде положительные внешние эффекты «инвестировать»

в региональный кластер, получив, в свою очередь, такие же эффекты от него. Готовых рецептов по таким эффектам не имеется, но для начала можно предложить диверсифицировать экономическую деятельность моногорода, по-прежнему связанную с добычей угля, таким образом, чтобы вызвать в кластере спрос на новые инициативы моногорода. Удовлетворение этого спроса может привести к стимулированию деятельности по диверсификации, что скажется также и на результатах деятельности кластера. Такая взаимная подпитка положительными внешними эффектами может привести к снижению рисков специфичности, приданию «отношенческой» контрактации между моногородом и кластером устойчивости и в конечном счете появлению синергетического – как для моногорода и кластера в отдельности, так и для них в целом – эффекта. При этом с институциональной точки зрения важно обеспечить совместимость принимаемых в их отношении формальных правил игры с неформальными нормами поведения, сложившимися исторически в регионе [10].

Литература

1. Об административно-территориальном устройстве Кемеровской области. Закон Кемеровской области от 27 декабря 2007 года № 215-ОЗ. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/465200461 (дата обращения: 18.12.2017).

2. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. Режим доступа: http://base.garant.ru/196589/ (дата обращения: 21.12.2017).

3. Комплексная переработка угля и техногенных отходов в Кемеровской области. Режим доступа: http://map.cluster.hse.ru/cluster/31 (дата обращения: 20.12.2017).

4. Объявление о формировании перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров // Минэкономразвития России. 19.03.2012. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20120319_001 (дата обращения: 21.12.2017).

5. Моногорода РФ. Режим доступа: http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about (дата обращения: 14.12.2017).

6. Сайт моногорода Прокопьевск. Режим доступа: http://monogorod.kemobl.ru/Prokopievsk/01.asp (дата обращения: 13.12.2017).

7. Город Прокопьевск. Режим доступа: http://xn----7sbiew6aadnema7p.xn--p1ai/sity_id.php?id=96 (дата обращения: 13.12.2017).

8. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. 702 с.

9. Акинфеева Е. В., Ерзнкян Б. А. Институциональные особенности крупномасштабных инновационных кластеров (на примере Сколково и Кремниевой долины) // Управление. 2016. Т. 4. № 1. С. 59–63. DOI: 10.12737/18793.

10. Yerznkyan B., Gassner L., Kara A. Culture, Institutions, and Economic Performance // Montenegrin Journal of Economics. 2017. T. 13. № 2. P. 71–80. DOI: 10.14254/1800-5845/2017.13-2.3.

MONO-CITIES IN THE STRUCTURE OF THE REGIONAL CLUSTER: CONDITIONS OF MUTUAL SUPPORT BY POSITIVE EFFECTS

Ekaterina V. Akinfeeva [1, @1, *], ***Bagrat H. Yerznkyan*** [1, @2, @3, *]

[1] *Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky Ave., Moscow, Russia, 117418*
[@1] *katerina@cemi.rssi.ru*
[@2] *yerz@cemi.rssi.ru*
[@3] *lvova1955@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: mono-city, regional cluster, diversification, positive externalities, synergistic effect.

Abstract: Economic development of the country depends on the economic development of the regions, and also largely on the development of mono-profile municipal entities on the territory of these regions – single-industry towns, which is largely determined by the ability of mono-cities to diversify their economic activities. One of the ways to implement this (without hindering the development of the profile industries) is the application of a cluster approach to mono-cities, with their consideration in the role of cluster elements operating in the region. Such an approach will allow coordinating the

**** This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research No. 17-02-00513.***

regional policy with respect to its proportional development with the strategic policy of municipalities. The report reveals the essence of the concept of "mono-cities", reflects the main problems of the development of such entities, and studies the cluster approach as a means of improving single-industry towns and regions in general. In particular, the paper features the conditions under which the cluster members can receive positive effects that would be external to mono-cities, as well as the ways mono-cities themselves can obtain a part of the synergetic effect from the activity of the regional cluster.

For citation: Akinfeeva E. V., Yerznkyan B. H. Monogoroda v strukture regional'nogo klastera: usloviia vzaimnoi podpitki polozhitel'nymi effektami [Mono-Cities in the Structure of the Regional Cluster: Conditions of Mutual Support by Positive Effects]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 45–51. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-45-51.

References

1. *Ob administrativno-territorial'nom ustroistve Kemerovskoi oblasti* [On the administrative and territorial structure of the Kemerovo region]. Law of the Kemerovo region dated December 27, 2007 No. 215-OZ. Available at: http://docs.cntd.ru/document/465200461 (accessed 18.12.2017).

2. *Poslanie Prezidenta RF D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniiu RF ot 12 noiabria 2009 g.* [Message of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation on November 12, 2009]. Available at: http://base.garant.ru/196589/ (accessed 21.12.2017).

3. *Kompleksnaia pererabotka uglia i tekhnogennykh otkhodov v Kemerovskoi oblasti* [Complex processing of coal and man-caused waste in the Kemerovo region]. Available at: http://map.cluster.hse.ru/cluster/31 (accessed 20.12.2017).

4. *Ob"iavlenie o formirovanii perechnia pilotnykh programm razvitiia innovatsionnykh territorial'nykh klasterov* [Announcement on the formation of the list of pilot programs for the development of innovative territorial clusters]. 19.03.2012. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20120319_001 (accessed 21.12.2017).

5. *Monogoroda RF* [Mono-cities of the Russian Federation]. Available at: http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about (accessed 14.12.2017).

6. *Sait monogoroda Prokop'evsk* [Site of the mono-town of Prokopyevsk]. Available at: http://monogorod.kemobl.ru/Prokopievsk/01.asp (accessed 13.12.2017).

7. *Gorod Prokop'evsk* [City Prokopyevsk]. Available at: http://xn----7sbiew6aadnema7p.xn--p1ai/sity_id.php?id=96 (accessed 13.12.2017).

8. Williamson O. E. *Ekonomicheskiie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaia» kontraktatsiia* [The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting]. Saint-Petersburg: Lenizdat; CEV Press, 1996, 702.

9. Akinfeeva E. V., Yerznkyan B. H. Institutsional'nye osobennosti krupnomasshtabnykh innovatsionnykh klasterov (na primere Skolkovo i Kremnievoi doliny) [Institutional Features of Large-Scale Innovation Clusters (on the Example of Skolkovo and Silicon Valley)]. *Upravlenie = Management*, 4, no. 1 (2016): 59–63. DOI: 10.12737/18793.

10. Yerznkyan B., Gassner L., Kara A. Culture, Institutions, and Economic Performance. *Montenegrin Journal of Economics*, 13, no. 2 (2017): 71–80. DOI: 10.14254/1800-5845/2017.13-2.3.

УДК 332.122

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МОНОГОРОДОВ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

***Анна В. Аксянова*[1, @1], *Сергей В. Чехломин*[1, @2]**

[1] *Казанский национальный исследовательский технологический университет, 420015, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, 68*
[@1] *axyanova@rambler.ru*
[@2] *chekhlominsv@gmail.com*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, монопрофильность, региональная экономика, конкурентоспособность, региональная статистика.

Аннотация: Сокращение численности градообразующих предприятий в моногородах приводит к снижению уровня жизни и миграции населения в другие города. С экономической точки зрения поддержка таких городов является нецелесообразной, и возникает необходимость поддержки наиболее быстрой миграции населения в более благоприятные города. Но с другой стороны, для системы расселения в России характерна разреженность, и во многих случаях изолированно расположенные моногорода важны для целостности территориальной структуры страны. В статье выявлены основные факторы, которые могут влиять на повышение привлекательности моногородов для населения. Описанный подход может быть эффективным инструментом оценки потенциала развития моногородов. Апробация предлагаемого подхода на Республике Татарстан и Кемеровской области позволила сделать вывод, что стратегическим направлением в области развития моногородов должна быть работа с экономическим разнообразием города. Наращивание темпов экономического роста, достижение устойчивых фаз роста деловой активности можно получить от развития малого и среднего бизнеса.

Для цитирования: Аксянова А. В., Чехломин С. В. Методы оценки экономической привлекательности моногородов для населения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 52–58. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-52-58.

Города, базирующиеся на одном или нескольких крупных предприятиях, сильнее всего реагируют на экономические кризисы во внешней среде. Экономика поселений данного типа однообразна, и она определяет направление социального развития города, неспособного быстро меняться в случае возникновения финансово-экономического кризиса, что незамедлительно приводит к росту безработицы, росту задолженности по заработной плате и снижению уровня жизни населения. В настоящее время данному вопросу уделяется особое внимание с целью повышения устойчивости таких городов к воздействию негативных внешних факторов. Для решения данного вопроса необходим комплексный подход и всесторонняя оценка социально-экономического состояния моногородов.

Моногорода предстают явлением, характерным не только для России. Все циклы их существования: создание, развитие, кризис и исчезновение – можно наблюдать и в странах Запада. И всегда возникает дилемма между эффективностью и устойчивостью моногорода. Создание города или небольшого поселка всегда будет актуально, если оно направлено на развитие какой-либо отдельной отрасли или производства, т. к. это обеспечивает высокую эффективность и скорость развития предприятия [1].

При высоком темпе изменения экономической структуры, трансформации финансово-хозяйственной деятельности, «города при заводах» не успевают перестраиваться и становятся жертвами изменений во внешней экономической конъюнктуре. Опустевшие города, социально-экономическая система которых не смогла перестроиться под новые условия, называются «города-призраки». «Города-призраки» – это бывшие моногорода, которые были почти полностью покинуты своими жителями после того, как градообразующие предприятия перестали функционировать. Подобные города являются распространенным явлением даже в США, где системы расселения наиболее мобильны.

Предпосылками снижения проблемы моногородов на национальном уровне являются, во-первых, снижение количества и роли отраслей, занимающихся переработкой природных ресурсов, распределенных на ограниченной территории, во-вторых, повышение гибкости территориальной структуры и снижение размера среднего предприятия [2]. Учитывая, что в России вышеописанные факторы имеют меньший динамизм, проблема моногородов будет еще долго оставаться актуальной как проблема национального масштаба.

Можно выделить два основных источника возникновения проблемы моногородов – географический и отраслевой. Географическая причина ухудшения положения моногорода может быть обусловлена изменениями, связанными с преодолениями больших расстояний или преград (например закрытие судоходства

или речного порта, или железной дороги и т. п.). Такие причины ухудшения социально-экономического положения моногорода, как падение цен, падение спроса на производимую продукцию, устаревание технологий и оборудования, являются отраслевыми.

С отраслевыми причинами борются путем модернизации оборудования и производств, переходом на наиболее современные технологии, а это задача именно владельцев бизнеса, а не государства. Географические проблемы могут быть устранены, как правило, с помощью государства – развития инфраструктуры.

В причинах ухудшения положения моногорода бывают исключительные случаи, когда управляющий или владелец градообразующего предприятия не заинтересован в поддержании и развитии предприятия. В этих случаях в некоторых странах прибегают к национализации или выкупу завода трудовым коллективом с помощью профсоюза (металлургический завод в г. Янгстаун, штат Огайо, США, 1980-е годы).

В случаях, когда негативное воздействие оказывается со всех трех сторон (географические, отраслевые проблемы и слабое управление), необходимо использовать вариант «эвакуации» города, т. е. инициировать переселение жителей [3].

Моногорода, находящиеся в России, обладают рядом общих характеристик, которые могут оказывать как негативное воздействие и усугубить положение города, так и благоприятное, что может привести в результате правильного и рационального управления к повышению конкурентоспособности. Данные характеристики или общие для российских моногородов особенности перечислены ниже.

Основной общей чертой для моногородов является слабое муниципальное управление. Это объясняется тем, что благополучие или кризисное состояние города зависит в большей степени от успеха деятельности градообразующего предприятия.

Для первого случая, где благополучие города объясняется успешной деятельностью градообразующего предприятия, муниципальные власти не занимаются повышением эффективности использования бюджетных средств, т. к. все расходы с лихвой покрывает предприятие. В случае возникновения кризиса на градообразующем предприятии власти оказываются неспособными противостоять изменившимся условиям, т. к. не выработана эффективная система.

Для второго случая, где моногород при слабом градообразующем предприятии испытывает постоянный дефицит средств для развития, заниматься построением эффективной системы и вводить управленческие новации нет смысла, и существующая модель управления в городе только деградирует.

В итоге управление моногорода не поспевает за общей тенденцией в развитии инструментов муниципального менеджмента, таких как бюджетирование, партнерство между частным и государственным сектором, проведение конкурсов на предоставление муниципальных услуг и т. д.

Закономерной для российских моногородов является ситуация доминирования градообразующего предприятия, т. к. от показателей его деятельности зависят и все показатели города, к примеру, исполнение бюджета, доля внебюджетных средств, развитие городской инфраструктуры и в целом социально-экономическая ситуация в городе [4]. В значительной степени ситуация усугубляется, когда градообразующее предприятие находится за пределами города и интересы города и предприятия не совпадают, особенно это касается городской инфраструктуры, т. к. предприятие преимущественно занимается только той прилегающей территорией.

Одной из проблем, с которой столкнулись многие моногорода, является невозможность передачи жизнеобеспечивающей инфраструктуры от предприятий в собственность города, например, когда город отапливался заводской котельной.

Система отношений, при которой градообразующее предприятие обеспечивает потребности моногорода, имеет две стороны. С одной стороны, муниципальное управление занимает иждивенческую позицию, не имеет мотивации на выстраивание эффективной системы расходования бюджетных средств и проявляет несамостоятельность. С другой стороны, в городе выстроена заводская система управления и дисциплина, пусть даже со старым «советским» стилем.

Повышенный отток человеческих ресурсов связан с отсутствием разнообразия направлений занятости, узкий спектр социальных ролей и неспособность моногородов перестроиться под влиянием кризисных явлений. Уезжают наиболее активные и амбициозные люди, и в городе остается только пассивное население, которому свойственно иждивенческое настроение, депрессия, пессимизм, вызванный отсутствием альтернатив. Все это ведет к еще большему снижению перспектив развития предпринимательства и перестройки города на многопрофильность [5].

В то же время в моногородах нередко складывается особый социально-психологический климат, характеризующийся повышенным чувством местной солидарности, местной идентичности, единства судьбы, а потому и интересов, и это может служить хорошей почвой для мобилизации местной общественной активности [5].

В качестве основных проблем, снижающих эффективность господдержки, обозначены:

− отсутствие у моногородов уверенности в долгосрочности государственных мер поддержки; в федеральном бюджете на 2011 г. нет специально выделенных соответствующих средств, моногородам можно рассчитывать лишь на средства в рамках дотаций на сбалансированность;

− ограниченный масштаб оказываемой поддержки, который обеспечивает финансирование 1–2 проектов; в итоге уход таких городов от монозависимости проблематичен;

− поддержка оказывалась лишь крупным городам с максимальным абсолютным числом безработных. Помощь населенным пунктам с числом жителей менее 5 тыс. и сел была отдана на региональный уровень, при этом со стороны ряда регионов отмечено отсутствие должного внимания к этой проблеме;

– оказание содействия модернизации моногородов не стало задачей и для собственников градообразующих предприятий, которые считают, что этим должно заниматься исключительно государство;

– дефицит кадров – как специалистов для вновь созданных производств, так и для управленцев в регионах и муниципалитетах, занимающихся проектами модернизации. В итоге образуется дефицит проектов, отвечающих банковским стандартам инвестирования, отсутствует необходимая инфраструктура для их реализации, сохраняются длительные процедуры формирования технической и разрешительной документации.

По данным экспертов на 2016 г. в России насчитывается 319 моногородов [6]. Все эти города разные и имеют свои территориально-климатические, исторические и социально-экономические особенности. Большинство моногородов – это наследие Советского Союза как результат грандиозных и стратегических проектов. Все моногорода разделяются на 3 группы (рисунок 1).

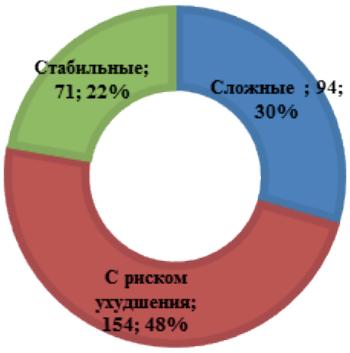

Рис. 1. Структура моногородов России по социально-экономическому положению
Fig. 1. Structure of Russian monotowns according to economic and social situation

Традиционно территорией размещения моногородов является промышленный пояс развития, включающий в первую очередь регионы Урала, Сибири. В этом поясе расположены наименее благоприятные в социальном отношении моногорода, часто имеющие в качестве градообразующих всего одно крупное предприятие металлургии или машиностроения и одновременно удаленные от полифункциональных городских центров [7].

На сегодняшний день проблема моногородов заключается в том, что 78 % из них имеют негативное социально-экономическое положение в связи с резким снижением деловой активности градообразующих предприятий. Это влечет за собой снижение уровня жизни и отток населения.

С одной стороны, поддержание таких городов является экономически нецелесообразным и, как следствие, возникает необходимость активизации быстрого оттока населения в более благоприятные для жизни и работы города. Но с другой стороны, для системы расселения в России характерна разреженность, и во многих случаях изолированно расположенные моногорода (а именно они чаще всего впадают в кризис) важны для целостности территориальной структуры страны. Многие моногорода часто являются единственными значительными населёнными пунктами на обширной территории, поэтому они имеют хороший потенциал стать торгово-распределительными центрами районного значения [8].

В качестве основного показателя, характеризующего социально-экономический уровень развития, выбран миграционный прирост или убыль населения. Положительное значение данного показателя может выступать в качестве индикатора стабильности и привлекательности территории (рисунок 2).

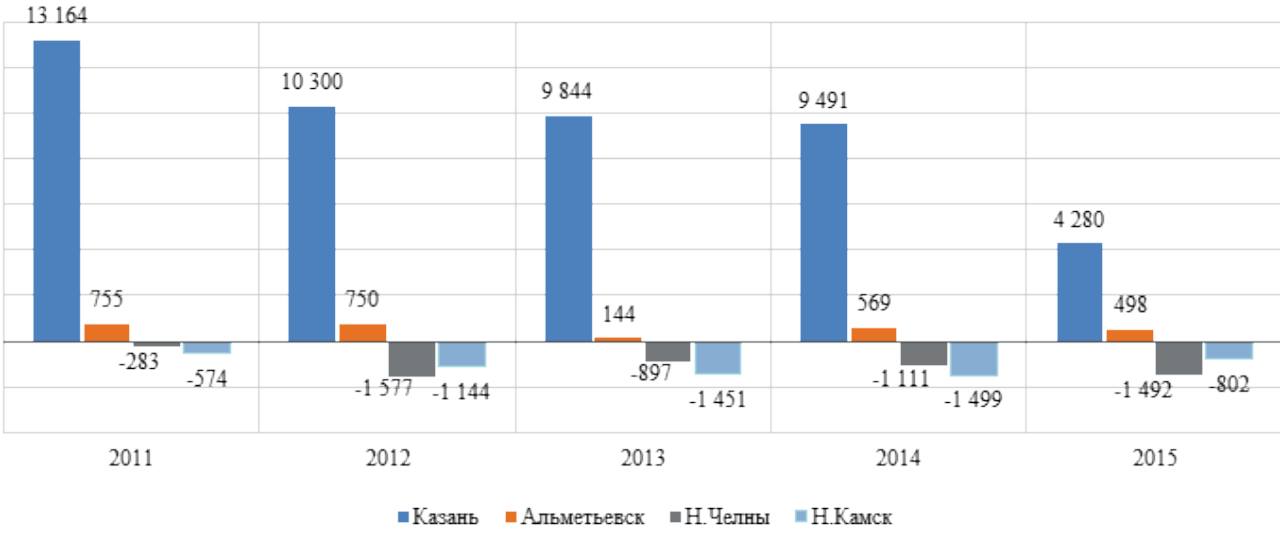

Рис. 2. Динамика миграционного прироста, убыли населения по городам в Республике Татарстан, человек [9]
Fig. 2. Dynamics of migration gain and population decline in the cities of Tatarstan, number of people [9]

По данным официальной статистической отчетности, миграционная убыль населения по моногородам характерна для целого ряда субъектов, в числе которых и Республика Татарстан [10], Кемеровская область, где в трех из пяти городов с населением более 100 тыс. человек миграционный прирост населения имеет отрицательную величину. Три города (г. Белово, г. Междуреченск, г. Прокопьевск) являются моногородами [11].

С целью выявления факторов, которые влияют на уровень миграции, были проанализированы следующие статистические данные (таблица 1):

– доля трудоспособного населения;

– среднемесячная номинальная начисленная заработная плата;

– количество организаций на тысячу человек населения;

– объем инвестиций в основные фонды на тысячу человек населения;

– общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя.

Таблица 1. Статистические данные по городам Кемеровской области и Республики Татарстан за 2015 г.
Table 1. Statistical data on the cities of the Kemerovo Region and the Republic of Tatarstan for 2015

№	Показатели	Республика Татарстан				Кемеровская область				
		Казань	Альметьевск	Набережные Челны	Нижнекамск	Кемерово	Белово	Междуреченск	Новокузнецк	Прокопьевск
1	Численность населения, тыс. человек	1217	152,6	526,8	236,2	553,1	129	100,8	551,3	198,4
2	Доля трудоспособного населения	59 %	59 %	58 %	60 %	60 %	55 %	56 %	58 %	54 %
3	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	34741	38551	28940	35509	34486	31434	37132	32404	25835
4	Число предприятий и организаций	74097	3270	16943	3064	20865	1642	1151	13441	2174
5	Кол-во организаций на тыс. человек населения, шт.	61	21	32	13	38	13	11	24	11
6	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	108723	53437	22583	80607	18979	4695	4448	16053	1247
7	Инвестиции на тыс. человек населения	89	350	43	341	34	36	44	29	6
8	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), м^2	24,6	24,8	21,8	21,9	21,9	24,3	22,7	22,9	25,4
9	Миграционный прирост, убыль населения, человек	4280	498	-1492	-802	3615	-1062	-29	2153	-1039
10	Доля миграционного прироста в общей численности населения	0,35%	0,33%	-0,28%	-0,34%	0,65%	-0,82%	-0,03%	0,39%	-0,52%

При анализе рассмотрены города с численностью населения более 100 тысяч человек. Для исключения влияния на результаты анализа специфики моногородов в выборку добавлены широкопрофильные города.

Значения данных показателей распределены на 4 группы. Показателям с наибольшими значениями присвоена четвертая группы, а показателям с меньшими значениями – первая (таблица 2).

По сумме номеров групп проведена классификация города по уровню привлекательности для населения. Наименьший уровень привлекательности присвоен городам при сумме 10 баллов и менее. Города с суммой по номерам групп более 10, но менее 16 отнесены к группе со средним уровнем привлекательности. Высокий уровень привлекательности имеют города с суммой 16 баллов и более.

Наличие такой аналитической группировки дает возможность провести анализ взаимосвязи между выбранными факторами и результирующим показателем миграционного прироста населения.

Значение уровня «низкий» встречается только по моногородам, по этим же городам показатель миграционного прироста населения имеет отрицательное значение. Исключения составляют моногорода Нижнекамск в Республике Татарстан и Новокузнецк в Кемеровской области.

Для определения существенности связи был рассчитан коэффициент корреляции факторных признаков с показателем миграционного прироста населения в динамике (таблица 3).

Таблица 2. Распределение групп статистических показателей по городам Кемеровской области и Республики Татарстан
Table 2. Distribution of groups of statistics in the cities of the Kemerovo Region and the Republic of Tatarstan

№	Показатели	Республика Татарстан				Кемеровская область				
		Казань	Альметьевск	Набережные Челны	Нижнекамск	Кемерово	Белово	Междуреченск	Новокузнецк	Прокопьевск
1	Доля трудоспособного населения	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	1,0	2,0	3,0	1,0
2	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	3,0	4,0	1,0	4,0	3,0	2,0	4,0	3,0	1,0
3	Кол-во организаций на тыс. человек населения	4,0	1,0	2,0	1,0	3,0	1,0	1,0	2,0	1,0
4	Объем инвестиций в основные фонды на тыс. человек населения	1,0	4,0	1,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
5	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), м^2	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	3,0	1,0	2,0	4,0
6	Сумма по номерам групп	16,0	17,0	9,0	14,0	12,0	8,0	9,0	11,0	8,0
7	Классификация по уровням привлекательности города	высокий	высокий	низкий	средний	средний	низкий	низкий	средний	низкий

Таблица 3. Распределение коэффициента корреляции между статистическими показателями по городам Кемеровской области и Республики Татарстан
Table 3. Distribution of correlation coefficient between statistics data in the Cities of the Kemerovo Region and the Republic of Tatarstan

№	Наименование	2011	2012	2013	2014	2015
1	Доля трудоспособного населения	0,57	0,51	0,58	0,49	0,70
2	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), м^2	0,01	0,08	-0,04	0,07	-0,20
3	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	-0,02	0,09	0,25	0,60	0,53
4	Инвестиции в основной капитал на 1 тыс. человек	0,06	0,29	0,09	-0,13	0,09
5	Число предприятий и организаций на тыс. человек	0,86	0,85	0,90	0,79	0,60

Анализ матрицы связей позволяет сделать вывод, что наибольшая связь с миграционным приростом (как оценкой привлекательности города) наблюдается с такими показателями, как среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, количество организаций на тысячу человек населения и доля трудоспособного населения.

Наиболее устойчивая связь с миграционным приростом на протяжении всего анализируемого периода с 2011 г. по 2015 г. наблюдается по показателям доли трудоспособного населения и количества предприятий на тысячу человек населения.

Доля трудоспособного населения увеличивается, если по городу наблюдается миграционный прирост, т. е. в населенный пункт прибывает именно трудоспособное население. Устойчивая связь результативного признака с количеством предприятий и организаций подтверждает тот факт, что население привлекает возможность выбора разнообразных объектов приложения труда или имеются благоприятные условия для создания собственной организации.

Дальнейшим стратегическим направлением в области развития моногородов должна быть работа с экономическим разнообразием города. На сегодняшний день наиболее перспективной задачей является инновационное развитие экономики. Наращивание темпов экономического роста, достижение устойчивых фаз роста деловой активности можно получить от развития малого и среднего бизнеса. Следовательно, с целью увеличения привлекательности города для населения необходимо создавать условия для развития инновационного бизнеса на базе малых и средних предприятий.

Литература

1. Семин А. Н., Кучеров А. С. Моногород в индустриально развитой территории // Агропродовольственная политика России. 2017. № 7. С. 72–75.
2. Программа развития моногородов на 2012–2020 годы. Режим доступа: https://business.gov.kz/ru/business-support-programs/detail.php?ID=50961 (дата обращения: 28.01.2018).
3. Об утверждении критериев создания территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах. Постановление от 26 апреля 2017 года № 494. Режим доступа: http://government.ru/docs/27525/ (дата обращения: 28.01.2018).
4. О программе «Пять шагов благоустройства» // Моногорода РФ. Режим доступа: http://моногорода.рф/about (дата обращения: 28.01.2018).
5. Программа развития моногородов так и не создана – СП РФ // Regnum.ru: информационное агентство. 18.05.2017, 10:31.Режим доступа: https://regnum.ru/news/economy/2276432.html (дата обращения 02.07. 2017).
6. Вести.ру, Россия в цифрах. Моногорода // Вести.ru. 31.05.2016, 10:00. Режим доступа: http://cdnmg-v.rtr-vesti.ru/videos/show/vid/681272/cid/360/ (дата обращения: 28.01.2018).
7. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Проблемы и перспективы развития моногородов в России // Управленец. 2009. № 1-2. С. 46–53.
8. Аналитический доклад по вопросам управления развитием моногородов. М.: Институт экономики города, 2011. 42 с.
9. Федеральная служба государственной статистики: сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 28.01.2018).
10. Министерство экономики Республики Татарстан: сайт. Режим доступа: http://mert.tatarstan.ru/monogoroda-respubliki-tatarstan.htm (дата обращения: 28.01.2018).
11. Департамент инвестиций и стратегического развития Кемеровской области: сайт. Режим доступа: http://dep.keminvest.ru/menu/deyatelnost/mono_sity.php (дата обращения: 28.01.2018).

METHODS FOR ASSESSING THE ECONOMIC ATTRACTIVENESS OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS FOR POPULATION

***Anna V. Aksianova*[1, @1], *Sergei V. Chekhlomin*[1, @2]**

[1] *Kazan National Research Technological University, 68, Karl Marx St., Kazan, Russia, 420015*
[@1] *axyanova@rambler.ru*
[@2] *chekhlominsv@gmail.com*

Received 31.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: monocities, monoprofile, regional economy, competitiveness, regional statistics.

Abstract: Reducing the number of city-forming enterprises in single-industry towns leads to a decrease in the standard of living and migration of the population to other cities. From the economic point of view in many cases, the support of such cities is inappropriate, and there is a need to support the most rapid migration of the population to more favorable cities. But on the other hand, the dispersal system in Russia is characterized by sparseness, and in many cases isolated monocities are important for the integrity of the territorial structure of the country. The article identifies the main factors that can influence the increase in the attractiveness of single-industry towns for the population. This approach can be an effective tool for assessing the potential of single-industry urban settlements. Approbation of the proposed campaign in the Republic of Tatarstan and the Kemerovo region made it possible to conclude that the strategic direction in the development of single-industry cities should be connected with the economic diversity of the city. Acceleration of economic growth, as well as sustainability of business can be achieved by the development of small and medium-sized businesses.

For citation: Aksianova A. V., Chekhlomin S. V. Metody otsenki ekonomicheskoi privlekatel'nosti monogorodov dlia naseleniia [Methods for Assessing the Economic Attractiveness of Single-Industry Towns for Population]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 52–58. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-52-58.

References

1. Semin A. N., Kucherov A. S. Monogorod v industrial'norazvitoiterritorii [The monotown in industrially developed territory]. *Agroprodovol'stvennaiapolitikaRossii = Agrofood policy of Russia*, no. 7 (2017): 72–75.

2. *Programma razvitiia monogorodov na 2012–2020 gody* [Program for the development of single-industry towns for 2012–2020]. Available at: https://business.gov.kz/ru/business-support-programs/detail.php?ID=50961 (accessed 28.01.2018).

3. *Ob utverzhdenii kriteriev sozdaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v monogorodakh* [About the approval of criteria of creation of territories of the advancing social and economic development in monotowns]. Decree of April 26, 2017 No. 494. Available at: http://government.ru/docs/27525/ (accessed 28.01.2018).

4. *O programme "Piat' shagovblagoustroistva"* [About the Five Steps of Improvement program]. Available at: http://monogoroda.rf/about (accessed 28.01.2018).

5. *Programmarazvitiiamonogorodovtaki ne sozdana – SP RF* [Mono-city development program has not been created yet]. 18.05.2017, 10:31. Available at: https://regnum.ru/news/2276432.html (accessed 02.07.2017).

6. *Vesti.ru, Rossiia v tsifrakh. Monogoroda* [Russia in Figures.Monotown]. 31.05.2016, 10:00. Available at: http// cdnmg-v rtr-vestiru videos show vid 681272 cid 360 (accessed 28.01.2018).

7. Animitsa E. G., Novikova N. V. Problemy i perspektivy razvitiia monogorodov v Rossii [Problems and prospects for the development of single-industry towns in Russia]. *Upravlenets = The Manager*, no. 1-2 (2009): 46–53.

8. *Analiticheskii doklad po voprosam upravleniia razvitiem monogorodov* [Analytical report on management of single-industry towns]. Moscow: Institut ekonomiki goroda, 2011, 42.

9. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/ (accessed 28.01.2018).

10. *Ministerstvo ekonomiki Respubliki Tatarstan* [Ministry of Economics of the Republic of Tatarstan]. Available at: http://mert.tatarstan.ru/monogoroda-respubliki-tatarstan.htm (accessed 28.01.2018).

11. *Departament investitsii i strategicheskogo razvitiia Kemerovskoi oblasti* [Department of investments and strategic development of the Kemerovo region]. Available at: http://dep.keminvest.ru/menu/deyatelnost/mono_sity.php (accessed 28.01.2018).

УДК 332.1

ВЛИЯНИЕ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ РЫНКА ТРУДА МОНОГОРОДА

***Татьяна А. Бельчик*[1, @1], *Татьяна А. Якушина*[2, @2]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[2] *Центр подготовки и развития персонала АО «СУЭК-КУЗБАСС», 652507, Россия, г. Ленинск-Кузнецкий, ул. Васильева, 1*
[@1] *talbel@rambler.ru*
[@2] *tat-yakushina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, диверсификация рынка труда, градообразующее предприятие, монопрофильная территория.

Аннотация: Исследование, результаты которого приведены в данной работе, направлено на выявление роли градообразующих предприятий в решении проблем моногородов. В качестве эмпирических данных использованы результаты контент-анализа сайтов моногородов, анализ комплексных инвестиционных планов, статистических данных и данных социальных отчетов ряда градообразующих предприятий. В статье рассматриваются направления деятельности градообразующих предприятий в территориях их присутствия по созданию условий для развития предпринимательства, созданию новых рабочих мест в отличных от основной деятельности отраслях. Это позволяет диверсифицировать рынок труда моногородов и снизить напряженность на рынке труда. Перспективными направлениями, поддерживаемыми градообразующими предприятиями, являются диверсификация собственного производства, профессиональная ориентация молодежи, обучение и переобучение населения, развитие социального предпринимательства. В результате проведенного исследования разработаны модели, способствующие комплексному развитию территорий моногородов. В работе акцент делается на необходимость привлечения местного сообщества для реализации планов и программ градообразующих предприятий по развитию территорий их присутствия.

Для цитирования: Бельчик Т. А., Якушина Т. А. Влияние градообразующего предприятия на диверсификацию рынка труда моногорода // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 59–65. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-59-65.

Замедление темпов экономического роста в Российской Федерации специалисты связывают с разными проблемами – это и низкий уровень производительности труда, и недостаточный уровень квалификации работников, и несовершенство кредитно-налоговой политики, и структурные особенности, одной из которых является формирование большого количества монопрофильных территорий. В соответствии с поручением Президента России [1] Правительство РФ организовало комплексный мониторинг социально-экономического положения муниципальных образований, входящих в перечень монопрофильных муниципальных образований (моногородов), и разработало государственную программу «Комплексное развитие моногородов». Для Кемеровской области эта проблема является особенно актуальной, так как в регионе все города, кроме г. Кемерово, являются монопрофильными. Их развитие зависит от одной отрасли: угольной, металлургии, машиностроения или железной дороги. Сегодня в таких городах проживает более 70 % жителей. По данным Росстата в 2016 г. в территориях с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций) в Кемеровской области проживало более 127 тыс. человек, 179 тыс. человек проживали в городах, где имеются риски ухудшения социально-экономического положения [2].

В соответствии с распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области развитие моногородов выделено как одно из стратегических направлений развития региона. В плане социально-экономического развития Кемеровской области на 2017 год предусмотрена целевая поддержка моногородов. Предполагается, что она должна оказываться из средств некоммерческой организации «Фонд развития моногородов», основным финансовым источником которой являются субсидии из федерального бюджета. Такого рода усилия власти формально направлены на обеспечение инвестиционной привлекательности моногородов и развитие соответствующих территорий. Фактически данная поддержка далеко не всегда является действенной. Для реализации вышеназванного стратегического направления развития Кемеровской области в регионе разработана своя государственная программа [3], в которой в числе других сформулированы следующие задачи:

– реализация инвестиционных проектов, направленных на развитие видов деятельности, не относящихся к профильным для экономики моногородов;

– поддержание стабильности на рынке труда моногородов;

– снижение уровня монопрофильности муниципальной экономики моногородов Кемеровской области.

Одной из первоочередных задач является активизация работы, направленной на развитие производств, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий в моногородах области, а также инновационного сектора, что приведет к повышению уровня диверсификации экономики региона [4]. Распоряжением Правительства РФ [5] дополнен список показателей, по которым должен вестись мониторинг, среди них группа показателей, направленных на исследование состояния именно градообразующих организаций:

1) оценка устойчивости деятельности градообразующей организации;

2) среднесписочная численность работников градообразующей организации;

3) создание рабочих мест, не связанных с градообразующей организацией;

4) оценка населением социально-экономической ситуации в муниципальном образовании и др.

Уровень социально-экономического развития моногородов во многом формируется градообразующими предприятиями, что оказывает существенное влияние на уровень жизни населения. В то же время развитие инфраструктуры моногорода, деятельность муниципальных и региональных властей формируют среду, в которой функционирует градообразующее предприятие. В ряде случаев эта среда оказывает решающее воздействие на бизнес, поэтому разрабатывать стратегию развития моногорода необходимо в тесном контакте с градообразующим предприятием. Следует находить способы урегулирования интересов территории и градообразующего предприятия.

В своем исследовании мы изучили деятельность целого ряда градообразующих предприятий, присутствующих как в городах Кемеровской области, так и за ее пределами. В данной статье мы отметим деятельность лишь одного из исследуемых предприятий и попытаемся оценить степень влияния градообразующего предприятия на процессы диверсификации рынка труда г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Ленинск-Кузнецкий городской округ относится к категории монопрофильных городов, особенностями развития которого являются следующие:

– высокий уровень зависимости от деятельности градообразующего предприятия АО «СУЭК-Кузбасс»;

– высокая степень износа основных фондов;

– естественная убыль населения;

– высокая дотационность бюджета [6].

АО «СУЭК-Кузбасс» входит в структурную группу компаний акционерного общества «Сибирская угольная энергетическая компания» (АО СУЭК). СУЭК – крупнейшее в России угольное объединение и единственная отечественная компания, входящая в число лидеров мирового угольного рынка по объемам добычи угля.

Предприятия СУЭК расположены в Республике Бурятии, Кемеровской области, Красноярском, Приморском и Забайкальском краях. Для 11 городов и поселков предприятия компании – градообразующие. В компании работает более 33 тыс. сотрудников. Социальные программы в 2017 г. у СУЭК можно разделить на следующие несколько основных направлений [7]:

– экология;

– *образование*;

– спорт и здоровый образ жизни;

– здравоохранение;

– благоустройство и развитие инфраструктуры;

– досуг, культура, реализация творческого потенциала;

– *совершенствование местного самоуправления;*

– *поддержка социальной и предпринимательской активности населения, создание возможностей для самореализации;*

– доступное жилье и коммунальные услуги.

Курсивом выделены те направления, которые направлены на диверсификацию рынка труда.

Программы взаимодействия с местными сообществами реализуются на всех ключевых предприятиях компании. В общей сложности в течение 2016 г. СУЭК реализовала 150 социальных и благотворительных проектов в регионах своего присутствия. Объем социальных инвестиций компании составил 15 млн долл. США.

С 2010 г. на территории Ленинск-Кузнецкого городского округа реализуется Программа «Повышение эффективности ресурсов развития моногородов» [8]. Программа реализуется по двум тематическим направлениям социально ориентированной деятельности:

1. Формирование и развитие региональных профессиональных кадров:

– профессиональное самоопределение школьников и учащихся профессиональных образовательных учреждений;

– формирование профессиональных образовательных программ нового типа, основанных на профессиональных стандартах по профессиям угледобывающей отрасли.

2. Обеспечение самозанятости и самореализации населения:

– развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства;

– трудовые отряды;

– поддержка и развитие инициатив местных сообществ.

К основным результатам реализации проектов можно отнести:

– проведение обучающих мероприятий для представителей администрации, предпринимателей, представителей социальной сферы по выстраиванию государственно-частного партнерства на муниципальном уровне;

– проведение картирования территории, исходя из ее особенностей, запросов муниципальных властей и потребностей общественности;

– создание муниципального Ресурсного центра профессионального самоопределения детей и молодежи, где за годы работы более 3,7 тыс. молодых людей

получили необходимую информационную поддержку, определившую их профессиональный выбор.

Считая малый и средний бизнес перспективным инструментом диверсификации рынка труда в монопрофильных городах и поселках, Компания в 2014 г. реализовала проект «Молодежное предпринимательство». Целью проекта стало развитие социальной инициативности и навыков предпринимательства у различных возрастных категорий местных сообществ. Еще одна инициатива «СУЭК-Кузбасс» – проект «Школа социального предпринимательства» – заняла первое место в номинации «Лучшая программа (проект) корпоративной благотворительности в стратегии развития компании». Проект «Профессиональное самоопределение», который реализуется СУЭК-Кузбасс, стал лауреатом номинации «Лучшая программа (проект), способствующая развитию профессионального образования в РФ». Десять лет подряд СУЭК-Кузбасс организует и проводит детский творческий конкурс «Наш СУЭК!, Наш Кузбасс!».

Рассмотренные выше инициативы градообразующего предприятия являются положительным примером взаимодействия градообразующего предприятия с городскими властями. Однако такая ситуация не является типичной.

Во-первых, градообразующие предприятия не всегда считают возможным для себя участвовать в данных проектах из-за ограничений в нормативных документах, запрещающих получать государственные субсидии на развитие градообразующих предприятий в моногородах. Во-вторых, градообразующие предприятия не видят способа своего участия в модернизации моногорода, диверсификации рынка труда, кроме как через механизм благотворительных акций, что следует из изученных социальных отчетов.

Обобщение опыта СУЭК показало, что одним из перспективных направлений деятельности градообразующих предприятий в монопрофильных территориях является вовлечение в проект по изменению моногорода самих его жителей. В настоящее время общественность исключена из системы принятия решений, и ее роль сведена до пассивного благополучателя, потребителя, что в свою очередь снижает эффективность самих проектов. Население, не владея информацией, не видя перспектив развития моногорода, продолжает уезжать из него.

Основными исполнителями мероприятий являются органы местного самоуправления и служба занятости населения. Роль собственников градообразующих предприятий незначительна, а в некоторых случаях ничтожна. В региональных программных документах не прослеживается и роль местного сообщества в решении вопросов диверсификации рынка труда региона, что, на наш взгляд, способствует укреплению патернализма и развитию политики иждивенчества [9].

Необходимо, изучив положительный опыт взаимодействия муниципалитетов и градообразующих предприятий, построить модель территориального развития монопрофильных территорий, которая бы учитывала региональную специфику, опиралась на человеческий потенциал и особенности менталитета местного управления. В настоящее время в большинстве моногородов действует такая модель взаимодействия всех участников, которая не позволяет связать их деятельность для достижения единой цели, направленной на стабильное развитие моногорода. При сложившейся ныне модели, когда в центре – градообразующее предприятие (часто испытывающее очень большие финансовые, производственные трудности), а власти, бизнес и местное сообщество являются лишь дополнительными компонентами, ощутимых результатов достичь трудно. Устойчивое развитие территории возможно только при сильных позициях градообразующего предприятия, любые проблемы социально-экономического характера, которые могут привести к неустойчивому развитию предприятия, влекут за собой нестабильность всего муниципального образования, именно эта ситуация наблюдается в большинстве монопрофильных территорий. В такой модели нет взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами, мнения стейкхолдеров в развитии муниципального образования не учитываются, каждая сторона существует сама по себе, что ведет к неустойчивости самой модели.

В своем исследовании мы направили усилия на формирование такой модели территориального развития, которая была бы направлена на оптимизацию ресурсов развития моногорода, в том числе на диверсификацию рынка труда, обеспечение занятости и самозанятости населения, повышение качества жизни моногорода, качества человеческого капитала и внедрение инновационных технологий и подходов в социальную сферу.

Мы предлагаем модель (рис. 1) территориального развития, которая делает упор на анализ состояния территории, выявление возможных вариантов ее развития и соотнесения с проблемами ментальности, определения инструментов реализации и осуществления анализа и контроля. Особое место в модели необходимо уделить цикличности, т. е. развитие не имеет конечной точки, только контрольные. По достижении контрольной точки проводится анализ результатов, корректировка целей и т. д. И главной особенностью является включение в эту работу местного сообщества.

Мониторинг развития территорий и местного сообщества необходимо реализовывать с помощью комплексных социологических исследований, кластерных опросов, получения обратной связи по результатам хода мероприятий. Необходимо систематическое проведение картирования территории, исходя из ее особенностей, запросов муниципальных властей и потребностей местного сообщества [10].

Важным моментом является определение заинтересованных сторон (стейкхолдеров), их количество будет зависеть от особенностей территории. Можно условно разделить их на три группы:

– органы власти (местное самоуправление, региональные власти, представители федеральных органов власти);

– субъекты экономики на территории (градообразующие предприятие, муниципальные предприятия

и организации, местные представители среднего и малого бизнеса, предполагаемые инвесторы, в том числе из других территорий);

– местное сообщество (жители территории, местные активисты, представители некоммерческих общественных организаций).

Рис. 1. Модель территориального развития
Fig. 1. Model of territorial development

Для выстраивания эффективного взаимодействия данных групп мы выделили преимущества совместного участия в решении проблем моногорода (таблица).

Таблица. Преимущества совместного участия в решении проблем моногорода
Table. The advantages of joint participation in solving the problems of a single-industry city

Для органов власти	Для субъектов экономики	Для местного сообщества
– выявление проблем муниципалитета; – изменение поведения горожан с «потребительского» на «партнерское»; – развитие государственно-частного партнерства; – привлечение внебюджетных средств к реализации проектов городского развития; – увеличение доверия к органам власти.	– определение новых возможностей для развития бизнеса; – привлечение инвестиций; – развитие социально-экономического партнерства; – повышение качества человеческого капитала; – повышение лояльности персонала; – привлечение и удержание квалифицированных кадров.	– включенность в решение проблем территории; – повышение уровня влияния горожан на процессы территориального развития; – возможность реализации собственных инициатив; – повышение качества и эффективности проектов городского развития.

Необходимо отдельно выделить преимущества, получаемые градообразующим предприятием при включенности в решение проблем территории присутствия. В современных условиях градообразующее предприятие сталкивается с рядом проблем: с одной стороны, это высвобождение персонала, а с другой – возрастающая потребность в высококвалифицированных кадрах. Также важно отметить, что, как правило, в моногородах возникает проблема трудоустройства других членов семей сотрудников градообразующего предприятия. Поэтому включение градообразующего предприятия в реализацию модели территориального развития и диверсификацию рынка труда моногорода позволяет получить следующие преимущества:

– возможность трудоустройства высвобождающегося персонала на предприятия малого и среднего бизнеса;

– переобучение персонала градообразующего предприятия с использованием возможностей местных центров занятости и образовательных организаций на востребованные специальности самого предприятия;

– создание новых рабочих мест в территории присутствия для высвобождаемого персонала с рассмотрением смежных и альтернативных направлений деятельности (транспортного, ремонтно-монтажного, строительного и т. д.);

– повышение лояльности персонала через создание комфортной среды для проживания семей сотрудников на территории присутствия;

– привлечение высококвалифицированных специалистов и их удержание;

– формирование имиджа предприятия как экономически устойчивого и социально ответственного.

По нашему мнению, возможности местного сообщества в решении проблем моногородов недооценены и поэтому жители в них являются часто пассивными наблюдателями гибели монотерриторий. С участием градообразующих предприятий можно сформировать у местного сообщества потенциал развития, базу знаний для самостоятельного решения проблем моногородов. Развитие человеческого капитала – основное условие устойчивого развития моногорода.

Модель вовлечения местного сообщества будет являться важным инструментом содействия активности и инициативности местного сообщества. Консультационные и обучающие мероприятия способствуют повышению профессионализма и компетентности человеческих ресурсов моногорода. Основным критерием эффективности данной модели является создание на территории моногорода «точек роста» (это созданное в результате реализации социального проекта учреждение (или организация), способствующее повышению качества жизни на территориях), которое сможет привлекать инвесторов, средства федерального и регионального бюджетов на развитие территорий. Наличие таких «точек роста» расширяет возможности местного сообщества самостоятельно решать задачи социально-экономического развития и, как следствие, рост социальной стабильности на территории.

Необходимо еще раз остановиться на роли градообразующего предприятия в процессе диверсификации рынка труда монопрофильной территории с учетом представленной модели территориального развития. Как мы уже отмечали [11], основной задачей социально-ответственного градообразующего предприятия является реализация комплекса мероприятий, направленных на повышение качества жизни в территории присутствия. Для определения приоритетных мероприятий и направлений необходимо привлечение экспертов к мониторингу социальной ситуации как с внешнего периметра, так и из числа местного сообщества.

В свою очередь модель развития монопрофильной территории можно разбить на составляющие (направления), способствующие диверсификации рынка труда монопрофильной территории, представленные на рисунке 2.

Рис. 2. Направления диверсификации рынка труда монопрофильной территории
Fig. 2. Directions for the diversification of the labor market of a mono-profile territory

Реализация данных направлений должна осуществляться с учетом особенностей конкретной территории, качества ее человеческого потенциала, уровня органов местного самоуправления и готовности градообразующего предприятия оказывать влияние на процессы диверсификации рынка труда монопрофильной территории.

Литература

1. Перечень поручений по вопросам государственной поддержки монопрофильных населённых пунктов Российской Федерации от 15 октября 2013 г. № Пр-2418. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/19436 (дата обращения: 31.01.2018).

2. Среднесписочная численность работников всех организаций по моногородам за 2016 год // Официальный сайт Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/monogor.xlsx (дата обращения: 29.01.2018).

3. Об утверждении государственной программы Кемеровской области «Экономическое развитие и инновационная экономика Кузбасса» на 2014–2019 годы (с изменениями на 28.06.2017). Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области от 13 сентября 2013 г. № 376. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/412805057 (дата обращения: 31.01.2018).

4. Антонова И. С. Моделирование инфраструктуры диверсификации экономики моногорода // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2016. Т. 17. № 4. С. 1104–1112.

5. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 671-р. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2017 № 170-р. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212295/ (дата обращения: 31.01.2018).

6. Комплексная программа социально-экономического развития Ленинск-Кузнецкого городского округа на 2016–2018 годы. Режим доступа: http://www.leninsk-kuz.ru/economy/program_social_development/programm/index.php (дата обращения: 27.01.2018).

7. Официальный сайт АО «СУЭК-Кузбасс». Режим доступа: http://www.suek.ru/about-us/management/#management (дата обращения: 30.01.2018).

8. Корпоративный социальный отчет группы СУЭК за 2014–2015 годы. Режим доступа: http://www.suek.ru/sustainability/reporting/#year_14-15 (дата обращения: 28.09.2016).

9. Кучинская А. В., Липски С. А. Условия создания особых экономических зон и определения прилегающей к особым экономическим зонам территории в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 3. С. 34–38.

10. Методические рекомендации по реализации проектов повышение качества среды моногородов. Режим доступа: http://www.моногорода.рф/knowledges (дата обращения: 19.03.2017).

11. Якушина Т. А. Деятельность градообразующих предприятий в моногородах: анализ лучших практик // Современные тенденции развития науки и производства: V Международная научно-практическая конференция: в 2-х томах. Кемерово: Западно-Сибирский научный центр, 2017. Т. 2. С. 479–487.

THE IMPACT OF CITY-FORMING ENTERPRISES ON DIVERSIFICATION OF THE LABOUR MARKET IN A SINGLE-INDUSTRY TOWN

***Tatyana A. Belchik*[1, @1], *Tatyana A. Yakushina*[2, @2]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[2] *Center for training and staff development OJSC «SUEK-Kuzbass», 1, Vasileva St., Leninsk-Kuzneckiy, Russia, 652507*
[@1] *talbel@rambler.ru*
[@2] *tat-yakushina@yandex.ru*

Received 19.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: monotown, diversification of the labour market, city-forming enterprise, single-industry territory.

Abstract: The study presented in this paper is aimed at identifying the role of city-forming enterprises in solving problems of single-industry towns. As empirical data, we used the results of a content analysis of Internet sites of monotowns, an analysis of the comprehensive investment plans, statistical data and social reports of several core enterprises. The article shows activities of core enterprises on the territories of their presence aimed at creation of conditions for business development, and creation of new jobs in non-core industries. This allows one to diversify the labour market of monocities and to reduce tensions on the labor market. Promising directions, supported by core enterprises, include diversification of their own production, professional orientation of youth, training and retraining of the population, and the development of social entrepreneurship. The study has brought about several models, which promote the comprehensive development of the territories of monotowns. The emphasis of the work is on the need to involve the local community to implement plans and programs of city-forming enterprises for the development of their territories of presence.

For citation: Bel'chik T. A., Iakushina T. A. Vliianie gradoobrazuiushchego predpriiatiia na diversifikatsiiu rynka truda monogoroda [The Impact of City-Forming Enterprises on Diversification of the Labour Market in a Single-Industry Town]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 59–65. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-59-65.

References

1. *Perechen' poruchenii po voprosam gosudarstvennoi podderzhki monoprofil'nykh naselennykh punktov Rossiiskoi Federatsii ot 15 oktiabria 2013 g. № Pr-2418* [The list of instructions on state support to single-industry towns of the Russian Federation, 15 October 2013 No. 2418]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/19436 (accessed 31.01.2018).

2. *Srednespisochnaia chislennost' rabotnikov vsekh organizatsii po monogorodam za 2016 god* [The average number of employees of all organizations for monocities for 2016]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/monogor.xlsx (accessed 29.01.2018).

3. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Kemerovskoi oblasti «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaia ekonomika Kuzbassa» na 2014–2019 gody (s izmeneniiami na 28.06.2017)* [On the approval of the state program of the Kemerovo region "Economic development and innovative economy of Kuzbass" for 2014–2019 (amended on June 28, 2017)]. Decree of the Board of Administration of the Kemerovo Region of September 13, 2013 No. 376. Available at: http://docs.cntd.ru/document/412805057 (accessed 31.01.2018).

4. Antonova I. S. Modelirovanie infrastruktury diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Modeling of infrastructure for company town economy diversification]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva = Bulletin of the Siberian State Aerospace University*, 17, no. 4 (2016): 1104–1112.

5. *O vnesenii izmenenii v rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 06.05.2008 № 671-r* [On the Introduction of Amendments to the Order of the Government of the Russian Federation of 06.05.2008 No. 671-r]. The decree of the RF Government from 02.02.2017 No. 170-R. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212295 (accessed 31.01.2018).

6. *Kompleksnaia programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Leninsk-Kuznetskogo gorodskogo okruga na 2016–2018 gody* [A comprehensive program of socio-economic development of the Leninsk-Kuznetsk urban area for the years 2016–2018]. Available at: http://www.leninsk-kuz.ru/economy/program_social_development/programm/index.php (accessed 27.01.2018).

7. *Ofitsial'nyi sait AO «SUEK-Kuzbass»* [Official site of JSC "SUEK-Kuzbass"]. Available at: http://www.suek.ru/about-us/management/#management (accessed 30.01.2018).

8. *Korporativnyi sotsial'nyi otchet gruppy SUEK za 2014–2015 gody* [Corporate social report of SUEK group for 20014–2015]. Available at: http://www.suek.ru/sustainability/reporting/#year_14-15 (accessed 28.09.2016).

9. Kuchinskaya A. V., Lipski S. A. Usloviia sozdaniia osobykh ekonomicheskikh zon i opredeleniia prilegaiushchei k osobym ekonomicheskim zonam territorii v Rossiiskoi Federatsii [The conditions for the establishment of special economic zones and defining of adjacent to the special economic zones territories of the Russian Federation]. *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, no. 3 (2014): 34–38.

10. *Metodicheskie rekomendatsii po realizatsii proektov povyshenie kachestva sredy monogorodov* [Guidelines for the implementation of projects improving the environmental quality of monotowns]. Available at: http://www.моногорода.рф/knowledges (accessed 19.03.2017).

11. Yakushina T. A. Deiatel'nost' gradoobrazuiushchikh predpriiatii v monogorodakh: analiz luchshikh praktik [Activity of city-forming enterprises in single-industry towns: analysis of best practices]. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i proizvodstva: V Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia* [Current trends in the development of science and production: V Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo: Zapadno-Sibirskii nauchnyi tsentr, vol. 2 (2017): 479–487.

УДК 334.02:378.33

ВЫБОР ПРИОРИТЕТОВ В ОБЛАСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК В ВУЗЕ

***Антон С. Бянкин*[1, @1, *], *Галина И. Бурдакова*[1, @2, *]**

[1] *Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27*
[@1] *anton.byankin@yandex.ru*
[@2] *galinabu@rambler.ru*

Поступила в редакцию 15.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, научные исследования и разработки, финансирование, рациональный выбор приоритетов.

Аннотация: Рациональный выбор приоритетов в области научных исследований и разработок в университете является основополагающим фактором получения поддержки, финансирования и коммерциализации НИОКР. От этого выбора зависит и решение технических, экономических, экологических, образовательных и гуманитарных проблем регионов и городов, в которых располагаются высшие учебные заведения. Выбор приоритетов в области научных исследований и разработок может обуславливаться множеством причин, в их числе продолжение научных исследований диссертации; область научных интересов сотрудников университета; вследствие доступа к хорошей лабораторной базе; актуальности в научном сообществе России; актуальности в мировом научном сообществе; в интересующей области научных знаний; спрос со стороны заказчика (организации, предприятия); выбор в соответствии с преподаваемым курсом; с направлениями государственной программы «Национальная технологическая инициатива»; с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники и перечнем критических технологий РФ; с «Форсайт»; с областями, поддерживаемыми различными фондами в виде грантов, субсидий. Целью исследования является анализ процесса выбора приоритетов в области научно-исследовательских работ, проводимых сотрудниками Комсомольского-на-Амуре государственного университета (КнАГУ). Авторами рассмотрена динамика объемов выполнения научных исследований и разработок в России и в университете. На основе опроса сотрудников вуза выявлены подходы к выбору тем научно-исследовательских работ. Предложены рекомендации по совершенствованию процесса выбора учеными приоритетов в проводимых исследованиях и разработках.

Для цитирования: Бянкин А. С., Бурдакова Г. И. Выбор приоритетов в области научных исследований и разработок в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 66–72. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-66-72.

Определение и выбор перспективных направлений научных исследований сегодня является одним из важнейших направлений государственной политики [1]. Бюджетные ассигнования государства представляют собой основной инструмент финансирования научно-исследовательских работ (НИР) в России [2].

Одним из значимых факторов в финансировании государством, а следовательно и в выборе тематики учеными научных исследований является их ориентация на приоритетные направления развития науки, технологий и техники, утвержденные правительством РФ в целях модернизации технологического развития российской экономики и повышения ее конкурентоспособности. Так, в 2015 г. общий объем научных исследований и разработок в этих сферах в нашей стране был выполнен на 627,4 млрд руб. против 361,6 млрд руб. в 2011 г. (рост 73,5 %). В общем объеме внутренних затрат на НИР затраты по приоритетным направлениям также увеличились с 59,2 % в 2011 г. до 68,6 % в 2015 г. (таблица 1) [3].

Удельный вес и динамика затрат на исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в России свидетельствует о растущей концентрации финансовых ресурсов в данной области [4]. Наибольшие темпы роста затрат в России на исследования и разработки наблюдались по таким приоритетным направлениям развития, как энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика; науки о жизни; информационно-телекоммуникационные системы; рациональное природопользование.

Приоритеты технологического развития страны находят свое отражение и в деятельности российских Фондов поддержки научных исследований. Так, реализация основной задачи Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) направле-

**** Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-02-00285.***

на на «обеспечение научно-технологического задела и формирование исследовательского потенциала на приоритетных направлениях развития науки и технологий» [5]. Одной из основных ценностей Российского научного фонда (РНФ) является «мировой уровень исследований, их актуальность и новизна, значимость результатов для мировой науки, для удовлетворения потребностей российской экономики и общества» [6].

Эти обстоятельства необходимо учитывать, если ученый-исследователь желает получить материальную поддержку на проведение НИОКР за счет средств Фондов.

Таблица 1. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки в России по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, млн руб.
Table 1. Dynamics of domestic costs for research and development in Russia in priority areas of science, technology and methods, million rubles

Приоритетные направления развития науки, технологий и техники	2011	2012	2013	2014	2015	Темпы роста, % (2015/2011)
Внутренние затраты на исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, тыс. руб., **в том числе:**	361603,7	472811,3	491274,8	575588,6	627405,5	173,5
информационно-телекоммуникационные системы	46609,9	61966,1	60031,8	70631,5	74555,8	159,9
индустрия наносистем	23451,7	24427,6	18708,2	24361,9	25421,7	108,4
науки о жизни	19918,8	25235,9	29366,1	35944,7	43775,7	219,8
рациональное природопользование	29033,5	31574,6	33309,2	40831,1	46422,7	159,9
энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика	37318,8	75063,4	76417,1	84069,4	86252,5	231,1
транспортные и космические системы	148970,1	171616,3	185397,6	206461,3	219193,1	147,1
Удельный вес в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки, %	59,2	67,6	65,5	67,9	68,6	–

Проведенный анализ объемов финансирования научных исследований, выполненных в КнАГУ по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники, показал, что общий объем финансирования сократился за 5 лет на 8,5 млн руб. (с 20,5 млн руб. в 2012 г. до 12 млн руб. в 2016 г.) и составил 58,6 % к уровню 2012 г.

К 2017 г. наибольшее падение произошло по направлениям «Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика» (минус 10 млн руб.) и «Информационно-телекоммуникационные системы» (минус 3 млн руб.). Зато почти в 2 раза (на 5,5 млн руб.) выросло финансирование НИР по «Транспортным и космическим системам».

Основными приоритетными направлениями, по которым до 2016 г. финансировались научные исследования, являлись информационно-телекоммуникационные системы; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика. В 2016 г. не были профинансированы НИР по 2-м из 4-х направлений, кроме «Транспортные и космические системы» (11,5 млн руб.) и «Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика» (0,5 млн руб.) [7].

Значительные объемы финансирования НИР по направлению «Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика» в 2012 г. были обусловлены действием Федерального закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что вызвало значительный спрос со стороны предприятий и организаций на проведение энергоаудита с разработкой энергетических паспортов предприятий. При отсутствии значительной конкуренции на проведение исследований и разработок в данной области учеными КнАГУ в рамках хоздоговорных НИР были проанализированы данные об объеме используемых энергетических ресурсов и затрат на них, определены показатели энергетической эффективности, составлены энергетические паспорта и разработаны рекомендации и технические решения по энергосбережению для заказчиков. В 2012 г. Учебно-научным инновационным центром энергосбережения (УНИЦЭ) при университете был выполнен 21 хоздоговор

на разработку целевых программ энергосбережения муниципальных образований Комсомольского района. Основной причиной, повлиявшей на снижение объемов НИР в последующие годы, явилось сокращение спроса от хозяйствующих субъектов на региональном рынке. В настоящее время такие работы, хоть и в меньших объемах, но проводятся.

Немаловажным фактором в выборе приоритетов в области научных исследований и разработок является вид и область выполняемых научно-исследовательских работ (фундаментальные, прикладные или разработки). Наибольший удельный вес в структуре внутренних затрат по видам научно-исследовательских работ в России имеют расходы, направляемые на разработки (таблица 2). Их доля в общем объеме финансирования за 2011–2015 гг. возросла с 61,3 % до 64,7 %. Доля прикладных исследований оставалась неизменной и в 2015 г. составила 19,9 %. Доля затрат на фундаментальные исследования за рассматриваемый период постепенно снижалась и в 2015 г. составила 15,5 % от всех расходов [3]. Приоритеты финансирования прикладных исследований и разработок очевидны, так как именно они в большей степени имеют практическую и коммерческую ценность – результаты данных работ могут быть внедрены в реальные сектора экономики.

Таблица 2. Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ в России
Table 2. Internal current expenditure on research and development according to work type in Russia

Год	Внутренние затраты, млн руб.	В том числе:					
		Фундаментальные исследования		прикладные исследования		разработки	
		млн руб.	удельный вес, %	млн руб.	удельный вес, %	млн руб.	удельный вес, %
Всего по Российской Федерации							
2011	568 386,7	106 924,0	18,8	113 096,8	19,9	348 366,0	61,3
2012	655 061,7	108 160,9	16,5	129 304,4	19,7	417 596,4	63,8
2013	699 948,9	114 829,1	16,4	133 788,0	19,1	451 331,8	64,5
2014	795 407,9	130 618,0	16,4	155 231,4	19,5	509 558,4	64,1
2015	854 288,0	132 064,9	15,5	169 654,6	19,9	552 568,5	64,7
Темпы роста, % (2015 / 2011)	150,3	123,5	–	150,0	–	158,6	–

Во внутренних затратах на НИР в Российской Федерации по областям науки наибольший объем средств приходится на научные исследования и разработки, выполняемые в области технических и естественных наук. В 2015 г. объем финансирования научных работ в области технических наук составил 73,4 % и естественных наук – 17,4 % от общего объема.

Объем финансирования научных исследований и разработок, выполненных в КнАГУ по видам и областям знаний, представлен в таблице 3. Анализ данных показывает, что наибольший удельный вес выполненных НИР за период с 2012 по 2016 гг. составляют экспериментальные разработки (51,5 %) и прикладные исследования (36,6 %). Доля фундаментальных исследований за рассматриваемый период составляет около 12 %. В структуре затрат по областям знаний наибольший удельный вес занимают исследования в области технических и прикладных наук (67,7 %) и естественных и точных наук (20,1 %) [7], что в целом отражает общероссийский тренд финансирования научных исследований и разработок.

Проблемы выбора приоритетов в области научных исследований и разработок находят свое отражение в дискуссиях на страницах научной и публицистической литературы. Рассматриваются методы и проблемы определения направлений перспективных научных исследований (Б. В. Сазонов) [1]; современные методы прогнозирования и определения приоритетов развития науки (В. И. Тищенко) [8]; влияние государства на выбор приоритетных направлений на исследования в научных школах (Т. Ю. Павельева) [9]. Однако внимание авторов в основном сосредоточено на приоритетах государства в выборе направлений исследований, а не конкретных ученых, занимающихся научными исследованиями.

В целях проведения анализа процесса выбора приоритетов в области научных исследований и разработок сотрудниками КнАГУ был проведен анкетный опрос ученых и руководителей малых инновационных предприятий, сотрудников подразделений инновационной инфраструктуры университета.

На вопрос «Как осуществлялся выбор области и темы ваших научных исследований?» ответ различался.

Большинство ученых, проводящих самостоятельные научные изыскания, отвечали: «продолжение научных исследований диссертации»; «в соответствии с преподаваемым курсом (дисциплиной)»; «в интересующей области научных знаний». Такие ответы ассоциируются с подходом, когда ученый-исследователь «выталкивает» на рынок имеющийся у него

задел, мало интересуясь спросом и возможностью коммерциализации разработки.

В то же время руководители малых инновационных предприятий и структурных подразделений инновационной инфраструктуры университета указывали на необходимость выбора темы, в первую очередь, «в соответствии со спросом заказчика (организации, предприятия)»; а также «в соответствии с приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники в РФ»; «актуальности темы в мировом научном сообществе». Это совершенно иной подход, ориентированный на спрос, на соответствие лучшим российским и мировым аналогам, что повышает конкурентоспособность и коммерческую привлекательность разработки. Никто из опрошенных не видит связи своих НИОКР с ФОРСАЙТ.

Заметим, что ученые КнАГУ (по данным опроса) преподают в областях, соответствующих их научно-исследовательской деятельности. Респондентами отмечены следующие области преподавания: компьютерные и информационные науки; информатика и вычислительная техника; фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии; электро- и теплоэнергетика; машиностроение; химические технологии; технологии материалов; управление в технических системах; нанотехнологии и наноматериалы. Это свидетельствует о широкой области научных исследований, проводимых учеными в области технических и естественных наук, а также о существующей потенциальной возможности широкого вовлечения студентов различных направлений подготовки в научно-исследовательскую деятельность вуза.

Большинство опрошенных сообщили о том, что привлекают к работе студентов и аспирантов для решения следующих задач инновационно-предпринимательской деятельности: сбор и анализ информации при создании новшества; организация и проведение научно-исследовательских работ в профессиональной сфере с использованием современных методов анализа; проведение комплекса работ, связанных с разработкой опытного образца, технологии производства; обоснование и расчет конструкции и технологии изготовления новшества. Заметим, что никто не отметил такие задачи, как бизнес-планирование, проведение маркетинговых исследований, и всего того, что связано с созданием МИП и продвижением продукции.

При анализе ответов на вопрос «Участвовали ли Вы в конкурсах (программах) на получение грантов (субсидий, хоздоговоров) и были ли поддержаны Ваши заявки за последние три года?» были получены следующие результаты: подавляющее большинство опрашиваемых принимало участие в конкурсах; доля поддержанных заявок опрашиваемых составила не более 3 %; наибольший удельный вес в поддержанных заявках занимают региональные, муниципальные, хоздоговорные научно-исследовательские работы.

Также основной тенденцией, выявленной в результате опроса, явился низкий уровень удовлетворения заявок на проведение НИР, носящих фундаментальный характер. Действительно, объем финансирования выполненных фундаментальных исследований университетом постепенно снижался и в 2016 г. составил всего 2931,8 тыс. руб., что на 65 % меньше уровня 2012 г. (8395,8 тыс. руб.).

Современный подход к выбору научно-технических приоритетов стал более функциональным, чем прежде, и связан с осознанием возрастающей роли национальной инновационной системы. Теперь к тематическим приоритетам предыдущего периода добавляются «функциональные» приоритеты с целью концентрации усилий на совершенствовании общих и структурных характеристик национальной инновационной системы [10].

Таблица 3. Выполнение научных исследований и разработок университетом по областям знаний, тыс. руб.
Table 3. Performance of scientific research and development by the university by fields of knowledge, thousand rubles

Область знаний	Выполнение научных исследований и разработок за период с 2012 по 2016 гг.			Итого за период с 2012 по 2016 гг.	Доля в общем объеме финансирования за период с 2012 по 2016, %
	Фундаментальные исследования	Прикладные исследования	Экспериментальные разработки		
Общественные науки	**4385,8**	6014,5	**17011,2**	**27411,5**	**11,8**
Демография	0,0	0,0	125,0	125,0	–
Исторические науки	0,0	1504,7	0,0	1504,7	–
Экономические науки	0,0	1100,0	2056,6	3156,6	–
Культура. Культурология	2460,0	0,0	698,4	3158,4	–
Социология	1150,0	1746,8	496,4	3393,2	–

Народное образование	0,0	0,0	1640,0	1640,0	–
Информатика	775,8	0,0	9654,8	10430,6	–
Политические науки	0,0	686,0	0,0	686,0	–
Науковедение	0,0	0,0	2340,0	2340,0	–
Массовая коммуникация. СМИ	0,0	977,0	0,0	977,0	–
Естественные и точные науки	11305,9	29919,0	5640,0	46 864,9	20,1
Математика	2002,0	1100,0	0,0	3102,0	–
Механика	6653,9	25119,0	0,0	31772,9	–
Химия	2660,0	3700,0	5640,0	12000,0	–
Технические и прикладные науки. отрасли экономики	12058,5	49358,3	96211,5	157 628,3	67,7
Энергетика	0,0	2207,7	17232,7	19440,4	–
Электротехника	0,0	0,0	10966,5	10966,5	–
Автоматика и вычислительная техника	756,7	0,0	2490,3	3247	–
Машиностроение	10001,8	45105,9	48013,2	103120,9	–
Химическая технология. Химическая промышленность	0,0	2044,7	6261,2	8305,9	–
Строительство. Архитектура	0,0	0,0	3650,2	3650,2	–
Сельское и лесное хозяйство	0,0	0,0	7096,7	7096,7	–
Общие и комплексные проблемы технических и прикладных наук	800,0	0,0	500,0	1300,0	–
Общеотраслевые и комплексные исследования	0,0	0,0	1045,3	1045,3	0,4
Космические исследования	0,0	0,0	756,7	756,7	–
Охрана окружающей среды	0,0	0,0	288,6	288,6	–
Итого за период с 2012 по 2016 гг.	27750,2	85291,8	119908,0	232 950,0	–
Доля исследований в общем объеме финансирования за период с 2012 по 2016 гг., %	11,9	36,6	51,5	–	100

Так, одним из современных ориентиров при выборе тем исследований могут выступать программы РФ по формированию принципиально новых рынков и созданию условий для технологического лидерства России «Национальная технологическая инициатива». Для выявления учета данного фактора при выборе темы ученым был задан вопрос «Соответствует ли область ваших научных исследований направлениям программы «Национальная технологическая инициатива»?». Представляет интерес тот факт, что подавляющее большинство ученых при ответе на вопрос оказались в замешательстве. Но после детального описания ключевых рынков НТИ давали положительный ответ и относили тематику своих исследований к перечисленным направлениям. Это означает, что ученые-исследователи не реагируют своевременно на новые тенденции в приоритетах государства, в конкурсных заявках не отображают принадлежность разработки к НТИ, а ведь от этого существенно зависит принятие решения о финансировании НИОКР.

Выводы и рекомендации

1. Рациональный выбор приоритетов в области научных исследований и разработок в университете является основополагающим фактором получения поддержки, финансирования и коммерциализации НИОКР.

2. В РФ значительная доля внутренних затрат на исследования и разработки финансируется на приоритетные направления развития науки, технологий и техники.

3. Российские Фонды поддержки научных исследований (РФФИ, РНФ) также решают задачи «обеспечения научно-технологического задела на приоритетных направлениях развития науки и технологий», «обеспечения мирового уровня исследований», «удовлетворения потребностей российской экономики и общества».

4. В процессе выбора приоритетов в области научных исследований и разработок сотрудниками КнАГУ прослеживаются два подхода. Первый характеризуется тем, что ученый-исследователь «выталкивает» на рынок имеющийся у него задел, мало интересуясь спросом и возможностью коммерциализации разработки. Второй подход ориентирован на спрос, на соответствие лучшим российским и мировым аналогам, что повышает конкурентоспособность и коммерческую привлекательность разработки.

5. В КнАГУ сформирована широкая область научных исследований; студенты различных направлений подготовки вовлекаются в научно-исследовательскую деятельность вуза.

6. Ученые-исследователи из КнАГУ не реагируют своевременно на новые тенденции в приоритетах государства, не отображают это в конкурсных заявках.

7. Значимым фактором в выборе темы НИР является актуальность и востребованность проводимых исследований в будущем на основе «Форсайта» – предвидения, предсказания развития будущей ситуации в экономике, науке, бизнесе. Выбираемая область научных исследований и тематика должны учитывать возможное перспективное развитие рынков будущего и общества, ориентиром для которой могут являться направления программы «Национальная технологическая инициатива» и приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в РФ.

Литература

1. Сазонов Б. В. Методы и проблемы определения направлений перспективных научных исследований // Выявление приоритетных направлений: междисциплинарный подход / отв. ред. И. Я. Кобринская, В. И. Тищенко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 16–28. Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_001.pdf (дата обращения: 06.02.2018).

2. Завгородняя В. В. Бюджетное финансирование научных исследований в России: проблемы и пути их решения // Инновационная наука. 2016. № 10-1. С. 47–51.

3. Затраты и источники финансирования научных исследований и разработок. Инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2016. Вып. 5. 298 с. Режим доступа: http://www.csrs.ru/archive/stat_2016_finance/finance_2016.pdf (дата обращения: 10.01.2018).

4. Ратай Т. В., Мартынова С. В., Гребенюк А. Ю. Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники // Наука, технологии, инновации: экспресс информация. НИУ ВШЭ. 28.12.2016. С. 1–4. Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2016/12/28/1114848184/NTI_N_34_28122016.pdf (дата обращения: 05.02.2018).

5. Основные цели и задачи работы Фонда // Российский фонд фундаментальных исследований. 29.10.2010. Режим доступа: http://www.rfbr.ru /rffi/ru/objectives (дата обращения: 15.01.2018).

6. Российский научный фонд. Режим доступа: http://rscf.ru/ru/about (дата обращения: 15.01.2018).

7. Обзор отчетов по научной работе ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» для Министерства образования и науки РФ за период 2012–2016 гг. Режим доступа: https://knastu.ru/ (дата обращения: 15.01.2018).

8. Тищенко В. И. Основания современных методов прогнозирования и определение приоритетов развития науки // Выявление приоритетных направлений: междисциплинарный подход / отв. ред. И. Я. Кобринская, В. И. Тищенко. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 6–15. Режим доступа: https://www.imemo.ru/files /File/ru/publ/2016/2016_001.pdf (дата обращения: 06.02.2018).

9. Павельева Т. Ю. Влияние государства на выбор приоритетных направлений исследований в научных школах // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 304–307.

10. Петровский А. Б., Бойченко В. С., Стернин М. Ю., Шепелёв Г. И. Выбор приоритетов научно-технического развития: опыт зарубежных стран // Труды ИСА РАН. 2015. Т. 65. № 3. С. 13–26. Режим доступа: http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2015-65-3/13-26.pdf (дата обращения: 03.02.2018).

SELECTION OF PRIORITIES FOR SCIENTIFIC RESEARCH AND DEVELOPMENT AT A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

***Anton S. Byankin*[1, @1, *], *Galina I. Burdakova*[1, @2, *]**

[1] *Komsomolsk-on-Amur State University, 27, Lenina Ave., Komsomolsk-on-Amur, Russia, 681013*
[@1] *anton.byankin@yandex.ru*
[@2] *galinabu@rambler.ru*

Received 15.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: institution of higher education, scientific research and development, financing, rational choice of priorities.

Abstract: A rational choice of priorities in the field of research and development at the university is a fundamental factor in obtaining support, funding and commercialization. This choice depends on the technical, economic, environmental, educational and humanitarian problems of regions and cities where the higher education institution is located. The choice of priorities in the field of scientific research and development depends on a number of factors, such as continuous research; research interests of the academic staff; the curriculum; access to good laboratory facilities; the relevance for the Russian

**** This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-02-00285.***

scientific community; the relevance for the world scientific community; the interests of scientific knowledge; demand from the customer (organization, enterprise); "The National Technology Initiative" state program; the priority development directions of science and technology; list of critical technologies of the Russian Federation; the Foresight method; funds, grants, and subsidies. The aim of the study is to analyze the process of selection of priorities for scientific-research work conducted by employees of the Komsomolsk-on-Amur state University (KnaGU). The authors considered the dynamics of scientific research and development in Russia and at the university. Based on a survey of university staff, the authors have identified approaches to the choice of research topics. The paper features some recommendations for selecting research priorities.

For citation: Byankin A. S., Burdakova G. I. Vybor prioritetov v oblasti nauchnykh issledovanii i razrabotok v vuze [Selection of Priorities for Scientific Research and Development at a Higher Education Institution]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 66–72. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-66-72.

References

1. Sazonov B. V. Metody i problemy opredeleniia napravlenii perspektivnykh nauchnykh issledovanii [Methods and problems of determining the directions of perspective scientific research]. *Vyiavlenie prioritetnykh napravlenii: mezhdistsiplinarnyi podkhod* [Identification of priority directions: interdisciplinary approach]. Eds. Kobrinskaia I. Ia., Tishchenko V. I. Moscow: IMEMO RAN, 2016, 16–28. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_001.pdf (accessed 06.02.2018).

2. Zavgorodnyaya V. V. Biudzhetnoe finansirovanie nauchnykh issledovanii v Rossii: problemy i puti ikh resheniia [Budgetary financing of scientific research in Russia: problems and ways to solve them]. *Innovatsionnaia nauka = Innovative science*, no. 10-1 (2016): 47–51.

3. *Zatraty i istochniki finansirovaniia nauchnykh issledovanii i razrabotok* [The costs and sources of funding for research and development]. Moscow: FGBNU NII RINKTsE, Iss. 5 (2016): 298. Available at: http://www.csrs.ru/archive/stat_2016_finance/finance_2016.pdf (accessed 10.01.2018).

4. Ratai T. V., Martynova S. V., Grebeniuk A. Iu. Issledovaniia i razrabotki po prioritetnym napravleniiam razvitiia nauki, tekhnologii i tekhniki [Research and development in priority areas of science, technology and technology development]. *Nauka, tekhnologii, innovatsii: ekspress informatsiia* [Science, technology, innovations: express information]. 28.12.2016, 1–4. Available at: https://issek.hse.ru/data/2016/12/28/1114848184/NTI_N_34_28122016.pdf (accessed 05.02.2018).

5. *Osnovnye tseli i zadachi raboty Fonda* [The main goals and objectives of the Foundation's work]. 29.10.2010. Available at: http://www.rfbr.ru /rffi/ru/objectives (accessed 15.01.2018).

6. *Rossiiskii nauchnyi fond* [The Russian Science Foundation]. Available at: http://rscf.ru/ru/about (accessed 15.01.2018).

7. *Obzor otchetov po nauchnoi rabote FGBOU VO «Komsomol'skii-na-Amure gosudarstvennyi universitet» dlia Ministerstva obrazovaniia i nauki RF za period 2012–2016 gg.* [Review of reports on the scientific work of the Komsomolsk-on-Amur State University for the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the period 2012–2016.]. Available at: https://knastu.ru/ (accessed 15.01.2018).

8. Tishchenko V. I. Osnovaniia sovremennykh metodov prognozirovaniia i opredelenie prioritetov razvitiia nauki [Bases of modern methods of forecasting and definition of priorities of development of a science]. *Vyiavlenie prioritetnykh napravlenii: mezhdistsiplinarnyi podkhod* [Identification of priority directions: interdisciplinary approach]. Eds. Kobrinskaia I. Ia., Tishchenko V. I. Moscow: IMEMO RAN, 2016, 6–15. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_001.pdf (accessed 06.02.2018).

9. Pavel'eva T. Iu. Vliianie gosudarstva na vybor prioritetnykh napravlenii issledovanii v nauchnykh shkolakh [The influence of the state on the choice of priority research areas in scientific schools]. *Biznes v zakone = Business in law*, no. 6 (2011): 304–307.

10. Petrovskii A. B., Boichenko V. S., Sternin M. Iu., Shepelev G. I. Vybor prioritetov nauchno-tekhnicheskogo razvitiia: opyt zarubezhnykh stran [The choice of priorities for scientific and technological development: the experience of foreign countries]. *Trudy ISA RAN = Proceeding of the Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Science*, 65, no. 3 (2015): 13–26. Available at: http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2015-65-3/13-26.pdf (accessed 03.02.2018).

УДК 332.14

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Гыльия Ф. Галиуллина[1, @, *]

[1] *Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18*
[@] *gulia-fag@yandex.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: территория опережающего социально-экономического развития, синергетический потенциал, институционально-синергетический метод, проектирование, резидент, дихотомия, базисные константы.

Аннотация: В статье с позиций институционально-синергетического подхода представлена концепция проектирования территорий опережающего социально-экономического развития. На первоначальном этапе предлагается определиться с системой базисных характеристик, которые структурированы на основе дихотомического метода. Выбор одного из двух возможных решений (суть дихотомии) позволяет занять принципиальную позицию по наиболее острым вопросам формирования территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), сфокусировать ресурсы и выработать каркас стратегического планирования. В статье систематизированы факторы, влияющие на принятие решения бизнесом о резидентстве и которые необходимо учитывать при разработке моделей ТОСЭР. Разработанная классификация моногородов, получивших статус особых территорий, представлена в виде трех матриц, где учтены различия в уровне доходов, экономического развития, демографического потенциала территорий. Предлагается в синергетический потенциал моногородов помимо ресурсов территории включать уровень и качество стратегического территориального планирования, уровень взаимодействия стейкхолдеров территории, качество системы управления территориальным развитием. Предложенный подход позволяет акцентировать внимание на институтах развития и институциональных преобразованиях, а также учитывать существенные различия социально-экономического развития моногородов, получивших статус ТОСЭР, их синергетический потенциал развития, системообразующие и системоформирующие факторы.

Для цитирования: Галиуллина Г. Ф. Проектирование территорий опережающего социально-экономического развития на основе институционально-синергетического подхода // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 73–84. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-73-84.

За два последних года 36 монопрофильных муниципальных образований получили статус территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и соответствующие льготы для инвесторов, готовых открыть новые производства в статусе резидентов. Требования к бизнес-проектам резидентов ограничиваются минимальным уровнем создаваемых рабочих мест (устанавливаются индивидуально по каждому ТОСЭР, разброс составляет от 10 до 20 рабочих мест) и суммой вложенных инвестиций (разброс составляет от 2,5 до 50,0 млн рублей), а также перечнем разрешенных видов деятельности (которые утверждаются в индивидуальных постановлениях Правительства РФ о создании ТОСЭР). Государственные преференции предоставляются как в виде налоговых льгот резидентам, так и в упрощенной процедуре выделения земельных участков, подключения к сетям, обеспечении их инженерной инфраструктурой, развитии дорожной сети, ввода в строй новых энергомощностей и т. п.

На 01.02.2018 в реестре резидентов ТОСЭР, созданных в моногородах, зарегистрировано 103 компании [1]. Из них 41 предприятие выбрало площадку для производств на территориях двух крупных городов – Тольятти и Набережные Челны (таблица 1). Крупные города привлекают потенциальных инвесторов количеством и разнообразием трудовых ресурсов, более развитой производственной, социальной, транспортной инфраструктурой и т. п.

Предприниматели при выборе территории для открытия бизнеса учитывают не только льготные условия, доступность ресурсов, но и состояние конкурентной среды региона, уровень барьеров для входа на рынок и многое другое (рис. 1).

**** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Стратегия формирования и функционирования территорий опережающего развития на основе реализации территориальной промышленной политики», № 16-02-00073.***

Таблица 1. Количество резидентов в ТОСЭР моногородов*
Table 1. Number of residents in TASED mono-cities

№	Дата создания / № постановления	ТОСЭР	Количество резидентов, ед.	Численность населения, человек на 01.01.2017
1	26.02.2016 / 134	Гуково	8	66332
2	26.02.2016 / 133	Набережные Челны	21	529797
3	26.02.2016 / 135	Усолье-Сибирское	4	77989
4	07.07.2016 / 641	Юрга	1	81733
5	16.07.2016 / 675	Краснокаменск	4	52811
6	19.09.2016 / 940	Надвоицы	1	7690
7	19.09.2016 / 941	Анжеро-Судженск	5	77666
8	19.09.2016 / 942	Краснотурьинск	4	62602
9	28.09.2016 / 974	Тольятти	20	710567
10	29.12.2016 / 1550	Кумертау	7	60807
11	29.12.2016 / 15736	Белебей	4	59123
12	06.03.2017 / 264	Кировск	3	26687
13	06.03.2017 / 265	Бакал	2	19590
14	06.03.2017 / 266	Дорогобуж	2	9966
15	06.03.2017 / 267	Емва	2	12906
16	23.03.2017 / 329	Чусовой	4	49778
17	24.03.2017 / 334	Каспийск	1	113348
18	29.07.2017 / 898	Селенгинск	1	13740
19	07.08.2017 / 939	Череповец	2	318856
20	19.07.2017 / 848	Димитровград	1	116055
21	24.07.2017 / 871	Новотроицк	1	88216
22	27.09.2017 / 1165	Рузаевка	2	45988
23	12.10.2017 / 1239	Вятские Поляны	2	32817
24	13.11.2017 / 1369	Верхний Уфалей	1	27879

Прим.: * на 01 февраля 2018 года в 12 ТОСЭР-моногородах не зарегистрировано ни одного резидента.

Данные факторы и оценку трендов глобального, макроэкономического, регионального развития (возможности, вызовы, угрозы) необходимо учитывать при выборе стратегии создания и функционирования территорий опережающего развития. В связи с этим важно определиться с системой базисных характеристик, которые позволят очертить, задать границы возможных вариантов функционирования ТОСЭР. Для этого предлагаем использовать дихотомический метод. Выбор одного из двух возможных решений (суть дихотомии) позволяет занять принципиальную позицию по наиболее острым вопросам формирования ТОСЭР, сфокусировать ресурсы и выработать каркас стратегического планирования (рис. 2).

Выстроив концептуальную основу пространства ТОСЭР, в дальнейшем можно разобраться с информационным шумом, сэкономить время и ресурсы при выборе конкретных инструментов государственного управления новой формой института развития. Ответственные лица государства, ответив однозначно на ряд принципиальных и наиболее острых вопросов, которые представлены в виде системы дихотомий, сформируют реальное представление государства о неких векторах и границах создания и функционирования ТОСЭР. Это позволит внести ясность и понимание правительственных решений как для резидентов ТОСЭР, так и для широкой общественности, а для самих чиновников – когерентность дальнейших действий заявленным целям и приоритетам.

К концу 2018 г. в стране по планам правительства должно быть создано не менее 100 территорий опережающего социально-экономического развития. В научных публикациях, посвященных отдельным ТОСЭР [2–7], подчеркивается необходимость учета особенностей развития того или иного моногорода при создании ТОСЭР.

Предварительный анализ социально-экономического положения 36 моногородов, получивших статус ТОСЭР, выявил существенные различия качественных и количественных показателей положения территорий: статус особой территорий получили как монопрофильные муниципальные образования с численностью 7,0 тыс. человек, так и крупнейшие города, где проживает более 500,0 тыс. человек; как

Рис. 1. Факторы, влияющие на выбор территории для открытия бизнеса в статусе резидента территории опережающего социально-экономического развития

Fig. 1. Factors affecting the choice of the territory for opening a business enterprise in the status of TASED resident

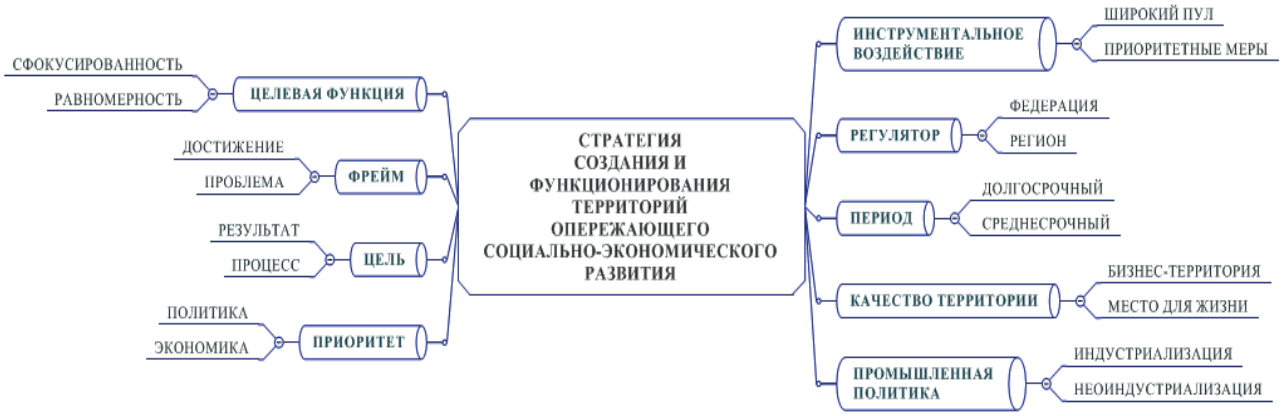

Рис. 2. Базисные характеристики ТОСЭР в виде системы дихотомий
Fig. 2. Basic characteristics of TASED as a system of dichotomies

города, расположенные близко к государственной границе, так и территории, находящиеся в центре страны и т. п. Анализ моноспециализации городов выявил, что в 12 городах основу экономики составляют предприятия машиностроения, в 7 – металлургии, в 7 – химической промышленности, в 5 – по добыче полезных ископаемых, в 3 – по деревообработке и целлюлозно-бумажной промышленности, в 2 – атомной энергетики.

На основе анализа показателей социально-экономического развития моногородов, получивших статус ТОСЭР, нами выявлены ряд принципиальных отличий, которые представлены в виде матриц классификации моногородов.

Так, моногорода классифицированы по экономическому потенциалу развития (таблица 2), в который входят следующие характеристики:

1. Социально-экономическое развитие (согласно распоряжению Правительства РФ [8] путем оценки уровня безработицы, показателей деятельности градообразующего предприятия/отрасли 319 монопрофильных муниципальных образование разделены на 3 группы): из 36 ТОСЭР, созданных в моногородах, 26 входят в I группу монопрофильных муниципальных образований со сложным социально-экономическим положением, 7 – к II группе, где имеются риски ухудшения социально-экономического положения, 3 – к III группе со стабильной социально-экономической ситуацией.

2. Технологическое развитие: в 5 городах технологии производства градообразующего предприятия/отрасли относятся ко второму технологическому укладу, в 14 городах – к третьему технологическому укладу, в 15 городах – к четвертому технологическому укладу, в 2 городах – к пятому технологическому укладу.

3. Территориальное положение: 3 ТОСЭР отнесены к пограничным территориям (до государственной границы менее 200 км), 26 – к срединным территориям (в радиусе 250 км находятся средние, крупные города), 7 – к периферийным территориям (удалены от внешних границ и крупных центров).

Вопросы повышения рождаемости, вхождения в трудоспособное население меньшего количества населения по сравнению с теми, кто уходит на пенсию, миграции населения в настоящее время приобретают особую актуальность в связи с замедлением темпов прироста населения.Анализ демографического потенциала 36 ТОСЭР (таблица 3) выявил следующие различия:

1. По численности населения: среди 36 моногородов, получивших статус ТОСЭР, – 8 малых городских поселений (до 20,0 тыс. жителей), 21 средний город (от 20,0 до 100 тыс. жителей), 4 больших (от 100,0 до 250 тыс. жителей), 1 крупный город (от 250,0 до 500 тыс. жителей), 2 крупнейших города (свыше 500 тыс. жителей).

2. По демографическому потенциалу: 7 городов с ежегодным увеличением количества жителей; 31 город с убывающим населением.

3. Среди 31 города с уменьшающимся населением: в 1 городе население уменьшается за счет естественной убыли населения, в 3 городах – за счет отрицательного сальдо миграции, в 27 городах – смертность жителей превышает рождаемость, и людей больше уезжает, чем прибывает на постоянное место жительства.

4. Среди городов с увеличивающимся населением: 2 города прирастают жителями за счет естественного движения населения, 3 города – за счет положительного сальдо миграции, в 2 городах – рождаемость превышает смертность, и количество прибывших – больше уезжающих.

С целью классификации моногородов по уровню доходов выбраны три показателя: доход населения (сравнивалась среднемесячная заработная плата по городу с соответствующим показателем по региону), доходы бюджета (сравнивались собственные доходы бюджета города на 1 жителя с со среднероссийским показателем, в 2016 г. этот показатель составил 24,8 тыс. рублей), инвестиции в основной капитал на 1 жителя (показатель сравнивался с соответствующим показателем по региону).

Таблица 2. Классификация ТОСЭР по экономическому потенциалу развития
Table 2. Classification of TASED according to their economic development potential

технологический уклад градообразующего предприятия	ТОСЭР со сложным социально-экономическим положением			ТОСЭР, где имеются риски ухудшения социально-экономического положения			ТОСЭР со стабильной социально-экономической ситуацией		
	пограничные территории	срединные территории	периферийные территории	пограничные территории	срединные территории	периферийные территории	пограничные территории	срединные территории	периферийные территории
второй технологический уклад	Гуково Новотроицк	Абаза	Анджеро-Судженск Усолье-Сибирское						
третий технологический уклад		Череповец Бакал Дорогобуж Вятские Поляны Кондопога Зеленодольск Емва			Невинномысск Петровск Рузаевка Сарапул Чистополь			Котовск Лесной	
четвертый технологический уклад	Каспийск	Верхний Уфалей Юрга Кумертау Кировск Надвоицы Белебей Чусовой Тольятти Набережные Челны	Краснокаменск Краснотурьинск Селенгинск		Тутаев			Нижнекамск	
пятый технологический уклад		Димитровград			Сосенский				

Таблица 3. Классификация ТОСЭР по демографическому потенциалу развития (2011–2016 гг.)
Table 3. Classification of TASED according to demographic development potential (2011–2016)

Количество населения																				
	ТОСЭР с увеличивающимся населением									ТОСЭР с уменьшающимся населением									
	за счет естественного прироста			ТОСЭР с увеличивающимся населением за счет миграционного притока			ТОСЭР с увеличивающимся населением за счет естественного прироста и миграционного притока			за счет естественной убыли			ТОСЭР с уменьшающимся населением за счет миграционного оттока			ТОСЭР с уменьшающимся населением за счет естественной убыли и миграционного оттока		
	Входит в агломерацию	близлежащий	удаленный	Входит в агломерацию	близлежащий	удаленный	Входит в агломерацию	близлежащий	удаленный	Входит в агломерацию	близлежащий	удаленный	Входит в агломерацию	близлежащий	удаленный	Вхоит в агломерацию	близлежащий	удаленный
Малые					Лесной												Бакал, Дорогобуж, Сосенский, Абаза	Емва, Селенгинск, Надвоицы
Средние				Зеленодольск	Юрга					Гуково				Белебей	Краснокаменск	Усолье-Сибирское, Чусовой, Новотроицк, Рузаевка, Сарапул	Котовск, Верхний Уфалей, Вятские Поляны, Петровск, Чистополь, Тутаев, Кумертау	Краснотурьинск, Анджеро-Судженск, Кондопога Кировск
Большие	Нижнекамск						Каспийск									Димитровград Невинномысск		
Крупные									Череповец									
Крупнейшие	Набережные Челны												Тольятти					

Анализ доходности 36 моногородов, получивших статус ТОСЭР, выявил следующие различия (таблица 4):

1. По уровню доходов населения: у 11 городов уровень выше регионального показателя, у 25 – ниже.

2. По уровню инвестиций в основной капитал на 1 жителя: у 4 городов уровень выше регионального показателя, у 32 – ниже.

3. По уровню доходов местного бюджета на 1 жителя: у 7 городов на уровне среднероссийского показателя, у 3 городов – уровень выше, у 26 – ниже.

С позиций институционально-синергетического подхода при рассмотрении возможностей опережающего развития территории помимо имеющегося потенциала развития важно учитывать уровень амбиций элиты, качество стратегического планирования территории, уровень взаимодействия власти, бизнес-сообщества и стейхолдеров территории, качество управленческих воздействий, что в целом формирует синергетический потенциал территории (таблица 5).

Таблица 4. Классификация ТОСЭР по уровню доходов территорий (2016)
Table 4. Classification of TASED according to income level (2016)

Доход бюджета на 1 жителя	ТОСЭР с высоким уровнем инвестиций на 1 жителя		ТОСЭР с низким уровнем инвестиций на 1 жителя	
	высокий уровень доходов населения	низкий уровень доходов населения	высокий уровень доходов населения	низкий уровень доходов населения
высокий	Кировск			Анджеро-Судженск, Верхний Уфалей
средний	Нижнекамск			Зеленодольск, Чистополь, Гуково, Сосенский, Юрга, Краснотурьинск
низкий	Череповец	Надвоицы	Тольятти, Рузаевка, Вятские Поляны, Димитровград, Сарапул, Новотроицк, Набережные Челны, Невиномысск	Усолье-Сибирское, Бакал, Кумертау, Белебей, Чусовой, Петровск, Емва, Кондопога, Дорогобуж, Котовск, Лесной, Тутаев, Каспийск, Абаза, Краснокаменск, Селенгинск

Таблица 5. Синергетический потенциал территории с позиций институционально-синергетического подхода
Table 5. Synergetic potential of the territory from the standpoint of the institutional-synergetic approach

Подсистема	Определение	Элементы подсистемы
Потенциал развития	Ресурсы, средства, запасы, на основе которых разрабатываются возможные варианты опережающего развития территории.	Инвестиционный, финансовый, инновационный, трудовой, человеческий природный, инфраструктурный, логистический, рыночный потенциалы.
Стратегическое планирование	Система целей, принципов и направлений развития, индикаторы и методы достижения поставленных целей.	– Основная цель (миссия) развития территории; – вектор специализации, выбранные цели и задачи развития; – варианты развития; – программы развития; – уровень стратегического мышления элиты территории; – взаимоувязанные индикаторы деятельности (опережающие показатели) и результата (запаздывающие показатели); – качество институтов стратегического планирования.

Подсистема	Определение	Элементы подсистемы
Взаимодействие в развитии	Взаимная деятельность хозяйствующих субъектов, органов государственной и муниципальной власти, общественных групп, определяемая их интересами и целями, а также выражающая социально-экономическую природу общества в конкретных общественно-политических, исторических условиях.	– Система отношений между государством и хозяйствующими субъектами территории; – уровень взаимодействия и взаимопонимания власти и бизнес-структур; – уровень доверия к власти в обществе; – уровень лоббизма интересов территории в вышестоящих правительственных органах.
Управление развитием	Когерентность управляющих воздействий изменениям внешней и внутренней среды с учетом масштабных факторов (время, пространство).	– Совокупность инструментов регулирующего и стимулирующего воздействия власти на стейхолдеров территории с целью получения положительного синергетического эффекта; – система анализа, оценки, мониторинга управленческих воздействий с двумя каналами обратных связей; – система саморазвития территории с сохранением подобия как нелинейной системы с качественными (фазовыми) переходами из одного состояния в другое.

Исходя из потенциала развития 36 ТОСЭР, можно сделать вывод о том, что в настоящее время большинство территорий являются депрессивными, и опережающее развитие – это желаемое будущее. Образ желаемого будущего каждой ТОСЭР предлагаем охарактеризовать через систему индикаторов, которая включает в себя показатели качества жизни населения, уровня наукоемкости производств резидентов, производительности труда, заработной платы, энергоемкости производств, экологических параметров реализуемых проектов.

Создание и функционирование ТОСЭР, исходя из заявленных целей, ориентировано на долгосрочное развитие и горизонтальную диверсификацию, что возможно на основе лидерства на рынках высоких технологий, гармонизации целей, инструментов промышленного и социально-экономического развития территорий.

Главным инструментом неоиндустрилизации за рубежом является проводимая промышленная политика на основе технологического менеджмента, который строится на умении осваивать новые физические, химические, биологические и т. д. эффекты, создавать на их основе технологии шестого и седьмого поколений. Добившись лидерства на рынках высокотехнологических продуктов, территории и регионы получают научно-техническую ренту и на ее основе строят благосостояние своих территорий.

Цель разработки территориальной промышленной политики – сфокусироваться на решении фундаментальных вопросов опережающего развития, а именно на разработке согласованной системы действий по запуску новой индустриализации. При этом промышленная политика каждой из ТОСЭР будет уникальной, исходя из имеющихся ресурсов, уровня взаимодействия заинтересованных сторон, амбициозности лидеров. С позиций институционально-синергетического подхода организационно-экономический механизм промышленной политики должен базироваться на следующих принципах.

1. Принцип рациональности размещения того или иного производства на конкретной территории.

Предложенный принцип означает:

– создание институциональной среды для организации производств высоких технологий, отвечающих требованиям стратегического будущего;

– решение проблем развития территории с глубоко обоснованными целями и задачами в интересах максимально большого количества людей: территория может опережать в развитии, если платёжеспособный спрос населения, основанный на производстве конкурентной продукции, опережает предложение;

– применение широкого спектра механизмов и инструментов, способных привести к активизации малого и среднего бизнеса.

2. Принцип ориентации на синергетическую эффективность.

Под синергетической эффективностью понимается системная сумма эффективностей (экономическая, технологическая, социальная, инвестиционная, экологическая, энергетическая и т. д.), отражающая фазовые и структурные изменения, количественные и качественные приращения и превращения, институциональные и правовые трансформации, интегральные и специфические особенности динамики социально-экономического развития территории.

3. Принцип непрерывного реинжиниринга производственных систем.

Современные производственные системы удерживают лидерство в инновациях только в течение 0,5–1 года, затем инновации превращаются в рутины. Реинжиниринг включает не только поиск и активное использование новых форм, методов, инструментов, но и перевод системы в новое качество. Реинжиниринг основывается на согласованности (синергетизме) действующих сил; взаимообусловленности

и взаимодополняемости действующих факторов; отказе от отживших концепций, доктрин, принципов, подходов; переходе на новые принципы, способы хозяйствования; непрерывном перерастании одних бизнес-процессов в другие, в большей степени отвечающих требованиям изменяющейся экономической, социальной, политической среды. Реинжиниринг включает не только концепции и технологии реагирования на изменения, но и организационные преобразования [9].

4. Принципы лидерства на основе инновационно-прорывной технологии организации деятельности.

Оценка достижения цели «опережающего развития территории» требует разработки комплекса частных экономических индикаторов, характеризующих «социально-экономическое развитие», и интегральных показателей (качество жизни, показатель «осознания счастья», комфортность среды проживания и т. д.).

5. Принцип «устойчивого развития».

Понятие «устойчивое развитие» трактуется в нескольких смыслах. Во-первых, акцентируется экологическая составляющая. В проектных решениях формирования ТОСЭР должен быть конкретизирован и подробно описан механизм приоритета сохранения биосферы. Во-вторых, устойчивое развитие рассматривается как процесс, являющийся усилием устойчивости не только в локальном, но и глобальном масштабе.

Концепция и стратегия опережающего экономического развития в системе координат устойчивого развития опирается на следующие фундаментальные положения: 1) создавать противоположности экономическим процессам, которые не имеют противодействия и тем самым нарушают равновесие социально-экономической системы, 2) поддерживать баланс, равновесие противоположных социально-экономических процессов, 3) устранять диспропорции и антагонистические социально-экономические и политические противоречия, 4) ограничивать и контролировать процессы самоорганизации экономической системы, 5) планомерно готовить условия для необходимых качественных изменений организации современного общества [10].

6. Принцип многообразия функций.

7. Принцип проектности на основе внедрения инновационных технологий.

Проектность в XXI веке – это процесс организационного объединения коллектива в реализации инноваций на всех стадиях создания продукта/услуги (предпроектно-исследовательский, подготовка производства, функционирование, реинжиниринг I, реинжиниринг II, реинжиниринг III и т. д.). Проектность, инжиниринг и реинжиниринг являются необходимыми условиями создания будущего. XXI век – эпоха инновационной проектности.

Инновационность требует современной инфраструктуры, идеологии, отвечающей требованиям XXI века (опережающее мышление и компетенции форсайт-проектов, креативность, парадоксальность), способных создавать лидирующие научные школы, уникальные экспериментальные установки и т. д.

Развитие территории, основанное на науке и высоких технологиях, позволяет получить следующие конкурентные преимущества:

− в процесс труда вовлекаются уникальные научные кадры;

− используется уникальная научная инфраструктура;

− воспроизводится образовательный процесс, разрабатываемый и внедряемый лидерами мировых научных школ;

− осуществляется интернационализация знаний, компетенций, высокий уровень экспорта высокотехнологической продукции.

8. Принцип проектирования из будущего в настоящее (форсайт-проектирование).

Традиционные методы проектирования неэффективны, так как построены на проектировании от достигнутого. Выработка проектного решения в настоящем из будущего требует трендового, внутритрендового, кинетического анализов. Создание образа будущего, исходя не из прошлого опыта и даже не из достигнутого передовыми практиками, – это проектный процесс, требующий нового институционально-синергетического подхода, нового технологического менеджмента, новых технологий управления инновациями.

9. Принцип отслеживания хода Третьей промышленной и Четвертой индустриальной революций.

Предложенная модель проектирования территорий опережающего социально-экономического развития в монопрофильных муниципальных образованиях представлена на рисунке 3.

Концептуальная модель стратегии создания и функционирования ТОСЭР в виде системы дихотомий закладывает фундамент и очерчивает границы возможных моделей. Учитывая потенциал развития, результаты бенчмаркинговых исследований развития территорий с особыми режимами введения предпринимательской деятельности, создаваемые ТОСЭР классифицируются по потенциалам развития (экономический, демографический, по уровню доходов). Организационно-экономический механизм промышленной политики выполняет функцию самоорганизации системы ТОСЭР с целью перевода промышленного развития территории на тренд новой индустриализации. Сформировав синергетический потенциал развития территории и желаемый образ территории, можно сфокусироваться на выработке моделей ТОСЭР.

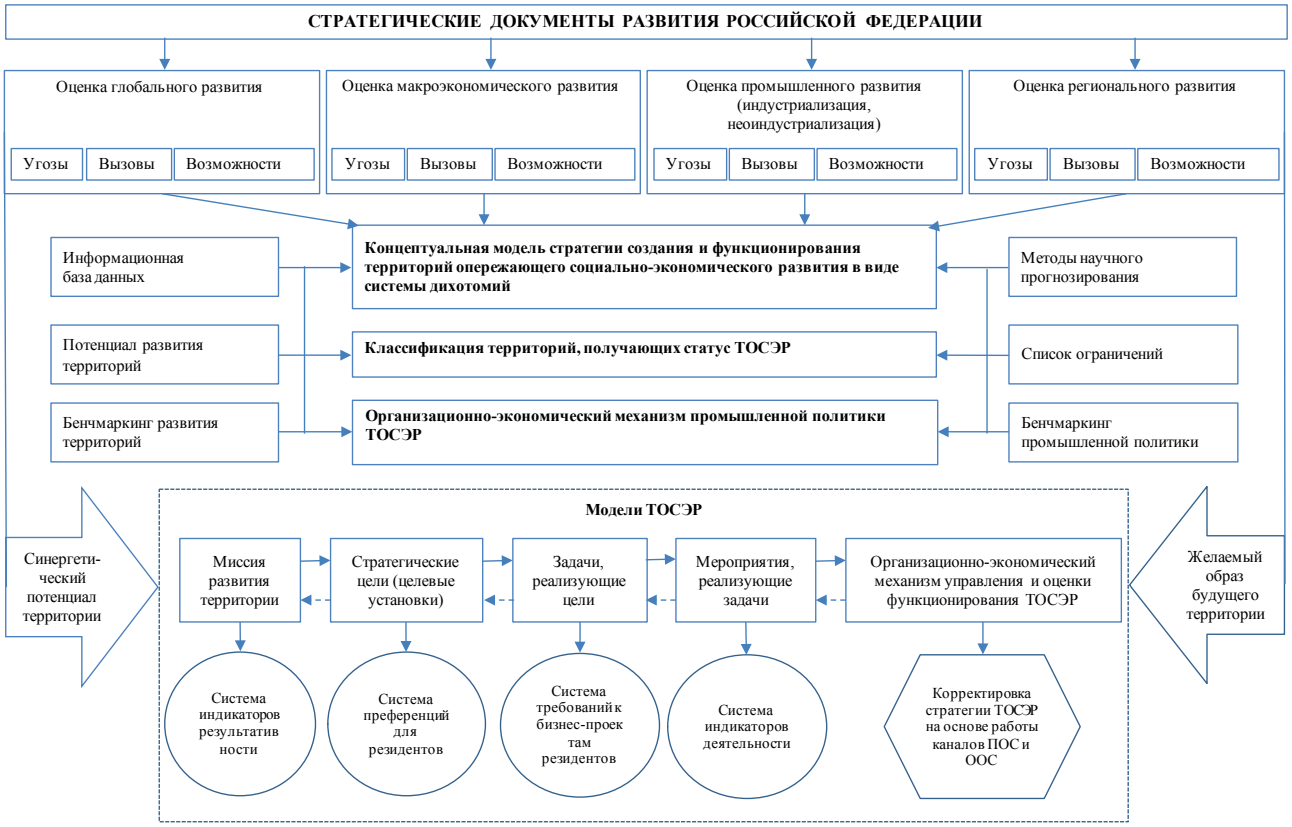

Рис. 3. Проектирование территорий опережающего социально-экономического развития
Fig. 3. Designing TASED

Литература

1. Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территории монопрофильных муниципальных образований // Министерство экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/monitoringmonocity/2016160505 (дата обращения: 23.01.2018).

2. Цыкунов Г. А. Моногорода Иркутской области: современное состояние // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 140–145.

3. Кадыров В. Н. Проблемы социально-экономического развития моногорода на примере МО Краснотурьинск // Human Progress. 2017. Т. 3. № 7. Режим доступа: http://progress-human.com/images/2017/tom3_7/Kadyrov.pdf (дата обращения: 23.01.2018).

4. Трифонов В. А., Валиуллина Г. Н. Территория опережающего социально-экономического развития как инструмент диверсификации г. Юрги // Электронный научный журнал. 2017. № 3-2. С. 233–238.

5. Гусева М. С., Габбасова Ю. Р. Комплексное развитие моногородов: опыт Самарской области // Ars Administrandi. Искусство управления. 2017. Т. 9. № 1. С. 62–76.

6. Юсупова Г. Р. Территория опережающего социально-экономического развития: итоги года работы // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 4-3. С. 158–161.

7. Стрековцова Е. А. Территория опережающего социально-экономического развития как ресурс благополучия общества // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XI Международной конференции: в 2-х томах. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2017. Т. 2. С. 422–427.

8. О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

9. Кузнецов Б. Л., Кузнецов М. С. Синергетический реинжиниринг корпоративного управления // Новые тенденции в развитии российской модели корпоративного управления: посткризисные уроки и выводы: коллективная монография. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2011. С. 219–229.

10. Москаленко А. Н. Концепция и стратегия опережающего экономического развития в системе координат устойчивого развития // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2013. № 4. С. 58–61.

INSTITUTIONAL-SYNERGETIC APPROACH TO THE PLANNING OF TERRITORIES OF ADVANCED SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Gyliya F. Galiullina[1, @, *]

[1] *Kazan Federal University, 18, Kremliovskaya St., Kazan, Russia, 420008*
[@] *gulia-fag@yandex.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: territory of advanced social and economic development, synergetic potential, institutional-synergetic method, design, resident, dichotomy, basic constants.

Abstract: The article features the concept of institutional-synergetic approach to planning as applied to territories of advanced social and economic development (TASED). At the initial stage it is proposed to determine the system of basic characteristics which are structured on the dichotomous method basis. Selecting one of the two possible solutions (the essence of the dichotomy) allows one to take a firm position about the most acute issues of the TASED formation, to focus resources and to develop a framework of strategic planning. The article systematizes the factors of the business investments decisions; these factors must be taken into account when developing the TASED models. The designed classification of single-industry cities with the status of special territories is represented in the form of three matrices. Such a representation makes it possible to take into account differences in income levels, technological development, and demographic potential of the territories. In addition to the resources of the territory, it is proposed to include the level and quality of strategic territorial planning, the level of interaction quality between stakeholders in the territory, and the quality of the territorial development management system. The proposed approach allows one to focus both on the development institutions and institutional transformations, and also to take into account the significant differences in the social and economic development of the single-industry cities, which received the status of TASED, their synergetic development potential, the factors of system development and system formation.

For citation: Galiullina G. F. Proektirovanie territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia na osnove institutsional'no-sinergeticheskogo podkhoda [Institutional-Synergetic Approach to the Planning of Territories of Advanced Social and Economic Development]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 73–84. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-73-84.

References

1. *Reestr rezidentov territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia, sozdannykh na territorii monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii* [Register of residents of territories of advanced social and economic development created in the territory of single-profile municipalities]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econreg/monitoringmonocity/2016160505 (accessed 23.01.2018).
2. Tsykunov G. A. Monogoroda Irkutskoi oblasti: sovremennoe sostoianie [Company towns of Irkutsk Oblast: current situation]. *Izvestiia Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 27, no. 2 (2017): 140–145.
3. Kadyrov V. N. Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monogoroda na primere MO Krasnotur'insk [Problems of the socio-economic development of the single-industry town on the example of the Krasnoturinsk municipal department]. *Human Rrogress*, 3, no. 7 (2017). Available at: http://progress-human.com/images/2017/tom3_7/Kadyrov.pdf (accessed 23.01.2018).
4. Trifonov V. A., Valiullina G. N. Territoriia operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia kak instrument diversifikatsii g. Iurgi [Territory of advanced socio-economic development as an instrument of diversification of Yurga]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal = Electronic scientific journal*, no. 3-2 (2017): 233–238.
5. Guseva M. S., Gabbasova Iu. R. Kompleksnoe razvitie monogorodov: opyt Samarskoi oblasti [Complex development of single-industry towns: the experience of the Samara Region]. *Ars Administrandi*, 9, no. 1 (2017): 62–76.
6. Iusupova G. R. Territoriia operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia: itogi goda raboty [Territory of advanced social and economic development: the results of the year of work]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the global world: economy, science, technology*, no. 4-3 (2017): 158–161.
7. Strekovtsova E. A. Territoriia operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia kak resurs blagopoluchiia obshchestva [Territory of advanced socio-economic development as a resource for the well-being of society]. *Rossiiskie regiony v fokuse peremen: sbornik dokladov XI Mezhdunarodnoi konferentsii* [Russian regions in the focus of change: Proc. XI Intern. Conf.]. Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI, vol. 2 (2017): 422–427.

8. *O perechne monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov)* [About the list of mono-profile municipal formations of the Russian Federation (single-industry towns)]. Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 No. 1398-r.

9. Kuznetsov B. L., Kuznetsov M. S. Sinergeticheskii reinzhiniring korporativnogo upravleniia [Synergetic reengineering of corporate governance]. *Novye tendentsii v razvitii rossiiskoi modeli korporativnogo upravleniia: postkrizisnye uroki i vyvody* [New trends in the development of the Russian corporate governance model: post-crisis lessons and conclusions]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2011, 219–229.

10. Moskalenko A. N. Kontseptsiia i strategiia operezhaiushchego ekonomicheskogo razvitiia v sisteme koordinat ustoichivogo razvitiia [The concept and strategy of advanced economic development in the system of coordinates of sustainable development]. *Vektor nauki TGU. Seriia: Ekonomika i upravlenie = Vector of Science of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, no. 4 (2013): 58–61.

УДК 332.1:330.342.24

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩЕМ РЕГИОНЕ: РОЛЬ ОПОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Евгений Е. Жернов[1, @]

[1] *Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28*
[@] *zhee.eti@kuzstu.ru*

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: опорный университет, ресурсодобывающий регион, экономика знаний, рыночная экономика, критические компоненты развития региона, социально-культуротворческие функции университета, экономические функции университета.

Аннотация: Предмет исследования – роль опорного университета в формировании экономики знаний в ресурсодобывающем регионе. Цель работы – раскрыть роль опорного университета в развитии ресурсодобывающего региона по направлению к экономике знаний через его базовые функции – социальную и экономическую, ориентированные на насущные потребности местного сообщества, с учетом природной и хозяйственной специфики региона. Методы проведения работы – элементы системного анализа. Результаты работы: выделены компоненты развития, критически важные для инновационного развития Кузбасса – типичного ресурсодобывающего региона страны, на которые влияет опорный университет; раскрыта роль опорного университета в формировании экономики знаний через определение его социальной и экономической функций; установлено веросозидающее предназначение университетского образования в обществе, основанном на знании. Область применения результатов – разработка стратегии развития высшего образования в Кемеровской области. Выводы: 1. Критически важные составляющие регионального развития, на которые влияет опорный университет, включают человеческие ресурсы, в том числе меры преобразования социальной инфраструктуры; природные ресурсы совместно с экологией; культурные и демографические ресурсы развития. 2. Новые модели университетского образования соединяют в себе процессы рыночной экономики и традиционные социально-культуротворческие функции университета, особенно актуальные для социализации экономики знаний. 3. Социальная функция опорного университета обусловлена его главной традиционной функцией формирования у обучающихся современной картины мира и состоит, прежде всего, в создании прочной основы для демографического роста в регионе. 4. Экономическая функция опорного университета заключается в первую очередь в привитии обучающимся практических навыков, позволяющих сразу же после окончания вуза активно включиться в региональную производственно-хозяйственную деятельность.

Для цитирования: Жернов Е. Е. Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе: роль опорного университета // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 85–90. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-85-90.

Усиление внимания к региональным аспектам экономического и социального развития в последние годы повлекло переоценку традиционных факторов регионального развития, создание региональных концепций, в том числе и в области высшего образования, позволяющих комплексно решать целый ряд взаимосвязанных социально-экономических задач региона. Одна из них – концепция опорного университета. Опорный университет – новая организационно-правовая форма учреждений образования – и регион в настоящих условиях состоят в непосредственном диалектическом взаимодействии. Университет, одновременно испытывая на себе влияние всех региональных процессов, посредством своих разнообразных структурных элементов воздействует на экономику, науку, образование, политику, социальную сферу региона. Здесь он играет роль полифункциональной организации, что позволяет ему стать системообразующим фактором экономического и социокультурного развития региона.

Регионализация является сегодня важным концептуальным фактором изменения системы высшего образования. При этом особое значение имеет усиление системы образования, в которой вуз готовит выпускников, сориентированных как на потребности личности, так и регионального сообщества. В сложившихся под влиянием проблем угольной и металлургической промышленности социально-экономических условиях вектор развития Кемеровской области должен быть направлен на формирование экономики знаний. Разработанный механизм формирования экономики знаний в ресурсодобывающем регионе представлен в монографии [1]. Необходимость становления экономики зна-

ний в ресурсодобывающем регионе становится с каждым годом все более очевидной. По оценке Римского клуба: «Окончание эры ископаемого топлива предопределено. Весьма вероятно, что она закончится быстрее, чем предсказывалось ранее. Стоимость чистой (солнечной и ветряной) энергии уменьшается с каждым годом, а ее производство увеличивается в разы. Рост спроса на нефть остановится к 2020 г., а, если прав стэнфордский исследователь Тони Себа, переход на возобновляемые источники может произойти уже к 2030» [2]. Тем более данный вывод справедлив, на наш взгляд, в отношении устаревших экологически вредных и опасных технологий применения угля в качестве топлива.

Экономика знаний, точнее, экономика, основанная на знаниях человека, – наукоемкая, высокотехнологичная, инновационная экономика. Только она может преобразовать жизнь в регионе. В нынешней структуре валового регионального продукта Кемеровской области – ресурсодобывающего региона – преобладает продукция добывающей промышленности и отраслей с низкой добавленной стоимостью. Существующая структура регионального хозяйства не позволяет в полной мере поддерживать экологическую безопасность в Кузбассе и обеспечивать высокий уровень качества жизни его населения. Величина добавленной стоимости, производимой в угольной промышленности, черной металлургии – отраслях низкого передела, – сильно зависит от мировой рыночной конъюнктуры. Поэтому она существенно ниже добавленной стоимости – источника прибыли, заработной платы, налоговых поступлений в региональный бюджет, которая стабильно создается в высокотехнологичных отраслях машиностроения и металлообработки, химической и нефтехимической промышленности и т. п. Угольно-металлургическая специализация экономики ресурсодобывающего региона ведет в конечном счете к деградации окружающей среды и ухудшению здоровья населения [3].

Значительно повысить качество жизни кузбассовцев и снизить антропогенную нагрузку на природу возможно, если сформировать в Кемеровской области экономику знаний. Обусловлено это тем, что в ней бóльшая часть валового регионального продукта создается в наукоемкой промышленности и сфере интеллектуальных услуг, которые обеспечивают занятость для образованного большинства экономически активного населения. Поэтому создание в регионе крупного опорного университета – локомотива формирования экономики знаний – безусловный императив развития. Сектор высшего образования в последние годы быстро развивается: лучшие вузы, в группу которых должен стремиться опорный региональный вуз, масштабно финансируются государством и получают консультативную поддержку за повышение до уровня международных стандартов результатов образовательной и научной работы. Именно такие вузы сегодня могут стать драйверами социально-экономического развития ресурсодобывающих регионов.

Регионализация высшего образования является неотъемлемой частью национальной системы образования, выполняющей полный комплекс функций в основных сферах общественной жизни. В этой связи роль опорного университета в развитии Кемеровской области по направлению к экономике знаний может реализовываться через две ключевые функции – социальную и экономическую. Фундаментом регионального университета служат ценные социокультурные традиции, что делает его важнейшим элементом социальной инфраструктуры. Деятельность университета выступает индикатором как социально-культурного, так и научно-технического, производственного развития региона. Создание опорного университета с развитой научно-исследовательской деятельностью способствует формированию институциональных условий для коммерциализации научно-технических и технологических разработок научно-педагогических работников и обучающихся.

Таким образом, практические меры в развитии опорного университета направлены на такие критически важные составляющие развития региона, как (1) человеческие ресурсы, включая меры в области занятости и оплаты труда, социальной инфраструктуры; (2) природные ресурсы вместе с экологией; (3) культурные и демографические ресурсы развития. Названные компоненты имеют особое значение для движения ресурсодобывающего региона – Кузбасса – по пути к экономике знаний.

Новые модели университетского образования соединяют в себе традиционные социально-культуротворческие функции университета и процессы рыночной экономики. Очевидно, что роль университета в регионе при формировании экономики знаний не ограничивается подготовкой специалистов. Университет выступает в качестве социального явления, характеризующегося двойственностью проявления своих форм. С одной стороны, в рыночных условиях университет существует как производственная организация: его целевой экономической функцией государство определило производство научно-образовательных продуктов и услуг. С другой стороны, университет становится субъектом социального и культурного развития региона, выступая истоком его научно-производственно-образовательного потенциала, центром непрерывного образования. Это обеспечивает высокое качество производимых на базе знания научно-образовательных продуктов и оказываемых услуг. Именно у регионального университета, реализующего программы высшего и послевузовского профессионального образования по требуемым государством и рынком специальностям, выполняющего фундаментальные и прикладные исследования по наукам самого широкого спектра, есть возможность порождать спрос на подготовку современных специалистов новых технологических укладов, а не только удовлетворять текущие потребности региональных отраслей экономики. Модернизация современных университетов приводит к организации на их базе не только образовательно-исследовательских центров, но и социальных организаций, во главе которых стоят крупные ученые и профессиональные менеджеры.

Практически в социальном плане опорный университет должен, прежде всего, вносить свой вклад

в улучшение демографической ситуации. По данным Кемеровостата, численность населения Кемеровской области на начало 2017 г. составила 2 708 844 человека – на 33 606 человек меньше, чем в 2013 г. Уменьшается доля населения в трудоспособном возрасте: если в 2013 г. она составляла 59,2 %, то в 2017 г. – 55,4 %. Также уменьшается численность молодых людей в возрасте 15–19 лет и 20–24 лет, которые охватываются высшим образованием. Первая группа уменьшилась за рассматриваемый период со 132 473 человек до 123 327 человек (на 6,9 %), вторая группа – со 190 720 человек до 134 706 человек (на 29,4 %) [4]. Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения в 2016 г. сократилась на 157 человек, или на 44,7 % по сравнению с 2010 г. [5].

Демографическая ситуация с понижательным трендом характерна для старопромышленных ресурсодобывающих регионов. Например, опыт Рурского региона ФРГ демонстрирует, что решение демографических проблем ресурсодобывающего региона во многом связано с появлением там крупного университета. Он оказывается одним из основных работодателей в регионе, сберегает абитуриентов данного региона и привлекает таковых из-за рубежа и других регионов страны. В результате обеспечивается демографический рост. Вместе с тем крупный университет вносит непосредственный вклад в формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе: проводит прикладные научные исследования для модернизируемых традиционных и создаваемых новых высокотехнологичных отраслей экономики региона, готовит для них профильных специалистов, улучшая тем самым описанную выше сложную экономическую ситуацию, сложившуюся там.

В экономике, основанной на знаниях человека, образование неотделимо от культуры, это один живой целостный организм. Опорный университет представляет собой духовное и научно-образовательное достояние региона. Он выполняет особенную миссию по обеспечению его устойчивого развития, играя роль пункта коммуникации и поддерживая паритет между местными традициями и общими инновациями. Университетское образование в обществе, основанном на знании, имеет не только объединяющее, но и веросозидающее предназначение. Культуротворческие функции университета, основываясь на особой роли духовных, культурных традиций в жизни россиян, заключаются в формировании целостного мировоззрения гражданина гармоничного, свободного общества, в сохранении и передаче традиционных морально-духовных, этико-эстетических ценностей от поколения к поколению при создании новых. В этом контексте социальная функция университета обусловлена его главной традиционной функцией формирования у обучающихся современной картины мира. Университеты в регионах не должны становиться руинированными памятниками былому образованию и науке [6].

Исходя из федеративного устройства российского государства, для сохранения научно-образовательного и культурного ресурса нации следует укреплять университеты в регионах. Каждый из них на своем месте выполняет огромную, важнейшую задачу – задачу сохранения российского культурного кода, лежащего в основе государственности страны. При Министерстве образования и науки РФ в декабре 2017 г. создан Совет по гуманитарному знанию. Примечательно, что его цель – формирование гуманитарной политики России в сфере культуры и образования. При этом важно помнить, что конечная цель любой гуманитарной деятельности – это не показатели, а человек. Понимаемая так конечная цель – основа разумного структурирования научно-образовательной деятельности и ее законодательного обеспечения. Общество, образование и культура нуждаются в гуманитаризации и гуманизации (но не в антропоцентризме) как политической программе для системного выправления сложной социально-экономической ситуации. В регионах культурной институцией является воплощение государственной политики и их причастности к единому культурному пространству России. И здесь трудно переоценить роль опорного регионального университета.

В этой связи его первейшие задачи: 1) переломить сложившееся сегодня в обществе пренебрежительное отношение к вузовскому образованию, рассматриваемому лишь как часть сферы социальных услуг; 2) изменить восприятие некоторыми обучаемыми университета как организации, только оказывающей образовательные услуги, удовлетворяющие личные интеллектуальные и культурные запросы учащегося-потребителя; 3) преодолеть путем «умного делания» непризнание вероучительного и нравоучительного авторитета преподавателей подавляющим большинством населения.

Для решения этих задач университет должен активно включиться в процесс имплементации принципа известного общественного договора, который возникает с целью производства и воспроизводства благ. Содержанием этого процесса будет поэтапное трансформирование патернализма государства по отношению к образованию в сторону взаимодействия. Хотя без государственной поддержки образование не может существовать, профессиональное университетское сообщество, получив более широкие полномочия, примет на себя ответственность за развитие образования. Вместе с тем надо понимать, что образование по своей сути – это не услуга, а общественное благо. Обучающийся не должен смотреть на образование и преподавателей свысока, как заказчик очередной услуги, удовлетворяющей лишь его насущные потребности. Это действует губительно в первую очередь для него самого – для формирования его как личности и усугубляет общую культурную деградацию в обществе.

Римский клуб видит задачу образования в формировании у молодежи «грамотности в отношении будущего» (futures literacy). Авторы приводят следующие характеристики образования, способного делать это [2]:

– основанность на «связанности» – отношения были и будут сутью обучения; использование информационных технологий «ценно и эффективно только когда они способствуют связи между людьми»;

– ценностный характер, укоренение в универсальных ценностях и уважении к культурным различиям;

– фокусированность на устойчивости – большая часть знаний, касающаяся экологии, взаимосвязанности систем и устойчивого развития, появилась недавно и еще не стала частью общей культуры и образованности;

– культивирование интегрального мышления, способного «воспринимать, организовывать, согласовывать и воссоединять отдельные фрагменты и достигать подлинного понимания основополагающей реальности»;

– плюрализм содержания как исходный момент. Клуб констатирует, что многие университеты продвигают конкретные школы мысли, вместо того, чтобы «давать молодым умам весь спектр противоречивых и комплементарных перспектив». Сегодняшние студенты нуждаются в инклюзивном образовании, в котором одни формы знания дополняли бы другие, а не исключали и отвергали их.

Приведенные характеристики образования вполне согласуются, на наш взгляд, с характеристиками образования в экономике, основанной на знаниях человека, и могут быть распространены на региональное образование.

Экономика, основанная на знаниях, в рыночных условиях предъявляет высокие требования не только к профессиональным знаниям работников, но и к их профессиональным навыкам. Российские инновационные компании остро нуждаются в сотрудниках, обладающих практическими когнитивными навыками в виде умения решать конкретные проблемы. Не менее важны социальные и поведенческие навыки – умение работать с коллегами и клиентами. Такие изменения в спросе на трудовые ресурсы должны быть учтены экономической функцией опорного университета путем качественных изменений в видах прививаемых основной системой образования навыков и возможности приобретения в системе дополнительного образования новых навыков. Параллельно студенты должны иметь возможность осваивать практические ремесла по профилю региона в системе среднего профессионального образования при университете для гарантированного получения заработной платы сразу после окончания вуза. Тем самым будет достигнут необходимый баланс теоретических знаний и практических навыков.

Несмотря на высокий уровень формального образования, получаемого российскими работниками, нынешние качество и содержание образования не позволяют формировать навыки, востребованные на рынке труда. Хотя за период с 2000 по 2015 г. доля работников с высшим образованием увеличилась с 79,0 до 81,6 % [7], недостаток в требуемых профессиональных навыках сохраняется. Происходит это из-за сосредоточения вузов на привитии базовых когнитивных навыков, а не совокупности когнитивных, социальных и поведенческих навыков, нужных работодателям. Поэтому у выпускников вузов ограничены возможности обретения навыков и умений, которых от них требует рынок труда: навыков лидера; умения работать в коллективе, полной открытости новым идеям, что необходимо в инновационной деятельности в экономике знаний.

Экспертами Всемирного банка предложен ряд мер, которые призваны помочь системе образования удовлетворять запросы рынка труда [8].

1. Внедрение эффективных стимулов, механизмов контроля качества и оценки образовательных услуг. Стимулирование работодателей инвестировать в подготовку работников, сотрудничать с учреждениями образования в разработке образовательных программ и программ подготовки, а также прямо участвовать в обучающих мероприятиях, оценке качества и программ и образовательных результатов.

2. Увеличение потенциала системы развития навыков и оценки посредством расширения диапазона образовательных программ и особенно программ профессиональной подготовки; вовлечение специалистов-практиков с предприятий в процесс образования и профессиональной подготовки.

3. Использование с целью прозрачности информации о спросе и предложении в области профессиональных навыков современной информационной системы, разработанной профессиональными информационными посредниками для рынка труда и учреждений профессионально-технического и высшего образования.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. 1. Критически важные для настоящего и будущего составляющие регионального развития, на которые влияет опорный университет, включают человеческие ресурсы, в том числе меры в области занятости, оплаты труда, социальной инфраструктуры; природные ресурсы вместе с экологией; культурные и демографические ресурсы развития. 2. Новые модели университетского образования соединяют в себе процессы рыночной экономики и традиционные социально-культуротворческие функции университета, актуальные для социализации экономики знаний, к которой по объективным технико-экономическим причинам должен двигаться в настоящее время ресурсодобывающий регион. 3. Социальная функция опорного университета обусловлена его главной традиционной функцией формирования у обучающихся современной картины мира и состоит, прежде всего, в создании прочной основы для демографического роста в регионе. 4. Экономическая функция опорного университета заключается в первую очередь в привитии обучающимся практических навыков, позволяющих сразу же после окончания вуза включиться в региональную производственно-хозяйственную деятельность.

Отправной точкой для решения первоочередных задач является всестороннее развитие в регионе опорного вуза, статус которого должен быть поднят в будущем до национального исследовательского университета.

Литература

1. Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе (на примере Кемеровской области) / под ред. И. Б. Золотых, Е. Е. Жернова. М.: Российские университеты; Кемерово: Кузбассвузиздат-АСТШ, 2013. 343 с.
2. Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. New York: Springer, 2018. 220 p.
3. Жернов Е. Е. Экологические и социальные аспекты концепции неоиндустриализации в горнодобывающем регионе // Экономика и управление инновациями. 2017. № 2. С. 11–24.
4. Официальная статистика. Население // Федеральная служба государственной статистики по Кемеровской области. Режим доступа: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 25.01.2018).
5. Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек населения // Федеральная служба государственной статистики по Кемеровской области. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/1.1.2.xls (дата обращения: 25.01.2018).
6. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 299 с.
7. Бондаренко Н. В., Гохберг Л. М., Забатурина И. Ю., Ковалева Н. В., Кузнецова В. И., Озерова О. К., Пинская М. А., Подольский О. А., Пономарева А. А., Рылько Е. Д., Шугаль Н. Б. Индикаторы образования: 2017: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.
8. Российская Федерация. Комплексное диагностическое исследование экономики. Пути достижения всеобъемлющего экономического роста. Группа Всемирного банка, 2016. Режим доступа: http://pubdocs.worldbank.org/en/235471484167009780/Dec27-SCD-paper-rus.pdf (дата обращения: 25.01.2018).

FORMATION OF KNOWLEDGE ECONOMY IN A RESOURCE-EXTRACTING REGION: THE ROLE OF THE FLAGSHIP UNIVERSITY

Evgeny E. Zhernov[1, @]

[1] *T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 28, Vesennyaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *zhee.eti@kuzstu.ru*

Received 29.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: key university, resources-extractive region, knowledge economy, market economy, critical components of regional development, social and cultural functions of the university, economic functions of the university.

Abstract: The subject of the study is the role of the flagship university in the formation of knowledge economy in a resource-extracting region. The aim of the research is to reveal the role of the flagship university in the development of a resource-extracting region towards the knowledge economy via its basic social and economic functions, defined by the urgent needs of the local community, according to the local natural and economic specifics. The research employed some elements of system analysis. The study results: the study has revealed some development components, critical for innovative development of Kuzbass, which is a typical resource-extracting region, influenced by its flagship university; the role of the flagship university in the formation of knowledge economy via the definition of its social and economic functions has been revealed; a belief-creative mission of university education in a knowledge-based society has been established. The results can be used in the development planning of higher education in the Kemerovo region. Conclusions: 1. The critical components of regional development, which are influenced by the flagship university, embrace human resources, as well as measures to transform social infrastructure; natural resources together with ecology; cultural and demographic resources of development. 2. New models of university education combine the processes of market economy and the traditional socio-cultural functions of the university, important for the socialization of the knowledge economy. 3. The social function of the flagship university is due to its main traditional function of forming a modern picture of the world among students and primarily consists in creating a solid foundation for demographic growth in the region. 4. The economic function of the flagship university is, first of all, in teaching practical skills that would enable students to join the regional production and economic activities immediately after graduation.

For citation: Zhernov E. E. Formirovanie ekonomiki znanii v resursodobyvaiushchem regione: rol' opornogo universiteta [Formation of Knowledge Economy in a Resource-extracting Region: the Role of the Flagship University]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 85–90. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-85-90.

References

1. *Formirovanie ekonomiki znanii v resursodobyvaiushchem regione (na primere Kemerovskoi oblasti)* [Formation of the knowledge economy in the resources-extractive region (Kemerovo Oblast instance)]. Eds. Zolotykh I. B., Zhernov E. E. Moscow: Rossiiskie universitety; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat-ASTSh, 2013, 343.
2. Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York: Springer, 2018, 220.
3. Zhernov E. E. Ekologicheskie i sotsial'nye aspekty kontseptsii neoindustrializatsii v gornodobyvaiushchem regione [Environmental and social aspects of the conception of neo-industralization in the mining region]. *Ekonomika i upravlenie innovatsiiami = Economics and innovation management*, no. 2 (2017): 11–24.
4. *Ofitsial'naia statistika. Naselenie* [Official statistics. Population]. Available at: http://kemerovostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kemerovostat/ru/statistics/population/ (accessed 25.01.2018).
5. *Chislennost' studentov, obuchaiushchikhsia po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniia – programmam bakalavriata, spetsialiteta, magistratury, na 10000 chelovek naseleniia* [The number of students enrolled in educational programs of higher education – undergraduate, specialist, magistracy programs per 10000 people]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/mon-sub/1.1.2.xls (accessed 25.01.2018).
6. Ridings B. *Universitet v ruinakh* [The University in Ruins]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010, 299.
7. Bondarenko N. V., Gokhberg L. M., Zabaturina I. Iu., Kovaleva N. V., Kuznetsova V. I., Ozerova O. K., Pinskaia M. A., Podol'skii O. A., Ponomareva A. A., Ryl'ko E. D., Shugal' N. B. *Indikatory obrazovaniia: 2017: statisticheskii sbornik* [Indicators of Education: 2017: Statistical Digest]. Moscow: NIU VShE, 2017, 320.
8. *Rossiiskaia Federatsiia. Kompleksnoe diagnosticheskoe issledovanie ekonomiki. Puti dostizheniia vseob"emliushchego ekonomicheskogo rosta. Gruppa Vsemirnogo banka, 2016* [Russian Federation. Complex diagnostic study of the economy. Ways to achieve comprehensive economic growth. World Bank Group, 2016]. Available at: http://pubdocs.worldbank.org/en/235471484167009780/Dec27-SCD-paper-rus.pdf (accessed 25.01.2018).

УДК 332.1

ПЕРВЫЕ ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Елена А. Колесник[1, @]

[1] *Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129*
[@] *elena.kolesnik.007@yandex.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, категории моногородов, территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), индустриальные парки.

Аннотация: В соответствии с критериями, разработанными Правительством РФ в 2014 г., 16 городов Челябинской области получили официальный статус моногорода. Только четыре из них относятся к категории со стабильной социально-экономической ситуацией. Для остальных моногородов повышение их жизнеспособности – актуальная задача. Одним из способов ее решения на сегодняшний день является механизм создания территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Первые резиденты ТОСЭР в Челябинской области были зарегистрированы в г. Бакал. В конце 2017 г. к нему присоединился Верхний Уфалей, где также появились потенциальные инвесторы. Кроме ТОСЭР в Челябинской области на базе моногородов активно развиваются индустриальные парки как механизм привлечения инвестиций в экономику моногорода и создания новых рабочих мест. Анализу проблем, с которыми столкнулись первые ТОСЭР и индустриальные парки в Челябинской области, а также перспективам их дальнейшего развития посвящена данная статья.

Для цитирования: Колесник Е. А. Первые территории опережающего социально-экономического развития в Челябинской области: опыт и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 91–98. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-91-98.

Ряд исследований современных авторов актуализирует необходимость структурных преобразований в социально-экономической системе моногородов [1–7]. Большинство из них выступают сторонниками диверсификации моноэкономики на основе стратегического подхода к ее осуществлению, т. е. с учетом имеющегося потенциала и тех наиболее значимых конкурентных преимуществ, которыми обладает каждый моногород.

На государственном уровне из-за недостаточного потенциала развития монопрофильных населенных пунктов фактически приходится решать дилемму: поддерживать развитие или финансировать ликвидацию таких городов? Оптимальным решением становится формирование государственной политики, предполагающей компромисс между этими двумя подходами и предоставляющей моногородам набор разнообразных механизмов и инструментов, стимулирующих развитие и модернизацию [8].

Моногорода России не однородны, а делятся на несколько типов в зависимости от перспектив градообразующего предприятия, его собственника, потенциала городской экономики, численности населения и ряда других факторов [4. с. 22]. Поэтому в основе современной государственной политики в отношении моногородов лежит дифференцированный подход к городам различного типа и различного уровня стабильности их социально-экономического положения. В настоящее время Правительством РФ сформированы критерии для отнесения населенного пункта к моногороду, утвержден список из 319 моногородов, сформированы три категории моногородов по степени ухудшения складывающейся в них социально-экономической ситуации, а также разработаны конкретные меры и механизмы поддержки таких городов.

К числу мер государственной поддержки можно отнести созданный по решению Правительства РФ Фонд развития моногородов, принятие ряда нормативно-правовых актов, регулирующих и создающих условия для развития моногородов: федеральный закон о территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), ряд постановлений Правительства РФ, государственные программы поддержки, в том числе приоритетный проект «Комплексное развитие моногородов».

Значительным потенциалом социально-экономических преобразований в моногороде обладает федеральный закон о ТОСЭР. Он предусматривает ряд льгот и преференций для резидентов ТОСЭР, что позволяет рассматривать его как действенный инструмент привлечения инвестиций в экономику моногорода для ее успешной диверсификации. Статус резидента ТОСЭР позволяет компаниям-инвесторам получить льготы по налогам на прибыль и имущество организаций, добычу полезных ископаемых и земельному налогу, а также снизить страховые выплаты в государственные внебюджетные фонды.

Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» вступил в силу 5 марта 2015 г. Закон описывает порядок принятия решений о создании территорий опережающего развития. С 1 января 2016 г. создание ТОСЭР было разрешено и в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО).

Однако на этапе отработки проектов постановлений Правительства с Минюстом России открылась правовая коллизия, препятствующая созданию ТОСЭР в ЗАТО. Согласно закону, ТОСЭР в первую очередь могут быть созданы в субъектах РФ Дальневосточного федерального округа, в монопрофильных муниципальных образованиях (моногородах) с наиболее сложным социально-экономическим положением (1 категория в соответствии с постановлением Правительства РФ), в закрытых административно-территориальных образованиях. Для всех остальных территорий возможность создания ТОСЭР предусмотрена после марта 2018 г. Для моногородов законом предусмотрен особый порядок создания ТОСЭР, но при его разработке не было учтено, что семь «атомных» ЗАТО являются одновременно и моногородами. К какому типу должны были относиться ТОСЭР в этих городах, было неясно, что стало препятствием для применения данного закона к ЗАТО.

Подписанный 5 декабря 2017 г. Президентом РФ В. В. Путиным Федеральный закон 371-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» позволил решить эту проблему и начать получать статус ТОСЭР «закрытым» городам.

В Челябинской области 16 городов включены в федеральный перечень моногородов. Три из них имеют статус ЗАТО — Озерск, Снежинск и Трехгорный. В таблице 1 приведен перечень моногородов Челябинской области и указаны отрасли специализации их моноэкономик.

Таблица 1. Градообразующие отрасли промышленности и годы основания моногородов Челябинской области
Table 1. City-forming industry branches of monocities in the Chelyabinsk area and the years of their foundation

№	Название города	Год основания	Отрасль промышленности
1	Бакал	1757	Металлургия, машиностроение
2	Аша	1898	Металлургия, лесная
3	Верхний Уфалей	1761	Металлургия, машиностроение
4	Златоуст	1754	Металлургия, машиностроение
5	Карабаш	1822	Металлургия
6	Магнитогорск	1929	Металлургия, машиностроение
7	Миасс	1773	Машиностроение
8	Озёрск*	1954	Химическая, машиностроение
9	Сатка	1756	Металлургия
10	Снежинск*	1957	Атомная
11	Трехгорный*	1952	Атомная
12	Усть-Катав	1758	Вагоностроение
13	Чебаркуль	1736	Металлургия
14	Сим	1759	Авиация
15	Миньяр	1771	Промышленность строительных материалов
16	Нязепетровск	1744	Машиностроение

Прим.: * – моногорода, имеющие статус ЗАТО.

Распределение моногородов Челябинской области по категориям, определяющим степень ухудшения складывающейся в них социально-экономической ситуации за период с 2014 по 2016 гг., отражено в таблице 2.

Приведенные в таблице 2 данные свидетельствуют о преобладании негативных тенденций в изменении социально-экономического положения моногородов региона. К третьей категории со стабильной ситуацией относятся г. Магнитогорск, где стабильность нынешнего положения города обусловлена устойчивостью модернизированного и развивающегося градообразующего предприятия – Магнитогорского металлургического комбината (ММК), а также три ЗАТО, деятельность градообразующих предприятий в которых обеспечена госзаказом.

Во всех остальных городах, где градообразующие предприятия не смогли обеспечить устойчивость своей деятельности, отмечается ухудшение социально-экономической ситуации. Одной из наиболее острых проблем челябинских моногородов является занятость населения [9]. Недостаточное количество рабочих мест ведет к естественной миграции: в поисках заработка люди вынуждены переезжать в другие населенные пункты. В настоящее время в семи моногородах области,

относящихся к первой категории, проживают всего около 140 тысяч человек.

ТОСЭР в Челябинской области зарегистрированы пока только в двух моногородах. Первым стал г. Бакал, который получил статус ТОСЭР в марте 2017 г. [10]. Вторым стал г. Верхний Уфалей, где ТОСЭР зарегистрирована в ноябре 2017 г. [11]. В стадии рассмотрения заявки на получение статуса ТОСЭР находится г. Озерск, который является ЗАТО и, в отличие от Бакала и Верхнего Уфалея, относится к моногородам со стабильной социально-экономической ситуацией.

Постановлениями Правительства о создании ТОСЭР определены их границы, виды экономической деятельности, при которых на территории ТОСЭР действует особый правовой режим предпринимательской деятельности, минимальный объём капитальных вложений резидентов, минимальное количество новых постоянных рабочих мест и др.

Правительством Челябинской области подписаны рамочные соглашения с инвесторами о реализации инвестиционных проектов.

В Верхнем Уфалее в рамках проектов планируется строительство заводов по производству абразивного порошка из отвальных шлаков, по выпуску изделий из гранита, организация нового высокотехнологичного производства кованых заготовок для металлургической, нефтегазовой, атомной и машиностроительной промышленности, производства механической обработки корпусного литья, строительство завода по выпуску древесного угля, строительство тепличного комплекса, создание овцеводческой фермы, организация рыбоводческого комплекса.

Таблица 2. Категории моногородов Челябинской области*
Table 2. Monocities of the Chelyabinsk region*

Категория	2014	2015	2016
1	Усть-Катав	Усть-Катав	Усть-Катав
	Нязепетровск	Нязепетровск	Нязепетровск
	Верхний Уфалей	Верхний Уфалей	Верхний Уфалей
	Карабаш	Карабаш	Карабаш
	Аша	Аша	Аша
	–	Миньяр	Миньяр
	–	Бакал	Бакал
2	Сим	Сим	Сим
	Сатка	Сатка	Сатка
	Миасс	Миасс	Миасс
	Златоуст	Златоуст	Златоуст
	Чебаркуль	Чебаркуль	Чебаркуль
	Озерск	Переведен в третью категорию	–
	Бакал	Переведен в первую категорию	–
	Миньяр	Переведен в первую категорию	–
3	Магнитогорск	Магнитогорск	Магнитогорск
	Трехгорный	Трехгорный	Трехгорный
	Снежинск	Снежинск	Снежинск
	–	Озерск	Озерск

Прим.: * – составлено автором по официальной информации с сайта Правительства РФ.

Создание ТОСЭР «Верхний Уфалей» позволит диверсифицировать экономику города, снизить зависимость от градообразующего предприятия, повысить инвестиционную привлекательность территории города, создать более 860 постоянных рабочих мест, привлечь инвестиции в объёме более 1,9 млрд рублей. Характеристика ТОСЭР «Бакал» представлена в таблице 3.

Более распространенным методом диверсификации экономики моногородов Челябинской области и привлечения в них внешних инвестиций является создание индустриальных парков.

Индустриальный парк представляет собой специально организованную для размещения новых производств площадку, обеспеченную необходимой для производственной деятельности инфраструктурой. На ней одновременно могут быть размещены несколько предприятий одной или разных отраслей.

Индустриальные парки делятся на два классификационных типа: гринфилд и браунфилд. Гринфилд – это парк, создаваемый на неосвоенном, ранее незастроенном земельном участке. Чаще всего подобный парк не имеет готовой инфраструктуры. Браунфилд создается на ранее существовавших производственных площадках, которые обычно представляют собой пустующие помещения бывших заводов и фабрик или даже портовые доки.

Таблица 3. Характеристика ТОСЭР «Бакал»
Table 3. Characteristics of the territory of advanced social and economic development "Bakal"

Название ТОСЭР	ТОСЭР «Бакал»
Действующие резиденты	ООО «Легпром» – организация швейного производства и изготовление пластиковых кейсов для нужд Министерства обороны РФ
Потенциальные резиденты (план на 2018–2020 гг.)	ООО «Урал-рециклинг» – создание опытного завода по переработке отходов металлургического производства в гранулированный чугун и дегалогенизированный оксид цинка
Объем инвестиций в развитие производств резидентами (план на 2017–2020 гг.)	936 млн рублей
Количество рабочих мест	352
Меры поддержки резидентов в рамках ТОСЭР	льготы по налогу на прибыль, по налогу на имущество организаций и на добычу полезных ископаемых, пониженные ставки тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды

В таблицах 4–7 приведены характеристики действующих и строящихся индустриальных парков на территории моногородов Челябинской области. Отметим, что индустриальный парк в Верхнем Уфалее создается в рамках ТОСЭР, статус которого город получил в ноябре 2017 г.

Таблица 4. Характеристика магнитогорского индустриального парка «ММК-Индустриальный парк»
Table 4. Characteristics of Magnitogorsk industrial park "MMK-Industrial Park"

Название индустриального парка	«ММК-Индустриальный парк» (Магнитогорск)
Тип	Браунфилд
Действующие резиденты	ООО НПО «МеталлЭнерго», ЗАО «Магниготорскгазстрой», ООО «Стагма», ООО «СТАЛЬМОНТАЖ», ООО «Вектор-М», ООО «ТЕПЛОПРИБОР ЭКСПРЕСС АНАЛИЗ», ООО «Объединенная сервисная компания», ООО «ЦНПК МГТУ им. Носова», ООО ТД «РЦЛ», ООО «Аксель Групп», АО «Профит», ООО «ХимТек»
Потенциальные резиденты	ООО «ТехноХимРеагент Челябинск» – производство химических реагентов растворов водоподготовки для котлов, отопительных систем и систем охлаждения МГТУ им. Носова – строительство литейного комплекса по производству отливок
Объем инвестиций в развитие производств резидентами	48 млн рублей
Количество рабочих мест	138

Таблица 5. Характеристика регионального индустриального парка «Новогорный»
Table 5. Characteristics of the regional industrial park "Novogorny"

Название индустриального парка	Региональный индустриальный парк «Новогорный» (п. Новогорный, 38 км от Озерска)
Тип	Гринфилд
Действующие резиденты	–
Потенциальные резиденты	ЗАО «Озерский завод свайных конструкций» – производство свай; ООО «Завод углеродных материалов» – производство углеграфитовых материалов; ООО «Уральский завод промышленных композитов» – производство композитов и керамик; ООО «Нанотех» – производство гидроксида и оксида алюминия; ООО «ФинИнтерКом» – производство лакокрасочных материалов; ООО «Озерская трубная компания» – выпуск полиэтилена и полимерных композиций для кабельной и трубной промышленности

Название индустриального парка	Региональный индустриальный парк «Новогорный» (п. Новогорный, 38 км от Озерска)
Объем инвестиций в развитие производств резидентами	(план на 2018–2020 гг.) 2 млрд 442 млн рублей
Количество рабочих мест	534
Меры поддержки резидентов (в рамках ТОСЭР)	льготы по налогу на прибыль, по налогу на имущество организаций и на добычу полезных ископаемых (на пять лет), пониженные ставки тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды

Таблица 6. Характеристика регионального индустриального парка «Рудничный»
Table 6. Characteristics of the regional industrial park "Rudnichny"

Название индустриального парка	Региональный индустриальный парк «Рудничный» (Бакал)
Тип	Гринфилд
Действующие резиденты	
Потенциальные резиденты	НПО «Гамма» – проект «Строительство шприцевого завода»
Объем инвестиций в развитие производств резидентами (план на 2018–2020 гг.)	490 млн рублей
Количество рабочих мест	50
Меры поддержки резидентов	льготы по налогу на прибыль, по налогу на имущество организаций и на добычу полезных ископаемых (на пять лет), пониженные ставки тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды

Таблица 7. Характеристика индустриального парка «Верхний Уфалей»
Table 7. Characteristics of the Verkhniy Ufaley industrial park

Название индустриального парка	Индустриальный парк «Верхний Уфалей» (Верхний Уфалей)
Тип	Браунфилд
Действующие резиденты	–
Потенциальные резиденты	ООО «Абразив НиКо» – проект по переработке конвертерных шлаковООО «Уфалейтранс» – услуги по погрузке и выгрузке на железной дороге
Объем инвестиций в развитие производств резидентами	Нет данных, так как проект парка в стадии проработки
Количество рабочих мест	210 (план)
Меры поддержки резидентов (в рамках ТОСЭР)	льготы по налогу на прибыль, по налогу на имущество организаций и на добычу полезных ископаемых, пониженные ставки тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды

Таким образом, в моногородах Челябинской области применяются разнообразные методы и механизмы повышения устойчивости местной экономики. Диверсификация моноэкономики посредством создания ТОСЭР, а также индустриальных парков ориентирована на решение самых насущных проблем моногородов: преодоление высокой безработицы через создание новых рабочих мест, снижение оттока населения, особенно молодежи в наиболее экономически развитые города и регионы и др.

Однако при становлении ТОСЭР возникают определенные трудности.

Во-первых, здания и сооружения, которые есть на территории индустриального парка, входящего в состав ТОСЭР, не всегда подходят резидентам по размерам или требуют большого ремонта.

Во-вторых, имеется конкуренция за потенциальных инвесторов со стороны соседних ТОСЭР и индустриальных парков. Например, ММК для индустриального парка высвободил много хороших цехов с готовой инфраструктурой недалеко от Магнитогорска. Для инвесторов такое предложение гораздо привлекательнее, чем аналогичное в г. Бакале, где органы местного самоуправления отдали под свой индустриальный парк неиспользованные земли Бакальского рудоуправления, к которым необходимо заново проводить газ, электроснабжение, тепловые сети, дороги. При этом заказчики, металлургические предприятия и прочие важные для инвесторов субъекты инвестиционного процесса оказались сосредоточены ближе к Магнитогорску. Выиграть в таких условиях конкуренцию у Магнитогорска Бакалу, даже имея статус ТОСЭР, очень непросто. Поэтому наличие статуса ТОСЭР не гарантирует успеха в преодолении социально-экономических проблем моногорода. Успешное привлечение инвесторов по-прежнему остается ключевым фактором улучшения ситуации в моногороде. Это отчетливо прослеживается на примере моногородов со статусом ЗАТО, где присутствует государственный заказ на продукцию градообразующих предприятий. Всем остальным моногородам не хватает ощутимой внешней поддержки в привлечении инвесторов.

Одним из способов решения данной проблемы может быть определение эксклюзивных конкурентных преимуществ моногорода для целенаправленного поиска инвесторов, исключающего конкуренцию с соседними моногородами, имеющими другие приоритеты развития.

Города Озерск, Снежинск и Трехгорный, имеющие высокий научно-производственный потенциал и высококвалифицированные кадры, могут стать основными двигателями технического прогресса Челябинской области, разработчиками и поставщиками инновационных разработок в такие отрасли, как медицина, образование, электроника, ОПК и освоение космического пространства.

Кроме того, имеющийся научно-производственный потенциал в сочетании с экономико-географическим положением и климатическими условиями допускают несколько вариантов преобразования экономики моногородов Челябинской области:

– моногорода как центры науки и высоких технологий, изучение ядерных технологий в мирных целях, развитие атомной энергетики (Озерск, Снежинск, Трехгорный);

– моногорода и прилегающие к ним территории как центры различных видов туризма и рекреации (моногорода горнозаводской части и частично Зауральской, где, возможно, будет развиваться агротуризм – Сатка, Магнитогорск, Верхний Уфалей);

– моногорода как центры развития агропромышленного комплекса (Чебаркуль, Миасс);

– моногорода как центры ремесла и народных промыслов (Златоуст и Сатка);

– моногорода как центры размещения филиалов крупных промышленных предприятий, объектов горнодобывающей и обогатительной промышленности (Бакал, Сатка).

При этом выбор приоритетных направлений развития каждого моногорода должен быть обоснован и отражен в соответствующей стратегии социально-экономического развития. Иначе в конкурентной борьбе за привлечение инвесторов на свою территорию не исключено игнорирование долгосрочных целей развития моногорода. Так, сегодня в Аше вместо развития горнолыжного комплекса «Аджигардак» делают ставку на создание агропарка на 150 гектаров, несмотря на отсутствие пригодных для сельхозугодий земель. Оправдано ли это, покажет время. Но в процессе поиска и привлечения инвесторов моногород не может себе позволить забывать о своих стратегических целях и выбранных приоритетах. Поэтому для моногородов со статусом ТОСЭР важность стратегического управления его социально-экономическими процессами имеет жизненно важное значение. Ведь новой возможности по улучшению ситуации у моногорода может просто не быть.

Литература

1. Баева М. А. Выбор направлений диверсификации экономики моногорода // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2013. № 5. С. 26–31.

2. Пешина Э. В., Анимица Е. Г., Бочко В. С., Анимица П. Е. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под науч. ред. А. И. Татаркина, М. В. Фёдорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.

3. Крюкова Е. М. Определение моделей диверсификации и развития моногородов на основе применения методики экономической оценки эффективности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 178–186.

4. Манаева И. В. Методический подход к разработке сценариев социально-экономического развития моногорода // Ямальский вестник. 2016. № 1. С. 21–30.

5. Ряховская А. Н., Кован С. Е., Крюкова О. Г. Роль государственных программ в развитии моногородов. М.: Инфра-М, 2014. 63 с.

6. Ротенберг Р. Б. Стратегическое регулирование процессов структурных преобразований в экономике моногорода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2. С. 67–78.

7. Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 7–35.

8. Капусткина А. В. Анализ функционирования территорий опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации // Недвижимость: экономика, управление. 2016. № 1. С. 29–33.

9. Гундарев А. А. Моногорода Челябинской области: актуальные проблемы, потенциал и перспективы развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2013. Т. 13. № 1. С. 87–89.

10. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Бакал» (Челябинская область). Постановление Правительства РФ от 06.03.2017 № 265. Режим доступа: http://government.ru/docs/26683/ (дата обращения: 25.01.2018).

11. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Верхний Уфалей» (Челябинская область). Постановление Правительства РФ от 13.11.2017 № 1369. Режим доступа: http://government.ru/docs/30192/ (дата обращения: 25.01.2018).

THE FIRST TERRITORIES OF PRIORITY SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CHELYABINSK REGION: EXPERIENCE AND PERSPECTIVES

Elena A. Kolesnik[1, @]

[1] *Chelyabinsk State University, 129, Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk, Russia, 454001*
[@] *elena.kolesnik.007@yandex.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: mono-industrial towns, a category of mono-industrial towns, the territory of advancing socio-economic development, industrial parks.

Abstract: In accordance with the criteria developed by the Government of the Russian Federation in 2014, 16 cities in the Chelyabinsk region received the official status of mono-industrial towns. Only four of them belong to the category single-industry towns with a stable socio-economic situation. For the rest, vital capacity remains a priority. One ways to solve the problem is creating territories of priority socio-economic development. The first residents of territories of priority socio-economic development in the Chelyabinsk region were registered in the city of Bakal. At the end of 2017 it was joined by Verkhniy Ufaley with its potential investors. In addition to the territories of priority socio-economic development, the Chelyabinsk region develops industrial parks on the basis of mono-industrial towns to attract funds into urban economy and create new jobs. The current paper features an analysis of the problems that the first territories of priority socio-economic development and industrial parks in the Chelyabinsk region are facing, as well as prospects for their further development.

For citation: Kolesnik E. A. Pervye territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Cheliabinskoi oblasti: opyt i perspektivy [The First Territories of Priority Socio-Economic Development in the Chelyabinsk Region: Experience and Perspectives]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 91–98. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-91-98.

References

1. Baeva M. A. Vybor napravlenii diversifikatsii ekonomiki monogoroda [The choice of directions of economic diversification of mono-industrial towns]. *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniia = Modern science: current problems and ways to solve them*, no. 5 (2013): 26–31.

2. Peshina E. V., Animitsa E. G., Bochko V. S., Animitsa P. E. *Kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiia monoprofil'nogo goroda* [Conceptual approaches to the development of a strategy for the development of a single-city city]. Ed. Tatarkin A. I., Fedorov M. V. Ekaterinburg: Izd-vo UrGEU, 2010, 81.

3. Kriukova E. M. Opredelenie modelei diversifikatsii i razvitiia monogorodov na osnove primeneniia metodiki ekonomicheskoi otsenki effektivnosti [Determination of models of diversification and development of single-industry towns based on the application of the methodology of economic evaluation of efficiency]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: The humanities*, no. 5 (2015): 178–186.

4. Manaeva I. V. Metodicheskii podkhod k razrabotke stsenariev sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia monogoroda [Methodological approach to the development of scenarios for the socio-economic development of a single-industry city]. *Iamal'skii vestnik = The Yamal Gazette*, no. 1 (2016): 21–30.

5. Riakhovskaia A. N., Kovan S. E., Kriukova O. G. *Rol' gosudarstvennykh programm v razvitii monogorodov* [The role of state programs in the development of single-industry towns]. Moscow: Infra-M, 2014, 63.

6. Rotenberg R. B. Strategicheskoe regulirovanie protsessov strukturnykh preobrazovanii v ekonomike monogoroda [Strategic regulation of the processes of structural transformation in the economy of a single-industry city]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 2 (2014): 67–78.

7. Shastitko A. E., Fatikhova A. F. Monogoroda: novyi vzgliad na staruiu problemu [Monotown: a new look at the old problem]. *Baltiiskii region = The Baltic region*, no. 1 (2015): 7–35.

8. Kapustkina A. V. Analiz funktsionirovaniia territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii [Analysis of the functioning of areas of advancing socio-economic development in the Russian Federation]. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie = Real estate: economics, management*, no. 1 (2016): 29–33.

9. Gundarev A. A. Monogoroda Cheliabinskoi oblasti: aktual'nye problemy, potentsial i perspektivy razvitiia [Mono-industrial cities of the Chelyabinsk region: current problems, potential and prospects of development]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Stroitel'stvo i arkhitektura = Vestnik of the South Ural State University. Series: Building and architecture*, 13, no. 1 (2013): 87–89.

10. *O sozdanii territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia «Bakal»* (Cheliabinskaia oblast') [About creating territories of priority socio-economic development "Bakal" (Chelyabinsk region)]. Decree of the Government of the Russian Federation No. 265 of March 6, 2017. Available at: http://government.ru/docs/26683/ (accessed 25.01.2018).

11. *O sozdanii territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia «Verkhnii Ufalei» (Cheliabinskaia oblast')* [On the creation of the territory of the advanced social and economic development "Upper Ufaley" (Chelyabinsk region)]. Decree of the Government of the Russian Federation of 13 November 2017 No. 1369. Available at: http://government.ru/docs/30192/ (accessed 25.01.2018).

УДК 332.133.6:378.18

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ В ОПОРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ РЕГИОНА С ПРЕОБЛАДАНИЕМ МОНОГОРОДОВ

Ирина В. Корчагина[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *korchagina-i@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, традиционно-промышленный регион, технологическое предпринимательство, инновационная экосистема, опорный университет.

Аннотация: Одним из стратегических приоритетов опорных университетов России является развитие технологического предпринимательства. Рядом университетов страны уже накоплен определенный опыт обучения технологическому предпринимательству. Формирование опорных вузов как центров стратегического развития региона и его моногородов требует разработки новых подходов к обучению технологическому предпринимательству. В статье рассматривается механизм построения инновационной экосистемы, способствующей формированию предпринимательских компетенций у обучающихся опорного университета. На примере Кемеровской области определены основные особенности и задачи системы обучения технологическому предпринимательству в опорном вузе, учитывающие стратегию и ключевые проблемы региона. Отражены ключевые особенности обучения технологическому предпринимательству для регионов с преобладанием монопрофильных муниципальынх образований. Представлены потенциальные направления развития технологических предпринимательских инициатив, связанные с преодолением монозависимости городов Кемеровской области. Результаты могут быть использованы в практике обучения технологическому предпринимательству в интересах моногородов, а также для формирования муниципального заказа на образовательные услуги.

Для цитирования: Корчагина И. В. Формирование системы обучения технологическому предпринимательству в опорном университете региона с преобладанием моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 99–105. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-99-105.

Создание опорных университетов в ряде субъектов Российской Федерации предполагает активную интеграцию вузов в региональную повестку, стратегию развития и решение наиболее острых проблем территорий [1, с. 118; 2, с. 42]. Это означает, что стратегия и приоритеты деятельности опорных университетов обязательно должны дифференцироваться с учетом наиболее актуальных региональных целей и ключевых особенностей. При такой постановке вопроса становится очевидным, что для Кемеровского государственного университета как опорного вуза Кемеровской области особое значение приобретает участие в решении проблемы монопрофильных муниципальных образований (моногородов). Преобразование экономики и социума моногородов можно с уверенностью отнести к стратегическим приоритетам Кемеровского государственного университета.

Актуальность проблемы моногородов серьезно варьируется от региона к региону в силу высочайшей неоднородности социально-экономического пространства России. Для части субъектов федерации монопрофильные муниципальные образования являются частным вопросом, не играющим решающей роли в региональной повестке. В других регионах проблематика моногородов более остра, но все же не носит определяющего характера. Стратегическое развитие Кемеровской области в целом зависит от преобразования моногородов.

Монопрофильные муниципальные образования концентрируют подавляющее большинство городского населения и экономического потенциала Кемеровской области. По состоянию на 1 января 2017 г. по данным Департамента инвестиций и стратегического развития Кемеровской области в моногородах проживало около 63,5 % населения региона, а все городские округа, за исключением Кемеровского, относились к категории монопрофильных [3]. В Кемеровской области сконцентрировано наибольшее среди регионов России число моногородов – 24. Поэтому практически все городское пространство региона (кроме областной столицы) – сплошной ландшафт моногородов. Следовательно, диверсификация экономики и рост качества жизни в монопрофильных муниципальных образованиях определяют, условно говоря, более половины целей и содержания региональной стратегии, которая во многом сводится к диверсификации, уходу от угольно-металлургической зависимости.

Пути решения проблем моногородов принципиально давно известны и активно дискутируются [4; 5]. Радикальный выход из ситуации – переселение жите-

лей, «закрытие» моногорода, однако оно чрезвычайно дорого, сложно и приводит к сжатию национального экономического пространства. К такому методу можно прибегать лишь в отношении крайне ограниченного числа небольших моногородов. Основным направлением стратегического преобразования моногорода справедливо считается диверсификация – создание новых производств, видов экономической деятельности, не связанных напрямую с отраслями специализации моногорода, не зависящих от конъюнктуры сырьевых рынков, позволяющих сформировать новые источники добавленной стоимости.

Однако это весьма сложный путь, на котором моногород встречается как с ресурсными (ограниченность финансовых ресурсов, низкая инвестиционная привлекательность), так и спросовыми ограничениями (традиционной продукцией рынок насыщен, вновь создаваемым производствам крайне сложно найти потребителя). Стимулировать и поддерживать реализацию новых инвестиционных проектов в традиционных отраслях, конечно же, необходимо, и в этом направлении серьезная работа ведется с использованием возможностей территорий опережающего социально-экономического развития. Например, в Юргинском городском округе с целью снижения зависимости от машиностроительного завода создаются производства в сфере рыбоводства, деревообработки [6, с. 130].

Тем не менее наиболее продуктивным фактором преобразования моногорода является инновационно-технологическое развитие на основе новых знаний, компетенций, продуктов и технологий, нематериальных активов, интеллектуальной собственности. Инновационно-технологическое развитие открывает новые сегменты рынка, снимает многие ресурсные ограничения, кардинально повышает результативность и эффективность производства. Поэтому в данной плоскости наилучшим образом совпадают интересы опорного университета и монопрофильных муниципальных образований.

Среди конкретных форм содействия инновационно-технологическому развитию моногородов следует особо выделить создание системы обучения и стимулирования технологического предпринимательства, в первую очередь студенческого. Под технологическим предпринимательством понимается часть инновационного предпринимательства, связанная с производством и рыночным применением готовых к коммерческому использованию технологий [7, с. 477]. Инновационный предприниматель производит, в первую очередь, интеллектуальный продукт, который затем тиражируется крупными компаниями, связывает инновационный спрос и инновационное предложение. Роль технологического предпринимателя определяется его способностью связать научно-технические знания с потребностями крупного бизнеса, реализовать имеющиеся компетенции, разработки в конкретной интеллектуальной собственности, представляющей коммерческий интерес.

Поэтому неслучайно позиционирование технологического предпринимательства в качестве одного из стратегических приоритетов опорных университетов как центров технологического и социального развития регионов. В рамках приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» предполагается создание университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов, где «реализуются проектно-ориентированные программы... по технологическому предпринимательству, по управлению технологическими проектами» [8]. Практически все опорные университеты включают в свои стратегии цели, приоритеты и мероприятия, связанные с технологическим предпринимательством. Тем не менее, как уже отмечалось выше, подходы к развитию самого технологического предпринимательства необходимо в определенной степени дифференцировать в зависимости от особенностей текущего состояния и стратегического видения будущего региона.

Ретроспектива деятельности по развитию технологического предпринимательства в опорных университетах крайне ограничена во времени, поэтому проводить глубокие обобщения пока явно преждевременно. Однако целесообразно остановиться на принципиальных результатах и особенностях развития технологического предпринимательства в Кемеровском государственном университете как опорном вузе региона с преобладанием моногородов.

В рамках реализации программы развития опорного университета в сентябре 2017 г. запущена школа технологического предпринимательства «Инсайт» в качестве одного из трех стратегических проектов. Основной целью школы является развитие предпринимательского мышления обучающихся, которые должны использовать свои компетенции и инновационный потенциал, в том числе для реализации технологических проектов, способствующих личным и муниципальным, региональным целям. Ключевые задачи проекта: массовое вовлечение студентов в инновационную деятельность; формирование в университете профессионального состава кадров и сервисов, обеспечивающих механизмы коммерциализации проектов; фокус на развитии предпринимательских компетенций в наиболее востребованных отраслях технологического уклада.

Стратегическое видение школы «Инсайт» состоит в построении комплексной системы, позволяющей сформировать предпринимательское мышление у студентов, развить инновационную экосистему внутри университета, сгенерировать массовую волну вовлечения в инновационную деятельность. Школа работает с идейными и инициативными молодыми предпринимателями. Основными формами деятельности школы являются следующие.

1. Личные встречи и общение, мастер-классы, беседы с действующими предпринимателями («Кафе предпринимательства» – «встреча без галстуков»). В рамках этих встреч студенты имеют возможность узнать истории успеха состоявшихся предпринимателей, ознакомиться с их опытом, получить практические советы и рекомендации, а также получить личный мотивационный заряд, убедиться в реальной возможности предпринимательского жизненного пути. Важнейшее

содержание данного этапа – возможность «живого» общения с предпринимателями, ведущими специалистами и инвесторами региона, федерального округа.

2. Обучающие мероприятия и программы по развитию предпринимательских компетенций с доработкой проектов и возможностью получения профессиональных консультаций экспертов. В октябре 2017 г. в Кемеровском государственном университете состоялась первая сессия образовательно-тренинговой программы «Предпринимательский вызов». Ее участники прошли практико-ориентированное обучение в активных формах по таким ключевым направлениям, как маркетинг и продажи, управление проектом, финансовый менеджмент, получение государственной поддержки и т. п. После этого участники разрабатывают свой проект и презентуют его перед экспертами, в первую очередь действующими предпринимателями. Таким образом, речь идет не просто об обучении тем или иным компетенциям, а о генерации, тестировании и презентации предпринимательской идеи, причем на основе работы в команде.

Кроме того, проводится обучение профессорско-преподавательского состава, участвующего в работе школы технологического предпринимательства «Инсайт». В октябре 2017 г. сотрудники Кемеровского государственного университета участвовали в обучающем тренинге «Развитие инновационной экосистемы и технологического предпринимательства в университете».

3. Конкурсы проектов на право получения финансирования (конкурс «10К. Идеи для жизни»), в декабре 2017 г. поддержку получили шесть студенческих проектов в сфере биотехнологий и цифровой экономики. Наряду с этим команда Кемеровского государственного университета участвует в программе «Преактум» «Рыбаков Фонда». Цель конкурса – предоставить финансирование наиболее значимым и проработанным проектам, помочь превратить идею в бизнес.

Таким образом, школа «Инсайт» предполагает инициирование и поддержку активности обучающихся, начиная от создания начальной заинтересованности в предпринимательской деятельности, возможности ознакомления с опытом состоявшихся предпринимателей, продолжая обучением по профильным компетенциям предпринимателя, вплоть до создания собственных проектов и получения поддержки для их реализации (см. рисунок 1). Как видно из представленной структурно-логической схемы, развитие технологического предпринимательства начинается с появления у студентов информации о нем как таковом, возникновения мыслей о возможности самому заняться инновационным бизнесом. Здесь важно поддержать эту стихийно возникающую активность, вовлечь обучающихся опорного университета в экосистему инновационного предпринимательства. Массовость важна, поскольку путь предпринимателя, тем более в технологической сфере, весьма сложен, поэтому отсев на разных этапах будет достаточно велик.

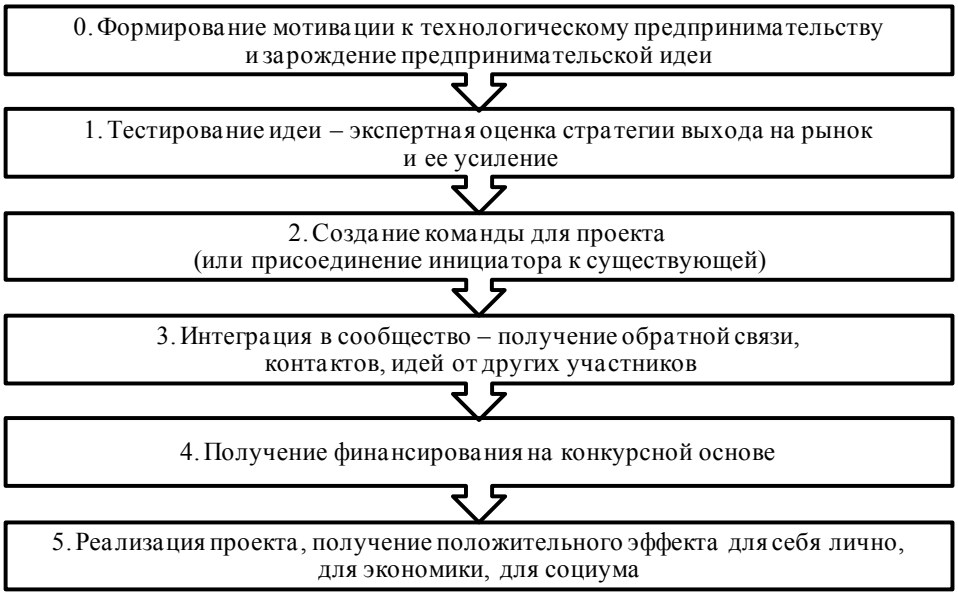

Рис. 1. Структурно-логическая последовательность реализации технологического предпринимательства на базе Кемеровского государственного университета (школы технологического предпринимательства «Инсайт»)
Fig. 1. Structural-logical sequence of realization of technological entrepreneurship on the basis of the Kemerovo State University (the school of technological entrepreneurship "Insight")

Ретроспектива опыта реализации проекта развития технологического предпринимательства Кемеровского государственного университета на базе школы «Инсайт» не насчитывает еще и полугода, поэтому затруднительно оценить даже предварительные результаты. Однако нельзя не согласиться с тем, что в перспективе необходима более четкая и целенаправленная ориентация технологического предпринимательства на повестку диверсификации моногородов. Основой данного процесса является формирование

адекватной инновационной экосистемы, объединяющей заинтересованные стороны и способствующей продуктивной реализации инновационно-предпринимательских компетенций.

Построение инновационных экосистем с университетом в качестве ядра (что соответствует идее создания опорных вузов) рассматривалось в работах А. Ю. Яковлевой [9; 10]. Однако при этом не учитывались необходимость интеграции опорного университета в экономическое пространство региона, а также интересы монопрофильных муниципальных образований как полноправных участников. Принимая во внимание данные обстоятельства, автором предлагается следующая модель инновационной экосистемы, способствующей формированию предпринимательских компетенций у обучающихся опорного университета (рис. 2).

Рис. 2. Инновационная экосистема развития технологического предпринимательства в опорном университете Кемеровской области
Fig. 2. Innovative ecosystem of development of technological entrepreneurship in the basic university of the Kemerovo region

Данные рисунка 2 подчеркивают, что продуктивная инновационная экосистема в регионе с преобладанием моногородов предполагает вовлечение последних в качестве активных участников – заказчиков, поставщиков ресурсов (в том числе человеческих), потребителей новых технологий, разработанных предпринимателями. Безусловно, монопрофильные муниципальные образования должны также взаимодействовать с регионом и институтами развития различных уровней. Поэтому в перспективе сложившуюся инновационную экосистему «вуз – инноваторы – инвестор – стартапы» необходимо расширять на базе вовлечения региональных стейкхолдеров. Это позволит интегрировать инновационную инфраструктуру и, самое главное, создаваемые с ее помощью технологические стартапы в социально-экономическое пространство региона, монопрофильных муниципальных образований.

Разработка специфичной для региона с преобладанием моногородов инновационной экосистемы технологического предпринимательства позволяет расширить и уточнить особенности и задачи данной деятельности применительно к Кемеровскому государственному университету. В определенной степени данные положения могут быть использованы другими опорными университетами регионов с преобладанием моногородов (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Челябинская область и Петрозаводский государственный университет, Республика Карелия).

Во-первых, в опорных университетах регионов с преобладанием моногородов рационально вовлекать в систему обучения и поддержки технологического предпринимательства сами монопрофильные муниципальные образования и профильные институты их развития (Фонд развития моногородов и др.). Такая интеграция может происходить в разных формах: участие в процессе обучения студентов, выступления и мастер-классы, позволяющие связать проблемы монопрофильных муниципальных образований и потенциал развития технологического предпринимательства, учреждение конкурсов по поддержке проектов, имеющих значение для диверсификации экономики моногорода, совместный научно-технический форсайт по прогно-

зированию технологических инициатив в интересах моногорода.

Кроме того, целесообразно непосредственное взаимодействие монопрофильных муниципальных образований и институтов развития с обучающимися, заинтересованными в развитии собственных инновационных проектов на своей малой Родине. Им может быть предоставлена различная поддержка при условии полезности проекта для диверсификации экономики моногорода. Таким образом, монопрофильные муниципальные образования и другие стейкхолдеры могут вовлекаться практически по всем этапам системы развития технологического предпринимательства.

Во-вторых, учитывая, что технологическое предпринимательство во многом опирается на накопленные научно-технический задел, новые знания и компетенции, которые уже имеет опорный университет, целесообразен совместный мониторинг и поиск научных решений, значимых для диверсификации экономики моногорода. Имеется в виду анализ научного задела университета в контексте научно-технических задач развития тех или иных видов экономической деятельности, проблем отраслей и предприятий, потенциальных новых проектов на территории монопрофильного муниципального образования. При наличии «точек пересечения» целесообразно ставить вопрос о реализации тех или иных предпринимательских технологических проектов с привлечением уже не только студентов, но и сотрудников, профессорско-преподавательского состава опорного университета.

В-третьих, представляется, что технологическое предпринимательство необходимо развивать не только на уровне головного вуза, который как раз расположен в городском округе, не являющимся моногородом, но и в филиалах Кемеровского государственного университета – Новокузнецком, Беловском, Анжеро-Судженском. Филиалы в этих моногородах при поддержке и координации со стороны головного вуза могут стать центрами генерации новых проектов в сфере технологического предпринимательства, тесно связанных с актуальными направлениям диверсификации муниципального образования.

Таким образом, задачи развития технологического предпринимательства в опорном университете региона с преобладанием моногородов можно дополнить следующим образом:

1. Запуск успешных технологических стартапов, ориентированных на диверсификацию экономики монопрофильных муниципальных образований Кемеровской области.

2. Реализация накопленного научно-технического задела в целях содействию диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований.

3. Развитие человеческого капитала монопрофильных муниципальных образований в сфере технологического и инновационного предпринимательства.

Потенциальные направления развития технологических предпринимательских инициатив, связанные с преодолением монозависимости отдельных городов Кемеровской области, в укрупненном виде представлены в таблице.

Таким образом, даже предварительный анализ показывает наличие определенных «точек пересечения» научно-технического задела Кемеровского государственного университета и потребностей диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований. Хотя далеко не все возможные комбинации перспективны и реализуемы, существует серьезный потенциал для создания технологических стартапов, непосредственно влияющих на уход Кемеровской области и ее муниципальных образований от угольно-металлургической монозависимости.

Таблица. Потенциальные направления технологического предпринимательства в моногородах на основе научного задела Кемеровского государственного университета
Table. Potential directions of technological entrepreneurship in single-industry towns on the basis of the scientific reserve of the Kemerovo State University

Отдельные приоритетные для диверсификации виды экономической деятельности (на примере территорий опережающего социально-экономического развития – Юргинский, Анжеро-Судженский городской округа)	Компоненты научно-технического задела Кемеровского государственного университета
− Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях. − Рыболовство и рыбоводство. − Производство пищевых продуктов. − Производство безалкогольных напитков; производство минеральных вод и прочих питьевых вод в бутылках.	− Разработки по транспортировке пищевых продуктов на дальние расстояния, производству биоцидов для пищевой промышленности, сельского хозяйства. − Разработки по увеличению производства продукции растениеводства в различных почвенно-климатических зонах региона.
− Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях.	− Разработки в области материаловедения, создания перспективных энергетических материалов.
− Производство компьютеров, электронных и оптических изделий.	− Разработка композитных функциональных наноматериалов для электроники.

Литература

1. Гоник И. Л., Юрова О. В., Текин А. В., Стегачев Е. В., Фетисов А. В. Модернизация системы управления как инструмент развития регионального опорного университета // Высшее образование в России. 2016. № 7. С. 117–126.
2. Овчинникова Н. Э. Формирование опорных университетов как драйверов развития территорий // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. №4. С. 41–52.
3. Департамент инвестиций и стратегического развития Кемеровской области. Моногорода. Режим доступа: http://dep.keminvest.ru/menu/deyatelnost/mono_sity.php (дата обращения: 22.12.2017).
4. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, 2010. 519 с.
5. Антонова И. С. Динамический подход к оценке процесса диверсификации экономики моногорода // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 3. С. 431–441.
6. Иванова О. П., Антонов Г. Д. ТОСЭР в моногородах // ЭКО. 2017. № 3. С. 120–133.
7. Хандрамай А. А. Технологическое предпринимательство России: экономическая роль, особенности развития, механизмы активизации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-1. С. 475–482.
8. Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры создания инноваций». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол № 9 от 25 октября 2016 г. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf (дата обращения: 23.12.2017).
9. Яковлева А. Ю. Факторы и модели формирования и развития инновационных экосистем: дис. ... канд. экон. наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, 2012. 244 с.
10. Волкова И. О., Яковлева А. Ю. Диагностика условий развития инновационных экосистем в энергетике // Инновации. 2017. № 10. С. 52–60.

TEACHING TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP AT THE FLAGSHIP UNIVERSITY OF A MONOTOWN-DOMINATED REGION

Irina V. Korchagina[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *korchagina-i@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: one-industry town, traditional industrial region, technological entrepreneurship, innovation ecosystem, supporting university.

Abstract: Development of technological entrepreneurship is one of the strategic priorities of Russia's core universities. A number of universities in the country have already accumulated a certain experience in teaching technology entrepreneurship. Formation of basic universities as centers of strategic development of the region and its single-industry towns requires the development of new approaches to training in technological entrepreneurship. The article deals with the mechanism of constructing an innovative ecosystem that promotes the formation of entrepreneurial competencies in the students of the supporting university. The research is based on the case of the Kemerovo region and features the main characteristics and tasks of the system of teaching technological entrepreneurship in its flagship university, taking into account the strategy and key problems of the region. The paper reveals the key features of teaching technological entrepreneurship in regions with a predominance of mono-profile municipal entities. It introduces potential directions of development of technological entrepreneurial initiatives related to overcoming the mono-dependence of the cities of the Kemerovo region. The results can be used in teaching technological entrepreneurship for the benefit of single-industry towns, as well as in compiling municipal order for educational services.

For citation: Korchagina I. V. Formirovanie sistemy obucheniia tekhnologicheskomu predprinimatel'stvu v opornom universitete regiona s preobladaniem monogorodov [Teaching Technological Entrepreneurship at the Flagship University of a Monotown-Dominated Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 99–105. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-99-105.

References

1. Gonik I. L., Iurova O. V., Tekin A. V., Stegachev E. V., Fetisov A. V. Modernizatsiia sistemy upravleniia kak instrument razvitiia regional'nogo opornogo universiteta [Modernization of the management system as a tool for the development of a regional core university]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia,* no. 7 (2016): 117–126.

2. Ovchinnikova N. E. Formirovanie opornykh universitetov kak draiverov razvitiia territorii [Formation of supporting universities as drivers of development of territories]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: practice and analysis*, 21, no. 4 (2017): 41–52.

3. *Departament investitsii i strategicheskogo razvitiia Kemerovskoi oblasti. Monogoroda* [Department of Investments and Strategic Development of the Kemerovo Region. Monocities]. Available at: http://dep.keminvest.ru/menu/deyatelnost/mono_sity.php (accessed 22.12.2017).

4. Turgel' I. D. *Monofunktsional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniia k ustoichivomu razvitiiu* [Monofunctional cities of Russia: from survival to sustainable development]. Ekaterinburg: Ural'skaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby, 2010, 519.

5. Antonova I. S. Dinamicheskii podkhod k otsenke protsessa diversifikatsii ekonomiki monogoroda [A dynamic approach to assessing the process of diversifying the economy of a single-industry city]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National interests: priorities and security*, 13, no. 3 (2017): 431–441.

6. Ivanova O. P., Antonov G. D. TOSER v monogorodakh [Territories of advanced socio-economic development in single-industry towns]. *EKO = Economics and organization of production*, no. 3 (2017): 120–133.

7. Khandramai A. A. Tekhnologicheskoe predprinimatel'stvo Rossii: ekonomicheskaia rol', osobennosti razvitiia, mekhanizmy aktivizatsii [Technological entrepreneurship in Russia: economic role, features of development, mechanisms for revitalization]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*, no. 8-1 (2017): 475–482.

8. *Pasport prioritetnogo proekta «Vuzy kak tsentry sozdaniia innovatsii»* [The passport of the priority project "Universities as centers of innovation"]. Approved by the presidium of the Council under the President of the Russian Federation for strategic development and priority projects, protocol No. 9 of October 25, 2016. Available at: http://static.government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf (accessed 23.12.2017).

9. Iakovleva A. Iu. *Faktory i modeli formirovaniia i razvitiia innovatsionnykh ekosistem*. Diss. kand. econ. nauk [Factors and models for the formation and development of innovative ecosystems. Cand. econ. Sci. Diss.]. National Research University "Higher School of Economics". Moscow, 2012, 244.

10. Volkova I. O., Iakovleva A. Iu. Diagnostika uslovii razvitiia innovatsionnykh ekosistem v energetike [Diagnostics of the conditions for the development of innovative ecosystems in the energy sector]. *Innovatsii = Innovations,* no. 10 (2017): 52–60.

УДК 332.12

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В МОНОГОРОДАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Ольга В. Ларченко[1, @]

[1] *Петрозаводский государственный университет, 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33*
[@] *olgalar2@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: инвестиционный климат, территория опережающего социально-экономического развития, особая экономическая зона, моногород, резидент территории опережающего социально-экономического развития.

Аннотация: В настоящее время в Российской Федерации осуществляется переход к новой модели пространственного развития российской экономики, в том числе через создание территорий опережающего социально-экономического развития. Создание таких территорий с особым режимом началось с Дальневосточного федерального округа. В 2014 г. инициатива по созданию территорий опережающего социально-экономического развития распространилась и на моногорода. Главной целью их создания является развитие на территории моногорода бизнеса, не связанного с градообразующим предприятием. Для Республики Карелия вопросы, связанные с моногородами, являются актуальными. На территории республики находятся одиннадцать моногородов, из которых в двух созданы территории опережающего социально-экономического развития – «Надвоицы» и «Кондопога». Цель статьи – дать оценку функционирования территорий опережающего социально-экономического развития и их влияния на развитие региона, а также выявить проблемы и разработать предложения по их устранению. При написании статьи использовались такие общенаучные методы и приемы, как индукция и дедукция, синтез, сравнительный и сопоставимый анализ. В статье раскрыты особенности и роль территорий опережающего социально-экономического развития в экономическом развитии страны и региона, в частности, на примере Республики Карелия. Выявлены и определены проблемы дальнейшего развития территорий опережающего развития, предложен ряд конкретных мер по повышению эффективности функционирования территорий опережающего социально-экономического развития.

Для цитирования: Ларченко О. В. Функционирование территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах: проблемы и перспективы (на примере Республики Карелия) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 106–113. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-106-113.

Территории опережающего социального экономического развития (ТОСЭР) можно отнести к новому этапу модернизации российской экономики. В проекте Концепции «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года» одной из задач указано «содействие повышению конкурентоспособности российской экономики на основе ее инновационной модернизации с учетом современных факторов размещения производительных сил, широкого арсенала форм ее пространственной организации (кластеры, ТОР, ОЭЗ и др.), а также на основе задействования потенциала макрорегионов и агломерационного развития» [1]. Пространственная трансформация призвана способствовать устойчивому социально-экономическому развитию, обеспечить достижение стратегических целей социально-экономического развития регионов и страны в целом [2]. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» речь идет «о переходе к новой модели пространственного развития российской экономики, в том числе «формирование новых центров социально-экономического развития, опирающихся на развитие энергетической и транспортной инфраструктуры, и создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территории» [3]. Также в Концепции говорится «о сокращении дифференциации уровня и качества жизни на территории России с помощью мер социальной и региональной политики» [3].

Создание ТОСЭР в Российской Федерации началось по инициативе Президента РФ В. В. Путина. В Послании Федеральному Собранию от 12.12.2013 он предложил «создать на Дальнем Востоке и Восточной Сибири сеть специальных территорий с особыми условиями для организации несырьевого производства, ориентированного, в том числе, и на экспорт» [4].

В 2015 г. на территории Дальневосточного федерального округа были созданы 9 ТОСЭР на 20 инвестиционных площадках в 6 субъектах Российской Федерации: в Хабаровском крае – ТОР «Комсомольск», ТОР «Хабаровск», в Приморском крае – ТОР «Надеждинская», ТОР «Михайловский», Амурской обла-

сти – ТОР «Приамурская», ТОР «Белогорск», Камчатском крае – ТОР «Камчатка», Республике Саха (Якутия) – ТОР «Индустриальный парк «Кангалассы», Чукотский автономный округ – ТОР «Беринговский». В настоящее время на Дальнем Востоке создано 18 таких территорий, на которых осуществляют деятельность 192 резидента, общий объем инвестиций – 2 трлн 132 млрд 43 млн рублей.

Правовой режим функционирования ТОСЭР и меры их государственной поддержки определены федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития». В соответствии с этим законом такой территорией является «часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития, создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения» [5].

Основополагающая идея ТОСЭР состоит в предоставлении преференций инвесторам. В отличие от существующих особых экономических зон и зон территориального развития ТОСЭР создаются под конкретного крупного инвестора, заключающего с уполномоченным федеральным органом предварительное соглашение, определяющего виды планируемой экономической деятельности, объем инвестиций и количество создаваемых рабочих мест. Создание ТОСЭР призвано снизить себестоимость производства, активизировать инфраструктурное обустройство территории, упростить взаимодействие бизнеса и власти [6].

В 2014 г. инициатива по созданию ТОСЭР распространилась и на моногорода. Главной целью создания ТОСЭР является развитие на территории моногорода бизнеса, не связанного с градообразующим предприятием. Отдельным направлением масштабного преобразования моногорода является развитие городской среды. В настоящее время в перечне – 319 моногородов, которые распределены по трем категориям: категория 1 – моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций) – 94, категория 2 – моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения – 149, категория 3 – моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией – 71.

На 11.12.2017 создано 30 ТОСЭР на территории 27 субъектов РФ, 7 федеральных округов, в которых осуществляют деятельность 78 резидентов.

Таблица. Моногорода, в которых созданы территории опережающего социально-экономического развития
Table. Monotowns with territories of advanced social and economic development

Федеральные округа	Субъект РФ	Моногорода	ВРП, млрд руб.	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Численность населения, тыс. человек
Северо-Западный ФО – 4			6790,1	490,3	13843,6
	Вологодская область		468,8	394,1	1191,0
		Череповец			
	Мурманская область		390,4	510,8	766,3
		Кировск			
	Республика Коми		523,2	607,9	864,4
		Ема			
	Республика Карелия		211,1	334,5	632,5
		Надвоицы			
Сибирский ФО – 6			6751,9	349,5	19312,1
	Забайкальский край		248,8	229,3	1087,5
		Краснокаменск			
	Иркутская область		1013,5	419,9	2414,9
		Усолье-Сибирское			
	Кемеровская область		842,6	309,6	2725,0
		Юрга			
		Анжеро-Судженск			
	Республика Бурятия		204,2	208,7	978,5
		Селенгинск			
	Республика Хакасия		171,7	320,1	537,7
		Абаза			

Федеральные округа	Субъект РФ	Моногорода	ВРП, млрд руб.	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Численность населения, тыс. человек
Северо-Кавказский ФО – 1			1704,3	175,9	9659,0
	Республика Дагестан		559,7	186,6	2990,4
		Каспийск			
Приволжский ФО – 11			9916,1	333,9	29715,5
	Кировская область		276,5	212,7	1304,3
		Вятские Поляны			
	Оренбургская область		774,9	387,4	2001,1
		Новотроицк			
	Пермский край		1048,0	397,6	2637,0
		Чусовой			
	Республика Башкортостан		1317,4	323,5	4072,0
		Белебей			
		Кумертау			
	Республика Мордовия		187,4	231,9	808,92
		Рузаевка			
	Республика Татарстан		1833,2	474,7	3855,0
		Набережные Челны			
	Самарская область		1240,3	386,5	3206,0
		Тольятти			
	Саратовская область		562,3	225,4	2469,9
		Петровск			
	Удмуртская Республика		497,7	328,0	1517,3
		Сарапул			
	Ульяновская область		301,4	238,8	1262,5
		Димитровград			
Уральский ФО – 3			8980,4	730,6	12275,9
	Свердловская область		1779,4	411,1	4327,5
		Краснотурьинск			
	Челябинская область		1170,3	334,5	3497,3
		Бакал			
		Верхний Уфалей			
Центральный ФО – 4			22713,9	581,9	38951,5
	Калужская область		334,8	331,5	1010,5
		Сосенский			
	Рязанская область		316,1	279,0	1135,4
		Лесной			
	Смоленская область		257,1	267,3	964,8
		Дорогобуж			
	Ярославская область		432,0	339,7	1271,6
		Тутаев			
Южный ФО – 1			4590,6	281,1	14003,8
	Ростовская область		1171,8	276,4	4242,1
		Гуково			

Наибольшее количество ТОСЭР создано в Приволжском (11) и Сибирском (6) федеральных округах. Среди этих моногородов есть город Тольятти, где уже с 2010 г. функционирует особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Тольятти». Эта особая экономическая зона в 2017 г. отмечена в ежегодном глобальном рейтинге «Свободные экономические зоны – 2017» по версии авторитетного международного журнала fDI, входящего в группу Financial Times в номинации «Потенциальные конкуренты». На территории Тольятти действует технопарк «Жигулевская долина», созданы индустриальные парки «Тольяттисинтез», ВЦМ, АвтоВАЗ. В настоящий момент в Тольятти в работе находятся 20 проектов отечественных и иностранных компаний на общую сумму инвестиций свыше 2,1 млрд рублей, будет создано более 1000 рабочих мест [7]. В мае 2017 г. Правительство Самарской области внесло изменения в нормативные документы, направленные на стимулирование инвестиционной деятельности резидентов: сокращен перечень документов, обязательных к предоставлению, упрощение требований к бизнес-плану, др. В г. о. Тольятти ключевая ставка делается на развитие города как «Инжинирингового центра России». Отдельным направлением масштабных преобразований является развитие городской среды [7].

В Республике Карелия – одиннадцать моногородов, из которых шесть отнесены к 1 категории списка монопрофильных муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением (Суоярвское городское поселение, Кондопожское городское поселение, Муезерское городское поселение, Надвоицкое городское поселение, Питкярантское городское поселение, Пудожское городское поселение), и пять – к 2 категории, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения (Сегежское городское поселение, Пиндушское городское поселение, Городской округ город Костомукша, Лахденпохское городское поселение, Вяртсильское городское поселение).

Моногорода Карелии сильно дифференцированы по уровню социально-экономического развития, комфортности проживания, численности и составу населения, степени зависимости экономики, социальной сферы, функционирования объектов жизнеобеспечения от деятельности градообразующего предприятия. В г. Кондопога (3,3 %) и пгт Надвоицы (4,5 %) сохраняется максимальный уровень безработицы, который в разы превышает общероссийский показатель.

Пгт Надвоицы находится в 300 км от г. Петрозаводска – столицы Республики Карелия, в 20 км от административного центра Сегежского района – г. Сегежа. В пгт Надвоицы градообразующим предприятием является Надвоицкий алюминиевый завод (филиал «НАЗ-СУАЛ», АО «Сибирско-Уральская Алюминиевая компания»), основанный в 1954 г. Численность населения, постоянно проживающего в пгт Надвоицы, сокращается. За последние 5 лет численность населения сократилась более чем на 2 тыс. человек. В 2015 г. объем доходной части бюджета на 1 жителя в Надвоицы составил 3,1 тыс. рублей. Кроме того, наблюдается серьезная угроза экологической обстановки из-за наличия объектов с высоким уровнем воздействия на окружающую среду [8]. Градообразующее предприятие сокращает производство, высвобождаются промышленные площади, уменьшается количество работающих. Фактическую финансовую ответственность за социально-экономическое положение моногорода АО «Сибирско-Уральская Алюминиевая компания» не несет. В пгт Надвоицы наблюдается социальная напряженность и ухудшение демографической ситуации [8].

С 2015 г. в рамках Соглашения между Правительством Республики Карелия и Фондом развития моногородов осуществляется строительство промышленного парка «Надвоицы» площадью 17,4 га. Общая стоимость строительства инфраструктуры – 255,1 млн рублей. В 2016 г. в бюджет Республики Карелия поступили средства от Фонда развития моногородов в сумме 131,7 млн рублей. Соинициатором проекта является администрация Надвоицкого городского поселения. К 2020 г. планируется обеспечить создание 484 рабочих мест и привлечь около 2 млрд рублей инвестиций на территорию промышленного парка [8].

В сентябре 2016 г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.09.2016 № 940 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Надвоицы» статус территории опережающего социально-экономического развития получил пгт Надвоицы – первый из моногородов в Карелии и восьмой в Российской Федерации. Для данной территории постановлением определены «пять направлений деятельности: производство текстильных изделий, производство прочей неметаллической минеральной продукции, производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, деятельность по предоставлению мест для временного проживания, деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков». Установлены минимальный размер капитальных вложений резидента, осуществляемых в рамках инвестиционного проекта (5 млн руб.) и минимальное количество новых постоянных рабочих мест, созданных в рамках инвестиционного проекта (20 единиц) [10].

В апреле 2017 г. на этой территории уже зарегистрирован первый резидент – ООО «Русский радиатор», который занимается производством алюминиевых радиаторов. ООО «Русский радиатор» является совместным предприятием «Русала» и «Элсо группы». Производство радиаторов организовано на промышленной площадке Надвоицкого алюминиевого завода. В 2017 г. завершены основные строительно-монтажные работы, завершаются работы по монтажу, автоматизации и пусконаладке инфраструктурных объектов проекта. К 1 марта 2018 г. планируется выход на полную мощность. Резидент предполагает производить 4 млн секций ежегодно и создать 123 новых рабочих места. Алюминиевые радиаторы будут поставляться на внутренний рынок России и стран СНГ. Сейчас стоимость проекта составила 883 млн рублей, в том числе капитальные вложения – 781 млн рублей.

Надвоицкий алюминиевый завод может обеспечить резидентов ТОСЭР энергоресурсами, инфраструктурой, кадрами. В перспективе в пгт Надвоицы должен появиться природный газ – между Республикой Карелия и компанией «Газпром» достигнута договоренность о проектировании и прокладке газопровода в Сегежском районе.

В составе Надвоицкого алюминиевого завода работает Ондская ГЭС мощностью 80 МВт. Надвоицкий алюминиевый завод потребляет только 27 МВт, что позволяет предложить инвесторам уникальные условия. Резиденты ТОСЭР «Надвоицы» могут получать электроэнергию по сетям высокого напряжения по цене, которая в два с лишним раза ниже, чем в целом по Республике Карелия, не выше 4 рублей за кв/ч.

В Надвоицах есть еще два потенциальных резидента: ООО «Пеностек Норд», которое предполагало заниматься выпуском домокомплектов из пеностекла, и компания «Кареллегпром» (производство чулочно-носочных изделий). Они должны разместиться в промышленном парке, который создается в границах Надвоицкого городского поселения. Еще в 2014 г. между Республикой Карелия и ООО «Пеностек Норд» было заключено соглашение о намерениях взаимодействия по реализации инвестиционных проектов, но сроки реализации проектов и количественные показатели не установлены. В настоящее время деятельность этими предприятиями не ведется [8].

Таким образом, благоприятные условия для резидентов ТОСЭР «Надвоицы» созданы: есть инфраструктурная обеспеченность, обеспеченность электроэнергией и ее более низкая цена по сравнению с другой территорией, наличие квалифицированных кадров, льготный режим налогообложения, связанный с особым статусом территории, особое внимание со стороны федеральной и республиканской власти к этому проекту.

Но резиденты не спешат приходить на территорию и заниматься разрешенными видами деятельности. Это можно объяснить наличием слабых сторон пгт Надвоицы и Республики Карелия с точки зрения инвестиционной привлекательности. Это и высокий физический и моральный износ основных фондов, слабо и неравномерно развитая транспортная инфраструктура, высокие издержки производства в условиях северной экономики, естественная убыль населения, низкая заработная плата, дефицит республиканского и местных бюджетов. Кроме этого, существуют угрозы улучшению инвестиционного климата: конкуренция со стороны соседних регионов Российской Федерации (например, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область), угроза импортной зависимости от иностранного оборудования, от привозного сырья, недостаточность кредитных ресурсов у кредитных организаций и их нежелание кредитовать рискованные проекты [11]. В качестве предложения можно расширить перечень видов деятельности, разрешенных к осуществлению на территории, но некоторые из них, например производство пищевых продуктов, будет невозможным из-за вредного производства на алюминиевом заводе.

В конце декабря 2017 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 22.12.2017 № 1608 создана еще одна территория опережающего социально-экономического развития «Кондопога». На этой территории могут осуществляться шесть видов деятельности: производство пищевых продуктов, обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, производство прочей неметаллической минеральной продукции, обработка вторичного неметаллического сырья, деятельность по предоставлению мест для временного проживания, деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков. Резиденты данной территории должны создать минимальное количество рабочих мест – 10, осуществить объем капитальных вложений – 2,5 млн рублей. Всего планируется привлечь инвестиции в объеме более 3 млрд рублей [12].

Кондопога – административный центр Кондопожского района – находится в 50 км от г. Петрозаводска. Кондопога является вторым городом в республике по численности населения – более 31000 человек. Градообразующее предприятие – Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат (ОАО «Кондопога») – в настоящее время в стадии банкротства, но работа на комбинате продолжается: в сутки выпускается почти 2 тонны газетной бумаги [13].

Предполагается, что якорным резидентом ТОСЭР «Кондопога» в первом полугодии 2018 г. станет ООО «Рыботорговая сеть» по переработке рыбы. Планируется создать 95 рабочих мест и осуществить инвестиции в объеме 1 млрд рублей. Также подписаны еще несколько рамочных соглашений по созданию камнеобрабатывающей компанией, завода по изготовлению базальтового волокна, деревообрабатывающего предприятия, организации производства травмобезопасных покрытий из использованных автомобильных шин большегрузных автомобилей [13]. Скорее всего, в Кондопоге будет такая же ситуация с резидентами, что и в пгт Надвоицы.

В целом пока рано говорить о результатах деятельности ТОСЭР и их влиянии на экономику моногородов и регионов, но следует выделить некоторые проблемы, связанные с ними:

− статус резидента дается с момента включения его в реестр Минэкономразвития РФ, но между моментом утверждения и моментом включения в реестр может пройти несколько месяцев. И может получиться так, что инвестиции осуществлены, рабочие места созданы, но они не подпадают под требования территории опережающего социально-экономического развития;

− ТОСЭР считается действительной, пока есть хоть один резидент. Если резидент не начинает деятельность, то территория закрывается. Кроме того, при истечении срока действия льгот местные резиденты покинут территорию, а иностранные или резиденты из других российских регионов останутся, воспользовавшись правом на аренду земли;

− в законодательстве нет жестких требований по экологии, следовательно, привлечь резидента к ответственности при нарушении экологического законодательства будет сложно;

− в законе установлены ограничения по количеству иностранной рабочей силы, но резиденты не должны получать разрешение на их привлечение. Из моногоро-

дов уезжают квалифицированные сотрудники, а приезжают представители ближнего зарубежья и сельской местности, молодежь уезжает и не возвращается;

− предприятия, функционирующие на территории региона, не смогут конкурировать со своими аналогами на территориях опережающего социально-экономического развития;

− уменьшение поступлений в местный бюджет, так как действуют преференции по налогу на прибыль (5 % в первый год, 10 % в последующие годы), земельному налогу (0 %), налогу на имущество (0 %), страховым взносам (7,6 %), а доля собственных доходов в доходной части бюджета моногородов и так невелика. Пополнение бюджета будет происходить только за счет НДФЛ.

− большая зависимость инвестиционных проектов, планируемых на ТОСЭР, от федерального центра.

Подводя итог, следует сказать, что необходимо осуществлять модернизацию моногородов, так как их социально-экономический потенциал велик. Для того чтобы его реализовать в полной мере, необходимо диверсифицировать экономику, создать условия для привлечения инвестиций и развития бизнеса, создать новые рабочие места, сделать комфортным для жизни населения. Всему этому могут способствовать ТОСЭР. Но в каждом регионе необходимо разработать и утвердить стратегический документ по развитию территорий опережающего социально-экономического развития. Кроме того, необходимо расширить перечень видов деятельности ОКВЭД, разработать механизм заинтересованности людей жить и работать в дальневосточных и северных регионах, решения других социальных вопросов.

Литература

1. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года (Проект) Режим доступа: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 10.12.2017).

2. Балашова С. П., Сиротенко М. В. Территории опережающего развития как пространственная трансформация социально-экономической системы региона // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 10. С. 179–182. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/territorii-operezhayuschego-razvitiya-kak-prostranstvennaya-transformatsiya-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemy-regiona (дата обращения: 05.01.2018).

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212832&fld=134&dst=100007,0&rnd=0.07912278297568798#0 (дата обращения: 10.12.2017).

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=155646&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3959441290440444#0 (дата обращения: 10.12.2017).

5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287028&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5140566695391693#0 (дата обращения: 15.12.2017).

6. Заусаев В. К., Бурдакова Г. И., Кручак Н. А. Территории опережающего развития: работа над ошибками // ЭКО. 2015. № 2. С. 76–86. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=22885011 (дата обращения: 15.01.2018).

7. Гусева М. С., Габбасова Ю. Р. Ограничения и новые возможности для развития моногородов в условиях новой экономической реальности (на примере г. о. Тольятти Самарской области) // Электронный научно-практический журнал Региональное развитие. 2017. № 4. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-i-novye-vozmozhnosti-dlya-razvitiya-monogorodov-v-usloviyah-novoy-ekonomicheskoy-realnosti-na-primere-g-o-tolyatti (дата обращения: 25.12.2017).

8. Бюллетень Счетной Палаты Российской Федерации. 2017. № 3 Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/#892 (дата обращения: 18.01.2018).

9. Галиуллина Г. Ф. Актуальные вопросы о создании территорий опережающего развития // Современные научные исследования: теоретический и практический аспект: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 34–37. Режим доступа: https://os-russia.com/SBORNIKI/KON-96-1.pdf#page=34 (дата обращения: 20.12.2017).

10. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Надвоицы». Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2016 № 940. Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=204801&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8997845635054635#0 (дата обращения: 05.01.2018).

11. Об утверждении инвестиционной стратегии Республики Карелия на период до 2025 года. Распоряжение Главы Республики Карелия от 20 августа 2015 № 290-р. Режим доступа: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW904&n=43860#07631894808684295 (дата обращения: 16.01.2018).

12. О создании территории опережающего социально-экономического развития «Кондопога» (Республика Карелия). Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2017 № 1608. Режим доступа: http://government.ru/docs/30733/ (дата обращения: 16.01.2018).

13. Первым делом – комбинаты. Режим доступа: http://rk.karelia.ru/ekonomika/production/pervym-delom-kombinaty/ (дата обращения: 12.01.2018).

ADVANCED DEVELOPMENT ZONES IN SINGLE-INDUSTRY URBAN SETTLEMENTS: PROBLEMS AND PROSPECTS (THE CASE OF THE REPUBLIC OF KARELIA)

Olga V. Larchenko[1, @]

[1] *Petrozavodsk State University, 33, Lenina Ave., Petrozavodsk, Russia, 185910*
[@] *olgalar2@mail.ru*

Received 22.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: investment climate, the advanced development zones, special economic zone, monociti, resident of advanced development zones.

Abstract: The Russian Federation is currently moving to a new model of spatial development of its economy, also by creating areas of advanced social and economic development. The Far Eastern Federal District was the first in establishing of such special regime territories. In 2014, the process spread to single-industry urban settlements. In this case, the main purpose is to develop business enterprises not connected with the town-forming enterprise. For the Republic of Karelia, issues related to monotowns cities are relevant. On the territory of the republic there are eleven mononowns, and two of them contain territories of advanced development, i.e. «Nadvoitsy» and «Kondopoga». The purpose of this article is to assess the functioning of the zones of advanced development and their impact on the development of the region, as well as to identify problems and develop proposals for their elimination. The research employed such general scientific methods and techniques as induction and deduction, synthesis, comparative and comparable analysis. The article reveals the features and the role of the territories of advanced social and economic development in the economic development of the country and the region in particular, as exemplified by the Republic of Karelia. The study has identified the problems of the zones and their development. The author proposes a number of specific measures to improve the efficiency of advanced development zones.

For citation: Larchenko O. V. Funktsionirovanie territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v monogorodakh: problemy i perspektivy (na primere Respubliki Kareliia) [Advanced Development Zones in Single-Industry Urban Settlements: Problems and Prospects (the case of the Republic of Karelia)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2018): 106–113. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-106-113.

References

1. *Kontseptsiia Strategii prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda (Proekt)* [Concept of the Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030 (Draft)]. Available at: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (accessed 10.12.2017).

2. Balashova S. P., Sirotenko M. V. Territorii operezhaiushchego razvitiia kak prostranstvennaia transformatsiia sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy regiona [The territories of advanced development as a spatial transformation of the socio-economic system of the region]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of the Altai State Agrarian University*, no. 10 (2016): 179–182. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/territorii-operezhayuschego-razvitiya-kak-prostranstvennaya-transformatsiya-sotsialno-ekonomicheskoy-sistemy-regiona (accessed 05.01.2018).

3. *Kontseptsiia dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda* [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020]. Order of the Government of the Russian Federation of 17.11.2008 № 1662-r (as of 10.02.2017). Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212832&fld=134&dst=100007,0&rnd=0.07912278297568798#0 (accessed 10.12.2017).

4. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniiu ot 12.12.2013 «Poslanie Prezidenta RF Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniiu»* [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 12.12.2013 «Message of the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly»]. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=155646&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3959441290440444#0 (accessed 10.12.2017).

5. *O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii* [On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation]. Federal Law No. 473-FZ of December 29 2014. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287028&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5140566695391693#0 (accessed 15.12.2017).

6. Zausaev V. K., Burdakova G. I., Kruchak N. A. Territorii operezhaiushchego razvitiia: rabota nad oshibkami [Territories of advanced development: correction work]. *EKO = ECO*, no. 2 (2015): 76–86. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=22885011 (accessed 15.01.2018).

7. Guseva M. S., Gabbasova Iu. R. Ogranicheniia i novye vozmozhnosti dlia razvitiia monogorodov v usloviiakh novoi ekonomicheskoi real'nosti (na primere g. o. Tol'iatti Samarskoi oblasti) [Restrictions and New Opportunities for the Development of Monotowns in the New Economic Reality (on the Example of the City of Togliatti, Samara Region)]. *Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal Regional'noe razvitie = Electronic Scientific and Practical Journal Regional Development*, no. 4 (2017). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-i-novye-vozmozhnosti-dlya-razvitiya-monogorodov-v-usloviyah-novoy-ekonomicheskoy-realnosti-na-primere-g-o-tolyatti (accessed 25.12.2017).

8. *Biulleten' Schetnoi Palaty Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. Available at: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/#892 (accessed 18.01.2018).

9. Galiullina G. F. Aktual'nye voprosy o sozdanii territorii operezhaiushchego razvitiia [Topical issues of the creation of territories for advanced development]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia: teoreticheskii i prakticheskii aspekt: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern scientific research: theoretical and practical aspect: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. 2016, 34–37 Available at: https://os-russia.com/SBORNIKI/KON-96-1.pdf#page=34 (accessed 20.12.2017).

10. *O sozdanii territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia «Nadvoitsy»* [On the creation of the territory of the advanced social and economic development of «Nadvoitsy»]. Decree of the Government of the Russian Federation No. 940 of September 19 2016. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&base=LAW&n=204801&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8997845635054635#0 (accessed 05.01.2018).

11. *Ob utverzhdenii investitsionnoi strategii Respubliki Kareliia na period do 2025 goda* [On approval of the investment strategy of the Republic of Karelia for the period up to 2025]. Order of the Head of the Republic of Karelia No. 290-r of August 20 2015. Available at: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base =RLAW904&n=43860#07631894808684207 (accessed 16.01.2018).

12. *O sozdanii territorii operezhaiushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia «Kondopoga» (Respublika Kareliia)* [On the creation of the territory of the advanced social and economic development of Kondopoga (the Republic of Karelia)]. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1608 of December 22 2017. Available at: http://government.ru/docs/30733/ (accessed 16.01.2018).

13. *Pervym delom – kombinaty* [First of all – mills]. Available at: http://rk.karelia.ru/ekonomika/production/pervym-delom-kombinaty/ (accessed 12.01.2018).

УДК 332.13

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

***Галина П. Литвинцева*[1, @1], *Александр Е. Лисицин*[1, @2]**

[1] *Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20*
[@1] *litvintseva-g@mail.ru*
[@2] *030107107lis@mail.ru*

Поступила в редакцию 04.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: кластер, иерархические методы кластеризации, потенциал региона, социально-экономические показатели, Сибирский федеральный округ, Новосибирская область.

Аннотация: Для региональной экономики и для экономики страны в целом необходимо правильно оценить экономический потенциал их территорий. Ошибки или неточности, допущенные при этом, могут привести не просто к неэффективному расходованию бюджетных средств, но и к неверному выбору стратегии развития, что может обернуться потерей конкурентоспособности экономики региона, его городов и отразиться на развитии национальной экономики в целом.

Цель данной работы – дать сравнительную оценку экономического потенциала Новосибирской области и других регионов Сибирского федерального округа.

В исследовании рассмотрен социально-экономический потенциал региона как важный показатель территориального развития. Выполнена его оценка на основе индексного метода и кластерного подхода. Выбрано шесть групп показателей развития регионов Сибирского федерального округа. Применялся метод стандартизации показателей с использованием дисперсии и иерархические методы кластеризации. Выявлены кластеры Сибирского федерального округа. Проведен сравнительный анализ потенциала Новосибирской области и регионов из других кластеров.

Сравнение Новосибирской области с её соседями-представителями других, существенно отличных кластеров – Омской областью и Республикой Алтай – позволяет заключить, что Новосибирская область превосходит соседние регионы по своему экономическому потенциалу. В экономике области наиболее развиты (следовательно, наиболее перспективны для использования в качестве локомотивов регионального развития) производственная, инфраструктурная и трудовая составляющие потенциала. Остальные компоненты относительно отстают, что обуславливает необходимость обратить на них внимание со стороны органов власти и управления.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования региональной экономической политики.

Для цитирования: Литвинцева Г. П., Лисицин А. Е. Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 114–121. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-114-121.

Экономика городов подвержена влиянию внутренних и внешних факторов. Одним из внешних факторов является потенциал региона, на территории которого находится городское хозяйство [1; 2]. Действительно, выбор стратегии регионального развития и формирование планов социально-экономического развития территорий невозможны без оценки экономического потенциала региона, в процессе проведения которой учитывается влияние различных факторов – от ресурсного обеспечения и природно-географического положения до производственно-инновационных возможностей и динамики трудовых ресурсов [3–5].

Социально-экономический потенциал региона – это способность имеющихся трудовых, материально-технических, финансовых, природных и других ресурсов обеспечивать максимально возможный в данных условиях объем производства товаров и услуг в целях наиболее полного удовлетворения потребностей населения и создания условий для дальнейшего развития экономики региона.

Потенциал региона обычно является интегральным показателем. Это объясняется не только тем, что для его оценки используются данные о различных сферах хозяйственной жизни региона, но и потому, что отражает текущее состояние региональной экономики, при этом служит базой для принятия решений относительно будущего.

Основная проблема при оценке социально-экономического потенциала региона – сопоставимость данных. Частично она снимается выбором единого источника информации, что делает её сопоставимой даже при наличии системных ошибок, т. к. эти ошибки допускаются для всего массива данных. Однако есть и другой аспект этой проблемы. Показатели, используемые для расчётов, измеряются в разных величинах – рублях, процентах и т. д. Для решения этой

проблемы служит стандартизация переменных – приведение их к общему виду. Существует много способов стандартизации, в данной работе будет применяться метод стандартизации показателей, использующий дисперсию:

$$Y = \frac{(x - xm)}{D},$$

где Y – стандартизированное значение показателя,
x – начальное значение показателя,
xm – среднее значение показателя,
D – дисперсия.

Исследователи по региональной экономике часто группируют объекты по совокупности признаков, используя кластерный анализ – одно из направлений статистического исследования, позволяющее кластеризовать исследуемые объекты в соответствии с целями анализа [6; 7]. Методы кластеризации конструируются для создания однородных групп объектов или единиц, которые называются кластерами. Различные приложения кластерного анализа можно свести к четырем основным задачам:

1) разработка типологии или классификации;

2) исследование полезных концептуальных схем группирования объектов;

3) формулирование гипотез на основе исследования данных;

4) проверка гипотез или исследования для определения, действительно ли типы (группы), выделенные тем или иным способом, присутствуют в имеющихся данных.

Основной целью кластерного анализа является выделение в исходных многомерных данных однородных групп, таких, чтобы объекты внутри групп были бы близки по выбранной метрике в многомерном признаковом пространстве, а объекты из разных групп были бы удалены друг от друга. Если анализ приводит к выделению ярко выраженных изолированных групп (кластеров), то такие кластеры могут считаться качественно различными.

Основное достоинство кластерного анализа в том, что он позволяет выполнить разбиение объектов не по одному параметру, а по целому набору признаков. Кроме того, кластерный анализ, в отличие от большинства математико-статистических методов, не накладывает никаких ограничений на вид изучаемых объектов и позволяет рассматривать множество исходных данных практически произвольной природы.

Разные кластерные методы могут порождать и порождают различные решения для одних и тех же данных, поэтому желательно применять сразу несколько методов, а выводы делать на основе совокупности результатов.

Под объектами будем подразумевать конкретные предметы исследования, нуждающиеся в классификации. В данной работе объектами будут 12 регионов, входящих в Сибирский федеральный округ (СФО). Признак же представляет собой конкретное свойство объекта, например, доля реального сектора в валовом региональном продукте (ВРП).

Основой кластерного анализа является определение меры однородности (близости) объектов. Сходство или различие между классифицируемыми объектами устанавливается в зависимости от метрического расстояния между ними. Если каждый объект описывается k признаками, то он может быть представлен как точка в k-мерном пространстве, и сходство с другими объектами будет определяться как соответствующее расстояние. Расстоянием между i-м и j-м объектами в пространстве признаков называется такая величина d_{ij}, которая удовлетворяет следующим аксиомам [8, с. 96]:

– $d_{ij} \geq 0$ (неотрицательность);

– $d_{ij} = d_{ij}$ (симметрия);

– $d_{ij} + diq \geq diq$ (неравенство треугольника, здесь q – номер объекта);

– если $d_{ij} \neq 0$, то $i \neq j$ (различимость нетождественных объектов);

– если $d_{ij} = 0$, то $i = j$ (неразличимость тождественных объектов).

В исследовании будут применяться следующие меры расстояния:

квадрат евклидова расстояния:

d_{ij} =2,

манхэттенское расстояние:

$$d_{ij} = \sum_{k=1}^{m} \left| x_{ik} - x_{jk} \right|,$$

где d_{ij} – расстояние между объектами i и j;

x_{ik}, x_{jk} – значения k-ой переменной для i-го и j-го объекта соответственно.

Из множества методов кластеризации в данной работе будет применяться следующий их набор [9]:

1) метод «ближнего соседа» (метод одиночной связи – «single linkage»), суть которого – последовательное включение в состав кластера наиболее близкого к нему объекта;

2) метод «дальнего соседа» (метод полной связи – «complete linkage») включает в кластер объект, если расстояние до него не больше заданного;

3) метод Уорда («Варда, Ward's method»). Данный метод предполагает, что первоначально каждый кластер состоит из одного объекта. Сначала объединяются два ближайших кластера. Для них определяются средние значения каждого признака и рассчитывается сумма квадратов отклонений, по минимуму которой и оценивается принадлежность объекта к кластеру.

Кластеризация проводилась в программном пакете SPSS 23.

Интегральный индекс – один из видов интегральных оценок, позволяющий провести диагностику текущего состояния экономики и потенциала её развития. Расчет интегральных показателей состоит из трех этапов [10]:

1. Выбор частных индикаторов, из которых будет строиться интегральный показатель. Помимо приоритетности для решения той или иной задачи критериями отбора используемых показателей могут являться их достоверность, способность отражать различия между регионами.

2. Трансформация частных индикаторов для их сравнимости друг с другом. В нашем случае это описанная выше стандартизация.

3. Выбор способа агрегирования трансформированных частных индикаторов. Агрегирование показателей может проводиться разными способами. В данной работе будем использовать суммирование показателей, взятых с определёнными весовыми коэффициентами. Весовые коэффициенты отражают то, насколько важен данный параметр и как велик его вклад в результат. Обычно веса выбираются на основе экспертных оценок или, как в данной работе, на усмотрение авторов. При выборе весов авторы руководствовались тем, насколько параметр влияет на перспективы развития региона, а не на его текущее состояние, т. к. основным направлением применения полученной интегральной оценки потенциала региона следует считать именно совершенствование программ регионального развития.

Для эмпирического анализа были выбраны показатели, характеризующие состояние основных сфер регионов (таблица 1).

Таблица 1. Состав рассматриваемых групп показателей регионов СФО
Table 1. Composition of the groups of indicators of the regions of the Siberian Federal District

Группа	Показатели
Производство	Доля производственного сектора в ВРП
	Объём инновационных товаров, работ, услуг
	Используемые передовые технологии
Инвестиции	Инвестиции в основной капитал на душу населения
	Иностранные инвестиции
Финансы	Доходы консолидированного бюджета
	Задолженность по кредитам юридических лиц
	Удельный вес убыточных организаций
Инфраструктура	Степень износа основных фондов
	Протяжённость дорог
	Доля автомобильных дорог общего пользования, не отвечающих нормативным требованиям
Труд	Численность населения
	Уровень участия в рабочей силе
	Уровень занятости населения
Социально-экономическая сфера	ВРП на душу населения
	Объём коммунальных услуг на душу населения
	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг

Выбор этих показателей обусловлен следующими соображениями.

В сфере производства важно знать, какую долю в ВРП занимает реальный сектор, т. к. его низкая доля в современных российских условиях свидетельствует о том, что регион потерял значительную долю своего экономического потенциала и существует благодаря другим регионам, обслуживанием которых и занят его трансакционный сектор. Для качественного же роста и повышения конкурентоспособности региона важны использование новых технологий и производство инновационной продукции.

В сфере инвестирования важны не только инвестиции как таковые, позволяющие говорить об обновлении основных фондов, но и иностранные инвестиции, свидетельствующие о привлекательности региона для инвесторов, хотя толкование этого параметра затруднено международными санкциями.

Доходы бюджета позволяют оценить состояние государственных финансов в регионе, задолженность фирм по кредитам – состояние частных финансов, а доля убыточных предприятий – эффективность и перспективы ведения бизнеса в данном субъекте РФ.

Степень износа основных фондов свидетельствует как о состоянии экономики в целом, так и о состоянии инженерной инфраструктуры в частности. Протяжённость дорог – не самый сопоставимый фактор из-за различий в размерах регионов, однако и она, и доля не отвечающих требованиям дорог позволяют оценить качество транспортной инфраструктуры.

Трудовые ресурсы региона напрямую зависят от численности населения и уровня участия в рабочей силе. Уровень же безработицы можно рассматривать не только как индикатор социальной сферы, но и как сигнал о наличии доступной для найма рабочей силы в регионе.

Наконец, такие показатели, как ВРП на душу населения, объём коммунальных услуг на душу населения и стоимость потребительской корзины, характеризуют социально-экономические условия в регионе [11].

Для получения и обобщения исходных значений показателей использовались официальные данные Росстата [12].

Кластеризация регионов СФО проводится с целью рассмотрения общих закономерностей в их социально-экономическом положении, а также выявления места Новосибирской области среди представителей других кластеров. Все выводы будут делаться по результатам шести кластеризаций с использованием описанных выше методов. Результаты кластеризации будут представлены в виде дендрограмм. Порядок представления дендрограмм следующий: метод ближнего соседа, метод дальнего соседа, метод Уорда (Варда). Полученные дендрограммы представлены на рисунках 1 и 2.

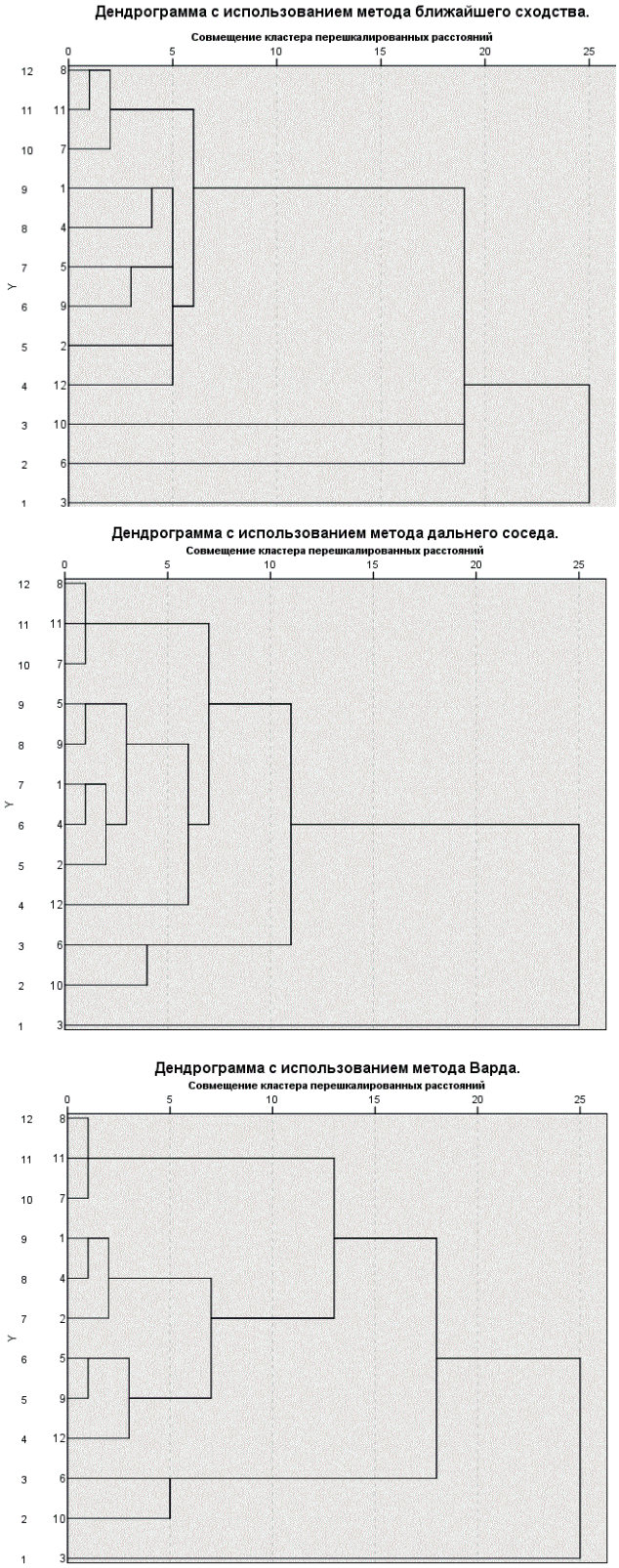

Рис. 1. Дендрограммы для квадрата евклидова расстояния
Fig. 1. Dendrograms for the square of the Euclidean distance

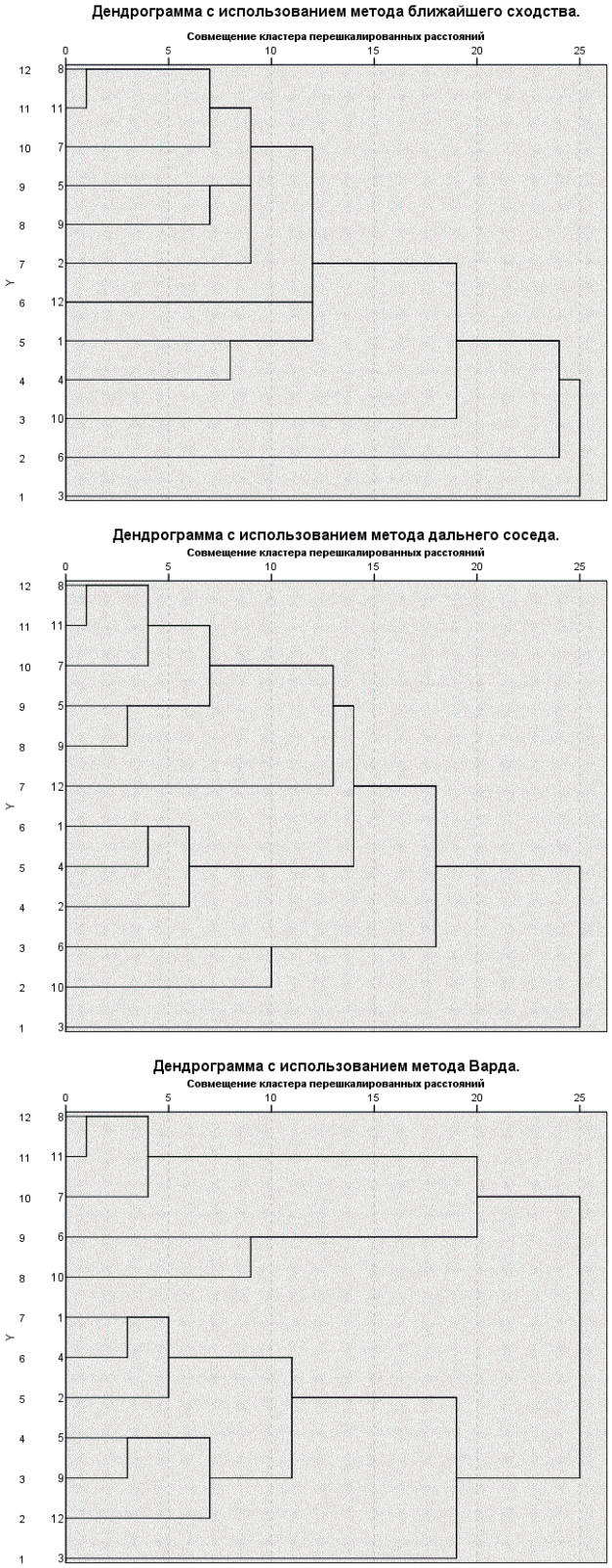

Рис. 2. Дендрограммы для манхэттенского расстояния
Fig. 2. Dendrograms for the Manhattan distance

По итогам кластеризации выделяются следующие кластеры:

1. Красноярский край, Иркутская область, Омская область – промышленные регионы.

2. Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Бурятия – аграрные республики с неразвитой инфраструктурой.

Достаточно быстро объединяется с указанными республиками Алтайский край, Кемеровская область, Томская область – узкоспециализированные регионы сельскохозяйственной или сырьевой ориентации. Можно говорить о том, что все эти 6 регионов – один кластер регионов с ярко выраженными особенностями.

Республика Тыва, Забайкальский край и Новосибирская область объединяются с остальными в последнюю очередь и могут считаться отдельными кластерами, что говорит об их уникальности в рамках рассматриваемой системы. Однако если уникальность Новосибирской области в её высокой развитости и ориентации на сферу услуг, особенно логистику, то Тыва, наоборот, слаборазвитый отсталый регион. На дендрограммах подобные различия проявляются в том, что эти два диаметрально разных региона объединяются последними.

Для сравнительного анализа рассмотрим Новосибирскую область и по одному представителю от каждого кластера: от кластера промышленных регионов – Омскую область; от кластера специализированных – Алтайский край. Выбор обусловлен географической и ресурсной близостью регионов. Результаты вычислений индексов потенциала этих регионов представлены в таблице 2.

Таблица 2. Индексы потенциалов Новосибирской области, Омской области и Республики Алтай
Table 2. Indices of potentials in the Novosibirsk Region, Omsk Region and the Republic of Altai

Регион	Сектор призводства	Сектор инвестиций	Сектор финансов	Сектор инфраструктуры	Трудовой сектор	Социально-экономический сектор	Итоговый индекс
Республика Алтай	–0,1325	0,00033	–0,0033	–0,0483	0,0404	0,00023	–0,1432
Новосибирская область	0,1786	0,00042	0,0080	0,0728	0,1115	0,00027	0,3717
Омская область	0,0346	0,00029	–0,0457	0,0461	0,1584	–0,00015	0,1935

Как видно из таблицы 2, наибольшим потенциалом обладает Новосибирская область (НСО). Отрицательное значение экономического потенциала Алтая говорит о неразвитости сфер деятельности, отраженных выбранными параметрами, и должно служить сигналом региональным властям о том, что стоит предпринять усилия по исправлению ситуации, в частности, в производственном и инфраструктурном направлениях. Другой вывод состоит в том, что в современных российских реалиях ни промышленные, ни сельскохозяйственные регионы не могут конкурировать с центрами оказания услуг (торговых, логистических), каковым и является Новосибирск и Новосибирская область.

Результаты сравнения потенциалов Новосибирской области, Омской области и Республики Алтай показаны на рисунке 3.

Рис. 3. Сравнение потенциалов Новосибирской области, Омской области и Республики Алтай
Fig. 3. Comparison of potentials in the Novosibirsk Region, Omsk Region and the Altai Republic

Как видно из рисунка 3, НСО обладает значительным производственным потенциалом, довольно развиты инфраструктурное и трудовое обеспечение экономики. Эти сферы создают конкурентные преимущества региона и должны максимально использоваться в его стратегии развития. Поддержка и стимулирование развития инвестиционной, финансовой и социально-экономической сфер необходима для гармоничного развития области и города Новосибирска, в котором проживает половина населения области. Омская область лидирует по состоянию трудовых ресурсов, однако отстаёт от НСО в промышленности, в основном из-за низкой доли инновационной продукции. Алтай же не может считаться лидером ни в одной из рассмотренных категорий, что свидетельствует о больших трудностях в развитии этого региона.

Полученные результаты могут быть углублены на основе применения иных современных методов экономического анализа, учитывающих начальные и конкретные условия развития каждого региона [13; 14].

Однако сам по себе потенциал региона не гарантирует его успешного развития и развития его городов. Для этого необходимо научно обоснованно реализовать этот потенциал, а именно учесть негативные тенденции, выработать меры по их преодолению, одновременно поддерживая влияние позитивных моментов на основе объединения усилий власти, бизнеса и региональных сообществ.

Литература

1. Тургель И. Д., Власова Н. Ю. Территориальное планирование развития городов в РФ: основные этапы формирования // Муниципалитет: экономика и управление. 2016. № 1. С. 5–15.

2. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 495 с.

3. Федорова Н. А. Оценка регионального развития: проблемы и методы // Региональная экономика. 2014. № 8. С. 38–42.

4. Козина Е. В., Гостева С. В. Проблемы определения и оценки экономического потенциала региона // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 5. Режим доступа: http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf (дата обращения: 10.12.2017).

5. Виноградова К. О., Ломовцева О. А. Сущность и структура потенциала развития региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9620 (дата обращения: 21.12.2017).

6. Булгакова Л. Н. Методологические аспекты оценки социально-экономического потенциала региона // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2012. № 1. Режим доступа: http://uecs.ru/uecs-37-372012/item/1004-2012-02-01-05-52-52 (дата обращения: 14.10.2016).

7. Татевосян Г. М., Писарева О. М., Седова С. В., Симонова Н. И. Сравнительный анализ экономических показателей регионов России // Экономика и математические методы. 2004. Т. 40. № 4. С. 59–73.

8. Орлова И. В., Концевая Н. А, Турундаевский В. Б., Филонова Е. С., Уродовских В. Н. Многомерный статистический анализ в экономических задачах: компьютерное моделирование в SPSS: учеб. пособие / под ред. И. В. Орловой. М.: Вузовский учебник, 2009. 320 с.

9. Гахова Н. А. Кластерный анализ. Электронный учебно-методический комплекс. Режим доступа: http://dispace.edu.nstu.ru/didesk/course/show/4389 (дата обращения: 21.12.2017).

10. Кузнецова О. В., Кузнецов А. В. Системная диагностика экономики региона. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 232 с.

11. Меньшикова Е. А., Зубарев А. Е. Социальная диагностика регионов: учебник для вузов. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. 397 с.

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

13. Litvintseva G. P., Shchekoldin V. Yu., Schits E. A. Forecasting the results of innovative activity taking into account significant factors in the regions of Russia // Studies on Russian Economic Development. 2017. T. 28. № 5. P. 528–535. DOI: 10.1134/S1075700717050112.

14. Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Litvintseva G., Bulkina A. Investigation of Correlation between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation // Procedia Manufacturing, 2017. T. 8. P. 323–329. DOI: 10.1016/j.promfg.2017.02.041.

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT' REGIONS

***Galina P. Litvintseva*[1, @1], *Aleksandr E. Lisitsin*[1, @2]**

[1] *Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073*
[@1] *litvintseva-g@mail.ru*
[@2] *030107107lis@mail.ru*

Received 04.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: cluster, hierarchical methods of clustering, regional potential, socio-economic indicators, Siberian Federal District, Novosibirsk region.

Abstract: For the regional economy and for the economy of a country as a whole it is necessary to correctly assess the economic potential of their territories. Errors or inaccuracies committed in this case can lead not just to inefficient spending of budgetary funds, but also to the wrong choice of the development strategy, which can result in a loss of competitiveness of the economy of the region and its cities and affect the development of the national economy as a whole.

The purpose of this work is to provide a comparative assessment of the economic potential of the Novosibirsk region and other regions of the Siberian Federal District.

The study examined the socio-economic potential of the region as an important indicator of territorial development. Its estimation is based on the index method and the cluster approach. Six groups of development indices of the regions of the Siberian Federal District were selected. Were used a method for standardizing indicators using variance and hierarchical methods of clustering. Clusters of the Siberian Federal District have been identified. A comparative analysis of the potential of the Novosibirsk region and regions from other clusters is carried out.

Comparison of the Novosibirsk region with its neighbors, representatives of other, significantly different clusters – the Omsk region and the Republic of Altai – allows us to conclude that the Novosibirsk region exceeds the neighboring regions in terms of its economic potential. In the regional economy, the production, infrastructure and labor components of the potential are the most developed (and, therefore, most promising for use as locomotives of regional development). The remaining components are relatively behind, which makes it necessary to draw attention to them from the authorities and management. The results of the study can be used to improve regional economic policy.

For citation: Litvintseva G. P., Lisitsin A. E. Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regionov Sibirskogo federal'nogo okruga [Assessment of the Socio-Economic Potential of the Siberian Federal District' Regions]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 114–121. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-114-121.

References

1. Turgel' I. D., Vlasova N. Ju. Territorial'noe planirovanie razvitiia gorodov v RF: osnovnye etapy formirovaniia [Territorial planning of urban development in the Russian Federation: the main stages of formation]. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: economy and management*, no. 1 (2016): 5–15.
2. Granberg A. G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Basics of regional economy]. Moscow: Izd. dom GU VShJe, 2006, 495.
3. Fedorova N. A. Otsenka regional'nogo razvitiia: problemy i metody [Evaluation of regional development: problems and methods]. *Regional'naia ekonomika = Regional economy*, no. 8 (2014): 38–42.
4. Kozina E. V., Gosteva S. V. Problemy opredeleniia i otsenki ekonomicheskogo potentsiala regiona [Problems of definition and estimation of economic potential of the region]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie» = Internet-journal «Naukovedenie»*, 8, no. 5 (2016). Available at: http://naukovedenie.ru/PDF/99EVN516.pdf (accessed 10.12.2017).
5. Vinogradova K. O., Lomovtseva O. A. Sushchnost' i struktura potentsiala razvitiia regiona [The essence and structure of the development potential of the region]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 3 (2013). Available at: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9620 (accessed 21.12.2017).
6. Bulgakova L. N. Metodologicheskie aspekty otsenki sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regiona [Methodological aspects of assessing the socio-economic potential of the region]. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. Elektronnyi nauchnyi zhurnal = Management of economic systems. *Electronic scientific journal*, no. 1 (2012). Available at: http://uecs.ru/uecs-37-372012/item/1004-2012-02-01-05-52-52 (accessed 14.10.2016).

7. Tatevosian G. M., Pisareva O. M., Sedova S. V., Simonova N. I. Sravnitel'nyi analiz ekonomicheskikh pokazatelei regionov Rossii [Comparative analysis of economic indicators of Russian regions]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*, 40, no. 4 (2004): 59–73.

8. Orlova I. V., Kontsevaia N. A, Turundaevskii V. B., Filonova E. S., Urodovskikh V. N. *Mnogomernyi statisticheskii analiz v ekonomicheskikh zadachakh: komp'iuternoe modelirovanie v SPSS* [Multivariate statistical analysis in economic problems: computer simulation in SPSS]. Ed. Orlova I. V. Moscow, 2009, 320.

9. Gahova N. A. *Klasternyi analiz* [Cluster analysis]. Available at: http://dispace.edu.nstu.ru/didesk/course/show/4389 (accessed 21.12.2017).

10. Kuznetsova O. V., Kuznetsov A. V. *Sistemnaia diagnostika ekonomiki regiona* [System diagnostics of the regional economy]. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM, 2010, 232.

11. Men'shikova E. A., Zubarev A. E. *Sotsial'naia diagnostika regionov* [Social diagnostics of regions]. Khabarovsk, 2014, 397.

12. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2016* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016]. Moscow: Rosstat, 2016, 1326.

13. Litvintseva G. P., Shchekoldin V. Yu., Schits E. A. Forecasting the results of innovative activity taking into account significant factors in the regions of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 28, no. 5 (2017): 528–535. DOI: 10.1134/S1075700717050112.

14. Glinskiy V., Serga L., Novikov A., Litvintseva G., Bulkina A. Investigation of Correlation between the Regions Sustainability and Territorial Differentiation. *Procedia Manufacturing*, vol. 8 (2017): 323–329. DOI: 10.1016/j.promfg.2017.02.041.

УДК 338.2

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАТЕГИЮ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО КЛАСТЕРА (НА ПРИМЕРЕ «ИННОКАМА»)

Сергей В. Майоров[1, @]

[1] *Машиностроительный кластер Республики Татарстан, 423810, Россия, г. Набережные Челны, ул. Академика Рубаненко, 12*
[@] *mayorov@chelny-invest.ru*

Поступила в редакцию 23.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: среда открытых инноваций, инвестиционный проект, инновационный кластер, «Иннокам», проектное управление, стратегия проектного управления, принципы проектного управления, стратегический анализ.

Аннотация: Применительно к деятельности Камского инновационного территориально-производственного кластера «Иннокам» рассматриваются вопросы интеграции механизмов проектного управления в стратегию инвестиционной деятельности структур кластера. Подобная стратегия, реализуемая структурами «Иннокама» в среде открытых инноваций, охватывает совокупность проектов инновационной направленности, включая создание инжиниринговых центров по разработке гибких производственных систем, проектирование высоких технологий, роботизированных комплексов нового поколения и т. д.

Анализируются особенности функционирования инновационного кластера в среде открытых инноваций, которая характеризуется высоким уровнем неопределенности. Приведена бизнес-модель использования стратегического партнерства структур «Иннокама», ориентированная на среду открытых инноваций. Разработан инструментарий стратегического анализа, результаты которого используются структурами «Иннокама» при создании массива исходных данных, необходимых для проектирования стратегии проектного управления.

Исследован механизм и принципы разработки стратегии проектного управления применительно к инвестиционной деятельности структур «Иннокама». С учетом специфики функционирования этих структур модернизирована методология сценарного планирования и предложен инструментарий выбора наилучшего варианта стратегии проектного управления.

Сформулированы предложения по построению многоуровневой системы управления с учетом особенностей инвестиционной деятельности структур инновационного кластера «Иннокам». Применительно к каждому уровню управления даны критерии оценки эффективности функционирования системы. Доказана целесообразность использования контроллинга, выполняющего роль обратной связи в системе управления и позволяющего оценить результативность реализации структурами «Иннокама» разработанной стратегии проектной деятельности.

Для цитирования: Майоров С. В. Интеграция проектного управления в стратегию инвестиционной деятельности инновационного кластера (на примере «Иннокама») // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 122–127. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-122-127.

Введение

В настоящее время в рамках мировой экономической системы активно реализуется концепция «Индустрия 4.0», охватывающая цифровизацию процессов создания и использования продуктов и услуг. Практическая реализация подобных решений предполагает разработку цифровых бизнес-моделей, развитие процессов интеграции вертикальных и горизонтальных цепочек создания стоимости [1–3].

В российской экономике реализации данной концепции способствует создание инновационных кластеров, одним из которых является Камский инновационный территориально-производственный кластер «Иннокам» [4–6]. Данный кластер находится в Республике Татарстан, которая является одним из наиболее успешных российских центров привлечения инвестиций, создания и использования технологических инноваций.

1. Постановка задачи и выбор цели и метода исследования

«Иннокам» вносит существенный вклад в достижения Республики Татарстан. Эти достижения являются результатом реализации совокупности стратегических инициатив, лежащих в основе выполняемых структурами «Иннокама» инвестиционных проектов. В качестве подобных инициатив выступают обеспечение глобального технологического лидерства, достижение мирового уровня развития технологического предпринимательства, формирование системы привлечения инвестиций мирового уровня, создание центра компетенций по «зеленым» технологиям мирового уровня и т. д.

Поскольку данные стратегические инициативы «Иннокама» привязаны к конкретным инвестиционным проектам, то возникает задача совершенствования механизмов проектного управления и их интеграции в стратегию деятельности «Иннокама». Решение подобной задачи способствует достижению стратегической цели – повышению эффективности, а в конечном итоге – и инвестиционной привлекательности кластера. В качестве метода исследования был выбран инструментарий стратегического анализа сложной системы.

2. Анализ практики проектного управления в «Иннокаме»

В практике проектного управления «Иннокам» использует различные экономико-математические модели, позволяющие оценить эффективность и результативность того или иного проекта. Подобные модели отражают подходы к процессам разработки и реализации проектов, а также методам коммерциализации полученных результатов (создаваемых продуктовых и процессных инноваций).

Однако для управления деятельностью «Иннокама», которая является инновационной, необходимо применение сложных динамических систем управления. Для описания процессов такой деятельности целесообразно использование интерактивных моделей. В процессе функционирования структур «Иннокама», реализующих проекты инновационной направленности, созданная для них система проектного управления подвергается воздействию не только управляющих, но и возмущающих сигналов.

Реагируя на возмущающие воздействия внешней среды, структуры «Иннокама» выполняют коррекцию реализуемых бизнес-процессов. Поэтому для эффективного функционирования структурам «Иннокама» необходима система проектного управления, содержащая совокупность обратных связей. Именно они, реализуя взаимосвязь между выходом системы управления (результатами проектной деятельности) и ее входом (целями проектного управления), дают возможность организовать управление по отклонениям результатов от целей. В этом случае введение в систему управляющих воздействий позволяет минимизировать возникающие отклонения между выходом и входом системы.

Деятельность «Иннокама» протекает в среде так называемых «открытых инноваций» [7; 8]. Модель открытых инноваций предполагает, что предприятия, входящие в структуру «Иннокама» при разработке стратегии проектного управления, ориентируются не только на результаты, достигнутые в рамках НИОКР, выполняемых собственными силами, но и активно привлекают инновационные разработки и компетенции из внешней среды. Ориентация на модель открытых инноваций является мировой тенденцией развития проектной деятельности [9]. По данным департамента развития и коммуникаций Российской венчурной компании в США 60 % инновационных разработок приходятся на долю открытых инноваций [3].

В рамках «Иннокама» используются различные бизнес-модели, ориентированные на систему открытых инноваций. Например, структура ИТ-парка, созданного в Камском кластере, объединяет Инновационный центр с бизнес-инкубатором, Центр перспективных разработок, бизнес-центр и ряд других элементов [5; 6]. На территории Иннокама находятся филиалы Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева, Казанского национального исследовательского технологического университета, которые активно сотрудничают с предприятиями кластера, принимая участие в разработке технологических инноваций. На базе расположенного в кластере Регионального института передовых технологий и бизнеса проводится повышение квалификации инженерных кадров. Институт осуществляет консалтинговое сопровождение процессов конструирования и прототипирования на основе контрактов жизненного цикла создаваемых продуктов.

3. Разработка стратегии проектного управления в «Иннокаме»

Проектное управление реализуется в соответствии с выбранной стратегией [10]. Подобная стратегия для структур «Иннокама» формируется, исходя из имеющихся ресурсов с учетом характеристик внешней и внутренней среды. При этом процесс управления целесообразно разделять по нескольким уровням [2]. Первый уровень – это стратегический уровень, второй – тактический уровень, и третий охватывает оперативный уровень управления.

На первом уровне формируются стратегические цели. Эти цели охватывают долгосрочную перспективу. Они достигаются в процессе реализации структурами «Иннокама» конкурентной стратегии. При этом стратегические приоритеты в рамках каждого из реализуемых в «Иннокаме» инвестиционных проектов формируются под влиянием тенденций, сложившихся в современной экономике. Так, в качестве стержневого направления деятельности участников проекта принимается цель, обеспечивающая максимальный прирост фундаментальной (рыночной) стоимости бизнеса. Управление на тактическом уровне сосредоточено на увеличении экономической добавленной стоимости, а на оперативном уровне таким показателем будет являться чистая прибыль, получаемая структурой «Иннокама».

Структуры «Иннокама», разрабатывая стратегии проектного управления, ориентируются на их уникальность, т. е. реализуемые стратегии обязательно содержат элементы, отличающие эти стратегии от стратегий конкурентов. Поскольку рыночная ситуация, в которой функционируют структуры «Иннокама», динамична, т. е. подвержена постоянным изменениям, то стратегия проектного управления реализуется структурами «Иннокама» как стратегия управления изменениями. Кроме того, рыночная среда характеризуется не только турбулентностью, но и высоким уровнем неопределенности, проявлением которой выступают различные виды рисков. Проявление этих рисков может привести не только к негативным, но и к позитивным последствиям. Поэтому в стратегии управления будущая неопределенность характеризует

стратегические возможности структур «Иннокама», осуществляющих реализацию различных проектов.

Разработка стратегий проектного управления структурами «Иннокама» и воплощение этих стратегий на практике приводит к формированию одного или нескольких конкурентных преимуществ. Подобные преимущества формируются за счет создания и использования новых продуктов и технологий, представляющих собой нематериальные активы (объекты интеллектуальной собственности). Например, такие объекты интеллектуальной собственности, как запатентованные информационные продукты и технологии, создают условия для повышения эффективности управления высокоавтоматизированными системами. Созданные и запатентованные торговые марки продуктов влияют на имидж структур «Иннокама», увеличивая рыночную стоимость их деловой репутации.

Разработке структурами «Иннокама» стратегии проектного управления предшествует стратегический анализ, предполагающий комплексную диагностику внешней и внутренней среды, а также анализ опыта реализации проектов аналогичной направленности. Стратегический анализ направлен на выявление стратегических перспектив проектной деятельности структур «Иннокама».

Таким образом, охватывая стратегическую диагностику внешней и внутренней среды, возможности реализуемых проектов, а также угрозы, которые существуют для этих проектов, стратегический анализ формирует массив исходных данных, необходимых для проектирования структурами «Иннокама» стратегии проектного управления. Проводимый структурами «Иннокама» стратегический анализ охватывает два взаимосвязанных блока – первичный и углубленный стратегический анализ.

Первичный стратегический анализ предполагает стратегическую диагностику внешней и внутренней среды и выполняется по методологии SWOT-анализа [10]. Это предполагает выявление сильных и слабых сторон реализуемого проекта. Эта составляющая диагностики нацелена на внутреннюю среду проектной деятельности структур «Иннокама». По результатам диагностики внешней среды устанавливаются возможности реализуемого проекта и возникающие во внешней среде угрозы. Здесь анализируются:

• уровень существующих технологий, а также перспективы появления качественно новых продуктов и технологий;

• финансово-экономические факторы внешней среды (уровень инфляции, стоимость различных видов ресурсов, в частности стоимость заемных источников финансирования, включая процентные ставки по кредитам, возможность доступа к финансовым инструментам рынка капитала);

• политические факторы (возможность введения экономических санкций по политическим соображениям, последствия влияния введенных санкций на механизмы реализации проекта);

• социальные факторы (например, влияние результатов проекта на уровень занятости).

Диагностика внутренней среды предполагает изучение особенностей функционирования структур, входящих в состав «Иннокама». В частности, анализируются ресурсное обеспечение, уровень развития технологий, деловая репутация участников проекта, связи структуры «Иннокама», выступающей в качестве проектоустроителя, с различными категориями стейкхолдеров и т. д.

Углубленный стратегический анализ включает в себя совокупность процедур, проведение которых необходимо для формирования стратегии проектного управления. Эта составляющая анализа дает возможность структуре «Иннокама», выступающей в качестве проектоустроителя, установить научно-техническую и социально-экономическую ценность проекта, а также определить его результативность.

В качестве инструмента проведения углубленного стратегического анализа структурами «Иннокама» используется метод сценарного планирования, с помощью которого формируются варианты стратегии проектного управления. Причем эти варианты могут быть существенно разными, но одинаково возможными с точки зрения формирования конечных результатов проектной деятельности. Как правило, разрабатывается не менее трех сценариев стратегии, например, оптимистический, пессимистический и наиболее вероятный сценарии.

Далее из всей совокупности сценариев структура «Иннокама» выбирает базовый сценарий. Затем этот сценарий детально обсчитывается, включая оценку его эффективности и результативности. Все остальные сценарии, которые потенциально могут быть реализованы структурами «Иннокама», оцениваются с помощью приростного метода расчета эффективности. Являясь приближенным методом оценки, данный метод позволяет структуре «Иннокама», реализующей проект, определить относительную эффективность конкретного сценария по отношению к эффективности базового сценария.

Углубленный стратегический анализ проводится структурами «Иннокама» по таким направлениям, как технический, финансово-экономический, коммерческий, организационный и социальный анализ. Принятие окончательного управленческого решения о целесообразности осуществления проекта осуществляется структурами «Иннокама» на основе обобщения результатов по всем перечисленным направлениям. Причем результаты, полученные по различным направлениям анализа, иногда могут быть противоречивыми. Поэтому окончательное решение принимается с учетом не только количественных результатов, полученных в процессе проведения анализа, но и качественных аспектов проектного управления.

По результатам стратегического анализа структура «Иннокама» выбирает стратегические приоритеты проектной деятельности, т. е. ее главные направления. Эти направления охватывают совокупность комплексных межфункциональных задач, выполнение которых формирует ключевые факторы успеха деятельности структуры «Иннокама». При формировании страте-

гических приоритетов учитывается, во-первых, совокупность стратегических целей, а во-вторых, ограничения на ресурсы. Вторая составляющая в системе ограничений отражает выбор структурой «Иннокама» стратегических приоритетов по ресурсам.

Исходя из выбранных стратегических приоритетов, структурой «Иннокама» разрабатывается концепция стратегии проектного управления, содержащая набор правил принятия проектных решений. Далее концепция воплощается в стратегическую программу действий. Подобная программа охватывает комплекс бизнес-процессов, реализуемых в рамках сформированного бюджета проекта и способствующих реализации одного или нескольких стратегических приоритетов. В «Иннокаме» стратегическая программа действий реализуется как совокупность циклических управленческих процедур, приводящих к формированию стратегии проектного управления и постоянному уточнению стратегии. Это уточнение выступает как следствие изменения интенсивности возмущающих воздействий внешней и внутренней среды, снижения уровня неопределенности исходных данных, включая их уточнение и появление новых данных. Стратегическая программа действий реализуется менеджментом в процессе проектного управления.

Формируя стратегию проектного управления, структуры «Иннокама» придерживаются ряда принципов. Во-первых, принципа «полноты стратегии». Это означает, что в стратегии проектного управления структура «Иннокама» учитывает все функциональные составляющие, включая маркетинг, НИОКР, производство, финансы и продвижение результатов реализации проекта и т. д.

Во-вторых, структурами «Иннокама» реализуется принцип «разумной достаточности стратегии», предполагающий, что создаваемая стратегия не содержит лишних функциональных элементов, а избыточность привлекаемых для реализации стратегии ресурсов минимальна. В-третьих, структуры «Иннокама», разрабатывая стратегию проектного управления, ориентируются на конечную эффективность стратегии. Это означает, что в стратегии проектного управления приоритет отдается показателям эффективности, достигаемым на всем интервале жизненного цикла проекта, а не на отдельном этапе проекта.

Исходя из этих принципов, реализуя стратегию проектного управления, структура «Иннокама» выбирает ведущую функциональную стратегию, т. е. ключевую стратегию, обеспечивающую успех реализации проекта. Именно эта функциональная стратегия получает приоритет ресурсного обеспечения. Все остальные функциональные стратегии «настраиваются» на результативное выполнение ключевой стратегии.

Результативность стратегии проектной деятельности оценивается с помощью обратной связи. В структурах «Иннокама» роль такой обратной связи выполняет стратегический контроллинг, представляющий собой комплексную систему поддержки проектной деятельности. Эта система поддержки направлена на координацию реализации функциональных стратегий и протекающих в их рамках бизнес-процессов, с целью контроля результативности и эффективности их выполнения. Стратегический контроллинг охватывает:

• мониторинг стратегических индикаторов (показателей) реализации проекта;

• оценку этих индикаторов (показателей) путем сравнения с целевыми значениями;

• выявление отклонений (которые могут носить как допустимый, так и критический характер) фактических значений показателей от целевых индикаторов;

• разработку мероприятий по коррекции стратегии проектной деятельности.

Таким образом, целью стратегического контроллинга является поддержание стратегического потенциала реализуемых структурами «Иннокама» проектов. Это обеспечивается за счет коррекции стратегических целей и приоритетов проектной деятельности, реализации стратегической программы действий, включая коррекцию функциональных стратегий и отдельных бизнес-процессов. Поэтому в системе стратегического контроллинга, реализуемого структурами «Иннокама», значимую роль играют такие аспекты, как выбор ключевых индикаторов и их критериальных (эталонных) значений, формирование подсистем контроля рисков, стратегического, тактического и оперативного планирования, менеджмента качества реализуемых проектов и ряда других. Кроме того, в реализации системы стратегического контроллинга в структурах «Иннокама» существенная роль отводится информационному обеспечению стратегии проектной деятельности.

Выводы и рекомендации

Структуры «Иннокама» в рамках реализации инструментов проектного управления, ориентируясь на среду открытых инноваций, активно развивают новые бизнес-модели сотрудничества, в частности стратегические альянсы и партнерства. Например, в разработке технологических инноваций наряду с предприятиями кластера активное участие принимают филиалы Казанского (Приволжского) федерального университета, Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева и Казанского национального исследовательского технологического университета.

При формировании стратегии проектного управления в структурах «Иннокама» с позиций многоуровневой системы появляется возможность детализировать процессы анализа стратегии инвестиционной деятельности. Это позволяет участникам проектной деятельности определить ключевые конкурентные преимущества реализуемого проекта и спроектировать для него эффективную стратегию. Проводимый при этом контроллинг инвестиционной деятельности обеспечивает достижение высокого уровня результативности и эффективности стратегии.

Литература

1. Баранова И. В., Майоров С. В. Формирование цифровой среды инновационно-ориентированной кластерной структуры // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7. № 3. С. 235–246.
2. Куценко Е. С. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития // Форсайт. 2015. Т. 9. № 1. С. 32–55.
3. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: направления реализации программ развития / под ред. Л. М. Гохберга, А. Е. Шадрина. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 280 с.
4. Об утверждении концепции и плана мероприятий по реализации концепции создания территориально-обособленного инновационно-производственного центра «Иннокам». Распоряжение Правительства РФ от 17.06.2016 г. № 1257-р.
5. Машиностроительный кластер Республики Татарстан: Значимые проекты территориально-обособленного инновационно-производственного центра «Иннокам». Режим доступа: http://www.opzt.ru/sites/default/files/files/vopros_8_-_mayorov_s.v._znachimye_proekty_innovacionno-proizvodstvennogo_centra_innokam.pdf (дата обращения: 26.01.2018).
6. О стратегических направлениях развития Камского инновационного территориально-производственного кластера «Иннокам». Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2016/09122016/09122016-PRZ-ABZ.pdf (дата обращения: 26.01.2018).
7. Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М.: Поколение, 2007. 336 с.
8. Коростышевская Е. М. Модель открытых инноваций (на примере ВПК США) // Инновации. 2011. № 5. С. 53–55.
9. Kutsenko E., Islankina E., Abashkin V. The evolution of cluster initiatives in Russia: the impacts of policy, lifetime, proximity and innovative environment // Foresight. 2017. Т. 19. № 2. С. 87–120.
10. Моттаева А. Б., Князев Д. В. Стратегическое планирование на мезоуровне и на уровне отдельных предприятий в рамках развития отраслевых кластеров // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-1. С. 626–630.

INTEGRATION OF PROJECT MANAGEMENT INTO THE INVESTMENT STRATEGY OF AN INNOVATIVE CLUSTER (THE CASE OF INNOKAM)

Sergey V. Mayorov[1, @]

[1] *Machine-building cluster of the Republic of Tatarstan, 12, Academician Rubanenko St., Naberezhnye Chelny, Russia, 423810*
[@] *mayorov@chelny-invest.ru*

Received 23.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: open innovation environment, investment project, innovation cluster, Innokam, project management, project management strategy, principles of project management, strategic analysis.

Abstract: With reference to the activity of the Kama Innovation Cluster "Innokam", the paper considers some issues of the integration of project management mechanisms into the investment strategy of the cluster structures. Such a strategy implemented by Innocam's structures in the context of open innovation encompasses a set of innovative projects, including the creation of engineering centers for the development of flexible production systems, the design of high technologies, new generation robotic complexes, etc. The study describes some features of an innovative cluster functioning in the environment of open innovations, which is characterized by a high level of uncertainty. The article introduces the business model of the strategic partnership of "Innokam" structures, which is focused on the environment of open innovations. Tools for strategic analysis have been developed, the results of which are used by Innokam structures when creating an array of input data necessary for the design of a project management strategy.

The research explores the mechanism and principles of the development of the project management strategy in relation to the investment activities of the Innocam structures. Taking into account the specifics of the functioning of these structures, the scenario planning methodology has been modernized and a tool for selecting the best variant of the project management strategy has been proposed.

The paper includes proposals on the construction of a multi-level management system, taking into account the specific features of Innokam's investment activities. With respect to each level of management, criteria are given for assessing the effectiveness of the system. The research has justified the use of controlling that fulfills the role of feedback in the management system, which allows one to evaluate the effectiveness of the project strategy implemented by Innocam's structures.

For citation: Mayorov S. V. Integratsiia proektnogo upravleniia v strategiiu investitsionnoi deiatel'nosti innovatsionnogo klastera (na primere «Innokama») [Integration of Project Management into the Investment Strategy of an Innovative Cluster (the case of Innokam)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2018): 122–127. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-122-127.

References

1. Baranova I. V., Maiorov S. V. Formirovanie tsifrovoi sredy innovatsionno-orientirovannoi klasternoi struktury [The formation of a digital environment for an innovation-oriented cluster structure]. V*oprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of innovative economy*, 7, no. 3 (2017): 235–246.
2. Kutsenko E. S. Pilotnye innovatsionnye territorial'nye klastery Rossii: model' ustoichivogo razvitiia [Pilot innovative territorial clusters of Russia: the model of sustainable development]. *Forsait = Forsyte*, 9, no. 1 (2015): 32–55.
3. *Pilotnye innovatsionnye territorial'nye klastery v Rossiiskoi Federatsii: napravleniia realizatsii programm razvitiia* [Pilot innovative territorial clusters in the Russian Federation: directions for the implementation of development programs]. Ed. Gokhberg L. M., Shadrin A. E. Moscow: NIU VShE, 2015, 280.
4. *Ob utverzhdenii kontseptsii i plana meropriiatii po realizatsii kontseptsii sozdaniia territorial'no-obosoblennogo innovatsionno-proizvodstvennogo tsentra «Innokam»* [On the approval of the concept and plan of measures to implement the concept of creating a territorially isolated innovation and production center "Innokam"]. Order of the Government of the Russian Federation No. 1257-r of June 17, 2016.
5. *Mashinostroitel'nyi klaster Respubliki Tatarstan: Znachimye proekty territorial'no-obosoblennogo innovatsionno-proizvodstvennogo tsentra «Innokam»* [Engineering cluster of the Republic of Tatarstan: Significant the project of territorially detached innovative center "Innokam"]. Available at: http://www.opzt.ru/sites/default/files/files/vopros_8_-_mayorov_s.v._znachimye_proekty_innovacionno-proizvodstvennogo_centra_innokam.pdf (accessed 26.01.2018).
6. *O strategicheskikh napravleniiakh razvitiia Kamskogo innovatsionnogo territorial'no-proizvodstvennogo klastera «Innokam»* [On the strategic directions of development of the Kama innovative territorial and production cluster "Innokam"]. Available at: http://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2016/09122016/09122016-PRZ-ABZ.pdf (accessed 26.01.2018).
7. Chesbro G. *Otkrytye innovatsii. Sozdanie pribyl'nykh tekhnologii* [Open innovation. Creating profitable technologies]. Moscow: Pokolenie, 2007, 336.
8. Korostyshevskaia E. M. Model' otkrytykh innovatsii (na primere VPK SShA) [The model of open innovation (on the example of the US military-industrial complex)]. *Innovatsii = Innovations*, no. 5 (2011): 53–55.
9. Kutsenko E., Islankina E., Abashkin V. *The evolution of cluster initiatives in Russia: the impacts of policy, life-time, proximity and innovative environment. Foresight*, 19, no. 2 (2017): 87–120.
10. Mottaeva A. B., Kniazev D. V. Strategicheskoe planirovanie na mezourovne i na urovne otdel'nykh predpriiatii v ramkakh razvitiia otraslevykh klasterov [Strategic planning at the meso-level and at the level of individual enterprises within the framework of development of sectoral clusters]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, no. 10-1 (2016): 626–630.

УДК 336

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КРЕДИТОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Валентина В. Переверзева[1, @]

[1] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82*
[@] *vv.pereverzeva@migsu.ranepa.ru*

Поступила в редакцию 24.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: проект, проектное финансирование, инвестиционный проект, региональный проект, моногород.

Аннотация: Дальнейшее развитие моногородов, решение их острых социально-экономических вопросов требует проведения модернизации, перепрофилирования градообразующих предприятий на инновационной основе, формирования нового «имиджа» города, что невозможно без привлечения существенных финансовых ресурсов. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов, необходимости реализации крупных инвестиционных проектов необходимо использовать наиболее эффективные методы финансирования инвестиционной деятельности в моногородах. Обосновано, что в моногородах, экономика которых характеризуется высоким уровнем рисков, целесообразно использовать при финансировании инвестиционных процессов такой метод, как проектное финансирование. Мировой опыт управления экономикой в рисковых и кризисных ситуациях показывает, что проектное финансирование является наиболее эффективной и устойчивой формой финансирования, что оправдывает значительные юридические и административные издержки, свойственные его реализации на практике. Региональный анализ мирового рынка проектного финансирования позволяет сделать вывод, что данная форма финансирования особенно полезна для стран и регионов с недостаточно развитыми институтами.

Для цитирования: Переверзева В. В. Проектное финансирование как инструмент кредитования региональных проектов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 128–132. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-128-132.

В настоящее время в перечень российских моногородов включено 319 муниципальных образований. Численность населения, проживающего в них, оценивается примерно в 16 млн человек, численность занятого населения составляет 5,9 млн человек, из которых более 15 % заняты на градообразующих предприятиях, около 26 % – на предприятиях малого и среднего бизнеса. В большинстве моногородов уровень безработицы превышает общероссийский уровень. Значительная часть моногородов относится к категории «малых городов», расположенных в различных регионах России [1, с. 10–11].

Решение социально-экономических проблем моногородов невозможно без модернизации, перепрофилирования градообразующих предприятий на инновационной основе, требует привлечения существенных финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов. Для этой цели в Российской Федерации создана некоммерческая организация «Фонд развития моногородов», образованы «территории опережающего социально-экономического развития» (ТОСЭР), утверждена приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов». В условиях ограниченности бюджетных ресурсов, необходимости реализации крупных инвестиционных проектов, позволяющих осуществить диверсификацию экономики моногородов, представляется необходимым более широко использовать проектное финансирование как современный и эффективный инструмент ведения инвестиционной деятельности в условиях повышенного риска.

Проектное финансирование в его современном понимании относится к 70-м гг. XX века. В этот период, характеризующийся быстрым ростом цен на нефть и другие энергоносители, банки начали активно кредитовать высокодоходные проекты, ведущиеся в энергетическом секторе экономики. Проектное финансирование представляет современную и уже достаточно известную модель организации финансирования как в развитых, так и в развивающихся странах. Система проектного финансирования часто возникает в результате невозможности применения иных технологий финансирования инвестиционных проектов или их низкой эффективности. Особенно это касается крупных инвестиционных проектов, реализуемых в топливно-энергетическом секторе экономики, добывающих и перерабатывающих отраслях промышленности, а также при создании объектов производственной и социальной инфраструктуры. В то же время их модернизация может успешно вестись не только посредством проектного финансирования, но и на основе инвестиционного и коммерческого кредитования.

Несмотря на то, что проектное финансирование за последние десятилетия стало неотъемлемым инструментом инвестиционной деятельности, до сих пор ведутся дискуссии относительно его экономического содержания как среди российских, так и зарубежных ученых и экспертов.

В документах Базельского комитета по банковскому надзору при Банке международных расчетов указывается, что проектное финансирование – это особый метод финансирования, когда денежные средства привлекаются для выполнения конкретного проекта при условии, что обязательства по ним будут погашены из будущих доходов проекта, а залогом являются лишь его активы. Такой тип финансирования рекомендуется использовать при реализации крупных, сложных и дорогостоящих проектов (строительство или реконструкция объектов энергетической, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры и др.) [2, p. 61].

Зарубежные исследователи уже длительное время занимаются изучением вопросов проектного финансирования. Наиболее полно различные аспекты проектного финансирования освещены в трудах таких зарубежных специалистов, как С. Гатти (S. Gatti), Б. Эсти (B. Esty), А. Стеффанони (A. Steffanoni), В. Меггинсон (WL. Megginson), П. Невитт (P. Nevitt), Ф. Фабоцци (F. Fabozzi), Э. Р. Йескомба (E. R. Yescombe) и др. В частности, П. Невитт (P. Nevitt) и Ф. Фабоззи (F. Fabozzi) понимают под проектным финансированием особый механизм финансирования, когда кредитор готов рассмотреть потоки денежных ресурсов и доходы заемщика в качестве источника создания фондов, посредством которых будут погашаться займы, а его активы учитывать в качестве дополнительного обеспечения по займу [3]. Э. Р. Йескомб понимает под проектным финансированием так называемый «финансовый инжиниринг», используемый при реализации крупных проектов и основанный на привлечении долгосрочных инвестиций посредством займа под денежные ресурсы, образуемые в результате выполнения проекта [4].

В последнее десятилетие российские исследователи также стали уделять существенное внимание изучению механизма проектного финансирования. Среди работ, посвященных данной проблематике, следует выделить труды В. Ю. Катасонова, Д. С. Морозова, М. В. Петрова, И. А. Никоновой и др. В своих трудах российские специалисты исследуют сущность и принципы проектного финансирования, определяют предпосылки его становления и развития в современной российской экономике. И. А. Никонова в своих публикациях, посвященных проектному финансированию, подчеркивает, что его неотъемлемым признаком является формирование специальной компании для реализации проекта, обеспечения возврата заемных средств и выплаты доходов инвесторам за счет будущих денежных ресурсов проекта [5; 6].

Несмотря на существующие различия в определении проектного финансирования суть его заключается в том, что объектом инвестирования средств является конкретный проект, реализуемый той или иной хозяйственной структурой, а не вся экономическая деятельность заемщика. Таким образом, источником возврата вложенных средств становится прибыль от реализации конкретного проекта, изолированная от результатов финансово-экономической деятельности инициаторов проекта. Кроме того, данная модель финансирования предполагает выявление и распределение совокупности проектных рисков между участниками, наличие соответствующего пакета обеспечения и гарантий.

Сравнивая механизм обычного и проектного кредитования, надо отметить, что в первом случае возможные риски возлагаются на заемщика или организатора проекта, во втором риски разделяются среди заемщиков, кредиторов и часто третьей стороной. При проектном финансировании залогом погашения кредита является прежде всего будущий экономический эффект от реализации проекта. В ряде случаев в виде залога могут рассматриваться активы заемщика, но, как правило, их величина незначительна по сравнению со стоимостью проекта. При проектном финансировании в центре внимания находится собственно «проект», в то время как при традиционных формах кредитования – заемщик. В процессе проектного финансирования оцениваются возможности заемщика, но не более чем в рамках общей оценки проекта.

Проектное финансирование характеризуется большим кругом внешних и внутренних заинтересованных лиц, интересы которых необходимо учитывать на различных этапах жизненного цикла проекта. Это связано со сложностью и масштабностью проекта, необходимостью подготовки и экспертизы значительного количества документов и контрактов и др. Как правило, в реализации проекта на условиях проектного финансирования участвуют солидные и подготовленные к сотрудничеству партнеры.

Одним из типичных признаков проектного финансирования является создание специальной компании, обладающей юридической и финансовой самостоятельностью, осуществляющей свою деятельность на основе собственных средств инициаторов (спонсоров) проекта, выполняющей функции заемщика и оператора проекта.

Учитывая масштабы, сложность и часто инновационность проекта, специфику возвратности финансовых ресурсов, в рамках проектного финансирования уделяется существенное внимание детальному проектному анализу.

При формировании структуры проектного финансирования возможно использовать различные виды и источники финансирования, но надо иметь в виду, что кредит представляет только лишь один из них.

Существует классификация типов проектного финансирования, в основе которой находится такой критерий, как доля риска, которую готов взять на себя кредитор. В соответствии с этим критерием выделяют такие типа проектного финансирования, как с полным регрессом на заемщика, без регресса на заемщика, с ограниченным регрессом на заемщика.

В условиях финансирования проекта с полным регрессом на заемщика кредитор имеет право полной компенсации относительно всех обязательств заемщи-

ка. Здесь кредитор не берет на себя ответственность за риски, возможные на различных этапах жизненного цикла проекта. У кредитора нет необходимости в детальном проектном анализе за исключением тех случаев, когда нет уверенности в достаточных гарантиях обязательств заемщика. Такая форма проектного финансирования является достаточно востребованной, поскольку ее оформление является несложным, не требует больших временных и, соответственно, стоимостных затрат. Проектное финансирование с полным регрессом на заемщика применяется при привлечении финансовых средств для выполнения низкоприбыльных, небольших проектов, при предоставлении экспортного кредита, а также в условиях недостаточной надежности выданных по проекту гарантий и др.

Другая форма проектного финансирования, основанная на ограниченном регрессе на заемщика, предусматривает прежде всего оценку потенциальных проектных рисков. При этом последние не только оцениваются, но и распределяются между участниками проекта (заемщик, подрядчик, поставщики и др.). Данный тип проектного финансирования обладает следующими преимуществами: умеренная цена финансирования; распределение проектных рисков для заемщика; коммерческие обязательства заинтересованных лиц вместо предоставления гарантий. Некоторые контракты определяют особые обязательства покупателя: «бери и плати» («take and pay»), «строй, владей, управляй» («build, own, operate») и др. Такие контракты в основном используются при ведении проектов на принципах государственно-частного и муниципально-частного партнерства. К разновидности проектного финансирования с ограниченным регрессом можно отнести финансирование, которое не затрагивает баланс организаций («off balance sheet financing»). В этой ситуации финансовое положение и баланс заемщика затрагиваются в меньшей мере, поскольку требуется предоставить только некоторые гарантии, а также частично заложить свои активы. Более того, заемщик может приобрести дополнительные выгоды: возможность получить денежные потоки, которые нельзя привлечь из обычных источников; благоприятные условия кредитования в условиях правильного распределения проектных рисков; платежные обязательства перед кредиторами не ложатся бременем на заемщика; сохранение положительной деловой репутации заемщика и др.

Финансирование без регресса на заемщика осуществляется в условиях отсутствия гарантий от заемщика, несения кредитором ответственности за все проектные риски. Данный тип проектного финансирования имеет высокую цену кредитования для заемщика, поскольку заключение контрактов требует больших временных затрат, существенных финансовых расходов (привлечение высококвалифицированных консультантов и экспертов) и др.

В рамках механизма проектного финансирования важно понимание такой категории, как инвестиционно-проектный цикл. Как известно, под последним понимается временной отрезок времени, охватывающий момент возникновения проекта и момент его ликвидации, а также включающий различные стадии (прединвестиционная, инвестиционная, эксплуатационная, завершающая) и этапы. Отметим, что четкого деления фаз на этапы не существует. Это связано с отраслевой спецификой реализации инвестиционного проекта, большим количеством его участников, которые имеют собственное понимание о фазах и этапах жизненного цикла проекта. Необходимо, чтобы участники проекта имели четкое представление о соответствующих жизненных циклах проекта в целях эффективного продвижения последнего. Например, знание банком как кредитором проектного цикла заемщика позволяет решить следующие задачи: наиболее полно оценить расходы и доходы на каждой фазе, каждом этапе реализации проекта; выявить потенциальные риски; разработать собственный график контроля за выполнением проекта и др. В практической деятельности банки, принимающие участие в финансировании инвестиционных проектов, как правило, имеют внутренние инструкции, определяющие проектный цикл банка, перечень необходимых документов, должностные обязанности сотрудников, работающих в области проектного финансирования.

Широкое использование проектного финансирования в развитых странах началось после нефтяного бума 70-х гг. XX века. Например, в период с 1991–2012 гг. на основе принципов проектного финансирования реализовывалось 6 000 международных проектов, стоимость которых превышала 2,5 трлн долларов США [7, p. 98]. Финансовый кризис в 2008 г. привел к значительному сокращению рынка проектного финансирования, перераспределению проектов на азиатский континент. В целом же мировой рынок проектного финансирования (кроме рынка облигаций) продемонстрировал устойчивость к кризисным ситуациям, к 2013 г. его масштабы были восстановлены. Такое быстрое возрождение рынка проектного финансирования подтвердило положение об эффективности и востребованности данной формы привлечения финансовых ресурсов. На конец 2016 г. объем мирового рынка проектного финансирования по данным ведущих финансовых агентств превысил 277,7 млрд долларов США, что на 6,8 % больше по сравнению с 2014 г. [8, p. 8].

Основная часть проектов, реализуемых на мировом рынке проектного финансирования, выполняется в сфере строительства и реконструкции объектов инфраструктуры, добычи нефти и газа. Данные сектора экономики требуют значительных инвестиций, результаты функционирования субъектов хозяйствования здесь достаточно стабильны, что позволяет оценивать и кредитовать денежные потоки. Все это оправдывает значительные юридические и административные издержки, свойственные процессу проектного финансирования. Региональный анализ мирового рынка проектного финансирования показывает, что оно стало активнее использоваться в регионах с высоким уровнем риска (Азия, Африка, Южная Америка), что еще раз подтверждает тезис о том, что данный инструмент особенно полезен в странах с недостаточно развитыми институтами.

В современной российской экономике проектное финансирование носит преимущественно точечный характер, используется в основном в секторах экономики, связанных с добычей нефти и газа, в сфере транспорта и электроэнергетики, банковского дела [9].

Изучение теоретических и практических аспектов проектного финансирования позволяет сделать вывод, что значимость проектного финансирования в современной экономике будет усиливаться. Это объясняется как имеющимися бюджетными ограничениями, так и необходимостью развития инфраструктуры экономики. Проектное финансирование дает возможность многим странам, отдельным регионам, которые осуществляют диверсификацию экономики реализовывать важные инфраструктурные проекты, финансирование которых за счет государственного бюджета было бы невозможно. Особую значимость проектное финансирование имеет для моногородов, реализующих инвестиционные проекты в условиях повышенного риска. Все это определяет необходимость дальнейшего исследования механизма проектного финансирования, совершенствования соответствующей нормативно-правовой базы, институциональный базы.

Литература

1. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21.

2. International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards. A Revised Framework. June 2004. Basel Committee on Banking Supervision, Bank for International Settlements. Basel, Press & Communications, 2004. 239 p.

3. Nevitt P., Fabozzi F. Project Financing. 7th Edition. London: Euromoney, 2000. 357 p.

4. Йескомб Э. Р. Принципы проектного финансирования. М.: Альпина Паблишер, 2015. 407 с.

5. Никонова И. А., Смирнов А. Л. Проектное финансирование в России: проблемы и направления развития. М.: Консалтбанкир, 2016, 215 с.

6. Никонова И. А. Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер, 2012. 154 с.

7. Mullner J. International project finance: review and implications for international finance and international business // Management Review Quarterly. 2017. Vol. 67. Issue 2. P. 97–133. DOI 10.1007/s11301-017-0125-3.

8. Project Finance Report 2017. IFLR International Financial Law Review. London, 2017. 58 p.

9. Переверзева В. В., Юрьева Т. В. Проектное финансирование в системе проектного управления // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 36–45.

PROJECT FINANCING AS A TOOL FOR REGIONAL PROJECT LENDING

Valentina V. Pereverzeva[1, @]

[1] *Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571*

[@] *vv.pereverzeva@migsu.ranepa.ru*

Received 24.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: project, project financing, investment project, regional project, mono-city.

Abstract: Further development of single-industry towns, as well as solution of their acute socio-economic issues demand modernization, redevelopment of city-forming enterprises on an innovative basis, formation of a new «image», all of which is impossible without attracting significant financial resources. In the conditions of limited budget financing, aggravated by the necessity to implement major investment projects, only the most effective methods of financing investment activities should be applied in single-industry urban environment. It is justified that in monocities, whose economy is characterized by a high level of risks, it is advisable to use such method as project financing for financing investment processes. World experience in managing the economy in risky and crisis situations shows that project financing is the most effective and sustainable form of financing, which justifies the significant legal and administrative costs inherent to its implementation. Regional analysis of the world market of project financing allows us to conclude that this form of financing is especially useful for countries and regions with underdeveloped institutions.

For citation: Pereverzeva V. V. Proektnoe finansirovanie kak instrument kreditovaniia regional'nykh proektov [Project Financing as a Tool for Regional Project Lending]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 128–132. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-128-132.

References

1. Ivanov O. B., Bukhval'd E. M. Monogoroda Rossii: ot autsaiderov k lideram ekonomicheskogo razvitiia [Monocities of Russia: from outsiders to leaders of economic development]. *ETAP: ekonomicheskaia teoriia, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, no. 5 (2017): 7–21.

2. *International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards. A Revised Framework. June 2004.* Basel Committee on Banking Supervision, Bank for International Settlements. Basel, Press & Communications, 2004, 239.

3. Nevitt P., Fabozzi F. Project Financing. 7th Edition. London: Euromoney, 2000, 357.

4. Ieskomb E. R. *Printsipy proektnogo finansirovaniia* [Principles of project finance]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2015, 407.

5. Nikonova I. A., Smirnov A. L. *Proektnoe finansirovanie v Rossii: problemy i napravleniia razvitiia* [Project financing in Russia: problems and directions of development]. Moscow: Konsaltbankir, 2016, 215.

6. Nikonova I. A. *Proektnyi analiz i proektnoe finansirovanie* [Project Analysis and Project Finance]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2012, 154.

7. Mullner J. International project finance: review and implications for international finance and international business. *Management Review Quarterly*, 67, Iss. 2 (2017): 97–133. DOI 10.1007/s11301-017-0125-3.

8. Project Finance Report 2017. *IFLR International Financial Law Review*. London, 2017, 58.

9. Pereverzeva V. V., Iur'eva T. V. Proektnoe finansirovanie v sisteme proektnogo upravleniia [Project finance in the project management system]. *ETAP: ekonomicheskaia teoriia, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, no. 5 (2017): 36–45.

УДК 332.146.2

РАЗВИТИЕ ТОСЭР В ГРАНИЦАХ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ МОНОГОРОДОВ

Алексей Д. Ризов[1, 2, @]

[1] *Акционерное общество «Чусовской металлургический завод», 618200, Россия, г. Чусовой, ул. Трудовая, 13*
[2] *Земское собрание Чусовского муниципального района, 618204, Россия, г. Чусовой, ул. Сивкова, 8Б*
[@] *aleksejrizov@rambler.ru*

Поступила в редакцию 22.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: старопромышленный моногород, монопродуктовый регион, инновационная стратегия, территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Аннотация: Предметом данной работы являются старопромышленные моногорода и монопродуктовые регионы Пермского края. Цель – разработка стратегических подходов к решению научно-практической проблемы реализации заявленных перспектив ТОСЭР, созданных в границах монопродуктовых регионов. Основу методологии работы составили: волновая теория (Н. Д. Кондратьев), концепция инновационной активности (Г. Менш), кластеров (М. Портер), тройной спирали и др. Результатом работы является Концепция ТОСЭР, созданной в границах старопромышленного монопродуктового региона. Ее основа – Концепция инновационного развития старопромышленных моногородов [1]. Областью применения результатов работы являются монопродуктовые регионы, планирующие подать заявку для приобретения статуса ТОСЭР. Также область применения результатов работы включает монопродуктовые регионы, уже имеющие статус ТОСЭР.

Выводом является следующее заключение автора: подаче заявки должна предшествовать работа по выработке научно-обоснованной стратегии развития монопродуктового региона, которая получила бы поддержку населения в ходе широких общественных обсуждений, организованных органами власти региона.

Для цитирования: Ризов А. Д. Развитие ТОСЭР в границах старопромышленных моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 133–138. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-133-138.

В Пермском крае расположены 297 населенных пунктов с 150 тыс. жителей. Из городских округов края десять отнесены к монопродуктовым муниципальным образованиям одного из двух типов. К первому – первой категории монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации – относятся города Нытва, Очер, Красновишерск, Чусовой и поселки городского типа Теплая Гора, Уральский. Это монопродуктовые территории, в которых социально-экономическая ситуация признана наиболее сложной. Остальные монопрофильные муниципальные образования относятся ко второму типу – второй категории монопродуктовых территорий – города Горнозаводск и Александровск, поселок городского типа Пашия, поселок Юго-Камский. В них существуют риски ухудшения показателей социально-экономического развития. Следует отметить, что в Пермском крае количество моногородов является достаточно большим, и 60 % из них относятся к монопродуктовым территориям первой категории [2].

В условиях санкций, снижения уровня международной торговли, обмена товарами, услугами, технологиями с западно-европейскими странами, оттока инвестиций, резкого снижения межкультурных коммуникаций, трудности испытывают не только моногорода, но и целые отрасли, включая передовые (например в оборонной сфере, сырьевых отраслях). С учетом того, что программа поддержки моногородов в период финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. не привела к ожидаемым результатам диверсификации экономики моногородов, а свелась к временной поддержке градообразующих предприятий и решению проблемы занятости населения, сдерживанию роста безработицы. Отметим, что в конце 2013 г. уровень безработицы превышал 18 % в 15 % моногородов РФ.

С публикацией в 2014 г. Федерального закона № 473 от 29.12.2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» появилась основа для дальнейшей разработки специальных инструментов государственной поддержки монопродуктовых территорий РФ. Само понятие «территория опережающего социально-экономического развития» (ТОСЭР) законодателем интерпретировано как территория, обладающая особым правовым режимом осуществления предпринимательской и иной деятельности для создания благоприятных условий по привлечению инвестиций, обеспечению ускоренного социально-экономического развития и созданию комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения [3]. Экономическая сущность ТОСЭР – диверсификация экономики монопродуктовых территорий, что коррелирует с сущностью «КИП» (комплексного инвестиционного плана социально-экономического развития моногорода), целью которого было создание якорных производств с необходимым количеством рабочих мест. Отметим, что в период 2010–2012 гг. государство поддержало

более пятидесяти моногородов, оказав им финансовую и иную помощь в рамках программ развития моногородов (КИП). Автором были выявлены стратегии, применяемые градообразующими предприятиями Пермского края и монопродуктовыми территориями их расположения. Для моногородов это были стратегия диверсификации экономики, стратегия формирования и развития кластерных образований [4]. Названные стратегии выбираются как модель, а содержательная часть – интерпретация модели, связанная с конкретизацией входящих в нее элементов.

Анализ поданных заявок на получение статуса ТОСЭР моногородами Пермского края привел к заключению, что предусмотренные законом о ТОСЭР для моногородов виды экономической деятельности, предложенные в заявках, формально отвечают требованиям о диверсификации экономики городов данного типа. Более того, например, в случае МО «Чусовское городское поселение» представлено три блока из 22 видов экономической деятельности, распределенных по таким отраслям, как сельское хозяйство, легкая промышленность, полиграфия, индустрия развлечений и отдыха, деревообрабатывающая отрасль, производство электронной техники, производство и ремонт автотранспортных средств и оборудования. Остальные виды экономической деятельности связаны с отраслями градообразующего предприятия – металлургией, машиностроением, химической промышленностью и электрооборудованием. Укажем, что данные производства ориентированы на внутреннего, регионального потребителя произведенной продукции. Возможные межрегиональные поставки увеличат объем РВП. Рост ВВП за счет экспорта могут обеспечить производства, связанные с природными ресурсами края (полезные ископаемые, лесные ресурсы). Они, однако, не относятся ни к высокотехнологичному, ни к ресурсосберегающему производствам. В действительности, представленная стратегия диверсификации в рамках ТОСЭР может решить вопросы устойчивого развития территории в краткосрочном периоде через создание рабочих мест на производствах заявившихся резидентов в рамках утвержденных видов экономической деятельности. Таким образом, задача опережающего экономического и связанного с ним социального развития не может быть решена в отрыве от разработки действительно прорывных стратегических направлений социально-экономического развития монопродуктовой территории.

В течение ряда последних лет Россия перешла к стратегическому планированию, и в 2014 г. был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В его развитии реализуются другие стратегические документы: стратегии научно-технологического развития, государственной культурной политики, развития физической культуры и спорта, экологической безопасности, развития малого и среднего предпринимательства, а также стратегии развития здравоохранения, образования, энергетическая стратегия и т. д. В конце 2014 г. была утверждена «Инвестиционная стратегия Пермского края на период до 2017 года» [5], которая базировалась на ключевых стратегических документах РФ и Пермского края. На тот период были определены доминанты влияния на рост промышленности края: обрабатывающее производство, включая химическое, коксо- и нефтепродуктов, целлюлозно-бумажное, транспортных средств, электро-, электронного и оптического оборудования, а также добыча полезных ископаемых. Именно эти виды экономической деятельности были включены как основные в заявку ТОСЭР МО ЧГП. Согласно системе целей этой инвестиционной стратегии, увеличение объема вложений в экономику региона должно было составить 17,5 %, а количество вновь созданных, модернизированных рабочих мест увеличиться на 6 тыс. ед. Кроме того, число территориальных, инновационных, технологических кластеров в Пермском крае в период 2014–2017 гг. должно было составить 9 ед.

Данная стратегия, актуальная на досанкционный период и рассчитанная на сохранение и развитие международных торговых отношений, уже в 2015 г. требовала корректировки. Действительно, требовалось создание в крае значительно большего числа новых или модернизированных рабочих мест с учетом высвобождения только на одном ОАО «ЧМЗ» практически шести тыс. человек, не обеспеченных вновь созданными рабочими местами. Фактические значения показателя сокращенных, уволенных работников завода «закрывали» позицию целевого показателя по модернизированным и вновь созданным рабочим местам во всем Пермском крае.

Если обратиться к отраслевым приоритетам рассматриваемой стратегии Пермского края, то монопродуктовый регион Чусовской район указывается как основной по развитию и обновлению металлургической отрасли в регионе. Инновационное обновление возлагалось на Объединенную Металлургическую Компанию, сформировавшую на базе градообразующего предприятия структурную единицу ОМК «дивизион ЧМЗ» и планировавшую проведение технологической модернизации, замену производственных мощностей для повышения спроса на продукцию как на внутреннем, так и внешнем рынке. Данный проект считался крупнейшим в современной металлургии и был связан со строительством интегрированного трубно-сталеплавильного комплекса. К 2018 г. в моногороде Чусовой должны были функционировать электросталеплавильный цех, использоваться технологии непрерывной разливки стали, вступить в строй трубопрокатный цех. Отечественная экономика должна была получить бесшовные трубы большого диаметра для нефтегазового сектора категории «премиум», а также сортовой прокат и рессоры. Запланированные инвестиции в размере 50 млрд руб. были частично потрачены на подготовку производственных площадок под новый комплекс, проектно-сметную и рабочую документацию, подготовку и переобучение кадров и т. д. В 2018 г. в ЧМЗ функционирует рессорное, прокатное, ферросплавное производство со службами сервисных и вспомогательных цехов. Все остальные работы свернуты, проект по строительству трубно-сталеплавильного комплекса закрыт еще в 2015 г.

Таким образом, социально-экономическая ситуация в старопромышленном моногороде Пермского края, несмотря на меры собственника градообразующего предприятия, государственной поддержки (софинансирование КИП 2010–2012 гг.), включение в инвестиционные программы края, выделение крупных инвестиций собственников и государственные гарантии, государственные инвестиции в социально-значимые проекты, экономическая ситуация в монопродуктовом регионе не улучшается. Именно поэтому особые надежды население связывает с проектом вхождения монопродуктового региона – Чусовское городское поселение – в ТОСЭР.

Таким образом, выбранная модель увязки развития монопродуктового района в соответствии с точками роста всего региона можно признать актуальной и для Чусовского муниципального района Пермского края. Но требуемый результат возможен не только в случае «увязки» стратегии развития всего региона и ЧМР, но и соответствия программы развития района как ТОР, территории опережающего развития, с ориентацией на конкурентные отрасли, конкурентные производства, неформальную диверсификацию экономики, ускоренное развитие бизнес-процессов, новую кадровую политику. Для этого автор предлагает проект концепции развития монопродуктового района с учетом вышеизложенных проблем и идей.

Концепция как документ стратегического планирования должна опираться на факторы внешней и внутренней среды. Актуальность этой группы факторов связана с продолжением и усилением негативных воздействий на отечественную экономику со стороны целого ряда стран, политические и экономические интересы которых находятся в противоречии с укреплением позиций России как политического игрока на внешнем контуре. Резкие и частые изменения внешней среды потребовали опережающих действий и выявления, быстрого развития конкурентных преимуществ. В случае моногородов, монопродуктовых районов факторы внешней среды первой группы факторов потребовали именно опережающего развития этих территорий, что в свою очередь потребовало эффективной городской, районной политики, новых подходов к управлению, менеджменту. Внутренние факторы включают такую подгруппу, как не вовлечение в процесс обсуждения планов стратегического развития населения территорий и формальный подход к подбору стейкхолдеров. Если последняя подгруппа факторов находится в поле компетенций местной администрации, то на факторы внешней среды она не может оказать влияния.

Однако к факторам внешней среды относится и специализация монопрофильного района в рамках региона, края. И если в стратегии края за районом определена функция металлургического локомотива, то резкий уход от отраслевого приоритета должен иметь альтернативы, обозначенные в стратегических документах края, что станет ориентиром для района. В настоящее время данные приоритеты не определены.

Предметом настоящей Концепции являются основные направления развития старопромышленных монопродуктовых районов края на траекторию экономического роста через инновационные проекты как базу диверсификации экономики районов и городов данного типа. Актуальность выбора данной основы связана с необходимостью выхода на конкурентный уровень всей отечественной экономики, а не только незначительного ряда отраслей. В этом случае значительно возрастает действие таких факторов инновационного развития, как восприимчивость к инновациям и рост человеческого капитала во всех его структурных элементах.

Следующая группа факторов – факторы инновационного развития старопромышленных монопродуктовых районов и городов. Их действие связано привлечением и созданием на этих территориях промышленного комплекса с высокотехнологичными производствами. Неотделимой от нее является еще одна группа – факторы развития инновационной инфраструктуры. Актуализированные на текущий период технопарки, индустриальные парки, инновационные парки пришли на смену бизнес-инкубаторов, которые не смогли решить задачу резкого подъема предпринимательской активности в моногородах, особенно – с тяжелой социально-экономической ситуацией. По мнению автора, эти модели инфраструктуры должны быть расширены или «сшиты» через платформу развития инновационной инфраструктуры монопродуктовых районов региона, содержащей среди других элементов проектные офисы инновационного развития и предпринимательства, центры промышленных, технологических, управленческих, кадровых инноваций и т. д.

Важнейшая группа факторов, максимально содействующих опережающему развитию территории, содержит факторы обеспечения экономики монопродуктового района высокопрофессиональными кадрами, не только в областях диверсифицируемой экономики, но и в управленческой и социальной сфере, особенно – в образовании. Привлечение таких кадров может быть основано на идее «возвращения специалистов на малую родину» и компенсировать отток кадров градообразующего предприятия специалистами необходимого профиля и подготовки для реализации стратегии диверсификации моноэкономики. Группа факторов инфраструктуры генерации знаний, таким образом, содействует решению проблем привлечения, подготовки, переподготовки кадров для экономики территории опережающего развития.

Наконец, безусловно наибольшим влиянием для достижения цели опережающего развития монопродуктовой территории является реализация в рамках ТОСЭР модели стратегических инновационных сетей, более известной как модель тройной спирали. Данная модель инновационной системы характерна для рыночной экономики, и в условиях монопродуктовой экономики должны быть установлены соответствующие подходы через выявление особенностей процессов внедрения и распространения инноваций в условиях ее диверсификации.

Завершающая группа – факторы, способствующие формированию среды территории опережающего социально-экономического развития.

Помимо факторного анализа, Концепция включает принципы, показатели и индикаторы развития экономики монопрофильных районов, отражающие суть смены парадигмы развития.

Концепция опережающего социально-экономического развития монопродуктового района содержит блок, включающий систему принципов, отражающих условия достижения целей ТОСЭР. Базовыми являются принцип связи инновационных процессов с рыночной необходимостью, опережающего развития инновационных подходов, инновационной лояльности, конкурентоспособности, прозрачности; баланса интересов акторов тройной спирали, комплексности, системности, инициативности, инновационной привлекательности муниципальных образований.

Опережающее развитие территории отражается в соответствующих числовых значениях показателей экономического роста и социального развития. В условиях экономики знаний именно инновации различного вида лежат в основе опережающего развития, следовательно, в качестве показателей целесообразно выделить следующие.

1. Число инновационных производств, открытых в монопродуктовом районе.

2. Число созданных в монопродуктовом районе организаций, включая сферу сервиса, применяющих инновационные продукты, технологии, методы.

3. Количество привлеченных на территорию монопродуктового района новшеств, инновационных технологий в сферах производства и жизнедеятельности.

4. Количество созданных в монопродуктовом районе инновационных продуктов, технологий в сферах производства и жизнедеятельности.

5. Количество внедренных на территории монопродуктового района продуктов, технологий в сферах производства и жизнедеятельности, созданных в этом монопродуктовом районе.

6. Количество представителей монопродуктового района, имеющих авторские свидетельства и патенты, участвующих в разработке, внедрении, коммерциализации инновационных идей, технологий, товаров, услуг.

7. Объем инвестиций, вложенных бизнесом монопродуктового района в разработку, внедрение, коммерциализацию инновационных идей, технологий, товаров, услуг.

8. Объем инвестиций, привлеченных в монопродуктовый район для разработки, внедрения, коммерциализации инновационных идей, технологий, товаров, услуг.

9. Число работников организаций, имеющих ученую степень / звание.

10. Число руководителей организаций, имеющих ученую степень / звание.

11. Число руководителей ТОСЭР, имеющих ученую степень / звание.

12. Число web-проектов в форме платформ инновационного развития, «сшивающих» элементы традиционной инновационной инфраструктуры инновационного (опережающего) территориального развития.

13. Количество участников web-проектов в форме платформ инновационного развития, «сшивающих» элементы традиционной инновационной инфраструктуры инновационного (опережающего) территориального развития.

14. Число заключенных соглашений и совместных проектов в рамках платформы инновационного развития.

15. Уровень использования информационных технологий по видам экономической деятельности.

16. Уровень информатизации организаций и предприятий ТОСЭР.

17. Число образовательных курсов инновационной направленности, разработанных для населения и преподаваемых в дистанционном режиме.

18. Число курсов переподготовки кадров инновационной направленности в системе образования монопрофильного района для подготовки и переподготовки кадров.

19. Количество слушателей курсов инновационной направленности, разработанных для населения и преподаваемых в дистанционном режиме.

20. Количество слушателей курсов переподготовки инновационной направленности в системе образования монопрофильного района для подготовки и переподготовки кадров.

21. Число проектов поддержки бизнес-образования для дошкольного, школьного образования, средне-технического и высшего образования.

22. Количество участников проектов поддержки бизнес-образования для дошкольного, школьного образования, средне-технического и высшего образования.

23. Индекс человеческого развития (человеческого капитала).

24. Количество привлеченных специалистов высшей категории для реализации стратегии диверсификации моноэкономики старопромышленных монопродуктовых районов по проекту «возвращение специалистов на малую родину».

25. Количество партнерских соглашений в рамках модели тройной спирали.

26. Количество общественных слушаний в год по вопросам развития ТОСЭР в рамках конкретного монопродуктового района.

27. Число участников общественных слушаний в год по вопросам развития ТОСЭР в рамках конкретного монопродуктового района.

28. Число участников общественных слушаний, поддержавших предложения инициаторов по вопросам развития ТОСЭР в рамках конкретного монопродуктового района.

29. Количество СМИ ТОСЭР.

30. Количество публикаций СМИ ТОСЭР в месяц по проблемам и направлениям эффективной реализации проектов, программ и мероприятий ТОСЭР.

31. Число встреч администрации ТОСЭР с населением монопродуктового района по вопросам достижения целей и решения задач ТОСЭР этого монопродуктового района.

32. Количество участников (жителей) встреч администрации ТОСЭР с населением монопродуктового района по вопросам достижения целей и решения задач ТОСЭР этого монопродуктового района.

33. Количество участников (жителей) встреч администрации ТОСЭР с населением монопродуктового района по вопросам достижения целей и решения задач ТОСЭР этого монопродуктового района, поддержавших (одобривших) деятельность органов власти.

Укажем некоторые индикаторы, которые отражают инновационный потенциал ТОСЭР, созданной в рамках монопродуктового района.

1. Для показателей уровня инновационного развития территории опережающего социально-экономического развития:

1.1. Индекс доли инновационно-активных организаций (разрабатывающих, внедряющих, производящих, применяющих свою инновационную продукцию, технологию) в общем числе организаций монопродуктового района.

1.2. Индекс доли инновационно-активного персонала организаций.

1.3. Индекс съема инновационной продукции с одной инновационно-активной организации монопродуктового района.

2. Для показателей инновационной лояльности акторов и институтов развития территории опережающего социально-экономического развития:

2.1. Уровень восприимчивости акторов монопродуктового района к внедрению инновационных технологий.

2.2. Уровень эффективности работы институтов развития по поддержке инновационного развития ТОСЭР.

2.3. Уровень реализации инновационной продукции организаций ТОСЭР в рамках монопродуктового района в общем объеме инновационной продукции (продукции с высокой добавленной стоимостью), реализованной на рынке ТОСЭР.

Данные индикаторы выбраны с учетом результатов исследований, проведенных в [6].

В заключение отметим, что проблемы выхода монопродуктовых районов Пермского края из кризисных ситуаций, характеризующихся в определенные периоды как риск депрессивности, были ранее исследованы автором в [7–10].

Литература

1. Ризов А. Д., Пастухов А. Л., Угольников В. В., Буряк Д. В., Тимощенко Е. А., Угольникова О. Д. Инновационное развитие старопромышленных моногородов: от идеи к реализации. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 77 с.

2. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Распоряжение правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р. Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29072014-n-1398-r/ (дата обращения: 06.01.2018).

3. О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ. Федеральный закон № 473 от 29.12.2014. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 06.01.2018).

4. Ризов А. Д. Особенности трансформации социально-экономических процессов в монопродуктовом регионе: проблемы и пути их решения: дис. … канд. экон. наук; СПб гос. экон. ун-т. Санкт-Петербург, 2015. 278 с.

5. Об утверждении Инвестиционной стратегии Пермского края на период до 2017 года. Постановление Правительства Пермского края № 1458-п от 15.12.2014. Режим доступа: http://economy.permkrai.ru/upload/iblock/ace/Постановление%20Правительства%20Пермского%20края.pdf (дата обращения: 07.01.2018).

6. Качество жизни и безопасность России / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 1184 с.

7. Ризов А. Д. Моделирование управления и прогнозирования социально-экономического развития депрессивных регионов // Дискуссия. 2014. № 4. С. 93–97.

8. Ризов А. Д. Старопромышленные моногорода: стратегии устойчивого развития в условиях инновационной экономики // Стратегия устойчивого развития регионов России: материалы тридцать третьей Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2016. С. 40–45.

9. Ризов А. Д. Стратегический подход к управлению социально-экономическими процессами в моногородах // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 4. С. 49–53.

10. Ризов А. Д. Типологические характеристики моногородов: концептуальный аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/ (дата обращения: 07.01.2018).

DEVELOPMENT OF THE PRIORITY SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT AREAS WITHIN THE BOUNDARIES OF THE OLD INDUSTRIAL MONOCITIES

Alexey D. Rizov[1, 2, @]

[1] *Joint Stock Company "Chusovskoy Metallurgical Plant", 13, Trudovaya St., Chusovoy, Russia, 618200*
[2] *Zemsky Assembly of Chusovsky Municipal District, 8B, Sivkova St., Chusovoy, Russia, 618204*
[@] *aleksejrizov@rambler.ru*

Received 22.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: old industrial monocities, monoproduct region, innovative strategy, Priority Social and Economic Development Areas.

Abstract: The subject of the current research is the old industrial monocities and mono-product regions of the Perm region. The goal is the development of strategic approaches to solving the scientific and practical problem of realizing the prospects of Priority Social and Economic Development Areas, created within the boundaries of mono-product regions. The methodology of work is based on N.D. Kondratiev's wave theory, G. Mensch's concept of innovation activity, M. Porter's concept of clusters, the concept of triple helix, etc.
Its basis is the concept of innovative development of old industrial monocities [1]. The research results can assist monoproduct regions in obtaining the Priority Social and Economic Development Area status. Also, the area of application of the results includes mono-product regions that have already obtained the status in question.
The author concludes that application for the status should be preceded by a scientifically sound strategy for the development of mono-product regions, which has received the support of the local population.

For citation: Rizov A. D. Razvitie TOSER v granitsakh staropromyshlennykh monogorodov [Development of the Tased Within the Boundaries of the Old Industrial Monocities]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 133–138. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-133-138.

References

1. Rizov A. D., Pastukhov A. L., Ugolnikov V. V., Buriak D. V., Timoshenko, E. A., Ugolnikova O. D. *Innovatsionnoe razvitie staropromyshlennykh monogorodov: ot idei k realizatsi*i [Innovative development of old industrial monocities: from idea to realization]. Saint-Petersburg: SPbGEU, 2016, 77.
2. *Ob utverzhdenii perechnia monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii RF (monogorodov)* [On approval of the list of monoprofile municipal formations of the Russian Federation (monotowns)]. The order of the government of the Russian Federation No. 1398-r of 29.07.2014. Available at: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29072014-n-1398-r/ (accessed 06.01.2018).
3. O territoriiakh operezhaiushchego sotsial'no-e·konomicheskogo razvitiia v RF. [On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation]. Federal Law No. 473 of December 29, 2014. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (accessed 06.01.2018).
4. Rizov A. D. *Osobennosti transformatsii sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v monoproduktovom regione: problemy i puti ikh resheniia*. Diss. kand. ekon. nauk [Peculiarities of transformation of socio-economic processes in a single-product region: problems and ways to solve them. Cand. econ. Sci. Diss.]. St.-Petersburg State econ. Univ., St.-Petersburg, 2015, 278.
5. *Ob utverzhdenii Investitsionnoi strategii Permskogo kraia na period do 2017 goda* [On approval of the Investment Strategy of the Perm Krai for the period until 2017]. Decree of the Government of the Perm Krai No. 1458-p of December 15, 2014. Available at: http://economy.permkrai.ru/upload/iblock/ace/Постановление%20Правительства%20Пермского%20края.pdf (accessed 07.01.2018).
6. *Kachestvo zhizni i bezopasnost' Rossii* [Quality of life and security in Russia]. Ed. Chereshnev V. A., Tatarkin A. I. Ekaterinburg: UrO RAN, 2009, 1184.
7. Rizov A. D. Modelirovanie upravleniia i prognozirovaniia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia depressivnykh regionov [Modeling of management and forecasting for social and economic development of depressed regions]. *Diskussiia = Discussion*, no. 4. (2014): 93–97.
8. Rizov A. D. Staropromyshlennye monogoroda: strategii ustoichivogo razvitiia v usloviiakh innovatsionnoi ekonomiki [Old-industry monocities: sustainable development strategies in an innovative economy]. *Strategiia ustoichivogo razvitiia regionov Rossii: materialy 33 Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferehtsii* [Strategy of sustainable development of Russian regions: Proc. 33th All-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Novosibirsk, 2016, 40–45.
9. Rizov A. D. Strategicheskii podkhod k upravleniiu sotsial'no-e·konomicheskimi protsessami v monogoradakh [Strategic approach to managing socio-economic processes in single-industry towns]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Samara State University*, no. 4 (2014): 49–53.
10. Rizov A. D. Tipologicheskie kharakteristiki monogorodov: kontseptual'nyi aspect [Typological characteristics of single-industry towns: the conceptual aspect]. *Teoriia I praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and practice of social development*, no. 10 (2014). Available at: http://teoria-practica.ru/ (accessed 07.01.2018).

УДК 332.146.2

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ МОНОГОРОДОВ

Анастасия Е. Севастьянова[1, @]

[1] *Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 630090, Россия, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17*
[@] *aseva@ieie.nsc.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова:
экономика моногородов, управление, стратегическое планирование, ресурсные поселения.

Аннотация: Рассматриваются подходы к решению проблем, связанных со спадом в развитии старых промышленных отраслей в моногородах. Цель данной работы – показать необходимость применения стратегического подхода и взаимодействия всех уровней управления. Особое внимание в статье уделяется поселениям с сырьевой специализацией экономики. Предприятия минерально-сырьевого сектора имеют естественные пределы эффективного развития, связанные с постепенным исчерпанием ресурсной базы. Диверсификация экономики сырьевых территорий и моногородов вполне логично увязывается со своевременным решением стратегических задач по обеспечению их долговременного устойчивого развития. Стратегические аспекты важны и при формировании планов освоения новых месторождений сырья. Комплексный анализ должен помочь избежать рисков появления новых моногородов с плохой перспективой долгосрочного развития.

Проанализирован международный опыт (Германии, Канады и Китая). Показано, что прогресс в решении проблем моногородов зависит от стратегических партнерских отношений между федеральными, региональными и муниципальными органами управления, а также от их сотрудничества с бизнесом. Не может быть единой стратегии развития для моногородов различного типа.

Выбор пути развития каждого моногорода определяется его социально-экономическими характеристиками (в первую очередь, такими как удаленность или близость к крупным городским агломерациям, отраслевая принадлежность и перспективы развития градообразующего предприятия, возможности диверсификации экономики, инвестиционный потенциал и возможности для привлечения инвесторов).

Процесс позитивных перемен, как правило, нелегкий и небыстрый, поэтому важно обоснование того, к чему стремимся и как этого можно достичь. Методы экстраполяции в данном случае, как правило, не работают.

Для цитирования: Севастьянова А. Е. Стратегические аспекты диверсификации и модернизации экономики моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 139–145. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-139-145.

Стратегические принципы успешно применяются в практике управления регионами и городами во многих странах. Стратегические планы разрабатываются и выполняются с разной степенью успешности и в российских административно-территориальных образованиях различного уровня. Знакомство с этими документами убеждает, что модернизация предприятий, диверсификация экономики города, создание условий для развития человеческого потенциала, рост инвестиционной привлекательности – это актуально не только для моногородов. Данные рекомендации можно найти в стратегии практически каждого региона и муниципального образования. Но для территорий и поселений с моноотраслевой специализацией экономики (в силу основных причин уязвимости их устойчивого развития) эти рекомендации приобретают особое значение.

Некоторые уроки международного опыта решения проблем моногородов

В мировой практике наработан значительный опыт решения проблем моногородов на основе государственных и региональных мер поддержки. Выполненный анализ опыта Германии, Канады и Китая показывает, что вариантов развития городов с моноотраслевой структурой экономики достаточно много, для каждого конкретного случая разрабатывалась собственная стратегия и подбирался индивидуальный комплекс мер.

Так, Германия продемонстрировала активное участие государства в реализации государственных и региональных программ санации территорий, в частности, в связи с проблемами развития угольной промышленности [1]. Интерес представляет опыт выхода из структурного кризиса, случившегося в середине 1970-х гг. в угледобывающей Рурской области. В 1968 г. на федеральном уровне был принят закон, согласно которому

определялись минимальный объем добычи угля в стране, а также дотации и субсидии для решения проблем моногородов. В 1969 г. была выполнена структуризация угольной промышленности Рура (создан концерн «Рурский уголь») и диверсификация экономики региона.

В 1990-х гг. и в начале этого века после объединения Германии глубокий кризис пережили моногорода на востоке страны. Градообразующие предприятия разорялись, поскольку оказались неконкурентоспособными, произошло сокращение тысячи рабочих мест, наблюдался массовый отъезд молодежи. Кроме того, например, бурное развитие химической промышленности привело к экологической катастрофе в районе таких городов, как Халле, Мерзербург и Биттерфельд. Тем не менее эти города удалось спасти благодаря приватизации предприятий и модернизации устаревшего оборудования. Для управления процессом приватизации в Восточной Германии была создана государственная трастовая компания. Основную роль сыграли городские власти, которые смогли создать благоприятный инвестиционный климат. Бизнес же был ориентирован на производство инновационной продукции, создавались условия для его продуктивных контактов с региональными и федеральными органами управления [2].

В Канаде государственное регулирование осуществляется на федеральном и провинциальном уровнях. Согласно Конституции страны полномочия регионального звена (провинций) и их органов исполнительной власти значительно шире, чем в других федеративных государствах мира. Непосредственное вмешательство государства в регулирование отдельных секторов и отраслей экономики на федеральном уровне крайне ограничено. Тем не менее в целях поддержки провинций федеральное Правительство Канады активно использует инструмент межбюджетных трансфертов. Основными видами трансфертов федерального бюджета в бюджеты провинций и территорий Канады являются трансферты на поддержку системы здравоохранения, социальной сферы, финансовая помощь на поддержку северных территорий страны (в том числе на решение проблем моногородов) и трансферты на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. Доля таких платежей в расходах федерального бюджета в последние годы значительна – в 2015–2016 финансовом году она составила 23,4 % [3, с. 55].

В частности, высоких социальных и финансовых издержек требует стратегия переселения жителей моногородов при закрытии градообразующих производств. В Канаде только в провинции Ньюфаундленд в связи с кризисами в рыболовной отрасли пришлось ее применить дважды. В 1954 г. была разработана Программа централизации (Centralization Programme) рыбацких поселков, которая предполагала финансовую поддержку миграции из небольших депрессивных поселений в крупные города, в которых размещались современные порты, рыболовецкий флот и рыбоперерабатывающие предприятия. Негативное влияние кризиса в данном случае преодолевалось с помощью рефинансирования и реструктуризации [1].

В 1980-х гг. вновь пришлось прибегнуть к переселению жителей рыбацких поселков в рамках национальной программы (в связи со снижением цен на рыбу). Кроме того, были привлечены средства Программы поддержки международной организации Atlantic Fisheries Adjustment (584 млн долл. на 5 лет) [1]. В настоящее время рыболовство составляет лишь незначительную часть валового регионального продукта провинции Ньюфаундленд. Акцент развития удалось сместить на добычу полезных ископаемых.

После Второй мировой войны активизировалось освоение имеющихся природных ресурсов во внутренних и северных районах Британской Колумбии. Была создана транспортная инфраструктура, принята налоговая система, которая побуждала многонациональные компании инвестировать в лесное хозяйство и добычу полезных ископаемых. В результате в этот период получили развитие старые города, возникли новые ресурсные поселения. Многие из них оказались с моноотраслевой специализацией, но тем не менее они не являются однотипными. Их отличают, в частности, возраст и местоположение, тип добываемых ресурсов и способ их разработки, степень корпоративной зависимости, структура рабочей силы.

Рассмотрим канадский опыт решения проблем моногородов на примере одного из вновь построенных в тот период. Тамблер Ридж (Tumbler Ridge) появился в 1982–1984 гг. в связи с реализацией нового крупного угольного проекта [4]. Надо заметить, что развитие угольных ресурсов северо-восточной Британской Колумбии стало продолжением политической экономической стратегии, которая основывается на давно установленном канадском принципе государственных инвестиций в инфраструктуру для содействия частному развитию производства экспортных товаров. В данном случае Япония нуждалась в высококачественном металлургическом угле для своей сталелитейной промышленности и предлагала высокую цену за уголь Тамблер Риджа, который хорошо соответствовал их промышленным потребностям.

При создании этого города изначально опирались на самые последние знания в области городского строительства. В частности, все решения принимались с целью улучшить качество жизни и стабилизировать рабочую силу и были основаны на попытках удовлетворить социальные и психологические потребности жителей северных ресурсных городов. И это удалось. Тем не менее наступили плохие времена. В 2000 г. была закрыта самая большая шахта, и власти провинции инициировали обсуждение вопроса о закрытии города, поскольку считали, что в городе не было перспектив диверсификации экономики. Но городская администрация и жители этого достаточно комфортного и современного города настояли на разработке «Долгосрочного плана ревитализации города». В соответствии с этим документом региональные ресурсы направлялись на финансирование социальных нужд населения и повышение качества предоставляемых социальных услуг. За счет средств местной администрации выкупалось жилье у покидавших город. Что-

бы привлечь в город новую рабочую силы и стимулировать развитие предпринимательства, впоследствии это жилье недорого продавалось желающим жить в Тамблер Ридже. В итоге появились объекты обслуживающего и рекреационного сервиса, лесопильное производство, предприятия малого и среднего бизнеса в других отраслях.

В целом можно отметить, что предоставление социальных сервисов стало ключевым блоком в программах реструктуризации и других небольших ресурсных городов в Канаде, что послужило основой для новой экономической деятельности. Как показывает пример Тамблер Риджа, «устойчивость в предоставлении социально значимых услуг сыграла ведущую роль на переходном этапе. ... Стабильное функционирование социальной инфраструктуры создало рабочие места и основу для диверсификации экономики» [5, с. 25]. Другими словами, был применен метод «управляемого сжатия», благодаря которому удалось избежать судьбы покинутого «города-призрака».

В дальнейшем при освоении сырьевых ресурсов северных территорий Канады были учтены опасности создания моногородов – своевременно разрабатывались и выполнялись специальные программы долгосрочного развития этих территорий, предусматривающие широкое использование вахтового метода и высококвалифицированных кадров.

В Китае в начале 2000-х гг. старые промышленные города (118 ресурсных городов с населением в 154 млн человек) также столкнулись с проблемой истощения ресурсов, что приводило к банкротству предприятий горнодобывающей промышленности и замедлению экономического роста. Проблему усугубляли деградация окружающей среды, отсутствие условий для диверсификации экономики, низкие доходы и высокий уровень безработицы [6–8]. Решения по исправлению ситуации принимались на национальном уровне. Был разработан национальный план оживления местной добывающей промышленности на северо-востоке Китая (2003 г.). В 2007 г. Государственный Совет включил в национальную стратегию развития экономические преобразования ресурсных городов. Для реализации стратегии был задействован широкий набор механизмов (создание специальных фондов, обучение и переобучение рабочей силы, социальное обеспечение и решение экологических проблем, др.). Инвестиционная политика была переориентирована на развитие частного сектора экономики и стимулирование развития малого и среднего бизнеса [9]. Рассмотренные примеры международного опыта кратко представлены в таблице.

Таблица. Некоторые истории успеха в решении проблем развития моногородов (из мирового опыта)
Table. Some success stories in solving the problems of single-industry towns (from world experience)

Страна Город / Отрасль	Пути решения проблем	Примечание (принятые стратегические документы)
Германия		
Рур / Угледобыча	– модернизация; – развитие высшего образования; – создание технологических центров; – улучшение окруж. среды; – субсидирование потребления местного угля	Федеральный закон о реструктуризации и оздоровлении угольной промышленности и угледобывающих регионов (1968 г.)
Халле, Мерзербург, Биттерфельд / Химическая	– приватизация предприятий; – ремонт и обновление устаревшего оборудования; – решение экологических проблем и развитие туризма	Создание государственной трастовой компании для управления процессом приватизации в Восточной Германии (1990 г.)
Канада		
Поселки провинции Ньюфаундленд / Рыбная отрасль	– рефинансирование и реструктуризация; – диверсификация; – государственное участие в управлении компаниями в случае их банкротства и в обеспечении социальных интересов	– Программа централизации рыбацких поселков (1954 г.); – Национальная программа переселения жителей рыбацких поселков; – Программа поддержки международной организации (Atlantic Fisheries Adjustment)
Тамблер Ридж / Угледобыча	– модернизация; – улучшение качества жизни и развитие инфраструктуры как основа для диверсификации; – «управляемое сжатие»	Городская программа «Долгосрочный план ревитализации города» (2000 г.)

Страна Город / Отрасль	Пути решения проблем	Примечание (принятые стратегические документы)
Китай		
Фуксин и др. города / Угледобыча	– выравнивание социального обеспечения; – диверсификация; – укрепление эк. мощи городов; – развитие циркулярной экономики	– Национальный план оживления местной добывающей промышленности на северо-востоке Китая (2003 г.); – Национальная стратегия (2007 г.)

Можно сделать вывод, что основными направлениями развития моногородов в кризисных ситуациях признаются диверсификация экономики и модернизация градообразующих предприятий. При этом в странах с различным государственным устройством огромное значение придается стратегическим аспектам и взаимодействию всех уровней управления (государственного, регионального, местного и корпоративного).

Далеко не все моногорода обладают потенциалом диверсификации своей экономики. Не всякое градообразующее предприятие имеет перспективы развития и не во всех случаях его технологии и оборудование подлежат модернизации. В таком случае с привлечением всех уровней власти и согласованно с бизнесом реализуется сценарий «управляемого сжатия».

Особенности моногородов с сырьевой специализацией

Моногорода обеспечивают значительную долю добычи продукции сырьевых отраслей промышленности России. И если речь идет о добыче невозобновляемых природных ресурсов, то зачастую сталкиваемся с проблемой стагнации города в связи с исчерпанием сырьевой базы для градообразующего предприятия. Кроме того, поселения со специализацией на производстве экспортируемого сырья особенно остро реагируют на изменения во внешней среде (в частности, на снижение цен мирового рынка), а также на внутренние чрезвычайные ситуации (например, на технологические катастрофы, аналогичные той аварии, что случилась на алмазном руднике компании «Алроса» в городе Мирный в Якутии в 2017 г.).

Нами рассматривалась постановка вопроса об актуальности и направлениях диверсификации нефтедобывающего региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) в период высоких цен на нефть [10]. Примененный подход к исследованию региона вполне применим к анализу и прогнозированию социально-экономического развития нефтегазодобывающего моногорода. Вследствие истощения запасов эффективность нефтедобычи снижается, поэтому перспективы долговременного экономического благополучия нефтегазового региона (и города) напрямую зависят от развития обрабатывающей промышленности и других секторов, не связанных с добычей нефтяного сырья. Расчеты и выполненный ситуационный анализ показали, что высокие цены создают благоприятные предпосылки и для поддержания высокого уровня активности в нефтедобыче, и для роста бюджетных доходов региона, а следовательно, возможности для диверсификации структуры экономики. Однако это не означает, что в структуре хозяйства должно происходить искусственное замещение нефтяной промышленности другими – диверсифицирующими – отраслями. Обосновано, что и в таких условиях следует поддерживать естественную динамику развития нефтедобычи с учетом состояния сырьевой базы и конъюнктуры рынка, анализировать возможности перехода к освоению нетрадиционных и все более наукоемких сырьевых ресурсов, а значит ориентироваться на накопленные знания и делать вложения в образование, науку и технологии [10].

Необходимо учитывать и то, что реальное развитие экономики регионов ресурсного типа (и поселений в их составе) характеризуется сильной зависимостью от институтов, ресурсных режимов, а также от состояния инфраструктуры. Как обосновано нами в [11], регионы ресурсного типа не могут выйти на траекторию «стабильно» устойчивого развития вне и без формирования процедур эффективного управления природным капиталом.

Стратегический подход и государственная поддержка моногородов в России

В рамках исследования, представленного в работе [5], проанализирована социально-экономическая ситуация в 18 российских моногородах, разработано более 50 сценариев их возможного долгосрочного развития, сконструированы типовые сценарии (стабильный моногород, индустриальная диверсификация, управляемое сжатие). На основе анализа мирового опыта авторы делают вывод, что лучшие практики решения проблем моногородов могут быть применены и в российских условиях.

При этом отмечается, что предложенная авторами модель индустриальной диверсификации может быть реализована лишь в 45 % включенных в исследование городов и поселков городского типа [5, с. 5]. Показано, что в городах, имеющих инвестиционный потенциал, важны стимулирование развития малого и среднего предпринимательства, налоговые льготы и доступ к инфраструктуре, устранение административных барьеров.

Собственно, такие меры и были приняты в качестве основы государственной поддержки моногородов в России в 2009 г. Но дальнейшее развитие моногородов продемонстрировало, что модель выделения государственных средств преимущественно на диверсификацию дала результаты только в тех городах, у которых был потенциал для создания новых крупных производств.

В 2010 г. при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции была созда-

на Рабочая группа по модернизации моногородов, разработана методология подготовки Комплексных Инвестиционных Планов модернизации моногородов. В течение года большинство моногородов подготовили свои планы. В 2011 г. были вынесены решения о государственной поддержке 35 российских моногородов.

В 2014 г. учреждена некоммерческая организация «Фонд развития моногородов». Правда, пока результаты работы фонда оцениваются неоднозначно. «Проверка показала, что социально-экономическое положение большинства моногородов, несмотря на принимаемые меры со стороны государства, ухудшается, при этом бюджетные расходы увеличиваются. В целом существующая система государственной поддержки моногородов характеризуется формализмом и отсутствием исполнительной дисциплины, а также отсутствием ответственности за принятые решения и их последствия» [12].

Применительно к российскому опыту хотелось бы кратко обратить внимание еще на ряд важных аспектов.

1. Значительное число российских моногородов расположены в регионах со слабым развитием инфраструктуры, что значительно снижает возможности решения их проблем.

2. В России сохраняется полная зависимость муниципалитетов от финансовой помощи из региональных бюджетов, что не способствует стимулированию социально-экономического развития муниципальных территорий и повышению эффективности бюджетных расходов. Актуален поиск новых форм взаимодействия в системе «федеральный центр – регион – муниципалитет».

3. У моногородов нет уверенности в долгосрочности государственных мер поддержки, что снижает их эффективность. Особенно это проявляется в условиях, когда у национальной экономики сохраняется слабый рост, продолжается тенденция стагнации. Решить проблему в кризис невозможно, так как нужны долгосрочные проекты, постоянное и достаточное финансирование, а этой возможности сегодня у российских властей нет.

4. Можно отметить недостаточную квалификацию управленческих кадров на муниципальном уровне, характерную для России.

5. Стратегические документы по решению проблем моногородов должны быть синхронизированы с другими приоритетными направлениями развития. Важнейшей задачей является необходимость принимать своевременные управленческие решения (на всех уровнях управления), чтобы предотвращать появление новых моногородов. Здесь важны мониторинг и диагностика, разработка обоснованных стратегий развития.

6. При этом необходимо согласование целей стратегического развития с компаниями реального сектора экономики, так как документы стратегического планирования экономического развития реализуются именно в реальном секторе экономики и требуют сложной координации. Это может осуществляться через общественные слушания и в рамках работы экспертных советов, через консультации с общественными движениями и региональными объединениями работодателей, на конференциях и семинарах с привлечением высококвалифицированных экспертов и др. Вовлечение всех заинтересованных сторон в обсуждение и реализацию программ по решению проблем моногорода может помочь скоординировать действия и способствовать успеху в достижении поставленных целей. Для этих целей хорошо подходит, в частности, метод ситуационного анализа [10].

7. Поскольку необходима ориентация не на существующие условия, а на те, которым еще только предстоит сложиться, требуются адекватные методы прогнозирования.

Литература

1. Моногорода при постиндустриализме: как их спасают в разных странах мира? // PolitRussia.com. 4.09.2016, 14:45. Режим доступа: http://politrussia.com/ekonomika/kak-vyzhit-monogorodam-723/ (дата обращения: 12.12.2017).

2. Реструктуризация градообразующих предприятий: уроки и передовой опыт Восточной Германии. Берлин: Исследовательский центр ИПМ, Немецкая экономическая группа в Беларуси, 2003. 28 с. Режим доступа: http://www.research.by/webroot/delivery/files/pp2003r05.pdf (дата обращения: 12.11.2017).

3. Аналитический обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Канады за 2015 год. Оттава: Торговое представительство РФ в Канаде, 2016. 85 с. Режим доступа: http://91.206.121.217/TpApi/Upload/014cab1d-16e2-4bb9-876d-29534ba98c98/Economics_Canada_2015.pdf (дата обращения: 22.01.2018).

4. Gill A. M. Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge // Western Geography. 2002. № 12. P. 113–129. Режим доступа: http://www.geog.uvic.ca/dept/wcag/gill.pdf (дата обращения: 15.12.2017).

5. Моногорода. Перезагрузка. Поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях. М.: Базовый элемент. 2013. 53 с. Режим доступа: http://www.ladoga-park.ru/content/2014/04/140426152728/140426152728140426152938.pdf (дата обращения: 23.01.2018).

6. Dong S., Li Z., Li B., Xue M. Problems and Strategies of Industrial Transformation of China's Resource-based Cities // China Population Resources and Environment. 2007. Vol. 17. Iss. 5. P. 12–17. doi: 10.1016/S1872-583X(08)60005-4.

7. Long R., Chen H., Li H., Wang F. Selecting alternative industries for Chinese re-source cities based on intra- and inter-regional comparative advantages // Energy Policy. 2013. 57. P. 82–88. doi: 10.1016/j.enpol.2012.10.047.

8. Lin Zh. A Review of the Studies on the Development of China's Resource-Based Cities // Management Science and Engineering. 2014. Vol. 8. No. 4. P. 1–7. doi: 10.3968/5999. Режим доступа: http://www.cscanada.net/index.php/mse/article/view/5999/6752 (дата обращения: 15.02.2015).

9. Севастьянова А. Е. Трансформация экономики ресурсных регионов // Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью: материалы Международной научной конференции в рамках XIII Международного научного конгресса и выставки «Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2017». Новосибирск: СГУГиТ, 2017. Т. 1. С. 34–39.

10. Севастьянова А. Е., Шмат В. В. Ситуационный анализ диверсификации экономики нефтегазодобывающего региона // Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 49–66.

11. Крюков В. А., Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 93–105. doi: 10.17059/2017-1-9.

12. Бюджетные средства, выделенные Фонду развития моногородов, значительно превышали реальные потребности // Счетная палата Российской Федерации. 10.01.2017. Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/29167 (дата обращения: 10.01.2017).

STRATEGIC ASPECTS OF DIVERSIFICATION AND MODERNIZATION IN THE ECONOMY OF SINGLE-INDUSTRY SETTLEMENTS

Anastasiya Ye. Sevastyanova[1, @]

[1] *Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17, Ac. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, Russia, 630090*
[@] *aseva@ieie.nsc.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: economy of company towns, management, strategic planning, resource-dependent communities.

Abstract: The current research features approaches to solving the problems associated with a decline in the development of old industrial sectors in single-industry towns (monocities, or monocommunities). The target of the study is to show the necessity of strategic approach and interaction of all management levels. Particular attention is paid to resource-dependent communities. Enterprises of mineral resources sector have limits of effective development, associated with gradual depletion of their resource base. Diversification and modernization of the economy of resource-dependent communities are logically linked to a timely achieving of strategic objectives to ensure their long-term sustainable development. Strategic aspects are also important for development planning in the sphere of new raw material deposits. A comprehensive analysis should help avoid the risks of creating new monocommunities with a poor prospect of long-term development.

The article includes an analysis of international experience of Germany, Canada, and China. It is shown that a progress in solving the problems of company towns heavily depends on a strategic partnership between the federal, the regional, and the municipal governments, as well as on their collaboration with business. A conclusion is made that a uniform strategy for the development of various single-industry towns does not exist.

The choice of the way of the development for each particular monotown is determined by its socio-economic characteristics. Among those, remoteness or proximity to large urban agglomerations, industry affiliation and prospects for the development of the city-forming enterprise, opportunities for economic diversification, investment potential and opportunities for attracting investors are of paramount importance.

The process of positive changes, as a rule, is slow and complicated. Thence, it is important to justify the purpose and ways to achieve it. As a rule, extrapolation methods do not work in this case.

For citation: Sevastyanova A. Ye. Strategicheskie aspekty diversifikatsii i modernizatsii ekonomiki monogorodov [Strategic Aspects of Diversification and Modernization in the Economy of Single-Industry Settlements]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 2 (2018): 139–145. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-139-145.

References

1. Monogoroda pri postindustrializme: kak ikh spasaiut v raznykh stranakh mira? [Monocities in post-industrialism: how they are rescued in different countries of the world]. *PolitRussia.com*, 4.09.2016, 14:45. Available at: http://politrussia.com/ekonomika/kak-vyzhit-monogorodam-723/ (accessed 12.12.2017).

2. *Restrukturizatsiia gradoobrazuiushchikh predpriiatii: uroki i peredovoi opyt Vostochnoi Germanii* [Restructuring of the city-forming enterprises: lessons and best practices of East Germany]. Berlin: Issledovatel'skii tsentr IPM, Nemetskaia ekonomicheskaia gruppa v Belarusi, 2003, 28. Available at: http://www.research.by/webroot/delivery/files/pp2003r05.pdf (accessed 12.11.2017).

3. *Analiticheskii obzor sostoianiia ekonomiki i osnovnykh napravlenii vneshneekonomicheskoi deiatel'nosti Kanady za 2015 god* [Analytical review of the state of the economy and the main areas of foreign economic activity of Canada for 2015]. Ottava: Torgovoe predstavitel'stvo RF v Kanade, 2016, 85. Available at: http://91.206.121.217/TpApi/Upload/014cab1d-16e2-4bb9-876d-29534ba98c98/Economics_Canada_2015.pdf (accessed 22.01.2018).

4. Gill A. M. Respecting context in Northern resource town planning: the case of Tumbler Ridge. *Western Geography*, no. 12 (2002): 113–129. Available at: http://www.geog.uvic.ca/dept/wcag/gill.pdf (accessed 15.12.2017).

5. *Monogoroda. Perezagruzka. Poisk novykh modelei funktsionirovaniia monogorodov Rossii v izmenivshikhsia ekonomicheskikh usloviiakh* [Monotown. Reboot. Search for new models of Russian monocities functioning in the changed economic conditions]. Moscow: Bazovyi element, 2013. 53. Available at: http://www.ladoga-park.ru/content/2014/04/140426152728/140426152728140426152938.pdf (accessed 23.01.2018).

6. Dong S., Li Z., Li B., Xue M. Problems and Strategies of Industrial Transformation of China's Resource-based Cities. *China Population Resources and Environment*, 17, Iss. 5 (2007): 12–17. doi: 10.1016/S1872-583X(08)60005-4.

7. Long R., Chen H., Li H., Wang F. Selecting alternative industries for Chinese re-source cities based on intra- and inter-regional comparative advantages. *Energy Policy*, 57 (2013): 82–88. doi: 10.1016/j.enpol.2012.10.047.

8. Lin Zh. A Review of the Studies on the Development of China’s Resource-Based Cities. *Management Science and Engineering*, 8, no. 4 (2014): 1–7. doi: 10.3968/5999. Available at: http://www.cscanada.net/index.php/mse/article/view/5999/6752 (accessed 15.02.2015).

9. Sevast'ianova A. E. Transformatsiia ekonomiki resursnykh regionov [Transformation of economy of resource regions]. *Ekonomicheskoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ekonomika prirodopol'zovaniia, zemleustroistvo, lesoustroistvo, upravlenie nedvizhimost'iu: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh XIII Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa i vystavki «Interekspo GEO-Sibir'-2017»* [Economic development of Siberia and the Far East. Economics of nature management, land management, forest management, property management: Proc. Intern. Sc. Conf. XIII Intern. Sc. Congress and Exhibition "Interexpo GEO-Siberia-2017"]. Novosibirsk: SGUGiT, 2017, 1, 34–39.

10. Sevast'ianova A. E., Shmat V. V. Situatsionnyi analiz diversifikatsii ekonomiki neftegazodobyvaiushchego regiona [Situational analysis of the diversification of the economy of the oil and gas producing region]. *Region: ekonomika i sotsiologiia = Region: Economics and Sociology*, no. 2 (2006): 49–66.

11. Kriukov V. A., Sevast'ianova A. E., Tokarev A. N., Shmat V. V. Sovremennyi podkhod k razrabotke i vyboru strategicheskikh al'ternativ razvitiia resursnykh regionov [Modern Approach to the Development and Selection of Strategic Alternatives for the Development of Resource Regions]. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*, 13, no.1 (2017): 93–105. doi: 10.17059/2017-1-9.

12. *Biudzhetnye sredstva, vydelennye Fondu razvitiia monogorodov, znachitel'no prevyshali real'nye potrebnosti* [The budgetary funds allocated to the Mono-Grove Development Fund were significantly higher than the real needs]. 10.01.2017. Available at: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/29167 (accessed 10.01.2017).

УДК 332.14

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ – ПУТЬ ПЕРЕХОДА МОНОГОРОДОВ К СТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА МЕДИЦИНСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ)

Владимир В. Угольников[1, @]

[1] *Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия, 197376, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 14 А*
[@] *ougalaynnen@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, социально-экономические процессы, здравоохранение, высокотехнологичная медицинская помощь, инновационные предприятия

Аннотация: Предмет работы – модели социально-экономического развития моногородов на основе инноваций в здравоохранении и медицине.
Основу методологии статьи составили работы А. И. Татаркина, В. Н. Бобкова, И. В. Макаровой, П. С. Мстиславского, А. Н. Олейника, В. И. Перхова, О. В. Пушкарева, О. М. Роя.
Область применения результатов работы: научно-практические исследования в области инноваций в здравоохранении, высокотехнологичной медицинской помощи, практико-ориентированных проектов инновационного развития территорий, проектной деятельности – для решения проблем развития моногородов со сложной социально-экономической ситуацией.
Результаты работы: указано на прямую взаимосвязь качества жизни населения моногородов с наиболее сложной социально-экономической ситуацией и здоровья населения, несущего потери ввиду состояния здравоохранения в конкретном моногороде этой группы, социально-экономической политикой местной и региональной власти, отсутствием связи программ развития моногородов со сложной социально-экономической ситуацией с современными производствами новейшей продукции, новейших технологий.
Вывод заключается в рекомендациях по открытию в моногородах производств инновационной продукции, технологий, связанных с обеспечением населения высокотехнологичной медицинской помощью, услугами. Это приведет к повышению качества жизни, росту воспроизводственного потенциала, численности, плотности населения, изменению возрастного состава, росту продолжительности жизни, скорректированной по качеству, другим положительным результатам по направлению здравоохранения. Указанные изменения будут способствовать переходу ситуации, исследуемой по показателю качества жизни, из предкризисной или кризисной – в нормальную. Для моногородов категории с наиболее сложной социально-экономической ситуации эти изменения будут содействовать их переходу в группу моногородов со стабильным развитием социально-экономических процессов.

Для цитирования: Угольников В. В. Инновационные предприятия – путь перехода моногородов к стабильной экономике (на примере производства медицинского оборудования) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 146–151. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-146-151.

Моногорода, относящиеся к категории моногородов с наиболее сложной социально-экономической ситуацией, оцениваются среди других показателей по показателю «качество жизни населения». Он отражает состояние социально-экономического развития городов, поскольку категория качества жизни включает такие характеристики населения, как благополучие (в том числе физическое, психологическое, социальное, экономическое) и возможности развития на длительную перспективу. Понятие «качество жизни» требует всестороннего подхода. Для наиболее полного описания этого понятия используется учет компоненты «генетический потенциал – человеческий потенциал, заложенный при рождении», компоненты «перспективы постоянного улучшения качества жизни в долгосрочном периоде, распространяемом на следующие поколения», других компонент [1]. В этом случае очевидна связь качества жизни и здоровья человека. По Уставу ВОЗ «… здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [2].

Измерение здоровья населения ведется в системе трех групп основных показателей. Первая группа – первичные показатели (смертность; заболеваемость с кратковременной или длительной утратой трудоспособности; оценка функционального состояния и резервов адаптированности). Вторая – производные или расчетные показатели (предстоящая продолжитель-

ность жизни в отдельных категориях возраста; продолжительность жизни без инвалидности, распределение населения по критериям физического, психического и социального благополучия). Третья группа – интегральные показатели, характеризующие социально-экономические аспекты здоровья (потерянные годы потенциальной жизни за счет преждевременной смертности; потерянные годы активной жизни за счет болезней и инвалидности; продолжительность жизни, скорректированная по качеству).

В отечественных научных исследованиях по региональной проблематике важное значение придается вопросам обеспечения безопасности российских регионов. Тут применима классификация состояний по показателю качества жизни населения региона, включающая оценку исследуемой ситуации как 1) нормальную, 2) предкризисную, 3) кризисную. В большинстве случаев полученная по этой шкале оценка приводит к необходимости отнесения моногородов к классам предкризисной и кризисной ситуации.

В данной работе мы сопоставляем оценку социально-экономической ситуации моногородов как наиболее сложную для многочисленной группы моногородов и оценку качества жизни населения в этих моногородах. Среди индикаторов последней оценки находится целые подгруппы, объединяющие, например, показатели общего здоровья населения, воспроизводственного потенциала, заболеваемости профессиональными болезнями, травматизма со смертельным исходом и др. Базовыми для интегральной оценки качества жизни населения конкретных региональных территорий среди других показателей принято считать следующие показатели – численность, плотность, возрастной состав населения. Очевидно, что данные показатели напрямую связаны с состоянием здравоохранения в регионе, социально-экономической политикой муниципальной и региональной власти.

Рассматривая статистические данные по моногородам с особо сложной социально-экономической ситуацией, следует отметить устойчивую тенденцию к сокращению численности их населения. Это связано не только с миграционными процессами, оттоком населения трудоспособного и моложе трудоспособного возраста, но и такими общими проблемами, как финансирование в системе здравоохранения, организация системы ОМС, пенсионной системы, качество оказания медицинской и социальной помощи на местах.

Следует указать на недостаточный объем услуг, которые население моногородов может получить по направлению высокотехнологичной, в наибольшей степени эффективной медицинской помощи. Уместно сослаться на исследования ВОЗ о состоянии здравоохранения в мире. В них указаны актуальные проблемы здравоохранения по проблемам получения доступных и качественных услуг населением различных стран мира. Благополучие напрямую связано с вопросом улучшения здоровья и условиями устойчивого экономического и социального развития в странах мира. Ключевым тезисом провозглашалась возможность населения получать все виды услуг здравоохранения. С другой стороны, утверждалось: никакая страна в мире не в состоянии предоставить одновременно всем гражданам доступ ко всем услугам здравоохранения ввиду ресурсных ограничений, поскольку инновационные медицинские продукты и технологии появляются на рынке быстрее, чем финансовые ресурсы [3]. Финансовые решения по увеличению затрат на медицину и здравоохранение в высокоразвитых странах обусловлены растущей долей пожилого населения и сокращением численности рабочей силы. Исходя из данных исследований, представленных ВОЗ, качественные медицинские услуги ведут к экономии под действием следующих факторов: «эффективность», «больницы», «пакет вмешательств», «экономное использование ресурсов». Однако сокращения расходов не всегда ведет к росту эффективности, а снижение эффективности может быть наоборот связано с излишними расходами [4].

Роль услуг здравоохранения при формировании здоровья населения в моногородах с особо сложной социально-экономической ситуацией увеличивается. Одна из причин – рост показателя по патологиям человека, относящимся к ресурсоемким заболеваниям (хронические болезни органов дыхания, системы пищеварения, злокачественные новообразования и др.), наибольшее влияние на экономику оказывают сердечнососудистые заболевания. Анализ здоровья населения моногородов названной категории свидетельствует о росте числа инвалидов, больных ИБС, ВИЧ, с диагнозом алкоголизм, психозы и т. д. Растет число наркозависимых больных, большая часть которых – молодежь, подростки [5]. Высокие смертность, общая заболеваемость, заболеваемость по отдельным нозологиям существенно влияют на оценку качества жизни в моногороде.

Наиболее качественная медицинская помощь оказывается в секторе высокотехнологичной медицинской помощи. Поток высокотехнологичных медицинских услуг, рост числа медицинских центров их оказания сокращают сроки ожидания и повышают доступность медицинской помощи сферы высоких технологий. Но уровень ее доступности мог быть выше и решить проблемы снижения высокой смертности и инвалидизации, резко повысить качество жизни нуждающихся в ней пациентов, значительно улучшить демографическую ситуацию в моногородах [6].

Одно из решений – вектор инновационного развития экономики моногорода на долгосрочную перспективу, который определяет новые миссию моногородов, цели, задачи и содержание развития промышленных комплексов моногородов, самих моногородов, их предпринимательского и бизнес-сектора. Основой реализации решения инновационного развития может стать создание многоядерных кластеров в моногородах. Для иллюстрации приведем двухъядерный кластер, в ядро которого входят учреждения здравоохранения, оказывающие высокотехнологичную медицинскую помощь, производители инновационного медицинского оборудования и фармацевтической продукции [7]. Графическая модель многоядерного кластера представлена на рисунке.

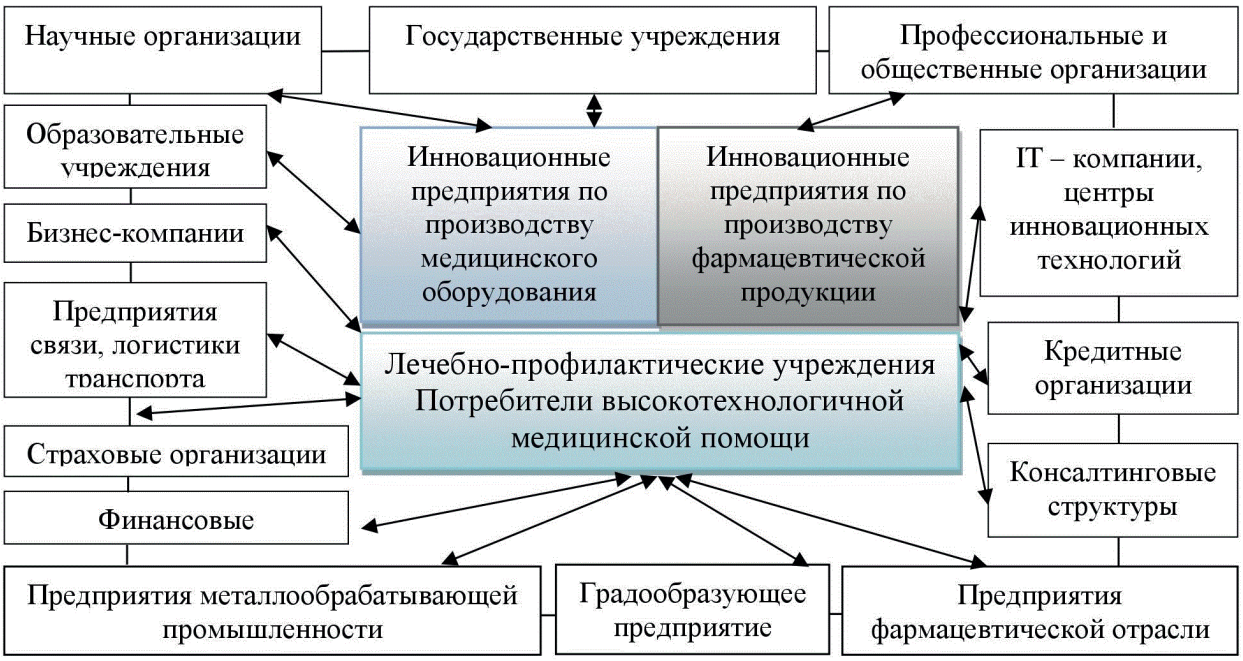

Рис. Модель многоядерного кластера на основе производств высокотехнологичного медицинского оборудования и фармацевтической продукции
Fig. The model of a multi-core cluster based on the production of high-tech medical equipment and pharmaceutical products

Лидеры кластера входят в его ядро (на рисунке выделено цветом). Двусторонние внутренние стрелки указывают на взаимосвязь и взаимовлияние всего ядра кластера с хозяйствующими субъектами. Внешние отрезки прямой линии объединяют в единый комплекс всех участников кластера. Многоядерный кластер инновационного развития моногородов может стать основой реализации инновационной стратегии развития российских моногородов с наиболее сложной социально-экономической ситуацией. Многоядерный кластер с включением инновационных предприятий в ядро организаций лидеров – организационно-экономический механизм инновационного развития моногородов. Расширенная авторская модель организационно-экономического механизма развития сложных систем представляет комплексный многоядерный многовекторный кластер, включающий комплекс ядер [8; 9]. Каждое ядро включает производство инновационной продукции – производство продукции с высокой добавленной стоимостью.

Для улучшения здоровья и повышения качества жизни в моногородах с наиболее сложной социально-экономической ситуацией предложим конкретные примеры производств импортозамещающей продукции сферы высокотехнологичной медицинской помощи, фармацевтической продукции. Соответствие инновационности производств связано с продуктами и технологиями, созданными на предприятиях ведущих университетских технопарков Российской Федерации, в частности, в технопарке Санкт-Петербургского государственного электро-технического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург [10].

Для примера нами выбраны производство современных дентальных рентгеновских аппаратов для прицельной съемки и производство медицинской техники на базе длинноволновых кремниевых излучателей (ИК-диодов).

Производство инновационного оборудования: современные дентальные рентгеновские аппараты для прицельной съемки. В него входят визиографы на основе рентгеночувствительных ПЗС или КМОП-матриц отечественного производства. Российские лечебно-профилактические учреждения заинтересованы в приобретении дентальных аппаратах как и в томографах. В настоящее время они закупаются через зарубежные поставки. Необходимо подчеркнуть, что европейские стандарты уровня социально-экономического развития включают число плановых рентгенологических процедур за год на 100 000 человек. Внутренний рынок готов к спросу в 1000 аппаратов в год для прицельной съемки в стационарном исполнении и 300 перспективных портативных аппаратов в год. Эти аппараты позволяют проводить ангиографические и томографические исследования сердечно-сосудистой системы и сосудов головного мозга.

Основная причина отставания России в проведении важных и востребованных медицинских процедур – отсутствие отечественного производства «тяжелой» рентгенодиагностической техники: ангиографов, компьютерных томографов. Нет производства современных визиографов. В то же время перед отечественным здравоохранением поставлена цель полного отказа от пленочной технологии визуализации рентгеновского изображения.

Важно понимать, что при сборочном производстве рентгенодиагностических комплексов из импортных узлов возникают большие проблемы, и «отверточное» производство «тяжелой» рентгенодиагностической техники у нас не налажено. Необходимо отечественное производство современных рентгенодиагностических комплексов, которое предлагается разместить в моногородах со сложной социально-экономической ситуацией. Сегодня только несколько мировых производителей (Siemens, Hamamatsu, Varian) производят соответствующее оборудование на рынке медицинского оборудования. Серийное производство этих компонентов – потенциальная статья экспорта.

Другими направлениями являются производство портативных рентгенодиагностических комплексов «ПАРДУС-Стома» (для исследований в стоматологии и челюстно-лицевой хирургии в нестационарных условиях); стационарных портативных рентгенодиагностических комплексов «ПАРДУС-Стома» (для аналогичных исследований в условиях специализированного рентгеновского кабинета); рентгенодиагностических комплексов «ПАРДУС-Травма», для травматологии (для проведения рентгенодиагностики в нестационарных условиях – на месте происшествия, в домашних условиях); рентгенодиагностических комплексов «ПАРДУС-Зоо» (для ветеринарии).

Производство инновационного оборудования: медицинской техники на базе длинноволновых кремниевых излучателей (ИК-диодов). Производство аппарата для длинноволновой ИК-терапии «ИК-Диполь» и установки для терагерцевой и длинноволновой ИК-терапии «Инфратератро». Это оборудование повышает эффективность мероприятий при комплексном лечении кардиохирургического и кардионеврологического профиля, при лечении обширных ожогов и ран, заболеваниях центральной нервной системы, в травматологии и спортивной медицине, ускоряют выздоровление больных ИБС.

Для решения цели быстрой постановки диагнозов предлагается изготовление масс-спектрометра. Это приборы быстрой постановки диагнозов. Суть: после аэробной нагрузки пациент выдыхает в специальную маску, и по «выдоху» можно диагностировать рак и туберкулёз. Прибор имеет перспективы в региональной поддержке. Их изготовление также проходит на предприятиях по производству инновационного оборудования. Аналогично для изготовления комплектов компьютерных программ для профилактики социально-значимых заболеваний. С учетом того, что в моногородах с особо сложной социально-экономической ситуацией актуальна работа по профилактике и борьбе с угрозами социально-значимых заболеваний (ВИЧ, гепатиты, наркомания, алкоголизм, инфекции, передающиеся половым путем), такое производство крайне необходимо к размещению в границах территории моногородов. Программы направлены на формирование здорового образа жизни, навыков безопасного поведения.

В моногородах могут создаваться и открываться инновационные предприятия иных, отличных от здравоохранения, медицины, производственных сфер.

Литература

1. Куклин А. А., Гурбан И. А., Коробицын Б. А., Никулина Н. Л., Васильева Е. В., Чусова А. Е. Комплексная методика диагностики качества жизни в регионе / ред. А. И. Татаркин, А. А. Куклин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 124 с.

2. Устав Всемирной организации здравоохранения. Принят Международной конференцией здравоохранения, Нью-Йорк, 19–22.06.1946. Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=7787#0 (дата обращения: 30.01.2018).

3. Доклад о состоянии здравоохранения в мире. Финансирование систем здравоохранения. Путь к всеобщему охвату населения медико-санитарной помощью. Всемирная организация здоровья, 2010. 106 с. Режим доступа: http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/whr2010.pdf (дата обращения: 30.01.2018).

4. Научные исследования в целях достижения всеобщего охвата населения медицинскими услугами. Доклад о состоянии здравоохранения в мире. Всемирная организация здоровья, 2013. 206 с. Режим доступа: http://www.who.int/whr/2013/report/ru/ (дата обращения: 30.01.2018).

5. Угольников В. В. Мультидисциплинарный подход к обеспечению безопасности жизнедеятельности, сохранения здоровья и жизни // Технико-технологические проблемы сервиса. 2015. № 3. С. 105–110.

6. Угольников В. В. Высокотехнологичная медицинская помощь и медицинская реабилитация: доступность и экономическая эффективность // Управление и коммуникации: анализ тенденций и перспективы развития: сб. науч. ст. / под ред. А. Н. Николаевой. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. С. 191–197.

7. Угольников В. В. Региональный комплексный кластер – среда оказания эффективной высокотехнологичной медицинской помощи // Современные направления теоретических и прикладных исследований: материалы международной научно-практической конференции. Т. 11. Экономика. Одесса, 2011. С. 5–9.

8. Угольников В. В. Организационно-экономический механизм развития высокотехнологичной медицинской помощи: дис. … канд. экон. наук; С.-Петерб. гос. экон. ун-т, Санкт-Петербург, 2015. 185 с.

9. Ugolnikov V. V. Comprehensive multi-core multi-vector cluster and economic effectiveness of high-tech medical care // Problems of development modern science: theory and practice. Collection of scientific articles. Madrid, 2016. P. 84–87.

10. Научно-технические разработки по перспективным научным направлениям университета. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2016. 165 с.

INNOVATIVE ENTERPRISES AS A WAY TO STABLE ECONOMY IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS (MEDICAL EQUIPMENT PRODUCTION CASE STUDY)

Vladimir V. Ugolnikov[1, @]

[1] *Saint-Petersburg Chemical-Pharmaceutical Academy, 14 A, Professora Popova St., St. Petersburg, Russia, 197376*
[@] *ougalaynnen@mail.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: single-industry town, socio-economic processes, health care, high-tech medical care, innovative enterprises.

Abstract: The current research features various models of social and economic development in single-industry towns in the sphere of medical innovations.
Methodological basis of the article are the works by A. I. Tatarkin, V. N. Bobkov, I. V. Makarova, P.S. Mstislavsky, A. N. Oleinik, V. I. Perkhov, O. V. Pushkarev, O. M. Roy
The study results can be used in scientific and practical research in the fields of innovations, healthcare, high-tech medical care, innovative development of territories, and project activities. In general, the study can assist single-industry cities with a complex socio-economic situation.
Research results. We have established a connection between the life quality in problem-plagued single-industry towns and public health. The population of such single-profile settlements decreases due to social-economic policies of local and regional authorities, since programs for their development do not presuppose innovative production.
In conclusion, the authors recommend starting enterprises that would produce innovative products. These enterprises are associated with providing the population with high-tech medical care and services. The recommendations will lead to an improvement of the quality of life, population growth and density, changes in the age structure, and an increase in the life expectancy. This measure will help to stabilize a pre-crisis situation / crisis situation and facilitate the development of socio-economic processes.

For citation: Ugol'nikov V. V. Innovatsionnye predpriiatiia – put' perekhoda monogorodov k stabil'noi ekonomike (na primere proizvodstva meditsinskogo oborudovaniia) [Innovative Enterprises as a Way to Stable Economy in Single-Industry Towns (Medical Equipment Production Case Study)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 146–151. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-146-151.

References

1. Kuklin A. A., Gurban I. A., Korobitsyn B. A., Nikulina N. L., Vasil'eva E. V., Chusova A. E. *Kompleksnaia metodika diagnostiki kachestva zhizni v regione* [Comprehensive methodology for diagnosing the quality of life in the region]. Ed. Tatarkin A. I., Kuklin A. A. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2009, 124.
2. *Ustav Vsemirnoi organizatsii zdravookhraneniia. Priniat Mezhdunarodnoi konferentsiei zdravookhraneniia* [The Charter of the World Health Organization. Adopted by the International Conference of Health]. New York, 19–22.06.1946. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MED&n=7787#0 (accessed 30.01.2018).
3. *Doklad o sostoianii zdravookhraneniia v mire. Finansirovanie sistem zdravookhraneniia. Put' k vseobshchemu okhvatu naseleniia mediko-sanitarnoi pomoshch'iu* [Report on the state of health in the world. Financing of health systems. The way to universal coverage of the population with health care]. 2010, 106. Available at: http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/whr2010.pdf (accessed 30.01.2018).
4. *Nauchnye issledovaniia v tseliakh dostizheniia vseobshchego okhvata naseleniia meditsinskimi uslugami. Doklad o sostoianii zdravookhraneniia v mire* [Scientific research in order to achieve universal coverage of the population with medical services. World Health Report]. 2013, 206. Available at: http://www.who.int/whr/2013/report/ru/ (accessed 30.01.2018).
5. Ugolnikov V. V. Mul'tidistsiplinarnyi podkhod k obespecheniiu bezopasnosti zhiznedeiatel'nosti, sokhraneniia zdorov'ia i zhizni [Multidisciplinary approach to providing life safety, preservation of health and life]. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa = Technical and technological problems of service*, no. 3 (2015): 105–110.
6. Ugolnikov V. V. Vysokotekhnologichnaia meditsinskaia pomoshch' i meditsinskaia reabilitatsiia: dostupnost' i ekonomicheskaia effektivnost' [High-tech medical care and medical rehabilitation: accessibility and cost-effectiveness]. *Upravlenie i kommunikatsii: analiz tendentsii i perspektivy razvitiia* [Management and communications: analysis of trends and prospects for development]. Ed. Nikolayeva A. N. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2016, 191–197.
7. Ugolnikov V. V. Regional'nyi kompleksnyi klaster – sreda okazaniia effektivnoi vysokotekhnologichnoi meditsinskoi pomoshchi [Regional complex cluster as environment for effective high-tech medical care]. *Sovremennye napravleniia teoreticheskikh i prikladnykh issledovanii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current trends in theoretical and applied research: Proc. Int. Sc.-Prac. Conf.]. Odessa, vol. 11. Economy (2011): 5–9.

8. Ugolnikov V. V. *Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm razvitiia vysokotekhnologichnoi meditsinskoi pomoshchi*. Diss. kand. ekon. nauk [The organizational and economic mechanism development of high-tech medical care. Cand. econ. Sci. Diss.]. S-Petersb. State Econ. Univ. Saint-Petersburg, 2015, 185.

9. Ugolnikov V. V. *Comprehensive multi-core multi-vector cluster and economic effectiveness of high-tech medical care. Problems of development modern science: theory and practice*. Madrid, 2016, 84–87.

10. *Nauchno-tekhnicheskie razrabotki po perspektivnym nauchnym napravleniiam universiteta* [Scientific and technical developments on promising scientific directions of the University]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi elektrotekhnicheskii universitet «LETI» im. V. I. Ul'ianova (Lenina), 2016, 165.

УДК 331.4

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНЕ

***Валентина В. Халиулина*[1, @1], *Владимир А. Шабашев*[1, @2], *Светлана В. Шабашева*[1, @3, @4]**

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@1] *gulia710@mail.ru*
[@2] *bash_kemsu@mail.ru*
[@3] *svshab71@mail.ru*
[@4] *shabasheva_s@mail.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: человеческий капитал, здоровье, образование, мотивация, социальная защита, регион.

Аннотация: В статье рассматриваются составные элементы человеческого капитала, их влияние на развитие региона. Отмечается особая роль здоровья как важной составляющей человеческого капитала в повышении эффективности производства. Рассматриваются существующие подходы к определению трудового и кадрового потенциала на уровне личности, организационного образования (предприятие, регион, общество в целом). Анализируются направления их рационального использования на примере транспортных предприятий г. Кемерово и Кемеровской области и излагаются конкретные предложения по улучшению работы в этом направлении. Приводятся результаты социологического исследования авторов в области мотивации персонала анализируемых предприятий и фактов нарушений в сфере трудовых отношений, их взаимовлияние. Акцентируется внимание на способах противодействия руководству предприятий в случае нарушения трудовых прав. Подчеркивается необходимость социальной ответственности бизнеса в поддержании и развитии человеческого капитала. Обозначена потребность комплексного подхода к эффективному использованию человеческого капитала в регионе.

Для цитирования: Халиулина В. В., Шабашев В. А., Шабашева С. В. Комплексный подход к повышению эффективности использования человеческого капитала в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 152–156. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-152-156.

Самым важным ресурсом развития экономики региона является человеческий капитал. Поэтому целесообразно применять комплексный подход в процессе рационального использования человеческого капитала как в каждой организации, так и на региональном уровне управления.

Для характеристики человеческого капитала (ЧК) мы используем определение, которое дали А. И. Добрынин и его соавторы, это «имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов» [1, с. 43]. Другие авторы (И. В. Ильинский) делают акцент на таких элементах ЧК, как состояние здоровья, уровень общего и профессионального образования, развитие культуры [2, с. 130]. Особый интерес представляют такие составляющие, как «образовательный капитал и капитал здоровья» [3, с. 8], проблема их сбалансированного воспроизводства. Относительно здоровья отметим, что в работе мы используем определение из Устава Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (ред. 2003 г.): «Здоровье – это полное физическое, социальное и духовное благополучие» [4, с. 32]. Физическое здоровье – это свойство организма обеспечить двигательную активность человека на адекватном уровне поведения и деятельности. Духовное и социальное благополучие – это осознание своего места и роли в социальном мире и адекватное выполнение своей жизненной миссии.

Здоровье имеет две составляющие: наследственную и приобретённую в результате инвестиций в человека, которые осуществляются самим индивидом, работодателем, а также в виде государственных расходов в сфере здравоохранения. Хорошее состояние здоровья позволяет продлевать период активной занятости населения, способствует росту трудовой отдачи, повышению производительности труда, общей работоспособности. Дает возможность эффективно задействовать другие элементы человеческого капитала: развивать образовательный, профессионально-квалификационный потенциал, что позволяет рациональнее распорядиться физическими и психологическими возможностями человека. Инвестиции, направленные на поддержание хорошего физического состояния индивида, охрану здоровья, замедляют процессы износа организма и, следовательно, работают на увеличение качества человеческого капитала и срока его службы. Это приводит к достаточно высокой экономической отдаче как самого работника, так и организации, а также и региона в целом.

В этом плане следует акцентировать внимание работодателей региона на системе питания работников, организации профилактических обследований, особенно это касается вредных производств. Здоровье человеческих ресурсов поддерживается не только содержательным трудом, но и правильно организованными периодами отдыха, компенсирующими расходы физической и нервной энергии в процессе выполнения трудовой функции. Это должно учитывать руководство предприятий с участием общественных организаций, регламентирующее рабочее время, интенсивность рабочего процесса, регулирующее распределение средств для финансирования социальных программ. Статистика показывает, что чаще всего работники обращаются за медицинской помощью из-за простудных заболеваний, которые составляют в среднем 60–65 % всех обращений среди занятых. Поэтому профилактические программы профилактики, здорового образа жизни играют немаловажную роль в сохранении здоровья.

Человеческий капитал находит свое выражение в потенциале работника. Существует несколько трактовок понятия «потенциал» работника: выделяют трудовой потенциал, кадровый, квалификационный потенциалы. Слово потенциал в общем смысле означает определенные источники, способности, средства, которые могут быть использованы для достижения определенной цели. Потенциал как экономическая категория представляет собой собирательную характеристику ресурсов в определенном времени и пространстве, т. е. источник возможностей, средств, запаса.

В экономической литературе и на практике используется понятие «трудовой потенциал», рассматриваемый как совокупность трудовых возможностей конкретного индивида, коллектива, общества в целом. «Понятие кадровый потенциал … наиболее применимо к уровню организации, предприятия, компании» [5, с. 338]. Сопоставление данных понятий предполагает, что «трудовой потенциал» имеет отношение и к личности и к совокупности работников организации, а также применимо на уровне региона, общества.

Изучению «трудового потенциала различного уровня посвящены труды многих ученых, однако в настоящее время нет однозначного подхода к определению этого понятия» [5, с. 339]. Некоторые авторы (Б. М. Генкин) полагают, что на формирование трудового потенциала человека оказывает в большей степени влияние базовый потенциал личности в целом (уровень образования, воспитание, состояние здоровья, жизненный опыт человека, его способности [6, с. 97]. По мнению авторов, более целесообразно трудовой потенциал работника представлять сквозь призму следующих составляющих: квалификационной; личностной, включающей мотивированность работника, его ценностные ориентации, социальную зрелость; социально-демографической; психофизиологической, отражающей состояние здоровья, работоспособность, тип нервной системы и др. [5, с. 339].

Развитие кадрового потенциала непосредственно связано с обучением, формированием кадрового резерва и построением карьеры. В то же время развитие персонала должно опираться на эффективную систему адаптации и мотивации сотрудников. Авторами было проведено исследование на нескольких транспортных предприятиях Кемеровской области, касающееся проблем взаимовлияния адаптации и мотивации на становление и развитие кадрового потенциала.

Влияние проблем мотивации на развитие кадрового потенциала было изучено более глубоко на примере ОАО «Предзаводская автобаза» г. Кемерово. Анализ кадрового потенциала работников показал, что с момента вхождения предприятия в состав холдинга «Стройдорэкспорт» в 2000 г., оно динамично росло, ежегодно увеличивая численность работающих и объемы оказываемых услуг. Однако на протяжении последних десяти лет отмечается стабилизация общей численности и некоторое сокращение числа основных рабочих.

Исследование текущего состояния системы мотивации персонала ОАО «Предзаводская автобаза» показало, что работники в целом удовлетворены различными аспектами своей трудовой жизни, за исключением размера своего заработка, возможностей должностного продвижения, уровня организации труда.

В ходе исследования установлено, что на предприятии большое внимание уделяется решению социальных проблем работников, а также активно используются различные виды нематериального стимулирования работников. В то же время система материального стимулирования персонала нуждается в совершенствовании. Подтверждением неудовлетворенности сотрудников действующей системой стимулирования является повышенный для предприятия показатель текучести персонала (так, в 2009–2010 г. он приближался к 50 %). В последующие годы данный показатель снизился, но по-прежнему выше среднего по предприятиям данной сферы деятельности (больше 10 %).

В качестве необходимых мероприятий по повышению уровня мотивации всего персонала ОАО «Предзаводская автобаза» предлагается следующее:

1. Исследование потребностей, мотивов сотрудников с последующим постоянным их мониторингом.

2. Использование следующих направлений мотивационной политики компании: публичная похвала работников на пятиминутках, совещаниях, собраниях; предоставление линейным руководителям большей самостоятельности в принятии тактических решений путем делегирования им части соответствующих полномочий.

3. Совершенствование премиальной системы оплаты труда водителям автомобилей различной грузоподъемности и назначения.

4. Уменьшение размеров штрафа за «негрубые» нарушения правил внутреннего трудового распорядка.

5. Использование, где это возможно, сдельной оплаты труда для слесарей-ремонтников, привязка размера их премии к величине прибыли.

6. Проведение аттестации каждого руководителя и специалиста, по итогам которой рекомендуется вводить персональные надбавки.

Особое внимание следует уделять правовой и социальной защите работников.

Нарушения в сфере трудовых отношений характерны для организаций различных форм собственности, однако чаще встречаются в частном секторе, на предприятиях малого и среднего бизнеса. Необходимо отметить, что работодатели практически не учитывают негативное влияние нарушения трудовых прав на мотивацию работников и эффективность их труда. Работники, оказываясь в такой ситуации, начинают различным образом противодействовать работодателю, что не может не отразиться на результатах их труда.

Данное предположение подкреплено выводами социологического исследования, проведенного на базе небольших транспортных компаний ООО «Галеон» и ООО «Транс-Экспресс-Метелица» (в г. Кемерово). Гипотезой проводимого исследования явилось положение о том, что защита трудовых прав и свобод работников со стороны работодателя оказывает прямое воздействие на трудовую мотивацию, производительность труда, качество выполняемой работы.

ООО «Галеон» и ООО «Транс-Экспресс-Метелица» работают на рынке транспортных услуг уже более десяти лет и профессионально осуществляют поставку любых партий грузов из Москвы и Санкт-Петербурга в такие города России, как Новосибирск, Кемерово, Омск, Томск, Барнаул, Красноярск, Иркутск, Екатеринбург, Тюмень, Челябинск, Курган, Хабаровск, Владивосток.

Исследование было проведено в виде анкетного опроса сотрудников данных компаний. Один из блоков вопросов анкеты затрагивал проблему защиты трудовых прав работников и ее влияние на трудовую мотивацию.

Всего в анкетном опросе приняли участие двадцать человек (около 98 % сотрудников). Данного количества респондентов достаточно для выявления текущей ситуации в данных компаниях (малый и средний бизнес), а также для формулировки рекомендаций по ее улучшению.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что основными мотивами трудовой деятельности персонала компаний являются, прежде всего, материальное благополучие и удовлетворение социальных потребностей, потребности в самовыражении. Данные мотивы актуальны как для рабочих, так и для руководителей, специалистов. Рассмотрим их.

1. Оценка системы мотивации труда. Большинство сотрудников считает, что руководство не уделяет достаточного внимания формированию эффективной системы мотивации труда. Менеджеры среди разнообразных методов мотивации, как показало исследование, чаще всего используют принуждение и реже убеждение. Редко применяются такие методы, как вовлечение, оказание доверия, внушение, что не может не оказывать негативного влияния на трудовую мотивацию персонала.

2. Предоставление социальных гарантий для членов трудового коллектива является прямой обязанностью работодателя. Данное положение прописано в главном нормативном документе, регулирующем трудовые отношения, в Трудовом кодексе Российской Федерации (статья 164) [7]. Недостаточное количество социальных гарантий оказывает негативное влияние на трудовую мотивацию персонала и отношение к компании в целом. Результаты анкетного опроса показали, что более половины опрошенных (51 %) отметили недостаточный уровень социальных гарантий, предоставляемых компанией. Вопрос о социальных гарантиях тесно связан с проблемой возникновения конфликтных ситуаций между работниками и работодателями. Основными причинами возникновения трудовых конфликтов с работодателем, по результатам анкетного опроса, оказались принуждение к выполнению работ, не предусмотренных трудовым договором (30 % опрошенных); 25 % работников выбрали такие причины, как «несвоевременная оплата труда», «заработная плата соответствовала условиям договора, но казалась несправедливой по сравнению с затратами на труд», «теневые» выплаты заработной платы; 20 % указали в качестве причины конфликтов превышение фактической продолжительности рабочего времени по сравнению с нормативной; 10 % – превышение должностных полномочий со стороны руководства. Также были указаны такие причины трудовых конфликтов с работодателем, как несоответствие выплачиваемой заработной платы «обещанной» при заключении трудового договора, несоответствие условий труда санитарно-гигиеническим нормам, принуждение к выполнению работы, не отвечающей правилам безопасного труда, отказ работодателя от предоставления социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством, ущемление трудовых прав работника по сравнению с другими (по сути, дискриминация).

Респондентам также было предложено поделиться наблюдениями из личного опыта, привести примеры противодействия работодателю при нарушении трудовых прав. 70 % опрошенных отметили такой способ противодействия, как создание видимости работы. На втором месте (55 %) по популярности стоят невыходы на работу под благовидным предлогом. Также популярными способами противодействия произволу работодателя являются использование ресурсов организации в свою пользу, небрежное отношение к выполнению своих обязанностей (50 %), выполнение сторонних заказов и снижение производительности труда. По мнению 10 % опрошенных, работники используют в качестве метода противодействия работодателю игнорирование его инициатив.

Полученные ответы на обозначенные выше вопросы подтверждают предположение о том, что нарушение трудовых прав работников оказывает негативное влияние на их трудовую мотивацию, снижает производительность труда и его интенсивность. Данные выводы подкрепляются результатами исследований, проводимых авторами в других организациях в более ранний период (ООО «Е-Лайт-Телеком», ЗАО «Сибторг»). Перечисленные способы противодействия работодателю в случае нарушения трудовых прав являются в основном неформальными и пассивными. «Распространенной формой пассивного сопротивления работников является рестрикционизм – коллективное ограничение норм выработки при формальном соблюдении производственных требований» [8, с. 190]. К разновидностям пассивного противодействия также можно

отнести небрежное отношение к работе, затягивание или игнорирование сроков выполнения распоряжений, противостояние нововведениям и т. д. Как уже отмечалось, происходит снижение трудовых показателей, увеличение длительности перерывов, учащаются отлучки с рабочего места, возникает явление абсентеизма. При халатном отношении сильно страдает качество работы.

На основе многочисленных исследований, проводимых по вопросам защиты трудовых прав, можно сделать вывод о том, что формальные способы защиты трудовых прав не пользуются большой популярностью среди работников. В Трудовом кодексе Российской Федерации в качестве способов защиты прав и свобод работника выделены самозащита работниками трудовых прав; защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; государственный надзор и контроль над соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; судебная защита [7].

Однако на практике эти способы не востребованы среди большей части работников, что связано с недостаточным уровнем юридической грамотности: большинство российских работников слабо информированы о своих трудовых правах, а также о возможных способах их защиты. Многие оценивают формальные способы защиты трудовых прав как малоэффективные. В случае обращения к субъектам защиты трудовых прав – в судебные инстанции, Государственную инспекцию труда, органы надзора и контроля, органы власти – работники нередко сталкиваются с фактом длительного рассмотрения своего заявления. Разбирательства с работодателем занимают достаточно много времени и нередко требуют вложения материальных ресурсов. Не все работники обладают необходимыми юридическими знаниями, запасом времени и материальными ресурсами для активного противостояния действиям работодателя. На практике чаще всего работники ничего не предпринимают или идут на уступки. В случае если факты нарушения трудовых прав продолжают иметь место, персонал начинает пассивно сопротивляться действиям работодателя. Это сопротивление существенно снижает трудовую мотивацию, качество и интенсивность труда, приводит к сокращению норм выработки, оппортунистическому поведению членов трудового коллектива.

Следует продумать механизм согласования интересов работодателей и работника, апробированным элементом которого является заключение и в дальнейшем соблюдение коллективного договора. Однако на практике данная форма социально-партнерского регулирования трудовых отношений в основном характерна для крупных и средних предприятий. Малый бизнес пока не охвачен этой формой, и здесь есть определенные трудности. Поэтому можно обратить внимание на опыт других стран, использующих для частного бизнеса организацию так называемых территориальных профсоюзов, предусматривающую привлечение работников нескольких организаций, расположенных на определенной территории (квартал, район).

По данным Федерации профсоюзных организаций Кузбасса, 95 % предприятий, где существуют первичные организации профсоюзов, имеют коллективные договоры. В 2017 г. было заключено более 3700 коллективных договоров. Федерация профсоюзных организаций Кузбасса, Коллегия администрации Кемеровской области и работодатели Кемеровской области подписали Кузбасское региональное соглашение на 2016–2018 годы, направленное на создание необходимых условий для экономического развития области и обеспечение социальных гарантий работников.

От Администрации Кемеровской области документ подписал Губернатор области А. Г. Тулеев, от работодателей – Председатель совета директоров компании «Кузбассразрезуголь» А. Р. Бокарев, от профсоюзов – Председатель Федерации профсоюзных организаций Кузбасса. Кузбасское соглашение является залогом общественного согласия, политической и экономической стабильности. В нем отражены следующие особенности:

− выплата минимальной заработной платы не ниже полуторакратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения Кемеровской области;

− оплата работы в ночное время в повышенном размере, но не менее чем на 40 %;

− обеспечение в структуре заработной платы доли постоянной (гарантированной) части не ниже 60–70 %.

Таким образом, комплексное использование всех элементов человеческого капитала способствует повышению эффективности производства и росту качества жизни населения региона.

Литература

1. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Коннов В. А. Производительные силы человека: структура и формы проявления. СПб.: СПбУЭФ, 1993. 164 с.

2. Ильинский И. В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном производстве. СПб.: СПбУЭФ, 1996. 163 с.

3. Шабашев В. А., Шорохов С. И. Особенности влияния образовательного капитала и капитала здоровья на экономический рост в регионах различной хозяйственной специализации // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 38. С. 7–12.

4. Каргин Н. Н., Диденко В. Д., Сигида Е. А. Системный подход к разработке жизнесберегающей концепции здоровья // Сервис plus. 2008. № 4. С. 31–35.

5. Халиулина В. В., Шабашева С. В. Здоровье – важная составляющая трудового потенциала // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1. С. 338–342.

6. Генкин Б. М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 448 с.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Принят Государственной Думой 21.12.2001 (ред. от 31.12.2017). Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/tkrf/ (дата обращения: 14.12.2017).
8. Халиулина В. В. Беспалова Ю. Е. Защита трудовых прав и мотивация персонала // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4. С. 189–193.

INTEGRATED APPROACH TO IMPROVING THE EFFICIENCY OF THE USE OF HUMAN CAPITAL IN THE REGION

***Valentina V. Haliulina*[1, @1], *Vladimir A. Shabashev*[1, @2], *Svetlana V. Shabasheva*[1, @3, @4]**

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@1] *gulia710@mail.ru*
[@2] *bash_kemsu@mail.ru*
[@3] *svshab71@mail.ru*
[@4] *shabasheva_s@mail.ru*

Received 01.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: human capital, health, education, motivation, social protection, region.

Abstract: The article deals with the constituent elements of the human capital and their influence on the development of the region. It stresses the special role of health as an important component of human capital in increasing production efficiency.
The paper describes the current approaches to the definition of labor and human resources at the individual and community level (enterprise, region, society). It features the directions of their rational use in the case of transport enterprises of Kemerovo-city and the Kemerovo region. The authors give specific proposals for its improvement.
The study involves a sociological survey revealing the motivation of the personnel as well as facts of violations in the sphere of labor relations, and their interconnection. Attention is focused on ways to counteract the management of enterprises in case of violation of labor rights. The authors emphasize the need for social responsibility in the maintenance and development of human capital, especially the need for an integrated approach to the effective use of human capital in the region.

For citation: Haliulina V. V., Shabashev V. A., Shabasheva S. V. Kompleksnyi podkhod k povysheniiu effektivnosti ispol'zovaniia chelovecheskogo kapitala v regione [Integrated Approach to Improving the Efficiency of the Use of Human Capital in the Region]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 152–156. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-152-156.

1. References

2. Dobrynin A. I., Diatlov S. A., Konnov V. A. *Proizvoditel'nye sily cheloveka: struktura i formy proiavleniia* [The Productive forces of man: structure and forms of expression]. Saint-Petersburg: SPbUEF, 1993, 164.
3. Il'inskii I. V. *Investitsii v budushchee: obrazovanie v innovatsionnom proizvodstve* [Investing in the future: education in innovative production]. Saint-Petersburg: SPbUEF, 1996, 163.
4. Shabashev V. A., Shorokhov S. I. Osobennosti vliianiia obrazovatel'nogo kapitala i kapitala zdorov'ia na ekonomicheskii rost v regionakh razlichnoi khoziaistvennoi spetsializatsii [Peculiarities of impact of educational capital and health capital on economic growth in various regions and economic specialization]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 38 (2010): 7–12.
5. Kargin N. N., Didenko V. D., Sigida E. A. Sistemnyi podkhod k razrabotke zhiznesberegaiushchei kontseptsii zdorov'ia [Systematic approach to the development of life-saving concept of health]. *Servis plus = Service plus*, no. 4 (2008): 31–35.
6. Haliulina V. V., Shabasheva S. V. Zdorov'e – vazhnaia sostavliaiushchaia trudovogo potentsiala [Health is an important component of the labor potential]. *Bulletin of Kemerovo State University,* no. 4-1 (2012): 338–342.
7. Genkin B. M. *Osnovaniia ekonomicheskoi teorii i metody organizatsii effektivnoi raboty* [Foundations of economic theory and methods of organization of effective work]. 2nd ed. Moscow: Norma, 2009, 448.
8. *Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation № 197-FZ of 30.12.2001]. Adopted by the State Duma on December 21, 2001 (as amended on December 31 2017). Available at: http://www.consultant.ru/popular/tkrf/ (accessed 14.12.2017).
9. Haliulina V. V. Bespalova Iu. E. Zashchita trudovykh prav i motivatsiia personala [Protection of labor rights and motivation of personnel]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 4 (2010): 189–193.

УДК 33.332.13

АУТСОРСИНГ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОНОГОРОДОВ

Владислав Г. Шадрин[1, @]

[1] *Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6*
[@] *vladii@mail.ru*

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, качество жизни, аутсорсинг, социальный аутсорсинг, диверсификация.

Аннотация: Проблема развития и совершенствования моногородов продиктована задачами не только развития бизнеса и предпринимательства на соответствующих территориях, но и повышения качества жизни населения для предотвращения оттока трудоспособного населения. Остро стоит вопрос об опережающем развитии проблемных территорий, использовании современных инструментов для раскрытия потенциала социально-экономического развития моногородов. Как один из инструментов рассматривается аутсорсинг в его усовершенствованном виде. Существующая практика и опыт использования аутсорсинга для диверсификации экономики моногородов, развития малого и среднего бизнеса показывают зависимость аутсорсеров от экономического положения градообразующих предприятий. Предлагается, проанализировав мировой опыт аутсорсингового подхода на базе моногородов, определить возможность аутсорсинга при решении проблем моногородов, включающих не только вовлеченность на размещение крупными компаниями, градообразующими предприятиями вспомогательных и обслуживающих производств, заказов в моногородах, но и внедрение аутсорсинга в решение социальных проблем, в частности через использование «социального аутсорсинга».

Для цитирования: Шадрин В. Г. Аутсорсинг в решении экономических и социальных проблем моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 157–161. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-157-161.

Проблемы развития моногородов являются одним из важнейших аспектов внутренней экономической политики РФ, направленной на модернизацию и устойчивое развитие территорий. Как известно, ключевыми критериями отнесений территории к моногородам являются:

- наличие единого производственного комплекса, на котором занято на основной работе более 25 % экономически активного населения;
- наличие производственного комплекса, на долю которого приходится более 50 % объема промышленного производства.

В моногороде экономические агенты и население практически не обладают гибкостью к изменениям рыночной конъюнктуры, что является существенным барьером для устойчивого развития данного территориального образования [1].

Для преодоления проблемы моногородов согласно Распоряжению правительства Российской Федерации происходит структурное разделение их на 3 уровня – федеральный, региональный и муниципальный для определения ролей и ответственности при принятии мер для снижения рисков функционирования и разрешения кризисных ситуаций. Основной механизм – это разработка и реализация комплексной программы развития моногородов, которую требуется не просто разработать, но и утвердить и защитить в конкурентной борьбе за право воспользоваться одним из инструментов государственной поддержки комплексной программы развития моногородов из следующего перечня:

- бюджетные кредиты;
- субсидии;
- дотации;
- инвестиционная поддержка [2].

Моногорода нельзя назвать чисто российской особенностью экономического ландшафта. Данное образование, иногда терминологизируемое как «город-завод», присутствовало и присутствует во многих странах. Мировой опыт показывает, что есть 2 пути решения проблемы. Американский – когда жители переезжают в другие места, где есть работа. Город сжимается в размерах, но при этом сохраняет свои городские функции. Европейский – это государственные и региональные программы санации территории. Они включают экологическую очистку, проекты развития инфраструктуры и обучения занятых в старых отраслях новым профессиям [3]. Отметим, что за рубежом помимо вышеперечисленных мер поддержки широко применяется банкротство территорий и их консервация при отсутствии частного влияния в долгосрочную программу развития. Применяется практика сохранения территории как туристической дестинации при минимальном количестве населения, стимулирования размещения высокотехнологичных производств при наличии соответствующих ресурсов (например майнинг криптовалют) или производств социально неустойчивых товаров (например выращивание,

в случае законодательной легализации, марихуаны для медицинских нужд). В России более распространена практика развития моногородов на основе дифференцированного подхода с частно-государственным партнерством.

Одним из эффективных инструментов для модернизации и развития предприятий, а соответственно и последующего улучшения качества региональной экономики как на сервисном, так и технологическом уровне, является аутсорсинг. Эффективность его использования может использоваться для совершенствования развития рыночной и социально-технической инфраструктуры как составляющих качественного и устойчивого социально-экономического положения моногорода. Для повышения собственной конкурентоспособности компании передают на аутсорсинг специализированным организациям выполнение бизнес-процессов, которые до этого выполнялись самостоятельно.

За последнее десятилетие в связи с ростом мировой конкуренции, усложнением бизнес-процессов, фокусированием внимания компаний на основных видах деятельности, компании все чаще прибегают к аутсорсингу как решению проблемы осуществления стратегически неважных, непрофильных бизнес-процессов.

Анализ использования услуг организаций рыночной инфраструктуры в экономике РФ, дает основание утверждать, что аутсорсинговые компании – нормальный эволюционный путь развития рыночной инфраструктуры. Новые, адекватные задачам предприятий и экономическим условиям страны, формы взаимодействия предприятий, стратегии взаимовыгодного сотрудничества должны разрабатываться с учетом анализа форм аутсорсинга, зарубежного опыта, результатов и проблем функционирования различных организаций, оказывающих услуги организациям на контрактной основе [4].

Обобщая мировой и российский опыт применения аутсорсинга, можно сделать вывод, что он является современным инструментом повышения эффективности и конкурентоспособности деятельности организаций. Несмотря на небольшую историю использования, он стал неотъемлемой частью стратегии многих успешных зарубежных компаний и начинает применяться в деловой практике отечественных предприятий, хотя и существуют различия в причинах использования аутсорсинга и распространенности его видов.

В РФ предпринимались многочисленные попытки развития инфраструктуры для оказания услуг организациям. В различных отраслях создавались структуры по поддержке и оказанию услуг предприятиям, фонды поддержки предпринимательства, агентства по развитию малого и среднего бизнеса. Возможность получения предприятиями полного спектра услуг для эффективного ведения хозяйства является основой оптимизации деятельности малого бизнеса. Данные функции пытаются передать на выполнение таким инфраструктурным элементам, как бизнес-инкубаторам, технологическим паркам, инновационным центрам, центрам кластерного развития, центрам поддержки предпринимательства, многофункциональным центрам (МФЦ) и т. п. Но они часть инфраструктуры, требующейся малому бизнесу, в центре их внимания прежде всего идея, новация, функциональная направленность – технологическая, цель – «рост идеи» и обеспечение взаимодействия с заинтересованными субъектами. Вне сферы их внимания остаётся оперативная, текущая деятельность предприятия, связанная со всем комплексом экономической деятельности предприятия, присущей рынку – производство, сбыт, маркетинг, финансы, право, бухгалтерия, снабжение, реклама и т. д. Именно эти, органически присущие предприятиям функции, необходимы малому бизнесу для осуществления устойчивой, стабильной деятельности, но выполнение которых может быть затруднено из-за недостаточности ресурсов и специалистов для их выполнения. Считалось, что обеспечение малых предприятий необходимыми функциями обеспечат организации рыночной инфраструктуры, но существующие сервисные компании не соответствовали требованиям малых предприятий в предоставлении услуг по доступной цене и качеству [5].

Рассмотрим возможности аутсорсинга в решении социально-экономических проблем моногородов. Исходя из эмпирических данных и действующих комплексных программ развития моногородов можно выделить следующее:

– реструктуризация градообразующих предприятий и перевод на аутсорсинг неключевых бизнес-процессов, обеспечение занятостью высвобождаемых работников и создание интеграционной цепи добавленной стоимости по схеме «крупное предприятие-малый бизнес»;

– развитие малого бизнеса и предпринимательства через организацию и координацию аутсорсинговых структур по ведению и поддержке бизнеса;

– внедрение иных видов аутсорсинга.

Социально-экономическая статистика при схеме, когда происходит вывод непрофильных активов с градообразующего предприятия и последующее приобретение соответствующих бизнес-процессов и услуг у получаемых аутсорсинговых компаний, существует сильная зависимость между показателями рыночной конъюнктуры и возможностями крупного бизнеса для обеспечения и загрузки аутсорсинговых региональных и муниципальных компаний заказами. Т. к. затраты переведены их постоянных в переменных и появляется возможность сделать их постоянными, то в период кризиса или падения цен на продукцию монопроизводства экономическая целесообразность диктует минимизацию затрат. Обратимся к примерам 2014–2015 гг., когда останавливались производственные конвейеры автомобильных производств на территории РФ, пересматривались в сторону снижения производственные программы в перерабатывающей промышленности, падал оборот розничной и оптовой торговли.

Одним из путей решения проблем моногородов на основе аутсорсинга предлагается создание многофункционального аутсорсингового центра для формирования условий устойчивой работы малых и средних предприятий как организуемых на градообразующем

предприятии для вывода на аутсорсинг, так и вновь созданными при осуществлении программ диверсификации и трудоустройства высвобождаемых работников с крупных предприятий и их вовлечения в предпринимательство [6].

Как показывает практика, наиболее распространенный вид аутсорсинга в РФ – это ИТ-аутсорсинг, который наиболее востребован заказчиками, в том числе крупными региональными предприятиями. В этом сегменте аутсорсинга происходит углубление специализации и консолидация рынка, почти 40 % рынка ИТ-аутсорсинга занимают крупные федеральные интеграторы, подавляющее большинство компаний (почти 90 %) готовят специалистов аутсорсинга путем внутреннего обучения и переподготовки, обеспечения карьерного роста и развития через участие в практической работе по поддержке клиентов, получают сертификацию по самым современным международным стандартам [7]. Как кажется, изначально услуга ИТ-аутсорсинга будет неконкурентоспособная в моногородах при указанных выше тенденциях, отсутствии специалистов, оборудования, лицензионного программного обеспечения, отсутствии практик и кейсов, сертификатов и развитии дистанционного и облачного обслуживания. То же самое можно резюмировать и в отношении других услуг – материально-технических, финансовых, трудовых, информационных. Одним из ключевых преимуществ аутсорсинговых компаний является экономия за счет масштабируемости и применения лучших практик, что возможно при организации аутсорсингового центра в средних и крупных городах, при наличии образовательной, воспроизводственной, информационно-технической инфраструктуры, и что немаловажно, конкурентной среды. К сожалению, в моногородах одной их ключевых проблем является и качество человеческих ресурсов, слабо развитая социальная инфраструктура, низкий уровень вложений в человеческий капитал. Все это порождает замкнутую проблему: невысокие зарплаты – неразвитость социальных институтов – отток кадров – отсутствие специалистов.

Как видится, преодоление инертности институциональной среды на уровне регионов сильно коррелирует с повышением качества жизни, развитием сферы услуг и торговли. И именно здесь может найти применение аутсорсинг в его современных формах:

– аутсорсинг продаж;

– социальный аутсорсинг.

Рассмотрим возможности социального аутсорсинга в решении социально-трудовых проблем моногородов. Социальный аутсорсинг – это передача определенных полномочий и функций НКО и коммерческим организациям до этого реализуемых муниципальными учреждениями, в том числе предоставление социальных услуг. Считается, что во многих случаях качество предоставления муниципальных услуг внешними исполнителями лучше, чем предоставляемые муниципальными учреждениями. Это раскрывается через механизм конкурентной борьбы и встраиваемости социальных услуг не в базис «необходимость и обязательность исполнения», а в рыночную и сервисную составляющие [8].

В последние годы развития общества предполагает появление новых социальных институтов, которые будут эффективно справляться с поставленными целями и задачами, но при этом иметь оптимальное финансирование. Социальная политика России направлена на расширение возможностей оказания качественных социальных услуг. Здесь центром проблем и перспектив становятся внешние исполнители. К 2018 г. Министерство финансов предлагает передать внешним исполнителям 20 % государственных услуг, а к 2020 г. их доля должна вырасти до 60 %. Аутсорсинг обладает рядом преимуществ по отношению к государственным социальным учреждениям. Во-первых, качество предоставления социальных услуг внешними организациями априори отличается в лучшую сторону от услуг предоставляемых гражданам, в том числе на территории моногородов, государственными учреждениями. Во-вторых, передача части социальных услуг на внешнее исполнение позволяет экономить региональные и муниципальные средства из-за конкурсной основы выбора исполнителя и заключения с ним эффективного контракта. В-третьих, это возможность предоставления государственной поддержки и льгот. В-четвертых, при успешной реализации концепции социального аутсорсинга повышается доходная часть бюджетов всех уровней. В-пятых, происходит возникновение импульса к созданию новых организаций, развитии социального предпринимательства, что особенно актуально для сохранения занятости в той части населения моногородов, которая в силу определенных причин немобильна территориально и сложно переобучаема [9].

Также существует и ряд проблем, которые «тормозят» развитие социального аутсорсинга в России. К ним можно отнести несовершенство в законодательстве, нехватку финансовых ресурсов, налоговую нагрузку и бюрократическую направленность управленческих органов [10].

Одной из задач комплексных программ развития моногородов является повышение качества жизни для предотвращения отрицательной миграции и возврата молодежи после получения образования в моногорода. Реализация социального аутсорсинга позволяет как обеспечить занятостью трудовые ресурсы моногорода для их диверсификации и изменения структуры занятости, так и создать предпосылки для вложений ресурсов в социальное предпринимательство, позитивно воспринимаемое в среде современного поколения «миллениалов», что в итоге должно сказаться и на повышении инвестиционной привлекательности моногородов.

Литература

1. Дулесов А. Н., Бехтерев Д. В. Классификация моногородов по их жизненному циклу // Фундаментальные исследования. 2015. № 10. Ч. 1. С. 161–165.

2. В России появится Фонд развития моногородов // Интерфакс (Interfax). 04.09.2014, 09:03. Режим доступа: http://www.interfax.ru/business/394907 (дата обращения: 07.03.2018).

3. Павленко А. С. Моногорода: проблемы и перспективы: материалы IV Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» (15 февраля – 31 марта 2012 года). Режим доступа: https://www.rae.ru/forum2012/277/1811 (дата обращения: 06.03.2018).

4. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 370 с.

5. Антонов Г. Д., Иванова О. П., Шадрин В. Г., Санжаровский К. В. Формирование аутсорсингового центра в регионе – инструмент поддержки малого и среднего бизнеса // Вестник университета. 2009. № 3. С. 156–161.

6. Иванова О. П. Создание аутсорсингового центра как инструмента формирования условий для диверсификации экономики моногородов // Сибирская финансовая школа. 2015. № 1. С. 9–12.

7. ИТ-аутсорсинг (рынок России): статья // TAdviser. 02.08.2018, 16:46:49. Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-аутсорсинг_%28рынок_России%29 (дата обращения: 07.03.2018).

8. Зобнин А. В. Реализация концепции социального аутсорсинга на территории Фурмановского муниципального района Ивановской области // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 167–178.

9. Heeks R., Arun Sh. Social outsourcing as a development tool: The impact of outsourcing IT services to women's social enterprises in Kerala // Journal of International Development. 2010. T. 22. № 4. P. 441–454.

10. Социальный аутсорсинг // Экономические основы социальной работы: учебник для бакалавров / под ред. И. Н. Маяцкой. М.: Дашков и К, 2013. С. 248–251.

OUTSOURCING IN SOLVING ECONOMIC AND SOCIAL PROBLEMS OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

Vladislav G. Shadrin[1, @]

[1] *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*
[@] *vladii@mail.ru*

Received 31.01.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords:
monocities, quality of life, outsourcing, social outsourcing, diversification.

Abstract: Development and improvement of single-industry towns remain a burning issue not only because of the entrepreneurship and business development on the respective territories but mostly because of the need to improve the quality of life and prevent outflow of working population. Other acute problems involve the advanced development of problem areas, as well as the use of modern tools to disclose the potential for socio-economic development of single-industry towns. Outsourcing can be considered such a tool, if improved. The existing practice and experience of using outsourcing for diversification of single-industry economy and development of small and medium-sized businesses show the dependence of outsourcers on the economic situation of city-forming enterprises. The paper features an analysis of the world experience in outsourcing approach for single-industry cities. It is proposed to use outsourcing as a problem solving tool for single-industry towns. Together with large companies, city-forming enterprises and service industries, outsourcing can play an important role in solving social problems, in particular through "social outsourcing".

For citation: Shadrin V. G. Autsorsing v reshenii ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem monogorodov [Outsourcing in Solving Economic and Social Problems of Single-Industry Towns]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 157–161. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-157-161.

References

1. Dulesov A. N., Bekhterev D. V. Klassifikatsiia monogorodov po ikh zhiznennomu tsiklu [Classification of single-industry towns by their life cycle, Journal of Fundamental Research]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental Research*, 1, no. 10 (2015): 161–165.

2. *V Rossii poiavitsia Fond razvitiia monogorodov* [Fund for the development of single-industry towns will appear in Russia]. 04.09.2014, 09:03. Available at: http://www.interfax.ru/business/394907 (accessed 07.03.2018).

3. Pavlenko A. S. *Monogoroda: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunarodnoi studencheskoi elektronnoi nauchnoi konferentsii «Studencheskii nauchnyi forum» (15 fevralia – 31 marta 2012 goda)* [Monotown: problems and prospects: Proc. IV Intern. student's electronic Sci. Conf. "Student's Scientific Forum" (February 15 – on March 31 2012)]. Available at: https://www.rae.ru/forum2012/277/1811 (accessed 06.03.2018).

4. Deming E. *Vykhod iz krizisa: Novaia paradigma upravleniia liud'mi, sistemami i protsessami* [Exit from the crisis: A new paradigm for managing people, systems and processes]. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2007, 370.

5. Antonov G. D., Ivanova O. P., Shadrin V. G., Sanzharovskii K. V. Formirovanie autsorsingovogo tsentra v regione – instrument podderzhki malogo i srednego biznesa [Formation of an outsourcing center in the region – a tool for supporting small and medium-sized businesses]. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, no. 3 (2009): 156–161.

6. Ivanova O. P. Sozdanie autsorsingovogo tsentra kak instrumenta formirovaniia uslovii dlia diversifikatsii ekonomiki monogorodov [Creation of an outsourcing center as a tool for creating conditions for diversifying the economy of single-industry cities]. *Sibirskaia finansovaia shkola = Siberian Financial School*, no. 1 (2015): 9–12.

7. *IT-autsorsing (rynok Rossii)* [IT outsourcing (Russian market)]. 02.08.2018, 16:46:49. Available at: http://www.tadviser.ru/index.php (accessed 07.03.2018).

8. Zobnin A. V. Realizatsiia kontseptsii sotsial'nogo autsorsinga na territorii Furmanovskogo munitsipal'nogo raiona Ivanovskoi oblasti [Realization of the concept of social outsourcing on the territory of Furmanovsky municipal district of the Ivanovo region]. V*oprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia = Issues of state and municipal management*, no. 1 (2011): 167–178.

9. Heeks R., Arun Sh. Social outsourcing as a development tool: The impact of outsourcing IT services to women's social enterprises in Kerala. *Journal of International Development*, 22, no. 4 (2010): 441–454.

10. Sotsial'nyi autsorsing [Social outsourcing]. *Ekonomicheskie osnovy sotsial'noi raboty* [Economic bases of social work]. Moscow: Dashkov i K, 2013, 248–251.

УДК 332.1; 338.2

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ МАЛЫХ МОНОГОРОДОВ: РОЛЬ СЕТЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Марина Ю. Шерешева[1, @, *]

[1] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1*
[@] *m.sheresheva@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.03.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногорода, малые города, диверсификация, сетевые взаимодействия, региональное развитие.

Аннотация: Предметом данной статьи является диверсификация экономики малых моногородов, целью – выявление роли сетевых взаимодействий в этом процессе. В данной статье представлены предварительные результаты проекта РНФ «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров», направленного на выявление возможностей преодоления нарастающего разрыва в уровне и качестве жизни населения малых городов России в сравнении с населением крупных городов и мегаполисов, на разработку комплекса мер по комбинированию ресурсов и компетенций малых городов в рамках сетевого взаимодействия. Исследование проводится на примере Тульской и Владимирской областей, Пермского края. Для достижения поставленной цели использовался комплекс методов, включая метод системного анализа, формально-логический метод, диалектический метод познания экономических и социальных процессов, а также количественные и качественные маркетинговые исследования, что позволяет сделать определенные выводы о наличии структурных проблем и тенденций, характерных для современного периода, и предложить рекомендации с учетом специализации городов. Выявлены серьезные проблемы, с которыми сталкиваются муниципалитеты моногородов, и препятствия на пути результативного межмуниципального взаимодействия. В то же время, как показывает международная практика, формирование благоприятной институциональной среды для взаимовыгодного комбинирования ресурсов и компетенций малых городов с разной специализацией способствует реализации совместных проектов и позволяет ускорить процессы диверсификации экономики за счет преимуществ сетевого механизма координации.

Для цитирования: Шерешева М. Ю. Диверсификация экономики малых моногородов: роль сетевых взаимодействий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 162–171. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-162-171.

Моногорода (монофпрофильные города) – муниципальные образования, в развитии которых определяющую роль играют градообразующие предприятия (ГРОП), на которых либо работает не менее 25 % экономически активного населения города, либо производится не менее половины валового продукта города [1]. Более 45 % российских малых городов являются монопрофильными [2]. Особенно значительна их доля в таких федеральных округах РФ, как Уральский ФО, Сибирский ФО, Северо-Западный ФО, Приволжский ФО [3]. Так, в Пермском крае 10 из 18 малых городов (в список моногородов Пермского края включены также поселки городского типа (Теплая Гора, Уральский, Пашия, Юго-Камский)) являются монопрофильными, во Владимирской области моногородами являются 7 из 18 малых городов, в Тульской области – 5 из 13 [4]. Важное значение моногородов для экономики России обусловлено не только большой долей проживающего в них населения (порядка 10 % всего населения РФ), но и тем фактом, что для них характерна повышенная уязвимость к различного рода шокам, которая может вызвать «эффект домино» [5; 6]. Потери, которые понесли такие города в постсоветский период, особенно сильно сказались на качестве жизни населения [7; 8]. Последствия кризиса дополнительно обострили сложившуюся ситуацию, однако, как справедливо подчеркивает Е. М. Петрикова, кризис был лишь катализатором тех финансовых, правовых и социальных проблем российских моногородов, которые накапливались десятилетиями [9].

Безусловно, существуют серьезные различия между многочисленными российскими моногородами.

**** Статья подготовлена в рамках научных исследований, выполняемых при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01324) «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».***

Согласно ранжированию моногородов по уровню напряженности социально-экономической ситуации (расчет на основе показателей: Уровень безработицы; Величина доходов на душу населения; Прогноз изменения показателей на 1 год на основе макрофакторов (8 параметров) и с учетом отраслевых индексов [4]), проведенному Фондом развития моногородов, в 75 из 319 моногородов (почти 25 %) ситуация достаточно стабильна [4]. Однако большинство малых моногородов РФ остро нуждаются в новых способах адаптации к современным реалиям, привлечения инвестиций, развития городской инфраструктуры [10].

На совещании по вопросу развития монопрофильных муниципальных образований России, состоявшемся в марте 2017 г. в г. Алексин (Тульская область) на базе градообразующего предприятия АО «Тяжпроарматура», Министр экономического развития РФ М. Орешкин подчеркнул, что развитие моногородов является одним из приоритетных направлений стратегического развития России и предполагает создание новых рабочих мест на предприятиях и развитие новых инвестиционных проектов [11]. При этом речь идет не только, а иногда не столько о производствах, которые исторически являлись градообразующими, сколько о диверсификации экономики этих городов. (При наличии разных подходов и определений, в самом общем виде под диверсификацией экономики подразумевается процесс, направленный на увеличение разнообразия видов экономической деятельности [12]). Так, до конца 2018 г. в 319 монопрофильных муниципальных образованиях страны, большинство из которых являются малыми городами, планируется создать около 250 тыс. новых рабочих мест, не связанных с градообразующими предприятиями, до 2025 г. – 600 тыс. [11].

В текущем десятилетии существенно расширилось участие институтов развития в финансировании проектов, направленных на диверсификацию экономики моногородов. В первую очередь это касается финансирования инфраструктурных проектов. Свой вклад вносят Фонд развития моногородов, Фонд развития промышленности, Корпорация малых и средних предприятий, бюджеты всех уровней и др. Так, Фонд развития промышленности предоставляет моногородам до 500 млн руб. под 3,5–5 % годовых, Минпромтог РФ и федеральные целевые программы выделяют несколько меньшие объемы финансирования (в основном порядка 100–200 млн руб.) [13]. В 2015–2017 гг. Фондом развития моногородов заключены 76 генеральных соглашений в отношении 100 моногородов, при этом в отношении 28 моногородов из 19 регионов РФ заключены также соглашения о софинансировании. Среди них 13 городов Приволжского ФО, по 5 городов Центрального и Сибирского ФО, по 2 города Северо-Западного и Уральского ФО, а также один город Северо-Кавказского ФО (таблица 1).

С 2016 г. модернизация моногородов является приоритетным национальным проектом, в рамках которого реализуется, в частности, разработанная в 2013 г. программа «Пять шагов благоустройства», нацеленная на кардинальное повышение комфортности жизни в этих городах и включающая следующие этапы [14]:

- благоустройство оживленного общественного пространства
- создание возможностей для времяпрепровождения молодёжи
- обновление городских достопримечательностей
- обновление или создание объектов социальной инфраструктуры
- активация заброшенных или неэффективно используемых зданий и помещений

В целом можно говорить о том, что начато целенаправленное формирование системы институтов поддержки развития монопрофильных городов, однако пока не удается создать условия для полноценного решения проблем этих муниципальных образований, особенно моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением. По-прежнему сохраняется их моноцентричность и связанные с этим высокие риски [15; 6].

Таблица 1. Объем средств, выделенных Фондом развития моногородов в рамках соглашений о софинансировании, заключенных в 2015–2017 гг. [4]

Table 1. The volume of funds allocated by the Single-Industry Cities' Development Fund in the framework of co-financing agreements, 2015–2017 [4]

Регион	Моногород	Объем принятых обязательств ФРМ с учетом ДС, тыс. руб. (до 2022 г.)	Объем инвестиций, тыс. руб. (до 2022 г.)	Объем рабочих мест, человек (до 2022 г.)
Алтайский край	Заринск	46 650,08	1 608 000,00	142
Республика Башкортостан	Кумертау	250 252,52	4 313 000,00	520
	Белебей	238 669,37	2 610 000,00	334
Владимирская область	Камешково	598 440,47	8 523 473,00	988
Вологодская область	Череповец	809 913,40	5 094 000,00	1 030
Воронежская область	Павловск	1 019 102,086	11 301 315,17	1 006
Республика Дагестан	Каспийск	606 586,08	2 361 000,00	850

Регион	Моногород	Объем принятых обязательств ФРМ с учетом ДС, тыс. руб. (до 2022 г.)	Объем инвестиций, тыс. руб. (до 2022 г.)	Объем рабочих мест, человек (до 2022 г.)
Ивановская область	Вичуга	441 494,23	2082867*	533
	Наволоки	252 261,996	732 167,00	850
Республика Карелия	Надвоицы	225 482,69	1 965 000,00	484
Кемеровская область	Анжеро-судженск	982 939,21	6 834 740,00	2 381
	Таштагол	271 333,68	450 000,00	182
	Юрга	129 318,28	677 232,00	302
Кировская область	Белая холуница	241 840,88	1 141 860,00	442
	Луза	174 801,07	638 048,00	576
Пензенская область	Сердобск	44 237,50	1 359 777,00	162
Свердловская область	Краснотурьинск	581 977,91	11 874 200,00	2 149
Тамбовская область	Котовск	25 916,82	176 627,00	70
Республика Татарстан	Набережные челны (дорожная инфраструктура 2015–2016 гг.)	573 949,36	8 624 100,00	3 438
	Набережные челны, (создание промпарка "развитие")	124 657,55	340 000,00	170
	Зеленодольск	861 820,14	9 457 300,00	2 206
	Набережные челны (дорожная инфраструктура 2017–2018 гг.)	98 430,54	652 135,50	105
	Нижнекамск	335 381,97	1 052 693,00	262
Томская область	Северск	265 096,809	1 228 217,00	170
Удмуртская Республика	Сарапул	82 600,84	160 000,00	100
Ульяновская область	Димитровград	83 336,43	1 510 000,00	215
Челябинская область	Усть-катав	1 593 863,08	5 750 176,45	720
Чувашская Республика	Канаш	459 010,68	1 510 640,00	381

Говоря о механизмах диверсификации, которыми могут воспользоваться российские моногорода, многие авторы акцентируют внимание на создании территорий опережающего социально-экономического развития, на разработке и реализации масштабных инвестиционных проектов государственно-частного партнёрства [13; 16–18]. Упоминаются в этом контексте и вопросы кооперации, хотя при этом, как правило, имеются в виду межфирменные кооперационные связи, в то время как вопросы межмуниципального взаимодействия в большинстве случаев остаются на периферии внимания российских авторов.

В. Л. Тамбовцев указывает на существование четырех разных типов межмуниципальных взаимодействий: (1) конкуренция, (2) кооперация, (3) коопкуренция (совмещение конкуренции и кооперации), (4) слияние (объединение) муниципалитетов, которое можно рассматривать как «предельную» форму взаимодействия [19]. По сути, в данном случае муниципалитеты городов выступают аналогами действующих на рынке компаний, вступающих в разного рода взаимодействия, в том числе в рамках сетевых структур. Соответственно, города рассматриваются как экономические субъекты, разрабатывающие собственную стратегию развития, конкурирующие между собой и сотрудничающие друг с другом [20]. В этом смысле можно говорить о «предпринимательском городе» (entrepreneurial city) как полноправном участнике сетевого взаимодействия на уровне региона, страны или группы стран и о применимости сетевой парадигмы «для интерпретации макроскопического пространственного поведения коллективных агентов, таких как города, конкурирующих и взаимодействующих на мировой арене» [21, p. 498].

В рамках этой парадигмы пересматривается роль малых городов в обеспечении устойчивого регионального развития [22–24]. Современный подход к пониманию устойчивого регионального развития предполагает повышение качества жизни населения региона, включая жителей всех населенных пунктов, без нанесения ущерба качеству жизни будущих поколений [25; 26]. Как подчеркивает целый ряд авторов, устойчивость обеспечивается наличием и взаимодействием большого числа конкурентоспособных городов разного

размера с разной специализацией, взаимодействие которых позволяет решать сложные метапроблемы, такие как приспосабливаемость к изменению климата, эффективность использования ресурсов, преодоление бедности, и т. д. [27; 28]. Так, целый ряд исследований показал особое значение малых городов для преодоления бедности и диверсификации сельских территорий [29; 30]. В частности, анализ данных кросс-культурной панели, в которую входила 51 развивающаяся страна, позволяет утверждать, что люди находят для себя возможности в небольших близко находящихся городах легче и быстрее, чем в отдаленных крупных городах [31]. То есть диверсификация сельской экономики на основе развития небольших городов (secondary town development) ведет к более инклюзивным паттернам роста, нежели развитие метрополий (metropolitization), и способствует более широкому, хотя и более медленному, процессу роста [29].

Что касается диверсификации экономики самих малых городов, то, как показывает международная практика, ее успех зависит от степени вовлеченности местных и региональных властей в формирование институциональной среды, способствующей сетевому взаимодействию стейкхолдеров территории [32; 33; 24]. В условиях, когда для последовательного решения проблем малых моногородов нужно «создание механизмов адаптивности к изменениям во внешней среде без масштабной и систематической федеральной ресурсной поддержки» [6; 34], возрастает роль сетевых механизмов координации в формировании устойчивых экономических связей между муниципальными образованиями разных размеров как ключевыми стейкхолдерами единого экономического пространства территории.

Сетевое взаимодействие позволяет комбинировать взаимодополняющие ресурсы моногородов и благодаря этому повышать общий объем ресурсов (в том числе финансовых) для совместного решения задач, которые не под силу отдельным муниципалитетам. При этом необходим тщательный анализ сложившейся специализации и ресурсного потенциала городов, на основе которого может быть принято решение о включении в сетевое взаимодействие на основе потенциальной специализации (она может остаться прежней либо быть изменена).

В качестве примера можно привести обобщенные характеристики ряда малых моногородов Пермского края (таблица 2).

Таблица 2. Малые моногорода Пермского Края [14]
Table 2. Small single-industry towns in the Perm region [14]

Город	Год основания	Население (тыс. человек)	Градообразующее предприятие
Александровск	1783	14,0	ОАО «Александровский машиностроительный завод»
Красновишерск	1894	15,8	ЗАО «Уралалмаз»
Нытва	1756	19,0	ОАО «Нытва»
Очер	1759	14,2	ОАО «Очерский машиностроительный завод»
Чусовой	1878	50,2	ОАО «Чусовской металлургический завод»

Эти города, возникшие еще в XVIII–XIX вв., исторически сформировались как центры промышленного производства и добычи полезных ископаемых. Так, города Александровск и Нытва со времен Советского Союза остаются центрами машиностроения, хотя их социально-экономическое положение и привлекательность для рабочей силы и населения значительно ухудшились. Город Красновишерск является моногородом и центром целлюлозно-бумажной промышленности, постепенно восстанавливающим темпы развития. Анализ возможных направлений диверсификации малых моногородов Пермского края показывает, что в ряде случаев целесообразна опора на их сложившуюся специализацию, однако в большинстве случаев необходим акцент на диверсификацию их экономики с учетом перспективной специализации (таблица 3).

Из таблицы 3 видно, что одним из направлений диверсификации экономики малых моногородов со сложным социально-экономическим положением является развитие туристско-рекреационной сферы. Даже в случае слабой транспортной доступности существуют возможности привлечения туристов – в частности, развитие таких видов, как активный, промышленный, приключенческий туризм. Однако в целом задача развития транспортной инфраструктуры и повышения транспортной доступности малых городов является общей для большинства российских регионов, требует интенсивной работы над ее решением, в том числе как один из факторов успешной диверсификации.

Малые моногорода Владимирской области (таблица 4) находятся в гораздо более выгодном положении с точки зрения транспортной доступности, и это создает более благоприятные условия для их включения в сетевое межмуниципальное взаимодействие. Как и в случае Пермского края, диверсификация экономики этих городов может опираться на реализацию туристского потенциала, особенно с учетом опыта целого ряда малых городов Владимирской области, входящих в «Золотое кольцо России», и возможностей развития разнообразных видов туризма и туристских маршрутов. Кроме того, Администрация Владимирской области в текущем десятилетии уделяет растущее внимание развитию туризма, турпоток ежегодно растет (в 2016 г. он превысил 4 млн туристов, в том числе более 250 тыс. иностранных) [35].

Таблица 3. Сложившаяся и потенциальная специализация малых моногородов Пермского края [24]
Table 3. Current and potential specialization of small single-industry towns in the Perm region [24]

Малые города Пермского края	Сложившаяся специализация	Потенциальная специализация
Александровск	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная Развитое транспортное сообщение, трасса регионального значения: Соликамск – Чусовой – Кунгур
Красновишерск	Промышленность – моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Нытва	Промышленность – моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Очер	Промышленность – моногород со сложным социально-экономическим положением	Туристско-рекреационная Слабая транспортная доступность
Чусовой	Промышленность	Транспортная, туристско-рекреационная, промышленная

Таблица 4. Моногорода Владимирской области [14]
Table 4. Single-industry towns in the Vladimir region [14]

Город	Год основания	Население (тыс. человек)	Градообразующее предприятие
Камешково	1892	12,7	Камешковский филиал ООО «Детская одежда».
Кольчугино	1871	44,1	ОАО «Электрокабель Кольчугинский завод», ЗАО «Кольчугинский завод цветных металлов».
Ставрово	1515	7,7	ООО «СтиС-Владимир»
Курлово	1811	6,3	ООО «Завод Символ»
Меленки	1700	14,3	ООО «Литмаш-М».
Вязники	1608	43,1	ОАО «Освар»
Гороховец	1158	13,2	ООО «Русджам»

В качестве примера активного развития туристско-рекреационной специализации моногорода можно привести Гороховец – один из немногих городов Центральной России, где сохранилась старинная планировка, 3 монастыря и 7 церквей, гражданская архитектура XVII века, более поздние памятники архитектуры (купеческие дома), а также памятники археологии. Производство стекла и стеклянных изделий, на котором специализируется градообразующее предприятие ООО "Русджам", не способно решить проблемы развития города. В этой связи Администрация Владимирской области приняла решение кардинально изменить ситуацию и поставила целью диверсификацию экономики Гороховца с акцентом на включение в единое культурно-туристическое пространство России. В качестве катализатора выбрано празднование 850-летнего юбилея Гороховца, подготовка к которому используется для повышения узнаваемости города и интереса к нему как туристской дестинации (Министерство культуры РФ рассматривает Гороховец в качестве возможного пилотного проекта по созданию города-музея), а также для решения целого ряда инфраструктурных задач, реставрации и сохранение объектов культурно-исторического наследия. В числе девяти городов России Гороховец вошел в совместный проект Министерства культуры РФ и Международного банка реконструкции и развития "Сохранение и развитие малых исторических городов и поселений". Ведется работа по включению исторического центра г. Гороховец в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Примечательно также, что в рамках исполнения Указа Президента РФ «О праздновании 850-летия основания города Гороховца» и поручений Губернатора Владимирской области инициируется подписание соглашений о сотрудничестве между администрациями муниципальных образований и районов области (так, 30 января 2018 г. подписано соглашение между Гороховецким и Камешковским районами). [36].

В целом предварительный анализ социально-экономического состояния и ресурсного потенциала малых моногородов Пермского края, Владимирской области и Тульской области, проведенный в 2017 г. в рамках проекта РНФ «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров», свидетельствует, что проблемы малых моногородов острее, однако их характер и пути решения сходны и вписываются

в общую картину состояния и развития малых городов [37; 38]. В таблице 5 приведены примеры решения ряда общих проблем малых моногородов на основе сетевого взаимодействия.

Таблица 5. Возможности сетевого взаимодействия для развития малых моногородов
Table 5. Possibilities of networking in development of single-industry towns

Проблема	Роль сетевого взаимодействия
Дефицит финансовых ресурсов, необходимых для реализации социальных и коммерческих проектов	Совместное использование финансовых ресурсов муниципальных образований в рамках согласованных сетевых проектов, направленных на реализацию наиболее актуальных социально-экономических задач
Дефицит квалифицированных кадров при серьезных проблемах трудоустройства	Совместное планирование и реализация программ поддержки молодых специалистов, комплексных программ обучения и переобучения кадров с учетом потребностей каждого отдельного моногорода и региона в целом, с маршрутизацией обучения в более крупных городах Обмен лучшими практиками по формированию городской инфраструктуры и городского пространства, привлекательного для жизни
Отсутствие единого подхода к оценке госпрограмм, отклонение в ходе их реализации от плановых целевых показателей	Координация действий по выполнению программ и достижению целевых показателей развития, концентрация усилий в наиболее перспективных «точках совместного приложения сил»
Транспортно-логистические проблемы	Формирование логистических сетей, в рамках которых малые города получат доступ к полноценной транспортной инфраструктуре и, как результат, более широкие возможности комбинирования ресурсов, реализации продукции и расширения спектра услуг
Отсутствие полноценной статистической информации и данных о ресурсном потенциале по отдельным муниципальным образованиям	Создание единой информационной базы, объединяющей статистику и ключевые показатели, необходимые для оценки состояния экономики и социальной сферы малых городов, с использованием возможностей ГИС-технологий

В заключение подчеркнем, что для полноценной реализации преимуществ сетевого механизма координации требуется комплексный подход, основанный на оценке совокупного ресурсного потенциала и возможностей комбинирования ограниченных ресурсов в рамках межмуниципального взаимодействия.

Литература

1. Маслова А. Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Т. 4. № 5. С. 16–28.

2. Иванова С. А. Современные проблемы и тенденции социально-экономического развития малых и моногородов // Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и сельских поселений / под ред. М. Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ, 2018. С. 22–32.

3. Крюкова О. Г., Арсенова Е. В. Влияние мирового финансового кризиса на экономику моногородов // Эффективное антикризисное управление. 2010. № 1. С. 80–89.

4. Фонд развития моногородов. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.frmrus.ru/ (дата обращения: 01.02.2018).

5. Клейнер Г. Б. Развитие моногородов и социальная ответственность предприятий // ЭКО. 2007. № 6. С. 187–192.

6. Шаститко А. Е., Фатихова А. Ф. Моногорода: новый взгляд на старую проблему // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 7–35.

7. Мухачёва А. В., Мищук С. Н. Влияние кризиса на качество жизни населения: региональный и временной аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 77–82.

8. Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костанян А. А. Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars Administrandi. Искусство управления. 2017. Т. 9. № 2. С. 289–311.

9. Петрикова Е. М. Комплексная инвестиционная программа развития моногородов // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 43. С. 19–32.

10. Развитие моногородов России / под ред. И. Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 166 с.

11. Портал Правительства Тульской области. Режим доступа: https://tularegion.ru/presscenter/press-release/?element_id=79400 (дата обращения: 01.02.2018).

12. Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Шимук О. В. Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учетом потенциала малых городов // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 4. С. 632–648.

13. Антонова И. С. Моделирование инфраструктуры диверсификации экономики моногорода // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2016. № 17. С. 1104–1112.

14. Моногорода РФ. Режим доступа: моногорода.рф (дата обращения: 21.01.2018).

15. Иванова С. А., Иванов Н. А. Современные проблемы и тенденции развития сферы туризма и гостеприимства в малых и моногородах // Развитие внутреннего и въездного туризма в России и за рубежом / под ред. М. Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ, 2017. С. 102–112.

16. Антонов Г. Д., Иванова О. П., Антонова И. С. Подход к управлению проектами диверсификации моногорода (на примере Кузбасса) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 7. С. 15–22.

17. Антонова И. С. Теория диверсификации экономики моногорода // Вестник науки Сибири. 2015. № 2. С. 179–193.

18. Иванова О. П., Антонова И. С., Антонов Г. Д. Развитие моногородов и управление инвестиционной привлекательностью. М.: Инфра-М, 2016. 234 с.

19. Тамбовцев В. Л. Межмуниципальные взаимодействия с позиций экономического анализа // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 19–31.

20. Capello R. The city network paradigm: measuring urban network externalities. Urban Studies. 2000. Vol. 37. № 11. P. 1925–1945.

21. Camagni R., Capello R. The City Network Paradigm: Theory and Empirical Evidence // Capello R., Nijkamp P. (ed.) Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics (Contributions to Economic Analysis), 2005. Vol. 266. P. 495–529.

22. Courtney P., Errington A. The role of small towns in the local economy and some implications for development policy // Local Economy. 2000. Vol. 15. № 4. P. 280–301.

23. Hinderink J., Titus M. Small towns and regional development: major findings and policy implications from comparative research // Urban Studies. 2002. Vol. 39. № 3. P. 379–391.

24. Mingaleva Z. A., Sheresheva M. Y., Oborin M. S., Gvarliani T. E. Networking of small cities to gain sustainability // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2017. Vol. 5. № 1. P. 140–156.

25. Бобылев С. Н., Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 6. С. 3–21.

26. Hopwood B., Mellor M., O'Brien G. Sustainable development: mapping different approaches // Sustainable development. 2005. Vol. 13. № 1. P.38–52.

27. Taylor P. J. World City Network: A Global Urban Analysis. London: Routledge, 2004.

28. Taylor P. J., Evans D. M., Pain K. 2008. Application of the Interlocking Network Model to Mega-City-Regions: Measuring Polycentricity Within and Beyond CityRegions. Regional Studies. Vol.42. № 8. P. 1079–1093.

29. Christiaensen L., Todo Y. Poverty reduction during the rural–urban transformation–the role of the missing middle // World Development. 2014. № 63. P. 43–58.

30. Ferré C., Ferreira F., Lanjouw P. Is There a Metropolitan Bias? The Relationship between Poverty and City Size in a Selection of Developing Countries // World Bank Economic Review. 2012. Vol. 26. № 3. P. 351–382.

31. Christiaensen L., Weerdt J., Todo Y. Urbanization and poverty reduction: the role of rural diversification and secondary towns // Agricultural Economics. 2013. Vol. 44. № 4-5. P. 435–447.

32. Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю. Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 4. С. 100–117.

33. Dale B. An institutional approach to local restructuring: the case of four Norwegian mining towns // European Urban and Regional Studies. 2002. Vol. 9. № 1. P. 5–20.

34. Castells M. Globalisation, networking, urbanisation: Reflections on the spatial dynamics of the information age // Urban Studies. 2010. Vol. 47. № 13. P. 2737–2745.

35. Шерешева М. Ю., Колков М. Ю. Роль музеев в развитии туризма с участием малых городов (на примере Владимирской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 1. С. 120–133.

36. Гороховец. Все о туризме и отдыхе. Режим доступа: http://gorokhovets.ru/vse-novosti/item/739-gorokhovets-stavim-v-prioritet.html (дата обращения: 01.02.2018).

37. Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А. Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. № 3. С. 437–452.

38. Оборин М. С., Сысоев А. П., Шерешева М. Ю. Некоторые подходы к оценке экономического потенциала малых городов России // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 297–319.

DIVERSIFICATION OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS' ECONOMY: THE ROLE OF NETWORKING

Marina Y. Sheresheva[1, @, *]

[1] *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*
[@] *m.sheresheva@mail.ru*

Received 02.03.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: single-industry towns, small cities, diversification, networking, regional development.

Abstract: The paper focuses on the diversification of single-industry towns' economy and identifies the role of networking in this process. The author presents preliminary results of the Russian Science Foundation project "Sustainable development of the territorial economy through networking of small cities and district centers". The goal of the project is to identify opportunities to overcome the growing gap in the level and quality of life in small Russian towns vs. large cities and megacities, and to propose measures for combining resources and competencies of small cities in the framework of network relationships. The cases of Tula, Vladimir and Perm regions were in the focus of research. To achieve the research goal, a set of methods was applicable, including system analysis, formal logical method, dialectical method, as well as quantitative and qualitative marketing research. This allows us to draw conclusions about the presence of structural problems and contemporary trends, and to offer recommendations taking into account the specialization of small single-industry towns. Serious problems faced by the municipalities of single-industry towns, and the obstacles to efficient inter-municipal cooperation have been identified. At the same time, international evidence shows that the formation of a favorable institutional environment for mutually beneficial combination of resources and competences of single-industry towns with different specialization facilitates the implementation of joint projects and makes it possible to accelerate the processes of economic diversification by using the benefits of a network coordination mechanism.

For citation: Sheresheva M. Y. Diversifikatsiia ekonomiki malykh monogorodov: rol' setevykh vzaimodeistvii [Diversification of Single-Industry Towns' Economy: the Role of Networking]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 162–171. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-162-171.

References

1. Maslova A. N. Monogoroda v Rossii: problemy i resheniia [Monocities in Russia: problems and solutions]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Contours of global transformations: politics, economics, law*, 4, no. 5 (2011): 16–28.
2. Ivanova S. A. Sovremennye problemy i tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia malykh i monogorodov [Modern problems and tendencies of social and economic development of small and single-industry towns]. *Ustoichivoe razvitie ekonomiki territorii na osnove setevogo vzaimodeistviia malykh gorodov i sel'skikh poselenii* [Sustainable development of territories economy on the basis of network interaction of small towns and rural settlements]. Ed. Sheresheva M. Y. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, 2018, 22–32.
3. Kriukova O. G., Arsenova E. V. Vliianie mirovogo finansovogo krizisa na ekonomiku monogorodov [Influence of the world financial crisis on monocities economy]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie = Effective anti-crisis management*, no. 1 (2010): 80–89.
4. *Fond razvitiia monogorodov* [Mono-city Development Fund]. Available at: http://www.frmrus.ru/ (accessed 01.02.2018).
5. Kleiner G. B. Razvitie monogorodov i sotsial'naia otvetstvennost' predpriiatii [The development of single-industry towns and the social responsibility of enterprises]. *EKO = ECO*, no. 6 (2007): 187–192.
6. Shastitko A. E., Fatikhova A. F. Monogoroda: novyi vzgliad na staruiu problemu [The Monotown: A New View of the Old Problem]. *Baltiiskii region = The Baltic Region*, no. 1 (2015): 7–35.
7. Mukhacheva A. V., Mishchuk S. N. Vliianie krizisa na kachestvo zhizni naseleniia: regional'nyi i vremennoi aspekty [The impact of the crisis on the quality of life of the population: regional and temporal aspects]. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences,* no. 1 (2016): 77–82.

**** The article was prepared in the framework of scientific research carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01324) "Sustainable development of the economy of territories based on the network interaction of small towns and district centers".***

8. Sheresheva M. Y., Oborin M. S., Kostanian A. A. Osobennosti otsenki kachestva zhizni naseleniia malykh gorodov [Peculiarities of assessing the quality of life of the population of small towns]. *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniia = Ars Administrandi. The Art of Management*, 9, no. 2 (2017): 289–311.

9. Petrikova E. M. Kompleksnaia investitsionnaia programma razvitiia monogorodov [Complex investment program for single-industry development]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika = Regional economy: theory and practice*, no. 43 (2010): 19–32.

10. *Razvitie monogorodov Rossii* [Development of Russian monocities]. Ed. Il'ina I. N. Moscow: Finansovyi universitet, 2013, 166.

11. *Portal Pravitel'stva Tul'skoi oblasti* [Portal of the Government of the Tula region]. Available at: https://tularegion.ru/presscenter/press-release/?ELEMENT_ID=79400 (accessed 01.02.2018).

12. Sheresheva M. Y., Oborin M. S., Shimuk O. V. Razrabotka napravlenii diversifikatsii sel'skoi ekonomiki v regionakh Rossii s uchetom potentsiala malykh gorodov [Development of directions of diversification of rural economy in Russian regions taking into account the potential of small towns]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: The Economy*, 12, no. 4 (2017): 632–648.

13. Antonova I. S. Modelirovanie infrastruktury diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Simulation of the infrastructure of diversification of monotown economy]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva = Vestnik of the Siberian State Aerospace University named after Academician M. F. Reshetnev*, no. 17 (2016): 1104–1112.

14. *Monogoroda RF* [Monocity of the Russian Federation]. Available at: моногорода.рф (accessed 21.01.2018).

15. Ivanova S. A., Ivanov N. A. Sovremennye problemy i tendentsii razvitiia sfery turizma i gostepriimstva v malykh i monogorodakh [Modern problems and tendencies of development of tourism and hospitality in small and single-industry cities]. *Razvitie vnutrennego i v"ezdnogo turizma v Rossii i za rubezhom* [Development of domestic and incoming tourism in Russia and abroad]. Ed. Sheresheva M. Y. Moscow: Ekonomicheskii fakul'tet MGU, 2017, 102–112.

16. Antonov G. D., Ivanova O. P., Antonova I. S. Podkhod k upravleniiu proektami diversifikatsii monogoroda (na primere Kuzbassa) [Approach to the management of projects for the diversification of single-industry towns (on the example of Kuzbass)]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National interests: priorities and security*, no. 7 (2012): 15–22.

17. Antonova I. S. Teoriia diversifikatsii ekonomiki monogoroda [Theory of diversification of monotown economy]. *Vestnik nauki Sibiri = Bulletin of Siberian Science*, no. 2 (2015): 179–193.

18. Ivanova O. P., Antonova I. S., Antonov G. D. *Razvitie monogorodov i upravlenie investitsionnoi privlekatel'nost'iu* [Development of single-industry towns and management of investment attractiveness]. Moscow: Infra-M, 2016, 234.

19. Tambovtsev V. L. Mezhmunitsipal'nye vzaimodeistviia s pozitsii ekonomicheskogo analiza [Intermunicipal interactions from the standpoint of economic analysis]. *Terra Economicus*, 15, no. 3 (2017): 19–31.

20. Capello R. The city network paradigm: measuring urban network externalities. *Urban Studies*, 37, no. 11 (2000): 1925–1945.

21. Camagni R., Capello R. The City Network Paradigm: Theory and Empirical Evidence. Capello R., Nijkamp P. (ed.) *Urban Dynamics and Growth: Advances in Urban Economics* (Contributions to Economic Analysis), vol. 266 (2005): 495–529.

22. Courtney P., Errington A. The role of small towns in the local economy and some implications for development policy. *Local Economy*, 15, no. 4 (2000): 280–301.

23. Hinderink J., Titus M. Small towns and regional development: major findings and policy implications from comparative research. *Urban Studies*, 39, no. 3 (2002): 379–391.

24. Mingaleva Z. A., Sheresheva M. Y., Oborin M. S., Gvarliani T. E. Networking of small cities to gain sustainability. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 5, no. 1 (2017): 140–156.

25. Bobylev S. N., Porfir'ev B. N. Ustoichivoe razvitie krupneishikh gorodov i megapolisov: faktor ekosistemnykh uslug [Sustainable development of the largest cities and megacities: the factor of ecosystem services]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, no. 6 (2016): 3–21.

26. Hopwood B., Mellor M., O'Brien G. Sustainable development: mapping different approaches. *Sustainable development*, 13, no. 1 (2005): 38–52.

27. Taylor P. J. *World City Network: A Global Urban Analysis*. London: Routledge, 2004.

28. Taylor P. J., Evans D. M., Pain K. Application of the Interlocking Network Model to Mega-City-Regions: Measuring Polycentricity Within and Beyond CityRegions. *Regional Studies*. 2008, vol. 42, no. 8, 1079–1093.

29. Christiaensen L., Todo Y. Poverty reduction during the rural–urban transformation–the role of the missing middle. *World Development*, no. 63 (2014): 43–58.

30. Ferré C., Ferreira F., Lanjouw P. Is There a Metropolitan Bias? The Relationship between Poverty and City Size in a Selection of Developing Countries. *World Bank Economic Review*, 26, no. 3 (2012): 351–382.

31. Christiaensen L., Weerdt J., Todo Y. Urbanization and poverty reduction: the role of rural diversification and secondary towns. *Agricultural Economics*, 44, no. 4-5 (2013): 435–447.

32. Oborin M. S., Pakhalov A. M., Sheresheva M. Y. Effektivnost' strategicheskogo planirovaniia razvitiia malykh gorodov na osnove setevogo mekhanizma koordinatsii [Efficiency of strategic planning of development

of small towns on the basis of network coordination mechanism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, no. 4 (2017): 100–117.

33. Dale B. An institutional approach to local restructuring: the case of four Norwegian mining towns. *European Urban and Regional Studies*, 9, no. 1 (2002): 5–20.

34. Castells M. Globalisation, networking, urbanisation: Reflections on the spatial dynamics of the information age. *Urban Studies*, 47, no. 13 (2010): 2737–2745.

35. Sheresheva M. Y., Kolkov M. Iu. Rol' muzeev v razvitii turizma s uchastiem malykh gorodov (na primere Vladimirskoi oblasti) [The role of museums in the development of tourism with the participation of small towns (on the example of the Vladimir region)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma = Modern problems of service and tourism*, 12, no. 1 (2018): 120–133.

36. *Gorokhovets. Vse o turizme i otdykhe* [Gorokhovets. All about tourism and recreation]. Available at: http://gorokhovets.ru/vse-novosti/item/739-gorokhovets-stavim-v-prioritet.html (accessed 01.02.2018).

37. Oborin M. S., Sheresheva M. Y., Ivanov N. A. Obosnovanie strategicheskikh orientirov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia malykh gorodov Rossii [The substantiation of strategic landmarks of social and economic development of small cities of Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: The Economy*, no. 3 (2017): 437–452.

38. Oborin M. S., Sysoev A. P., Sheresheva M. Y. Nekotorye podkhody k otsenke ekonomicheskogo potentsiala malykh gorodov Rossii [Some approaches to assessing the economic potential of small cities of Russia]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public administration. Electronic Herald*, no. 63 (2017): 297–319.

УДК 338.24.01

ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ МОНОГОРОДА

Татьяна В. Юрьева[1, @]

[1] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82*
[@] *yuryeva@ranepa.ru*

Поступила в редакцию 01.02.2018. Принята к печати 27.03.2018.

Ключевые слова: моногород, градообразующая организация, проекты развития, приоритетные проекты, проектное управление.

Аннотация: Показано, что проекты развития моногородов должны обеспечивать тесную взаимосвязь между целями стратегического развития, государственными расходами, конечными результатами, а также принципами и инструментами проектного подхода. Осуществлена классификация проектов развития моногородов. Обосновано, что проекты развития моногородов, ориентированные на инновационное развитие, часто реализуются в рамках антикризисной стратегии, ограниченности инвестиционных ресурсов, специалистов, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями в области проектного управления. Работники, исполняющие проекты развития моногородов, должны обладать элементами поведенческой (лидерство, творчество, этика и др.), контекстуальной (ориентация на проект, финансы, юридические аспекты проекта и др.) и технической компетентности (требования и цели проекта, заинтересованные стороны, риски и возможности и др.). Наличие такого рода компетенций, соответствующих международным стандартам в области проектного управления, позволит эффективно управлять проектами развития моногородов в условиях постоянных изменений, повышенного уровня рисков и недостаточного развития институтов.

Для цитирования: Юрьева Т. В. Проекты развития как инструмент диверсификации экономики города // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 2. С. 172–176. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-172-176.

Такие категории, как «градообразующая организация» и «моногород», появились в современном российском законодательстве в 90-е гг. XX в., в связи с чем возникла необходимость их более глубокого изучения. В середине 90-х гг. XX в. было принято «Положение о порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими», утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации [1]. В этом документе содержались признаки градообразующей организации: численность занятых в такой организации составляет не менее 30 % от общего числа проживающих в населенном пункте; на балансе имеются объекты социальной сферы, подразделения жилищно-коммунального хозяйства, социально-коммунальной сферы и инженерно-технической инфраструктуры, которые обслуживают не менее 30 % жителей города (посёлка). Отметим, что в данном документе в основном рассматривались различные аспекты приватизации указанного типа организаций, а не механизм их восстановления и развития, что в дальнейшем способствовало их устойчивому кризисному состоянию. В дальнейшем в статье 132 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (1998 г.) отмечается, что градообразующей считается организация, на которой трудится (включая членов семей работников) не менее половины количества жителей данного населенного пункта [2]. В современном федеральном законодательстве о несостоятельности указывается, что градообразующей организацией является юридическое лицо, на котором занято не менее 25 % общего количества работающего населения территориального образования. Действующее российское законодательство также включает в данную категорию юридические лица, в которых количество работников превышает 5 тысяч человек [3]. Отметим, что категория «градообразующая организация» характерна в основном для экономики России и стран СНГ, что связано с предыдущим периодом экономического развития этих стран.

Анализ приведенных выше определений градообразующей организации показывает, что главным критерием отнесения юридического лица к данной категории является количество занятых. Таким образом, устанавливается взаимосвязь между организацией и населенным пунктом, на территории которого оно осуществляет свою деятельность. Данные территориальные образования именуются моноориентированными, монопрофильными или просто «моногородами». При разработке стратегии диверсификации этого типа территорий необходимо учесть имеющуюся социально-экономическую взаимосвязь города и градообразующей организации. Кроме того, надо учитывать, что многие градообразующие организации могут находиться в кризисной ситуации, являться объектом несостоятельности или банкротства, что оказывает

негативное влияние на разработку стратегии диверсификации экономики города.

Первый этап формирования монопрофильных поселений связан с созданием суконных мануфактур и железоделательных заводов (Тула, Урал, Подмосковье) в период Петра Первого. В этот период не было свободных наемных работников, что привело к использованию крепостных крестьян. Второй этап создания монопрофильных поселений начался в результате развития легкой промышленности в центральной части России в конце XVIII – начале XIX вв. (Шуя, Павловский Посад, Орехово-Зуево и др.). Следующий этап образования моногородов относят к 30-м гг. XX в. и связывают с созданием крупных промышленных центров (Магнитогорск, Новокузнецк и др.). Многие моногорода появились на основе эвакуированных предприятий в военное время. В последующий период их становление происходило путем формирования закрытых административных образований, специализирующихся на военных и научных разработках (Арзамас-16, Снежинск, Дубна, Протвино, Зеленоград).

До недавнего времени различным аспектам градообразующих организаций и монопрофильных городов не уделялось существенного внимания, не проводилось глубоких научных исследований и статистических наблюдений. Все это способствовало возникновению негативных социально-экономических ситуаций в моногородах. Для разрешения кризисных ситуаций Президентом Российской Федерации 15 октября 2013 г. был подписан перечень поручений по различным аспектам государственного регулирования деятельности монопрофильных территорий [4]. В принятом 27 июля 2014 г. Постановлении Правительства Российской Федерации № 709 были определены количественные и качественные характеристики монопорофильных образований: численность поселения составляет более 3 тыс. человек; численность работников градообразующей организации составляет 20 % среднесписочной численности работников всех организаций, функционирующих на территории муниципального образования и др. [5].

В настоящее время разработан и утвержден паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (30 ноября 2016 г.), основной целью которой является снижение зависимости моногородов от деятельности градообразующих организаций. Отметим, что приоритетные проекты неразрывно связаны со стратегией развития социально-экономической системы в целом, их исполнение способствует достижению ее конкретных целей и задач. В соответствии с приоритетной программой «Комплексное развитие моногородов» ставится задача сформировать к концу 2018 г. 230 тыс. новых рабочих мест, не связанных с работой градообразующих организаций [6]. Кроме того, в целях развития моногородов предусматриваются меры, запланированные в рамках иных приоритетных проектов, включая такие сферы, как здравоохранение, образование, безопасные и качественные дороги, качественные услуги ЖКХ и создание комфортной городской среды, поддержка малого бизнеса.

В целях оказания поддержки развития моногородов, формирования условий, способствующих созданию новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих организаций, привлечения инвестиций, в том числе за счет внебюджетных источников, создана некоммерческая организация «Фонд развития моногородов».

В конце XX в. и особенно на рубеже XX и XXI вв. в связи со становлением инновационной экономики и необходимостью ускоренного развития актуальным стало формирование территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Подобные территории в настоящее время создаются в моногородах с целью повышения привлекательности для внешних инвесторов в условиях современной российской экономики.

Получение более достоверных данных, характеризующих социально-экономические процессы в моногородах, потребовало введения в Федеральный план статистических работ дополнительного подраздела, характеризующего развитие российских моногородов. Мониторинг социально-экономических процессов моногородов теперь ведется на основе данных по 15 показателям (численность населения; среднесписочная численность работников градообразующей организации; уровень регистрируемой безработицы; создание рабочих мест, не связанных с градообразующей организацией; оценка устойчивости деятельности градообразующей организации и др.).

В утвержденном перечне российских моногородов находится 319 муниципальных образований, которые можно подразделить на 3 группы: сложное социально-экономическое положение; наличие рисков ухудшения положения и стабильное социально-экономическое положение. В настоящее время 99 моногородов включены в категорию «сложная социально-экономическая ситуация».

Развитие моногородов означает трансформацию их социальных и экономических характеристик, образование новых признаков и структурных подразделений. При этом любое развитие социально-экономической системы происходит через такие процессы, как рост, расширение, улучшение, совершенствование, которые сопровождаются определенными количественными и качественными изменениями, охватывающими различные сферы жизнедеятельности человека.

Концепция развития субъекта экономики должна быть тесно связана со стратегической целью, а также комплексом задач, необходимых для ее достижения. В связи с этим большое значение имеют правильная постановка целей и задач, выбор инструментов и технологий, необходимых для их реализации. Если цели выбраны правильно и получены ожидаемые результаты, то можно сделать вывод, что объект управления имеет прогрессивную тенденцию развития. Например, на уровне моногорода прогрессивные модификации можно оценивать посредством изменения совокупности таких показателей, как количество новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующей организации, оценка устойчивости деятельности градообразующей организации, средне-

списочная численность работников градообразующей организации, оценка населением социально-экономической ситуации в муниципальном образовании, привлечение инвестиций в основной капитал, в том числе внебюджетных и др.

В управлении развитием моногородом можно выделить следующие основные этапы: формирование миссии; определение целей и задач; разработка стратегии; планирование развития. Управление развитием осуществляется исходя из имеющихся целей и задач, а также с учетом постоянно изменяющихся условий внешней и внутренней среды.

Управление развитием наиболее эффективно осуществляется на основе проектного подхода. Инструменты и технологии проектного управления позволяют достигать запланированных результатов в условиях ограниченных ресурсов [7]. Программы развития моногородов предусматривают реализацию мер по диверсификации экономики, улучшению городской среды, развитию человеческого капитала и др. Сложность разработки и реализации программ развития моногородов заключается в том, что во многих случаях проекты и программы должны осуществляться в рамках антикризисной стратегии. Значит необходимо одновременно управлять процессами восстановления, функционирования и инновационного развития моногородов, требующих привлечения весомых инвестиций.

Существует множество видов проектов и программ развития. Что касается моногородов, то можно выделить следующие виды программ развития:

− программа развития моногорода в целом;

− программа развития отдельных сегментов моногорода (градообразующая организация, сектора «новой экономики», трудоспособное население, нуждающееся в переквалификации и трудоустройстве и т. д.);

− программы развития с прямой отдачей (строительство, выход на новый рынок);

− программы развития с непрямой отдачей (маркетинговые, PR-кампании);

− программы организационного развития и др.

Программы развития моногородов должны обеспечивать тесную взаимосвязь между целями стратегического развития, государственными расходами, получаемыми результатами, а также принципами и инструментами проектного подхода. Программы развития реализуются посредством конкретных проектов, которые находятся между собой во взаимосвязи. В целях эффективного управления программами развития моногорода целесообразно предусмотреть систему управления ими, включающую проектный офис.

Дальнейшее совершенствование механизма управления программами развития должно быть, прежде всего, ориентировано на более тесную увязку со стратегией развития моногорода, обоснованность выбора приоритетов, усиление взаимодействия с бюджетными процессами, повышение роли проектных инструментов на основе цифровой экономики. Особую значимость имеет формулировка цели программ развития, конечного результата, понятных критериев его достижения. Все это позволит отчетливо оценить вклад конкретного проекта в достижение или недостижение целей программы развития, повысить эффективность бюджетных расходов. Специальное внимание должно быть уделено управлению изменениями в процессе реализации программ развития, развитию механизмов обратной связи, определяющих, как результаты мониторинга и контроля используются при корректировке параметров программы [8].

По данным комплексного мониторинга социально-экономического положения монопрофильных муниципальных образований на 01 июля 2017 г. в моногородах, имеющих поддержку за счёт средств Фонда развития моногородов, создано 2926 рабочих мест, объём привлечённых внебюджетных инвестиций оценивается в 23,3 млрд руб. В моногородах численность занятого населения составляет 5,9 млн человек, из которых 916 тыс. человек (15,4 %) заняты на градообразующих предприятиях, 1,5 млн человек (25,8%) – в сфере малого и среднего бизнеса (включая индивидуальных предпринимателей). Почти в половине моногородов уровень регистрируемой безработицы превышает среднероссийский показатель – 1,1 % численности экономически активного населения, в том числе в 70 моногородах – в 2 и более раза. В целом количество официально зарегистрированных безработных в моногородах достигает 93,1 тысячи человек.

По данным на 01 июля 2017 г. «Фонд развития моногородов» заключил 58 генеральных соглашений о сотрудничестве по развитию 65 моногородов. Кроме того, заключено 20 соглашений, предусматривающих софинансирование создания объектов инфраструктуры в моногородах, предусматривающих принятие финансовых обязательств в размере 8,98 млрд рублей. «Фондом развития моногородов» приняты обязательства в соответствии с заключёнными соглашениями об участии в финансировании в форме займа новых инвестиционных проектов в объёме 2,1 млрд рублей. В 17 моногородах созданы и функционируют ТОСЭР, в которых зарегистрированы 35 резидентов, проектами которых предполагается создание к 2026 г. более 7900 рабочих мест и привлечение 29,4 млрд руб. инвестиций [9].

Эффективное управление программами развития невозможно без наличия специалистов, обладающих современными компетенциями в области управления проектами, а также соответствующей системы их мотивации на конечный результат. С учетом требований Международной ассоциации управления проектами (International Project Management Association, IPMA) специалисты в области управления проектами должны обладать элементами поведенческой (лидерство, творчество, этика и др.), контекстуальной (ориентация на проект, финансы, юридические аспекты проекта и др.) и технической компетентности (требования и цели проекта, заинтересованные стороны, риски и возможности и др.) [10]. Наличие такого рода компетенций позволяет эффективно управлять проектами и программами в условиях постоянных изменений. Особое значение наличие компетенций имеет при управлении проектами и программами развития моногородов в условиях повышенного риска.

Литература

1. О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими (прекратило действие). Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 1994 года № 1001 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. Режим доступа: http://base.garant.ru/102149/ (дата обращения: 29.01.2018).
2. О несостоятельности (банкротстве). Федеральный закон от 08 января 1998 года № 6-ФЗ (утратил силу) // Гарант: информационно-правовое обеспечение. Режим доступа: http://base.garant.ru/12107720/ (дата обращения: 29.01.2018).
3. О несостоятельности (банкротстве). Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127 –ФЗ // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей человека по Мурманской области. Режим доступа: http://51.rospotrebnadzor.ru/267/-/asset_publisher/l9Gk/content/федеральныи-закон-№127-от-26-октября-2002-года-о-несостоятельности-банкротстве (дата обращения: 29.01.2018).
4. Перечень поручений по вопросам государственной поддержки монопрофильных населённых пунктов Российской Федерации от 13 октября 2013 года // Президент России. 15.10.2013. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/19436 (дата обращения: 29.01.2018).
5. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июля 2014 года № 709 // Правительство России. 29.07.2014. Режим доступа: http://government.ru/docs/14049/(дата обращения: 30.01.2018).
6. Паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов». Утверждена президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 ноября 2016 г. № 11). Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/hZyhI428KMh69292CtUNqfVPFZF1cTAo.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
7. Юрьева Т. В. Проектное управление и финансирование // Вопросы экономики и права. 2017. № 6. С. 38–41.
8. О текущей социально-экономической ситуации в моногородах // Правительство России. 17.09.2017, 15:00. Режим доступа: http://government.ru/orders/selection/405/29731 (дата обращения: 29.01.2018).
9. Переверзева В. В., Юрьева Т. В. Проекты развития в системе стратегического управления // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 4. С. 42–52.
10. The IPMA Individual Competence Baseline 4th Version (ICB4) // International Project Management Association. Режим доступа: http://www.ipma.world/resources/ipma-publications/icb4/ (accessed 24.01.2018).

DEVELOPMENT PROJECTS AS A TOOL FOR DIVERSIFYING THE ECONOMY OF A MONOTOWN

Tatiana V. Yurieva[1, @]

[1] *Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571*
[@] *yuryeva@ranepa.ru*

Received 01.02.2018. Accepted 27.03.2018.

Keywords: monotown, city-forming organization, development projects, priority projects, project management.

Abstract: The current study shows that the development projects for single-industry towns should provide a close relationship between the goals of strategic development, public expenditure, final results, as well as the principles and tools of the project approach. The paper introduces a classification of development projects for monotowns. Such projects, if oriented to innovative development, are often implemented within the framework of an anti-crisis strategy, limited investment resources, and a lack of qualified specialists in the field of project management. Effective project management, especially development projects, requires skilled personnel with modern competences in project management. Personal competences of the stuff should comprise behavioral (leadership, ethics, etc.), contextual (project orientation, finances, etc.) and technological abilities (requirements and targets of the project, concerned parties, risks, etc.). Such competencies, consistent with international standards in the field of project management, will effectively manage by the development projects for monotowns in the conditions of constant changes, an increased level of risks and insufficient development of institutions.

For citation: Yurieva T. V. Proekty razvitiia kak instrument diversifikatsii ekonomiki goroda [Development Projects as a Tool for Diversifying the Economy of a Monotown]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 2 (2018): 172–176. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-172-176.

References

1. *O poriadke otneseniia predpriiatii k gradoobrazuiushchim i osobennostiakh prodazhi predpriiatii-dolzhnikov, iavliaiushchikhsia gradoobrazuiushchimi (prekratilo deistvie)* [On the procedure for classifying enterprises as city-forming and the peculiarities of selling debtor city-forming enterprises ("ceased to operate")]. Decree of the Government of the Russian Federation of August 29, 1994 No. 1001. Available at: http://ivo.garant.ru/#/document/102149/paragraph/53:3 (accessed 29.01.2018).

2. *O nesostoiatel'nosti (bankrotstve)* [On insolvency (bankruptcy)]. Federal Law of January 08, 1998 (has become invalid) No. 6-FZ. Available at: http://base.garant.ru/12107720/ (accessed 29.01.2018).

3. *O nesostoiatel'nosti (bankrotstve)* [On insolvency (bankruptcy)]. Federal law of October 26, 2002 No. 127-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331// (accessed 29.01.2018).

4. *Perechen' poruchenii po voprosam gosudarstvennoi podderzhki monoprofil'nykh naselennykh punktov Rossiiskoi Federatsii ot 13 oktiabria 2013 goda* [The list of instructions concerning the state support of monoprofile settlements of the Russian Federation of October 13, 2013]. 15.10.2013. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/19436 (accessed 29.01.2018).

5. *O kriteriiakh otneseniia munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii k monoprofil'nym (mono-gorodam) i kategoriiakh monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovanii Rossiiskoi Federatsii (monogorodov) v zavisimosti ot riskov ukhudsheniia ikh sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia* [On the criteria for classifying municipal entities of the Russian Federation as mono-profile (monotowns) and categories of mono-profile municipal entities of the Russian Federation (monotowns), depending on the risks of deterioration of their socio- economic situation]. Decree of the Government of the Russian Federation of July 27, 2014 No. 709. Available at: http://government.ru/docs/14049 (accessed 29.01.2018).

6. *Pasport prioritetnoi programmy «Kompleksnoe razvitie monogorodov»* [The passport of the priority program «Integrated development of monotowns]. Approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects (protocol of November 30, 2016 No. 11). Available at: http://static.government.ru/media/files/hZyhI428KMh69292CtUNqfVPFZF1cTAo.pdf (accessed 01.02.2018).

7. Yurieva T. V. Proektnoe upravlenie i finansirovanie [Project management and financing]. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, no. 6 (2017): 38–41.

8. *O tekushchei sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii v monogorodakh* [On the current socio-economic situation in monotowns]. 17.09.2017, 15:00. Available at: http://government.ru/orders/selection/405/29731 (accessed 29.01.2018).

9. Pereverzeva V. V., Yurieva T. V. Proekty razvitiia v sisteme strategicheskogo upravleniia [Projects of development in the system of strategic management]. *Etap: ekonomicheskaia teoriia, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, no. 4 (2017): 42–52.

10. *The IPMA Individual Competence Baseline 4th Version (ICB4)*. International Project Management Association. Available at: http://www.ipma.world/resources/ipma-publications/icb4/ (accessed 24.01.2018).

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Невзоров Борис Павлович,
ответственный редактор;
Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: 8 (384-2) 58-13-01
Факс: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Boris P. Nevzorov,
Executive Editor;
Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8(3842) 58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска:
Долгих В. П., Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 30.03.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 16.04.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 22,1. Уч.-изд. л. – 15,7.
Тираж 500 экз. Заказ № __
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.
Адрес типографии: 650000, г. Кемерово, ул. Мичурина, 13А.